

Правительство Забайкальского края
Министерство международного сотрудничества
и внешнеэкономических связей Забайкальского края
Забайкальское отделение ВПП «Единая Россия»
Забайкальский государственный университет
Читинский институт Байкальского государственного университета
Кыргызско-Российский Славянский университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Байкальское региональное отделение Академии военных наук
Забайкальское региональное отделение Российского общества политологов
Отделение Российского исторического общества в г. Чита
Центр научных исследований российско-китайских отношений
Забайкальское общество любителей истории

ПРИГРАНИЧНЫЙ РЕГИОН В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ: ПАРТНЁРСТВО И СОТРУДНИЧЕСТВО

Международная научная конференция

посвящается 100-летию Революции 1917 года,
80-летию со дня образования Читинской области,
50-летию атомной промышленности в Забайкалье

22 сентября 2017 г.

г. Чита

Часть 2

Чита
Забайкальский государственный университет
2017

УДК 94(082)
ББК 63.3(2)я43
ББК ТЗ(2)я43
П 755

Рекомендовано к изданию организационным комитетом
научно-практического мероприятия
Забайкальского государственного университета

Рецензенты

Э. Д. Дагбаев, д-р социол. наук, профессор,
профессор кафедры политологии и социологии,
Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ
Е. Ю. Захарова, д-р филос. наук, доцент, заведующая кафедрой философии,
Забайкальский государственный университет, г. Чита

Редакционная коллегия

Е. В. Дроботушенко (гл. редактор), *А. Е. Горковенко*, *А. В. Дроботушенко*, *Н. Г. Дятчина*,
Д. А. Крылов, *Ю. Н. Ланцова*, *М. В. Пряженникова*, *И. А. Романов*, *О. А. Яремчук*

П 755

**Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство
и сотрудничество** : материалы междунар. науч. конф. : [в 3 ч.] / Забайкал.
гос. ун-т ; [гл. ред. Е. В. Дроботушенко]. – Чита : ЗабГУ, 2017.
ISBN 978-5-9293-1941-9

Ч. 2. – Чита, 2017. – 241 с.
ISBN 978-5-9293-1943-3

Конференция проводится в рамках программы ежегодных научных мероприятий по теме «Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии». В сборнике представлены материалы докладов и выступлений участников международной научной конференции, посвящённой 100-летию Революции 1917 года, 80-летию со дня образования Читинской области, 50-летию атомной промышленности в Забайкалье. В материалах отражены различные аспекты развития России, государств ближнего и дальнего зарубежья. Отдельное значительное внимание уделено истории и проблемам современного развития Забайкалья, а также приграничных территорий соседних государств, Китайской Народной Республики и Монголии.

Материалы сборника будут интересны как учёным, преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям средних общеобразовательных школ, так и широкому кругу читателей, интересующихся проблемами предметного поля конференции.

УДК 94(082)
ББК 63.3(2)я43
ББК ТЗ(2)я43

ISBN 978-5-9293-1943-3 (Ч. 2)
ISBN 978-5-9293-1941-9

© Забайкальский государственный университет, 2017

Government of Zabaikalsky Krai
Ministry of International Cooperation
and Foreign Economic Relations of Zabaikalsky Krai
Transbaikal regional branch of VPP "United Russia"
Transbaikal State University
Chita Institute of Baikal National University
Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin
Baikal Regional Branch of Academy of Military Science
Zabaikalsky Regional Branch of Russian Political Scientists Society
Regional Branch of Russian Historical Society
Russia-China Relations Scientific Research Center
Zabaikalsky Historical Society

HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE BORDER REGION: PARTNERSHIP AND COOPERATION

International scientific conference

conference is dedicated to the
100th anniversary of the Revolution of 1917,
80th anniversary of Chitinskaya Oblast's founding,
50th anniversary of the nuclear industry in Zabaikalye

22 September 2017

Chita

Part 2

Chita
Transbaikal State University
2017

УДК 94(082)
ББК 63.3(2)я43
ББК Т3(2)я43
П 755

Recommended for Publication by the Organizing Committee
of the Scientific and Practical Event of Transbaikal State University

Reviewers

E. D. Dagbaev, Dr. of Social Sciences, Professor, Professor of the Chair of Political science
and Sociology of Buryat State University

E. Yu. Zakharova, Dr. of Philosophy Sciences, Docent, Head of the Chair of Philosophy
of Zabaykalsky State University

Editorial board

*E. V. Drobotushenko (chief-in-editor), A. E. Gorkovenko, A. V. Drobotushenko, N. G. Diatchina,
D. A. Krilov, Yu. N. Lantsova, M. V. Pryazhennikova, I. A. Romanov, O. A. Yaremchuk*

П 755

**Historical Development of the Border Region: Partnership and
Cooperation:** proceedings of the international scientific conference : [3 p.] /
Transbaikal State University ; [Chief-in-Editor E. V. Drobotushenko]. – Chita :
Transbaikal State University, 2017.

ISBN 978-5-9293-1941-9

P. 2. – Chita, 2017. – 241 p.

ISBN 978-5-9293-1943-3

The Conference is a part of the annual scientific conferences on Cross-border cooperation: history and modernity. The collection of articles comprises reports and speeches of the participants of International Scientific Conference dedicated to the 100th anniversary of the Revolution of 1917, 80th anniversary of Chitinskaya Oblast's founding and 50th anniversary of the nuclear industry in Zabaikalsky Krai. Proceedings contain different development aspects of Russia, CIS and other countries. Special attention is given to the historical and modern development issues of Zabaikalsky Krai, cross-border areas of the neighboring countries, People's Republic of China and Mongolia.

The proceedings could be interesting not only for scientists, academics, and teachers but also for a wide range of readers who are interested in the topics of the Conference.

УДК 94(082)
ББК 63.3(2)я43
ББК Т3(2)я43

ISBN 978-5-9293-1943-3 (P. 2)
ISBN 978-5-9293-1941-9

© Transbaikal State University, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. Забайкалье в исторической ретроспективе

Кузнецов В. В., Яремчук О. А. Игорь Иванович Кириллов – учёный и педагог (к 80-летию со дня рождения)	9
Ковычев Е. В., Крадин Н. Н., Харинский А. В. Древние монголы в Приаргунье: к истокам монгольской идентичности	12
Шульга Д. П., Шульга А. А. Материалы Забайкалья в контексте изучения китайских памятников археологии раннего железного века (на примере культуры Шацзин)	16
Константинов А. В., Оленченко В. В., Шеин А. Н. Археогеофизические исследования на территории Успенской церкви в селе Калинино (Забайкальский край)	20
Ушницкий В. В. Меркиты Забайкалья: вопросы этнической и политической истории	24
Цыбенков Б. Д. Вопросы истории даурского народа в XVII веке	28
Пузанов В. Д. Род Толбузиных – воевод Забайкалья в XVII веке	31
Головин Ю. А. Пограничная политика России в Забайкалье в XVII–XVIII веках	35
Карчанова Л. М. «...Он победил и время, и пространство»: к памятной дате – 180 лет со дня гибели великого русского поэта А. С. Пушкина	38
Мясников А. В. Маркшейдер Иоган Конрад Ион	44
Боронова М. М. Транспорт в историческом развитии региона (по материалам «Бурятия в дореволюционный период»)	48
Григорьева Т. С. История создания Читинской мужской гимназии (по материалам Государственного архива Забайкальского края)	51
Григорьева Е. С. Повседневная жизнь воспитанниц Иркутского девичьего института (по воспоминаниям Анны Бек)	55
Кальмина Л. В. Верхнеудинск – организатор забайкальского торгового пространства (XIX – начало XX века)	58
Чапыгин И. В. Чай забайкальских казаков	62
Евтехов Р. А. Обсуждение проекта упразднения Троицкосавского городского полицейского управления и его переноса в Верхнеудинск в начале XX века	65
Константинова Н. Н. Казаки-потомки горнозаводских крестьян – участники Русско-японской войны	69
Дацышен В. Г. Проблемы японской интервенции в Забайкалье	75
Паришков В. А., Тимофеев А. Н. Казаки с Енисея в Читинском атамана Семёнова военном училище. Материалы для биографического словаря	80
Баринев А. О. Роль партии социалистов-революционеров и её лидера М. А. Спиридоновой в первых кризисах власти и переворотах в революционном Забайкалье весной 1917 года	84
Гордеев Н. В. Участие китайских воинов-интернационалистов в революционном движении в Забайкалье (1917–1920-е годы)	88
Ледкова Л. П. Развитие сельскохозяйственного образования Забайкалья в 1917–1922 годах	95
Мясникова Г. В. К истории отношений властей Нерчинско-Заводского уезда с белой эмиграцией в годы ДВР	98
Плеханова А. М. Роль Верхнеудинска в торговом пространстве приграничья (1920-е годы)	103
Дроботушенко Е. В. Спорные аспекты истории русской православной церкви в Забайкалье в 1920-е годы	106
Палхаева Е. Н., Жукова Н. Е. Общественные организации Бурятии в 1920-е годы: источниковедческий аспект	110
Ланцова Ю. Н. Культурно-просветительская деятельность среди восточных рабочих в Забайкалье (1920-е – начало 1930-х годов)	114
Дамдинболотов Ц. С. Эмиграция агинских бурят	117
Соловьев А. В. Забайкальские органы безопасности – к 100-летию образования забайкальской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем	121
Дроботушенко Е. В., Шемелин А. В. Спасо-Преображенская церковь села Курунзулай – малоизвестный памятник православной архитектуры Забайкалья	125
Пряженникова М. В. Из истории создания Нерчинского свинцово-цинкового рудоуправления	131

Филимонов А. В. Политика государства в контексте возрождения забайкальского казачества на рубеже XX и XXI веков	135
Авдеев П. Б., Никитина Л. Г., Медведев В. В. Подготовка специалистов для урановой горнодобывающей промышленности в Забайкальском государственном университете	140
Филонич А. И. 50 лет истории ведущей строительной компании Забайкалья АО «Региональное управление строительства»	142

РАЗДЕЛ 2. Филологические проблемы трансграничья: литературоведческий, лингвистический и методический аспекты (филологическое и лингвистическое направления)

Шульженко В. И. Литература как феномен культуры пограничья	146
Калинин С. С. Понятие границы в языковом сознании древних индоевропейцев: лингвосемиотический анализ (на материале древнегерманской и древнеирландской мифологии)	150
Дашидоржиева Б. В. Лакунарность в межкультурной коммуникации	153
Романов И. А. Транзит в современном художественном сознании	156
Дэцидэма. Функции старомонгольской письменности в коммуникационных процессах Центральной Азии	160
Цыбенев Б. Д., Энхбадрах Санждорж. Тунгусо-маньчжурский пласт в даурском языке	163
Оглезнева Е. А. Современный русско-китайский пиджин: к вопросу о его территориальном варьировании и эволюции	166
Гордеева С. В., Пустовалов О. В. «Русские» деревни Китая: к вопросу о русско-китайском языковом взаимодействии на приграничных территориях	170
Красовский А. В. Культурно-обусловленные лексические средства выражения категории вежливости в русской и китайской лингвокультурах	174
Петухов С. В. Русская литература в Китае: границы влияния, восприятия, интерпретации	178
Мерзлякова И. С. Специфика языковой ситуации Забайкалья и языковые заимствования	182
Косицына И. К. Журнал «Рубеж» как лингвистический источник	185
Сергеева В. А. Изучение организации живого текста в исследованиях Г. Д. Ахметовой	192
Биктимирова Ю. В. Лингвистическая содержательность переводных документов (по памятникам письменности Восточного Забайкалья XVII–XVIII веков)	194
Игнатович Т. Ю. Мировосприятие забайкальцев в образах русской народно-разговорной речи	199
Баранова О. Ю. Русско-бурятская литература Забайкалья как явление пограничья	205
Пляскина Е. И. Метафорическая лексика со значением лица в романе К. Ф. Седых «Даурия»	209
Камедина Л. В. Русский исход в творчестве забайкальских писателей (Ю. Курц, М. Вишняков, О. Димов)	213
Логинев А. В. Инвариантное и вариативное в семантике интеррогативного высказывания	217
Тимиргазиева А. И. Организация исследовательской работы в области иностранного языка в вузах технического профиля (на материалах Башкирской АССР)	221
Новикова А. Ю. Ценностные доминанты в восприятии художественного текста иностранными студентами на интегрированных занятиях	225
Пляскина Е. И., Шмелёва Н. М. Этикетный жанр извинения в речи преподавателей и студентов	228
Биктимирова Ю. В., Антонова М. А. Кириллические надписи на камнях: проблемы расшифровки и изучения	231
Сведения об авторах	235

CONTENTS

SECTION 1. Historical Retrospective of Zabaikalye

Kuznetsov V. V., Yaremchuk O. A. Igor Ivanovich Kirillov – Scientist and Teacher (to the 80 Anniversary from the Birthday)	9
Kovychev E. V., Kradin N. N., Kharinskii A. V. The Ancient Mongols in Priargynie: Source of the Mongolian Identity	12
Shulga D. P., Shulga A. A. Transbaikalia Materials in the Context of Chinese Sites of Early Iron Age Archeology Study (on the Example of Shajing Culture)	16
Konstantinov A. V., Olenchenko V. V., Shein A. N. Archeogeophysical Research of the Territory Near the Church of the Dormition in Kalinino Village (Transbaikal Region)	20
Ushnitsky V. V. Merkit Transbaikalia: Ethnic and Political History	24
Tsybenov B. D. Questions of History of the Daur Peoples in the XVII Century	28
Puzanov V. D. Family Tolbuzin – Governor Transbaikalia in XVII Century	31
Golovin Yu. A. The Border Policy of Russia in Zabaikalia in XVII–XVIII Centuries	35
Karchanova L. M. “...He Won and Time and Space”: a Memorable Date Is 180 Years Since the Death of the Great Russian Poet A. S. Pushkin	38
Myasnikov A. V. Markscheider Johan Konrad Jon	44
Boronova M. M. Transport in Historical Development of Region (Based on the Materials of Buryatia in Pre-Revolutionary Period)	48
Grigorieva T. S. History of Creation of the Chita Men’s Gymnasium (on Materials of the State Archive of Zabaykalsky Krai)	51
Grigorieva E. S. The Everyday Life of Students of the Irkutsk Maiden of the Institute (According to the Memories of Anna Beck)	55
Kalmina L. V. Verkhneudinsk as Transbaikal Region Trade Area Organizer (XIX – Beginning XX Century)	58
Chapygin I. V. Tea Transbaikalian Cossacks	62
Evtehov R. A. Discussion Draft Troitskosavsk Abolition of the City Police Department and its Transfer into Verkhneudinsk in the Beginning XX Century	65
Konstantinova N. N. Cossacks, Descendants of Gornozavodsk Peasants – Participants of the Russo-Japanese War	69
Datsyshen V. G. Problems of Japanese Intervention in Transbaikalia	75
Parshukov V. A., Timofeev A. N. The Yenisey Cossacks in the Ataman Semeyonov Military School of Chita City. Materials for a Biographical Factbook	80
Barinov A. O. The Role of The Party of Socialists-Revolutionaries and its Leader M. A. Spiridonova in The First Crises of the Government and the Revolutionary Upheavals in Transbaikalia in the Spring of 1917	84
Gordeev N. V. Participation of Chinese Soldiers-Internationalists in the Revolutionary Movement in Transbaikalia (1917–1920)	89
Ledkova L. P. Development of Agricultural Education in Transbaikal Region in 1917–1922	95
Myasnikova G. V. The History of Relations Between the Authorities of Nerchinsky Zavod District and White Emigration in the Years of the Far Eastern Republic	98
Plekhanova A. M. The Role Of Verkhneudinsk in the Transboundary Trading Space (1920s)	103
Drobotushenko E. V. Controversial Aspects of the History of the Russian Orthodox Church in Zabaikalye in 1920-s	106
Palshaeva E. N., Zhukova N. E. Public Organizations of Buryatia in the 1920s: source Study Aspect	110
Lantsova Y. N. Cultural-Educational Activity among the Workers in Eastern Zabaikalya (1920 – early 1930)	114
Damdinbolotov T. S. Emigration of the Agin Buryats	117
Solov’ev A. V. Security Agencies of Zabaykalie – to the 100-Year-Old Anniversary of the Zabaykalie Emergency Commission for Combating Couper-Revolution and Sabotage	121
Drobotushenko E. V., Shemelin A. V. Spaso-Preobrazhenskaya Church of village Kurunzulay – a Little Known Monument of the Orthodox Architecture of Zabaikalie	125
Pryazhennikova M. V. From the History of Nerchinsk Lead-Zinc Mining	131

Filimonov A. V. Politics of the State in the Context of the Revival of Transbaikal Cossacks at the Abroad of the XX and XXI Centuries	135
Avdeyev P. B., Nikitina L. G., Medvedev V. V. Training of Specialists for the Uranium Mining Industry in the Transbaikal State University	140
Filonich A. I. 50 Years of History Leading Construction Company Zabaikalye JSC “Regional Construction Management”	142

SECTION 2. Philological Issues of the Border Region: Literary, Linguistic, Methodological Aspects (Philological and Linguistic Areas)

Shulzhenko V. I. Literature as a Cultural Phenomenon of the Borderland	146
Kalinin S. S. The Border Concept in the Linguistic Consciousness of the Ancient Indo-Europeans: the Linguistic and Semiotic Analysis (on the Bases of the Old Germanic and Old Ireland Mythologies)	150
Dashidorzhieva B. V. Lacunarity in Intercultural Communication	153
Romanov I. A. Transit to Modern the Artistic Consciousness	156
Dejidema. Functions of the Old Mongolian Writing in Communication Processes of Central Asia	160
Tsybenov B. D., Enkhbadrakh Sanzhdorzh. Tungusic Words in the Daur Language	163
Oglezneva E. A. The Contemporary Russian-Chinese Pidgin: Territorial Variation and Evolution	166
Gordeeva S. V., Pustovalov O. V. “Russian” Villages of China: on the Issue of Russian-Chinese Linguistic Interaction in Frontier Areas	170
Krasovskiy A. V. Culturally Based Lexical Methods of Expressing the Category of Politeness in Chinese and Russian Linguistic Cultures	174
Petukhov S. V. Russian Literature in China: Borders of Influence, Perception, Interpretation	178
Merzlyakova I. S. The Specific Features of the Linguistic Situation of the Transbaikal Region and Loanwords	182
Kositsyna I. K. The Journal “Rubezh” as a Linguistic Source	185
Sergeeva V. A. Study of the Organization of Living Text in the Studies G. D. Ahmetovoy	192
Biktimirova Y. V. The Linguistic Pithiness of the Translated Documents (on the Monuments to Writing of the East Transbaikalia – the XVII–XVIII Centuries)	194
Ignatovich T. Yu. Attitude of Residents of Transbaikal in Images of the Russian National Informal Conversation	199
Baranova O. Yu. Russian-Buryat Literatura of Transbaikalia as Border Zone Phenomenon	205
Pljaskina E. I. Metaphorical Vocabulary-Meaning Person in the Novel K. F. Sedykh “Dauria”	209
Kamedina L. V. Russian Exodus in the Works of Transbaikal Writers (Yu. Kurts, M. Vishnyakov, O. Dimov)	213
Loginov A. V. Invariant and Variant in Semantics Interrogative Statement	217
Timirgazieva A. I. Organization of Research Work in The Field Of Foreign Language in the Higher Schools of Technical Profile (on the Materials of the Bashkir Assr)	221
Novikova A. Yu. Valuable Dominants in the Perception of Artistic Text by Foreign Students on Integrated Sessions	225
Plyaskina E. I., Shmeleva N. M. Etiquette Genre of Apology in the Speech of Teachers and Students	228
Biktimirova Y. V., Antonova M. A. The Cyrillic Inscriptions on the Stones: the Problems of Interpretation and Studying	231
Information about the authors	235

РАЗДЕЛ 1. Забайкалье в исторической ретроспективе

SECTION 1. Historical Retrospective of Zabaikalye

УДК 37.01
ББК 440

Виктор Владимирович Кузнецов,
Ольга Анатольевна Яремчук,
*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Игорь Иванович Кириллов – учёный и педагог (к 80-летию со дня рождения)

Статья посвящена 80-летию со дня рождения Игоря Ивановича Кириллова – известного учёного, педагога, основателя забайкальской археологической школы. В ней рассматривается научная и педагогическая деятельность И. И. Кириллова, анализируется специфика его археологических исследований, отмечается, что его жизненный путь неразрывно связан с историческим факультетом Читинского государственного педагогического института (позднее – Забайкальского государственного педагогического университета).

Ключевые слова: Игорь Иванович Кириллов, Забайкалье, Читинский государственный педагогический институт (Забайкальский государственный педагогический университет), научная и педагогическая деятельность, археология

Victor V. Kuznetsov,
Olga A. Yaremchuk,
*Transbaikal State University,
Chita, Russia*

Igor Ivanovich Kirillov – Scientist and Teacher (to the 80 Anniversary from the Birthday)

The article is devoted to the 80th birthday of Igor Ivanovich Kirillov – a famous scientist, educator, founder of the Transbaikal archaeological school. It examines the scientific and pedagogical activity of I. I. Kirillov, the specificity of his archaeological research, he notes that his way of life is inextricably linked with the historical faculty of the Chita state pedagogical Institute (and later in Zabaykalsky state pedagogical University).

Keywords: Igor Ivanovich Kirillov, Transbaikalia, Chita state pedagogical Institute (Zabaykalsky state pedagogical University), research and teaching activities, archeology

В 2018 г. историки и археологи Забайкалья будут отмечать знаменательную дату – 80 лет со дня создания исторического факультета первого в Читинской области высшего учеб-

ного заведения. Именно в августе 1938 г. согласно постановлению СНК РФ в г. Чита и был образован Читинский государственный педагогический институт, включавший в себя,

помимо истфака, факультеты филологии, физики и математики. С тех пор исторический факультет стал не только первой ступенькой для нескольких поколений учителей истории, обществоведения и права городских и сельских школ, училищ, техникумов и вузов, но и «кузницей кадров» для органов государственной власти, политических партий и силовых структур как региона, так и всей России.

С первых лет существования на факультете сложился дружный коллектив высококвалифицированных педагогов и замечательных учёных, самоотверженно трудившихся на ниве подготовки молодых историков. Об одном из них, талантливейшем учёном, прекрасном организаторе и потомственном педагоге, всю свою жизнь посвятившем любимому делу и родному факультету – Игорю Ивановиче Кириллове – и пойдёт речь в данной статье.

Как и у многих наших соотечественников, родившихся накануне и в тяжёлые годы Великой Отечественной войны, которых ныне принято называть «дети войны», детство юного Игоря Кириллова было сопряжено с массой трудностей и невзгод. Рано потеряв отца, который пропал без вести в первые месяцы войны, он в голодные военные и первые послевоенные годы, уже подростком, активно помогал старшим, работая на руднике, а после окончания школы пошёл слесарем на Черновские копи [1, с. 7–8]. Именно в те годы он, как и многие другие представители послевоенного молодого поколения, и впитал в себя трудолюбие и уважение к труду, целеустремлённость и настойчивость в достижении поставленной цели, что впоследствии и выразилось в его неустанной деятельности в период полевых практик и экспедиций и активном научном поиске. Навыки слесарных и ремонтных работ в будущем, безусловно, пригодились Игорю Ивановичу, однако, отслужив в армии, он всё же выбирает для себя иное будущее, решая продолжить педагогическую династию. Именно интерес к истории прошлого, стремление к открытию нового, неизведанного, способствующего получить ответы на многие неясные до сих пор вопросы, педагогическая и научная работа под руководством прекрасных наставников в лице М. И. Рижского, Я. И. Дразниаса и, особенно, академика А. П. Окладникова и превратили упорного студента – исследователя Игоря Кириллова – в авторитетного знатока истории и археологии Забайкалья, профессора с мировым именем.

Мы, нынешнее поколение преподавателей истфака, как и все наши однокурсники – выпускники факультета последней трети XX в. и первых лет нового столетия, по праву гордимся, что можем назвать себя учениками профессора И. И. Кириллова. Никогда не забыть его интересные, логично и доходчиво построенные лекции, его негромкую, но очень грамотную и понятную каждому студенту речь. Сокурсники поражались его глубиной памяти и умению продолжить когда-либо прерванный разговор. Порой звонок на перемену прерывал на полуслове его повествование, однако, зайдя в аудиторию после перемены, Игорь Иванович продолжал читать лекцию именно с того момента, на котором его прервали. Он умел чувствовать аудиторию, легко пробудить её интерес к определённой теме и более подробно остановиться на отдельных аспектах затронутой проблемы. Глубокое знание материала, умение чётко и аргументированно довести его до каждого студента – вот что отличало профессора Кириллова и чему мы все с первых лекций старались учиться у него.

Для выпускников исторического факультета Игорь Иванович Кириллов, непременно, ассоциируется с археологией, летними полевыми практиками и деятельностью Верхнеамурской археологической экспедиции (ранее – Читинского археологического отряда). Посчастливилось однажды услышать от Игоря Ивановича, что археология не сразу стала предметом его научных интересов, только судьбоносное знакомство с такими неординарными личностями, выдающимися учёными-археологами, как А. П. Окладников и М. И. Рижский, совместная с ними работа в экспедициях определили его научное и, по большому счёту, жизненное кредо. Последнее обстоятельство особенно важно отметить, поскольку его археологические изыскания были вплетены в канву всей его жизни, тесно переплетались с преподавательской и общественной деятельностью. Вся его семья оказалась вовлечённой в процесс поиска археологических памятников, сопровождая летом в экспедиции, разделяя с ним трудовые будни полевых сезонов и радость археологических открытий. Один из сыновей – Олег Игоревич – пошёл по стопам отца и также выбрал путь учёного-археолога и педагога.

Игоря Ивановича Кириллова по праву можно назвать основателем забайкальской археологической школы. С середины 60-х гг. XX в. археологические исследования в За-

байкалье под руководством И. И. Кириллова стали ежегодными и систематическими, а вокруг него сформировался коллектив его учеников, проводивших сначала совместные, а затем и самостоятельные археологические работы в различных районах нашего края. Благодаря таланту этого учёного и педагога на историческом факультете Читинского государственного педагогического института (позднее – Забайкальского государственного педагогического университета) сложился коллектив целеустремлённых, преданных своему делу профессионалов, были заложены традиции научно-исследовательской работы, в том числе и организации полевых исследований. Неслучайно, археология стала одним из основных направлений научной работы на историческом факультете. Такая ситуация сохраняется и в настоящее время. Многие традиции, заложенные Игорем Ивановичем, бережно хранятся его учениками. Например, на историческом факультете Забайкальского государственного университета продолжают работать две археологические экспедиции, возглавляемые учениками И. И. Кириллова, – Верхнеамурская (руководитель – канд. ист. наук, доцент Е. В. Ковычев) и Чикойская (руководитель – д-р ист. наук, профессор М. В. Константинов), функционирует археологический музей, который в конце 70-х гг. XX в. был создан по его инициативе и при непосредственном участии (после реконструкции ему присвоено имя Игоря Ивановича Кириллова).

Читинским археологическим отрядом, а позже Верхнеамурской археологической экспедицией были открыты и исследованы археологические памятники Забайкалья в довольно широком хронологическом диапазоне: от палеолита до времени появления русских поселений в нашем крае. И. И. Кирилловым были организованы работы на древних памятниках по рр. Ингода, Онон, Шилка, Аргунь, Хилок, Чикой. Впечатляет даже простое перечисление исследованных археологических комплексов – Сухотино, Дарасун, Аксеново-Зиловское, Дворцы, Кия, Зоргол, Ламинская Гора и др. Были выявлены неолитические могильники на оз. Ножий, у с. Моло-

довск и др. Проводились раскопки древних поселений Санный Мыс, Чиндонт, Амогolon, Арын-Жалга, Танга. Были исследованы погребения культуры плиточных могил, бурхотуйской культуры, монгольского средневековья, изучены памятники русской архитектуры (Засопошное, Иргенский острог). Игорь Иванович выделил Ундугунскую и Дворцовскую археологические культуры, им были идентифицированы памятники эпохи сяньби [2, с. 164]. Особое место Игорь Иванович уделял исследованию памятников эпохи палеолита [1, с. 11]. Обе его диссертации: кандидатская – «Каменный век Восточного Забайкалья» (1969 г.), докторская – «Восточное Забайкалье в древности» (1981 г.), а также основная часть его публикаций были посвящены изучению древних памятников на территории нашего края. Можно с уверенностью сказать, что благодаря научным исследованиям Игоря Ивановича Кириллова Восточное Забайкалье, до середины 60-х гг. XX в. оставшееся обширным «белым пятном» на археологической карте Сибири (по его собственному выражению) перестало являться таковым. Его научные достижения по праву получили признание среди учёных не только в Сибирском регионе, но и за рубежом.

В нашей памяти Игорь Иванович Кириллов навсегда останется Человеком, Учителем и Учёным с большой буквы – профессионалом своего дела, честным, мудрым, талантливым, принципиальным, требовательным к себе и другим, уважающим труд, обладающим душевной теплотой, искренней готовностью помочь в тяжёлых ситуациях и великолепным чувством юмора. В текущем году преподавателями и студентами исторического факультета был подготовлен проект с символическим названием «Человек и его время», посвящённый 80-летию со дня рождения Игоря Ивановича Кириллова. Будем надеяться, что его реализация позволит не только представить в обобщённом виде комплекс избранных работ учёного, но и будет важным и необходимым свидетельством сохранения памяти об этом человеке и преемственности традиций на историческом факультете.

Источники и литература

1. **Кириллов О. И.** Искатель и хранитель старины далёкой (с прил.: Основные даты жизни и деятельности И. И. Кириллова, оппонирование диссертаций, науч. руководство аспирантами, библиография и др.) // Древнее Забайкалье: культура и природа: сб. ст. Забайкал. гос. гум.-пед. ун-та. Чита, 2009. С. 7–25.
2. **Константинов М. В.** Кириллов Игорь Иванович // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. С. 163–164.

УДК 94(571.55:517.3):902
ББК ТЗ(543.0)4:Т48(253.57=640)

Евгений Викторович Ковычев,
*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Николай Николаевич Крадин,
*Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
г. Владивосток, Россия*

Артур Викторович Харинский,
*Иркутский национальный исследовательский
технический университет,
г. Иркутск, Россия*

Древние монголы в Приаргунье: к истокам монгольской идентичности¹

Активизация деловых, научных и туристических контактов привели к расширению различных форм межгосударственного сотрудничества, что, соответственно, вывело на новый уровень обсуждение исторических проблем двух регионов, многие из которых уходят корнями в древнюю и средневековую историю Центральной Азии, Сибири и Дальнего Востока. На основе новейших археологических материалов авторы представили основные проблемы средневековой истории Приаргунья, связанные с пребыванием здесь различных групп древних монголов. Проанализированные археологические древности позволили проследить каждый из этапов формирования материальной и духовной культуры древних и средневековых монголов, а также выделить то общее, что входит в понятие монгольской идентичности.

Ключевые слова: Приаргунье, археологические памятники, кидане, «Вал Чингис-хана», сяньби, Эргунэ-кун, монголы

Evgenii V. Kovychev,
*Transbaikal State University,
Chita, Russia*

Nicolai N. Kradin,
*Institute of History, Archaeology and Ethnology,
Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences,
Vladivostok, Russia*

Artur V. Kharinskii,
*Irkutsk National Research Technical University,
Irkutsk, Russia*

The Ancient Mongols in Priargynie: Source of the Mongolian Identity

The intensification of business, scientific and tourist contacts led to the expansion of various forms of interstate cooperation, which consequently brought to a new level the discussion of the historical problems of the two regions – many of which have roots in ancient and medieval history of Central Asia, Siberia and the Far on East. Based on the latest archaeological materials the authors presented the main issues of medieval history Priargun associated with the presence of various groups of ancient Mongols. Analyzed archaeological antiquities, made it possible to trace each of the stages of formation of material and spiritual culture of ancient and medieval Mongo-fishing and to allocate the total that is included in the concept of the Mongolian identity.

Keywords: Priargynie, archaeological monuments, Khitan, The Wall of Chingis Khan, Xianbi, The Ergune-Kun River, Mongols

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке мегагранта Министерства образования и науки РФ (14.W03.31. 0016).

На карте Российской Федерации Приаргунье представляется одним из отдалённых уголков страны, граничащих с великим южным соседом – Китайской Народной Республикой. Пограничное положение и особенности пограничного режима долгое время служили для местного населения сдерживающим фактором, не способствовавшим успешному развитию многих видов хозяйства. Положение поменялось в последние два десятилетия, когда интенсивно развивающиеся экономические связи буквально на наших глазах превратили этот пограничный район в «восточные ворота» России – крупнейший автомобильный и железнодорожный узел, имеющий важное значение для развития отношений между двумя государствами. Изменения затронули разные стороны жизни двух пограничных народов: экономическую, политическую, культурную, природно-экологическую и т. д. Активизировались, прежде всего, деловые, научные и туристические контакты; расширились формы межгосударственного природоохранного и военного сотрудничества; на новый уровень вышло обсуждение исторических проблем двух регионов, многие из которых уходят корнями в древнюю и средневековую историю Центральной Азии, Сибири и Дальнего Востока.

Последнее объясняется тем, что в Приаргунье уже сейчас известно немало количество разнообразных археологических памятников, представляющих весь спектр древней и средневековой истории региона. Здесь открыты крупные, хорошо стратифицированные поселения каменного и бронзового веков; древние рудники и мастерские, погребальные и жертвенно-поминальные комплексы эпохи неолита, бронзы, раннего железа и средневековья; удивительные петроглифы, среди которых имеются изображения плейстоценовых животных (бизонов, оленей, носорогов и т. д.); памятники пещерного типа; средневековые каменоломни, а также монументальные сооружения в виде торгово-ремесленных городищ, ханских усадеб, павильонов и даже дворцов, оставленных монголами [1, с. 86–93]. Здесь, наконец, проходит знаменитый «Вал Чингис-хана» («вал киданей»), к которому примыкают укрепленные городки, окруженные валами и рвами, имеющие угловые и промежуточные башни и ворота замкового типа. Поэтому интерес к «забытым тайнам Приаргунья» вполне закономерен, а развёртывание археологических исследований в этом районе – и с

русской, и с китайской стороны – ставит перед учёными новые вопросы, требующие безусловного решения. Особенно важными для нас представляются проблемы, связанные с формированием здесь локальных племенных конфедераций (экзополитарных структур) и государственных образований, созданных древними монголоязычными племенами. Письменные источники и археологические материалы, происходящие из древних памятников Приаргунья, позволяют судить об этом достаточно полно и объективно.

Они свидетельствуют о том, что когда-то здесь кипела бурная политическая жизнь и происходили события, значение которых сказывалось далеко за пределами этого региона – на берегах Енисея и Волги, Хуанхэ и Инда, Дуная и Ефрата. Отсюда, из бескрайних степей Даурии и Северной Монголии, на древние цивилизации Китая, Индии, Средней Азии, Ближнего Востока и Европы накатывались бесчисленные волны хуннских, сяньбийских, жужаньских, тюркских и монгольских завоевателей, которые давали толчок очередному «великому переселению народов», которые сокрушали на своём пути одно государство за другим, ломая сложившийся образ жизни покоренных народов. При этом монгольские и забайкальские земли, включая Приаргунье, нередко и сами становились ареной ожесточённых сражений между претендентами на господство в Монголии и в Центральной Азии. Источники пестрят сообщениями о столкновениях между местными племенами и пришлыми завоевателями. Это происходило потому, что Приаргунье располагалось на границе монгольской степи и амурской тайги, здесь закручивался сложный клубок отношений между монголоязычным и тунгусоязычным миром полуоседлых племён Верхнего Амура и тюркоязычным миром кочевников Западного Забайкалья и Монголии. Итогом таких «контактов» являлось формирование новых племенных конфедераций и своеобразных по характеру культур I тыс. н. э. Немаловажное значение, при этом, имело прямое включение отдельных районов Юго-Восточного Забайкалья в состав кочевых империй, сформировавшихся за пределами края.

В качестве примера можно сослаться на указанный ранее «Вал Чингис-хана» и укрепленные городки, расположенные к югу от него – на левом и правом берегу р. Аргунь. Местные жители связывали эти объекты с именем «потрясателя Вселенной», но оказа-

лось, что они построены в середине XI в. другими древнемонгольскими племенами – киданями, создавшими на территории Маньчжурии и Внутренней Монголии мощную империю Ляо («Железную») (907–1125 гг.). «Вал Чингис-хана», следовательно, правильнее называть «валом киданей», хотя, очевидно, не следует отбрасывать в сторону и старое название, которое закрепилось в исторической литературе.

Вал начинается в долине р. Сайхны-Хундий на территории МНР, в точке с координатами 111° 22' 19,1122" восточной долготы и 48° 23' 13,1892" северной широты, тянется на северо-восток по долине р. Улдзы-гол, затем отворачивает от неё на восток, пересекает границу с Китаем и 60 км идёт по его территории. В районе пос. Забайкальск он переходит на российскую территорию и по левому берегу р. Аргунь тянется до с. Капцагайтуй, где вновь переходит на территорию КНР, пересекает г. Лабудалинь и заканчивается на левом берегу р. Кулихэ в точке с координатами 120° 26' 1,1904" восточной долготы и 50° 15' 1,2024" северной широты. Общая длина вала – 745,8 км [2, с. 155–172].

Нам удалось просмотреть этот вал почти на всём его протяжении, зафиксировать в местах его разрушения и в стратиграфических траншеях типично киданьскую керамику, позволяющую говорить о его киданьском происхождении. Такая же керамика, вместе с другими находками, была обнаружена и в прилегающих к валу укрепленных городках (мы насчитали 50 городков), что позволяет рассматривать эти объекты как единый пограничный комплекс. Вал, при этом, мог являться маркировочной линией имперской границы, показывающей северным племенам предельные рубежи их передвижений, а городки выполнять функции пограничных застав, призванных контролировать эти рубежи от малых групп нарушителей и оперативно оповещать власти о передвижениях больших орд северных кочевников.

Отметим, что в предшествующее киданям время забайкальские племена также проявляли повышенную политическую активность. Сохранились свидетельства того, как стремительно менялась на протяжении всего I тысячелетия этно-политическая ситуация в степных и лесостепных районах Южного Забайкалья и Северной Монголии. В 90-е гг. прошлого столетия, в районе с. Зоргол, Дурой, а затем и Цаган-Олуй, сотрудниками Верхнеамурской археологической экс-

педиции под руководством И. И. Кириллова и Е. В. Ковычева были исследованы могильные комплексы древнемонгольских племён сяньби. Они являются единственными на территории Российской Федерации, но хорошо известными по другую сторону границы: в Северо-Западной Маньчжурии и Внутренней Монголии.

История сяньбийских племён началась ещё в хуннское время – во II в. до н. э., когда осколки разгромленного хуннами в степях Центральной Азии племенного объединения дунху («восточных варваров») вынуждены были покинуть свои родовые кочевья и переселиться далеко на север – в бассейны р. Аргунь и р. Амур. Источники сообщают, что потомки дунху, называвшие себя сяньби (название происходит от имени гор, где они поселились), всё время выступали противниками хуннов, которые когда-то разгромили их предков. Однако, не имея сил бороться с ними, вынуждены были платить им дань. Перелом наступил только в 93 г. н. э., когда объединённой антихуннской коалиции удалось нанести хуннам поражение. Как сообщает источник, 100 тыс. кибиток хунну подчинились сяньби и «приняли их народное имя», а остальные, не желая зависимости от прежних подданных, стремительно бросились на запад. Так, началось «Великое переселение народов», захватившее значительные территории Азии и Европы. Суть его заключалась в том, что в орбиту хуннского движения втягивались племена, которые волею судеб оказывались на пути хуннской орды. И таких было немало, поскольку само движение всё больше и больше напоминало раскрытый веер: чем дальше на запад, тем больше территория, затронутая хуннским движением. Поменялось даже название хуннов: с этого времени их стали называть «гуннами». Сибирь, Северная Индия, Средняя Азия, Поволжье, Южно-русские степи, Дунай и, наконец, Галлия, где на границах Римской империи, в современной провинции Шампань, близ города Труа, на Каталаунских полях, в 451 г. их встретили объединённые силы римлян и германцев. Состоялась знаменитая «Битва народов», после которой гунны вынуждены были отступить. Слава их после этого пошла на убыль.

Но это был лишь один эпизод мощного натиска «варварской» периферии на цивилизованные страны Азии и Европы. За ним последовали другие. В Приаргунье и в степях Центральной Азии, на обломках Хун-

нской державы возникла кочевая империя Сяньби, границы которой простирались с востока на запад от корейского полуострова до предгорий Урала. Сяньбийцы пришли на смену хуннам, а их военные вожди, во главе своих дружин, неоднократно «стучались в ворота Поднебесной» (Китая). Более того, у северо-западных границ Китая в IV в. возникло государство Тоба Вэй, основанное сяньбийским племенем тоба («косоплетов»). Их предки когда-то спасались от хуннов на берегах р. Аргунь и р. Амур, а после поражения последних двинулись на свою историческую родину в район Ордоса.

Возможно, что с памятниками именно таких северных групп сяньбийцев мы и столкнулись, исследуя могильники у с. Зоргол, Дурой и Цаган-Олуй [5, с. 156–162]. Большое количество предметов быта, вооружения, конского снаряжения и украшений было встречено в погребениях сяньби. В одних могильниках умершие были похоронены в земляных ямах и их сопровождали жертвенные головы животных; в других – в деревянных гробах или в берестяных мешках, часто в так называемых подбоях – специально вырытых для погребений боковых нишах, закрытых деревянными заборчиками. Почти в каждом погребении были найдены глиняные сосуды с жертвенной пищей, а во втором случае их дополняли и узкогорлые берестяные туески, днища и стенки которых были украшены многочисленными резными рисунками – граффити. Перед исследователями предстала выразительная картина кочевого мира – настоящее эпическое полотно, созданное руками древних художников. Многочисленные сцены перекочевков, облавных охот, рисунки людей, различных по форме юрт и кибиток, установленных на платформы, – таков неполный перечень этих изображений. На днище туеска, найденного в погребении у с. Зоргол, был представлен даже план кочевого посёлка – куреня, с высокой юртой в центре и группой жилищ, расположенных по кругу. Внутри круга имелись изображения животных и людей и даже шамана, показанного в ритуальном костюме с маской на лице, в виде птичьей головы, с перьями. Таких изображений не встречено в материалах других могильников хуннского, сяньбийского или более позднего времени. Сегодня указанные погребения объединены в рамках двух археологических культур: зоргольской (конец I в. до н. э. – II в. н. э.) и дурайской (II–IV вв.), ха-

рактеризующих «сяньбийский» этап в истории Приаргуны [4, с. 414–415].

Следующие этапы приходятся на середину и вторую половину I тыс., когда Приаргунье поочередно входило в состав Жужаньского, Тюркского, Уйгурского и Кыргызского каганатов. Кратковременное существование этих государств также нашло отражение в различных погребальных памятниках. Часть из них входит в состав дарасунской археологической культуры (VI–IX вв.), выделенной для территории южного и центрального Забайкалья, а другая часть – бурхотуйской (IV–IX вв.). Мы считаем, что памятники дарасунской культуры принадлежат тюркоязычным племенам токуз-татар («девять татар») и байырку (баегу), известным по тюркским руническим надписям. Соседями их являлись монголоязычные отуз-татары («тридцать татар»), которые в китайских летописях известны под именем «шивэй». Источники не сообщают о каких-либо столкновениях между этими племенами. Скорее всего, взаимоотношения между ними определялись стратегией борьбы против господствовавших в степях Монголии тюрков Второго каганата (682–744 гг.). При этом токуз-татары действовали в союзе с другими противниками тюрков – токуз-огузами (уйгурами), и вместе с ними ушли во второй половине IX в. за пределы Забайкалья: в южные районы Прибайкалья и в Восточный Туркестан. Однако и отуз-татарам пришлось в скором времени покинуть территорию края. Это произошло в результате столкновений их с группами монголов, пришедших из Северной Маньчжурии. Последние спасались от преследований со стороны киданьского государства Ляо, и здесь, за высокими хребтами Большого Хингана, нашли для себя новую родину. Среди них были и предки будущего Чингисхана.

Персидский историк XIV в. Рашид-ад-Дин писал, что «когда-то они бежали от врагов в недоступную местность, кругом которой были лишь горы и леса и к которой ни с одной стороны не было дороги, кроме узкой и труднодоступной тропы. Среди тех гор была обильная травой и здоровая (по климату) степь. Название этой местности – Эргунэ-кун. Значение слова “кун” – “косогор”, а “эргунэ” – “крутой”, иначе говоря, “крутой хребет”. Долгие годы они и их потомки оставались в этом месте и размножились» [3, с. 153–154].

Легендарная Эргунэ-кун – это ни что иное как река Аргунь и прилегающая к ней территория к западу от крутых склонов Большого Хинганского хребта. Именно здесь было первое пристанище той группы монгольских племён, от которых вели свою генеалогическую линию (по отцу) будущие чингизиды, история которых попала на страницы монгольских летописей. Историк сообщает, что монголы нашли в этой местности месторождение железной руды и активно занялись железоделательным производством. Они настолько преуспели в этом деле, что сумели впоследствии вырваться на простор монголо-забайкальской степи, расплавив горный склон, который перекрывал выход из теснины. Это была легенда, но за ней, как отмечал Рашид-ад-Дин, стояло стремление монголов открыть «иной путь для своей славы», – стремление показать историческую закономерность последующего возвышения династии чингизидов, тем более, что род Чингис-хана («кият») происходил от тех самых металлургов, которые «расплавляли гору», а личное имя Чингиса – «Темучжин» – в переводе с древнемонгольского означало «кузнец».

Это были XI–XII вв., когда основная масса монгольских племён стала расселяться по широкому спектру монгольско-забайкальской степи и лесостепи, вытесняя отсюда прежнее тюркоязычное и отуз-татарское (шивэйское) население. Именно против этих активизировавшихся групп эргунэ-кунских монголов, а также тех, кто вынужден был бежать под их натиском, и были построены «Вал Чингис-хана» («вал киданей») и укрепленные городки, о которых мы сообщали ранее. Последующая история монголов была напрямую связана с борьбой монгольских ханов за власть и формированием на территории Забайкалья и Монголии Великой Монгольской Империи (Yeke Mongyol ulus). От этого времени в Приаргунье остались могильники, городища, усадьбы и дворцы, которые активно изучаются авторами настоящей работы на протяжении последних десяти лет.

Рассмотренные археологические древности позволяют последовательно проследить каждый из этапов формирования материальной и духовной культуры древних и средневековых монголов, выделить то общее, что входит в понятие монгольской идентичности.

Источники и литература

1. **Ковычев Е. В.** Древности Приаргунья // Аргунские просторы. Чита: Экспресс-издательство, 2009. С. 86–93.
2. **Луньков А. В., Харинский А. В., Крадин Н. Н., Ковычев Е. В.** Пограничные сооружения киданей в Забайкалье // Известия Лаборатории древних технологий. Сборник научных трудов / отв. ред. А. В. Харинский. Иркутск: Изд-во ИргТУ, 2009. Вып. 7. С. 155–172.
3. **Рашид-ад-дин.** Сборник летописей. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. Кн. 1. С. 153–154.
4. **Яремчук О. А.** Зоргольская культура // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область: в 4-х т. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2004. Т. II: А-З. С. 414–415.
5. **Яремчук О. А.** Сяньбийский могильник у с. Зоргол // Аргунские просторы. Чита: Экспресс-издательство, 2009. С. 156–162.

УДК 902
ББК Т4(2Рос-4Чит)

Даниил Петрович Шульга,

*Новосибирский государственный университет экономики и управления,
г. Новосибирск, Россия*

Анна Александровна Шульга,

*Сибирский институт управления РАНХиГС,
г. Новосибирск, Россия*

Материалы Забайкалья в контексте изучения китайских памятников археологии раннего железного века (на примере культуры Шацзин)

В статье рассматриваются скифоидные культуры Азии, которые на данный момент представлены памятниками на территории Российской Федерации, Китайской Народной Республики, Казахстана и Монголии. Анализирует-

ся близость археологических памятников Забайкалья и юга Маньчжурии, наличие между ними связей в раннем Чуньцю. Подробно представлена культура шацзин, датированная VIII–VI вв. до н. э.

Ключевые слова: археологические памятники, культура плиточных могил, скифская культура, шацзин, ранний железный век, период воюющих государств

Daniel P. Shulga,

*Novosibirsk State University of Economics and management,
Novosibirsk, Russia*

Anna A. Shulga

*Siberian Institute of management RANEPА,
Novosibirsk, Russia*

Transbaikalia Materials in the Context of Chinese Sites of Early Iron Age Archeology Study (on the Example of Shajing Culture)

The article discusses Sevodnya of Asian culture, currently represented by monuments on the territory of the Russian Federation, people's Republic of China, Kazakhstan and Mongolia. Analyzed the proximity to the archaeological sites of TRANS-Baikal territory and the South Manchuria and the existence between them of relations in the early chunqiu. Details the shajing culture, dated to the VIII–VI centuries BC.

Keywords: Archaeological sites, culture tile graves, Scythian culture, shajing, early Iron Age, the period of Warring States

Значимое предположение о связи Забайкалья и Монголии с Северо-Восточным Китаем в первой половине I тыс. до н. э. было сделано известным китаеведом В. Е. Ларичевым, отметившим наличие в культуре плиточных могил (КПМ), характерных для Китая триподов, и сходство погребального обряда с культурами Дунбэя (Северо-Восточного Китая) [13, с. 386–392]. По его мнению, КПМ сложилась при участии мигрантов из Дунбэя в Монголию и Забайкалье [8]. Эта точка зрения впоследствии была оспорена некоторыми исследователями [2, с. 44; 4, с. 26]. Между тем с накоплением материалов близость памятников Забайкалья и юга Маньчжурии и наличие между ними связей в раннем Чуньцю (VIII–VII вв. до н. э.) становятся всё более заметными [7, с. 58–60; 6, с. 42; 1, с. 8].

Культура шацзин получила своё название по одноимённому археологическому памятнику в уезде Миньцинью в провинции Ганьсу. В русскоязычной литературе культура кратко рассматривалась в работах Н. А. Сутягиной [10], а также А. В. Варёнова, приведшего в своде общее описание могильников Сиган и Чайваньган. Начало полевым исследованиям памятников культуры шацзин было положено шведским учёным Ю. Г. Андерссоном. В 1923 г. экспедиция под его руководством проводила археологические

изыскания на северо-западе Китая, в Монголии и Тибете, в поисках памятников, аналогичных Яншао, и проверки предположения о контактах населения северных территорий Китая с Ближним Востоком [16, с. 9–15; 11]. Во время экспедиции Ю. Г. Андерссон получил информацию о находках керамики и других предметов в районе оазиса Чжэньфань (совр. уезд Миньцинью). В ходе проверки этих сведений он посетил деревню Шацзин, где были обнаружены керамика и другие предметы, относившиеся к широкому временному промежутку от периода правления династии Хань до династии Сун. В следующем 1924 г. на этой территории были проведены археологические раскопки нескольких памятников, в том числе форта Люхутун и могильников Шацзин-S (южный) и Шацзин-E (восточный). На основании полученных материалов был выделен одноимённый этап (Шацзин) в развитии традиции изготовления керамики на территории провинции Ганьсу (ганьсуский вариант Яншао). Анализ собранных данных позволил Ю. Г. Андерссону выделить шесть этапов в развитии региона: от позднелихического периода до раннего бронзового века. Первоначально хронологические рамки этого культурного явления были определены периодом 3500–1700 гг. до н. э., а «этап Шацзин» датировался

2000–1700 гг. до н. э., но в 1943 г. он был «омоложен» до 700–500 гг. до н. э. [10, с. 134].

На раннем этапе исследования она была выделена в основном по поселенческим материалам эпохи бронзы, изначально относившимся к 2000–1700 гг. до н. э., а затем к 700–500 гг. до н. э. (см. ранее). Более того, даже в 90-х гг. XX в. культура датировалась по поселенческим материалам 1000–645 гг. до н. э. [9, с. 495–520]. Однако после обнаружения материалов наиболее крупных и информативных могильников Сиган и Чайваньган стало возможным предположить, что захоронения данного типа датируются в рамках (VII) VI–III вв. до н. э. и относятся к кругу скифоидных культур [5]. Как видим, *представления о содержании культуры шацзин и её характеристики поменялись, и основными памятниками сейчас являются могильники типа Сиган, а не городища* (поселения), в целом плохо датируемые. В связи с этим встаёт вопрос о допустимости отнесения к культуре шацзин части поселенческих комплексов, датированных ранее первой половиной I тыс. до н. э. В отношении этнической принадлежности культуры также нет единства. По мнению некоторых исследователей, захоронения данной культуры были оставлены юэжками, другие же связывают её с жунами и цянами или даже с усунями [9, с. 516; 5].

В относимых к культуре шацзин погребальных и поселенческих комплексах датированных китайских изделий не найдено, хронология погребального инвентаря из захоронений «варваров» до недавнего времени в Китае была плохо разработана, а потому существующие датировки многих памятников и культуры шацзин довольно условны. В этом отношении показательна позиция авторов обобщающей работы по хронологии культуры шацзин, выпущенной в 1994 г. [9]: «В 1979 г. на городище Саньцзяо при раскопках объекта Н1 было обнаружено железное зеркало. В 1980 г. в 300 м к востоку от Саньцзяо при раскопках могильника Сиган нашли в погребении М223 железный предмет.

В 1981 г. при раскопках могильника Чайваньган, расположенного к северо-востоку от Саньцзяо, в погребении М103 была обнаружена рукоять железного кинжала. Перечисленные факты указывают на знакомство носителей культуры шацзин с чёрной металлургией. На Центральной равнине железо распространяется не ранее периода Чуньцю, следовательно, есть основания полагать, что культура шацзин никак не ранее этой эпохи. На городище Саньцзяо при раскопках объек-

та F1 был обнаружен котёл на ножках с полосой из белого металла. Эта категория инвентаря характерна для юга и востока Ганьсу. находка из F1 очень напоминает экземпляр с археологического памятника Маоцзяпин из уезда Ганьгу в округе Тяньшуй, который относится к Чуньцю. Артефакт из Саньцзяо, вероятно, является более поздним. Был сделан радиоуглеродный анализ девяти проб с памятников культуры шацзин. Два образца оказались неоправданно ранними, так что их можно исключить. Семь других дат ложатся в промежуток 900–409 гг. до н. э. По всем этим данным мы находим правомерным датировать Шацзин от конца Западной Чжоу до периода Чжаньго [9, с. 515].

Итак, авторами указанного труда культура шацзин датирована VIII–VI вв. до н. э. Лишь немного шире рамки в более поздней обобщающей работе очерчены (IX) VIII–V вв. до н. э. [5, с. 514]. Однако детали поясной фурнитуры из подробно опубликованных могильников Сиган и Чайваньган (бабочковидные и шестисекционные бляшки, пряжки с выступающим вперёд носиком и др.) в Южной Сибири датируются в рамках конца VI – начала IV вв. до н. э. При этом на Верхней Оби бабочковидные и шестисекционные бляшки бытовали в первой половине этого периода, а пряжки – во второй [12]. В это же время они присутствуют в Туве, тогда как в Минусинской котловине и Забайкалье, входивших в сферу влияния культур Северного Китая, бабочковидные бляшки могли использоваться и в III в. до н. э. Аналогичная ситуация и со специфическими рифлёными трубочками с округлым расширением посередине. В Туве подобные встречаются в захоронениях V–IV вв. до н. э. [3, рис. 2, 34, 59], в Синьцзяне такая трубочка найдена в захоронении VII в. до н. э. на могильнике Чаухугоу-1 [15, рис. 4]. Таким образом, указанные пряжки и трубочки в культуре шацзин появились раньше, чем в Южной Сибири. При этом они сочетаются и с более ранними формами бронзовых ножей. Значительная их часть в Сигане и Чайваньгане имеет ранние формы (выгнутообушковы с кольчатым навершием, с «хвостатым» лезвием, и др.), бытовавшие в Юйхуанмяо, Синьцзяне и Южной Сибири в (VIII) VII–VI вв. до н. э. Следует признать, что указанные аналогии из Южной Сибири не могут датировать захоронения культуры шацзин, поскольку появляются позже чем в Ганьсу и в Северном Китае. Исходя из расширенных датировок, полностью опубликованные могильники Сиган и

Чайвэньган культуры шацзин могут датироваться примерно в рамках (VII) VI–IV вв. до н. э. Время сложения и угасания культуры пока остаётся под вопросом. Вместе с тем проведённые сравнительно недавно раскопки у озера Дайхай в Ордосе выявили чрезвычайно интересный эпизод в истории культуры шацзин [14]. На могильнике Сяошуан, относимом к культуре маоцингоу, была выявлена группа погребений с подбоями, уступами и простые с вертикальными стенками, которые по погребальному обряду и ориентации умерших на ССВ, вероятно, восходят к культуре. Однако хорошо прослеживаются и новые черты культуры маоцингоу: наличие черепов жертвенных животных в головах умерших, а также расположение керамики не вверху у края могилы над головой умершего, а у дна могилы в головах. Наибольшие изменения видны в инвентаре. За исключением характерной для культуры шацзин рифлёной трубочки с утолщением посередине, изделия, включая керамику, находят аналогии в культурах маоцингоу и янлан. Из этого следует, что

пришедшая из Ганьсу на Ордос группа населения культуры шацзин ко времени погребения её членов была ассимилирована, но сохранила некоторые характерные черты обряда. По имеющимся кратким суммарным публикациям время прихода шацзин в район оз. Дайхай не вполне ясно, но в них нет достоверно ранних изделий VI в. до н. э. Показательно, что и в Маоцингоу типичные для шацзин трубочки и поясные бляшки на начальном этапе отсутствуют. Носителям культуры шацзин нужно было пройти из центральной части Ганьсу в район оз. Дайхай не менее 900 км. Подчеркнём, что, в отличие от культуры янлан, непосредственно контактировавшей с государством Цинь, население культуры шацзин обитало далеко к западу от китайских земледельцев и их приход в Дайхай, вероятно, был менее прямым. Если соотнести поздние памятники культуры шацзин с юэцжами, как это делают некоторые китайские исследователи, то их продвижение к северо-востоку в IV–III вв. до н. э. на фоне борьбы с хунну выглядит вполне логично.

Источники и литература

1. **Алкин С. В.** К вопросу о связи культуры плиточных могил Забайкалья и культур эпохи раннего металла внутренней Маньчжурии // Евразийское культурное пространство: Актуальные проблемы археологии, этнологии, антропологии. Иркутск, 2010. С. 4–11.
2. **Волков В. В.** Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1967. 148 с.
3. **Грач А. Д.** Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, ГРВЛ, 1980. 256 с.
4. **Гришин Ю. С.** Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья: историческая литература // АН СССР, Институт археологии. М.: Наука, 1981. 203 с.
5. **Институт археологии Китайской академии общественных наук. Чжунго каогусюэ. Лян чжоу цзюань** [中国考古学. 两周卷]. Археология Китая: период Чжоу. Пекин: Чжунго шэжунэй кэсюэ чубань, 2004. 563 с.
6. **Комиссаров С. А.** Комплекс вооружения культуры верхнего слоя Сяцзядянь // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 39–53.
7. **Коновалов П. Б.** О происхождении и ранней истории Хунну // 100 лет гуннской археологии. Номадизм прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. Улан-Удэ, 1996. Ч. 1. С. 58–63.
8. **Ларичев В. Е.** О происхождении культуры плиточных могил Забайкалья // Археологический сборник. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. Т. 1. С. 63–73.
9. **Ли Шуйчэн.** Шацзин вэньхуа яньцзю [李水城. 沙井文化研究// 国学研究]. Исследование материалов культуры Шацзин // Госюэ яньцзю. Пекин, 1994. Т. 2. С. 493–523.
10. **Сутягина Н. А.** История изучения памятников культуры Шацзин (провинция Ганьсу, КНР). Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2008. С. 133–137.
11. **Сутягина Н. А.** Наборный пояс в культуре Шацзин (по материалам некрополей провинции Ганьсу, КНР) // Всероссийский археологический съезд. Суздаль, 2008. С. 76–78.
12. **Фролов Я. В.** Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н. э. – II в. н. э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул: Азбука, 2008. 479 с.: илл.
13. **Шульга Д. П., Трушкин А. Г.** Общество и государство в Китае. Т. XLV. Ч. 1 / редколл. А. И. Кобзев [и др.] // Ученые записки ИВ РАН. Отдел Китая. Вып. 17 / редколл.: А. И. Кобзев и др.). М.: ИВ РАН, 2015. 718 с. С. 386–392.
14. **Шульга П. И., Шульга Д. П., Гирченко Е. А.** Происхождение скифоидной культуры маоцингоу (Северный Китай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2014. Т. 20. С. 321–324.
15. **Шульга П. И.** Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул: Изд-во Алтайского государственного технического университета, 2010. 238 с.
16. **Andersson J. G.** Researches into the prehistory of the Chinese. Stockholm: BMFEA, 1943. 304 p.

УДК 903:550.3(571.55)
ББК Т4

Александр Васильевич Константинов,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Владимир Владимирович Оленченко,
Александр Николаевич Шеин,
Институт нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН,
г. Новосибирск, Россия

Археогеофизические исследования на территории Успенской церкви в селе Калинино (Забайкальский край)

В статье приводятся предварительные результаты археологических и геофизических исследований на территории, прилегающей к Успенской церкви в с. Калинино (Монастырское) Нерчинского района Забайкальского края. Выявлен характер культурного слоя, его структурные элементы, особенности строения верхней части разреза территории церкви, которые ценны как с точки зрения археологии, так и для работ по восстановлению церкви.

Ключевые слова: Забайкальский край, село Калинино (Монастырское), Нерчинск, Нерчинский Успенский монастырь, церковь Успения Пресвятой Богородицы, Гедеон (Г. Дашков), культурный слой, артефакты, некрополь, археогеофизика, захоронение, электротомография, георадиолокация

Aleksandr V. Konstantinov,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Vladimir V. Olenchenko,
Alexandr N. Shein,
Institute of Petroleum Geology
and Geophysics SB RAS,
Novosibirsk, Russia

Archeogeophysical Research of the Territory Near the Church of the Dormition in Kalinino Village (Transbaikal Region)

The paper presents preliminary results of archeological and geophysical investigations of the territory near the church of the Dormition in Kalinino village (Monastirskoe), Transbaikal region. The character of cultural horizon has been identified, its structural elements and structural features of the upper part of the profile of the church territory which are valuable both from archaeological point of view and for church restoration works.

Keywords: Transbaikalye, Kalinino village (Monastirskoye), Nerchinsk, Nerchinsk Monastery of the Dormition, Church of the Dormition of the Mother of God, Gedeon (G. Dashkov), cultural horizon, artifacts, necropolis, archeogeophysic, inhumation, electrical resistivity tomography, georadar

В 2016 г. волонтерским археологическим отрядом Забайкальского государственного университета при поддержке Забайкальского регионального отделения ВОО «Русское географическое общество» проводились разведывательные работы на территории церкви Успения Пресвятой Богородицы в с. Калинино (бывшее Монастырское) Нерчинского

района Забайкальского края (см. рис. 1). По инициативе академика М. И. Эпова к археологическим поискам были подключены геофизические исследования методами электротомографии и георадиолокации. Последние выполнялись сотрудниками Института нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН (Новосибирск), Института природных ресур-

сов, экологии и криологии СО РАН (Чита) и студентами геофизиками ЗабГУ.

Церковь, построенная в 1712 г. по указу Петра I, является уникальным памятником истории и культуры – самым древним каменным сооружением на территории от Байкала до Тихого океана [3]. Она была центром Нерчинского Успенского монастыря (до 1773 г.), приходской церковью (до 1930 г.) [2]. В последующем использовалась в хозяйственных целях (до 70-х гг. XX в.), а затем стала бесхозной, что привело к её быстрому разрушению. С 2010 г. ставится вопрос о реконструкции церкви. Однако разработанная документация касается только непосредственно здания и не предполагает проведения археологических работ на территории церкви, которые крайне необходимы. С целью аргументации данного положения и были проведены комплексные археогеофизические работы на территории, примыкающей к храму.

Работы проводились с северной и восточной стороны храма. Заметим, что территория вокруг церкви свободна от застройки, что позволяет в будущем проводить широкомасштабные археологические исследования. Вдоль северной стены (почти на всю её длину) был поставлен раскоп площадью 65 м². Раскопки позволили выявить страти-

графию памятника, получить набор артефактов, понять характер их распространения, выявить неизвестные прихрамовые структуры. Все находки связаны с верхней частью отложений (почвенно-дерновый слой) и залегают в нём до глубины в 15–20 см. В ходе раскопок найдено 242 предмета. Среди них 106 фрагментов керамики, 12 обломков фаянсовых и 8 фрагментов стеклянных сосудов, 110 кованых железных гвоздей и их обломков, 5 фрагментов слюды, медный нательный крестик.

Рядом с северным входом в храм выявлена ориентированная вдоль стены выкладка длиной 1,85 м из тщательно уложенных небольших каменных плиток алевролита толщиной в 1 см, внешне по форме напоминающая крышку гроба. Однако захоронения здесь не оказалось, вероятно, выкладка играла роль своеобразного кенотафа. Заметим, что в 1739 г. у северного входа в храм был похоронен один из иерархов Русской православной церкви Гедеон (Георгий Дашков), содержавшийся в монастыре как государственный преступник [1]. Точное место его захоронения ещё предстоит выяснить.

С целью изучения некрополя с восточной стороны, за алтарём была заложена разведывательная траншея, которой выявлены

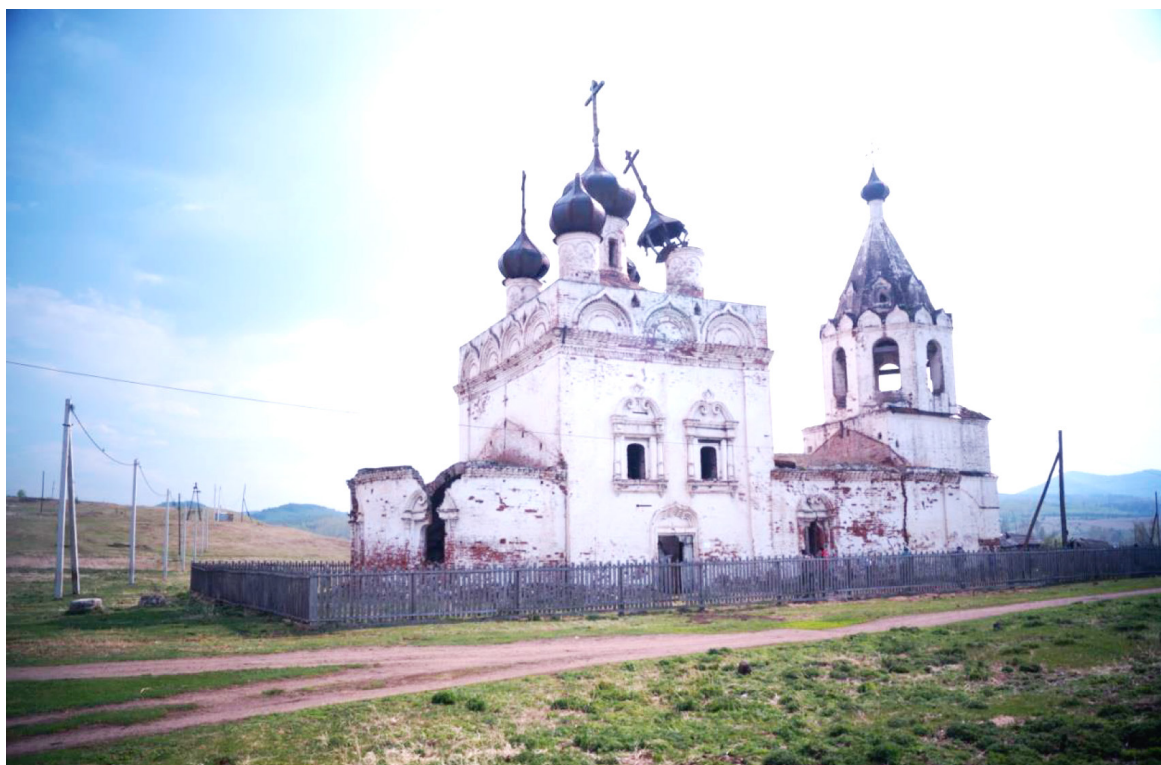


Рис. 1. Церковь Успения Пресвятой Богородицы в с. Калинино. Вид с северо-востока

контуры семи плотно расположенных грунтовых захоронений. При этом не ставилась цель их вскрытия (проводилась только зачистка по поверхности). В одном случае захоронение перекрывала значительная по размерам погребальная плита из песчаника толщиной до 30 см (подобные плиты добывались и изготавливались не далеко от села в отрогах Борщёвочного хребта). Можно предположить, что хронологически все захоронения относятся к XVIII – началу XX в.

Целью геофизических исследований было обнаружение церковного некрополя и выявление особенности геофизических полей при поисках подобных объектов. Исследования проводились методами электротомографии (сплошные электрические зондирования) и георадиолокации. При работе методом электротомографии (ЭТ) использовалась многоэлектродная аппаратура «СКАЛА 48». Межэлектродное расстояние было выбрано в 1 м, при этом максимальный разнос АВ составил 47 м, что обеспечивает глубинность 7–8 м. Этого вполне достаточно для поставленных задач. Для георадиолокации применялся георадар серии ОКО-2 с антенными блоками центральной частоты 250 МГц и 700 МГц. Такие частоты позволяют достигать глубинности 2–3 и 7–8 м соответственно (в средах с низким коэффициентом затухания электромагнитной волны). Перемещение антенны по профилям осуществлялось волоком. Пройденное расстояние фиксировалось с помощью датчика перемещения.

На первом этапе для выявления могил и контуров некрополя была проведена площадная георадарная съёмка на четырех участках, прилегающих к церкви, общей площадью больше 300 м². Однако обработка

этих данных не дала желаемого результата, хотя аномалии проявлялись, но они не носили какого-либо упорядоченного характера. Разделить аномалии от искомых объектов (могилы) от ложных аномалий, обусловленных литологическими неоднородностями верхней части разреза, не представлялось возможным.

Одновременно с георадиолокацией проводилась площадная съёмка методом ЭТ на участке к северу и востоку от церкви. Измерения проводились с межэлектродным шагом 1 м по трём параллельным профилям с шагом 1 м. В итоге была проведена трехмерная инверсия данных и построены карты распределения удельного электрического сопротивления на разных глубинах. Карта распределения УЭС на глубине 1 м с наложением на схему территории церкви представлена на рис. 2.

Видно, что в восточной части исследуемого участка (0–2 м по длинной оси участка) присутствует аномалия низкого УЭС. На этом участке траншеей была вскрыта массивная погребальная плита из песчаника. Чтобы подтвердить это предположение, был заложен профиль электротомографии и георадиолокации, проходящий перпендикулярно длинной оси камня.

На рис. 3 показаны радарограмма (250 МГц) и геоэлектрический разрез по профилю зондирований. На радарограмме отчетливо проявляются аномалии сигнала над погребальным камнем (МК), а также в других частях разреза. Аномалии можно разделить на два класса. Первые – это интенсивные высокоамплитудные низкочастотные переотражения. Они проявляются на радарограмме в виде ярких чёрно-белых полос. Такая аномалия наблюдается от погребального

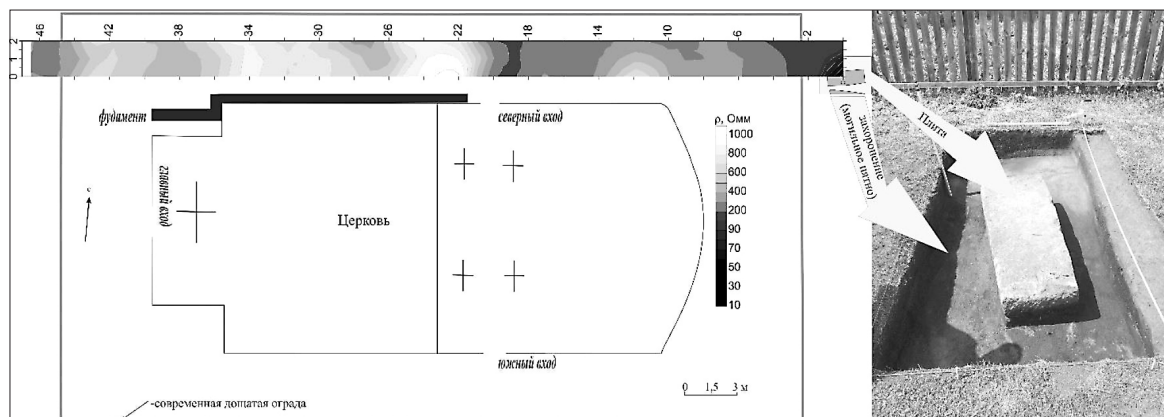


Рис. 2. Схема территории церкви Успения Пресвятой Богородицы в с. Калинино с нанесённой картой УЭС на глубине 1 м. Фотография погребального камня и его местоположение – на плане

камня. Второй тип аномалий – многочисленные гиперболы дифракции от локальных объектов, которые встречаются на глубинах 0,5–1 м. Очевидно, что однозначность выявления погребений на радарограмме низка.

На геоэлектрическом разрезе в месте обнаружения могильного камня отмечается очень локальная аномалия низкого (около 10 Ом·м) УЭС. Подобные приповерхностные аномалии низкого УЭС встречаются и в других частях профиля, например, на отметках 2, 4, 10–12, 22–23, 32–33 м. С глубины около 2 м выделяется кровля слоя высокого (более 1000 Ом·м), интерпретируемого как сезонно-мёрзлые породы. Поскольку в области могильного камня наблюдается аномалия низкого УЭС, то этот признак был принят за интерпретационный критерий для выделения могил. Природа низкого УЭС грунтов вокруг погребального камня на сегодняшний день не ясна. Установлено, что грунт могилы подвергался тепловой обработке (пожог) – так в Сибири копают могилы зимой. Температурное воздействие на грунт могло привести к изменению его электрических свойств, однако эта гипотеза требует проверки.

Другой задачей была оценка инженерно-геокриологических условий на террито-

рии и в основании церкви. Полученная информация будет полезной при разработке планов реконструкции церкви в будущем. Для этого были проведены измерения методом ЭТ через здание церкви в направлениях юг-север и запад-восток. На рис. 4 приведён геоэлектрический разрез, полученный в результате инверсии данных ЭТ по одному из таких профилей в направлении запад-восток. На разрезе в основании церкви с глубины 1,5 м выделяется область очень высокого (до 10^4 Ом·м) электросопротивления. Эта аномалия интерпретируется как линза многолетнемёрзлых пород, сформированная в результате многолетнего воздействия среднегодовых отрицательных температур в затенённом здании. При этом заметно, что аградация мерзлоты происходит больше с западной стороны здания, где стены менее прогреваются солнцем (см. рис. 3). Аналогичная картина возникает на втором профиле, который был заложен по направлению юг-север. Очевидно, что в разрушении церкви большую роль сыграло морозное пучение грунтов. В связи с этим обнаруженные особенности геокриологического строения основания церкви должны учитывать при восстановительных работах.

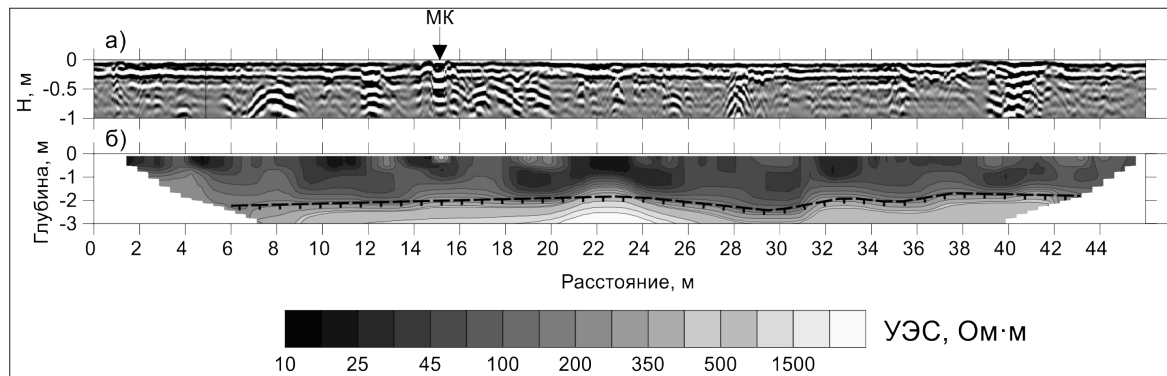


Рис. 3. Радарограмма (а) и геоэлектрический разрез (б). Стрелкой над радарограммой отмечен могильный камень (МК). На геоэлектрическом разрезе показана граница мёрзлых пород

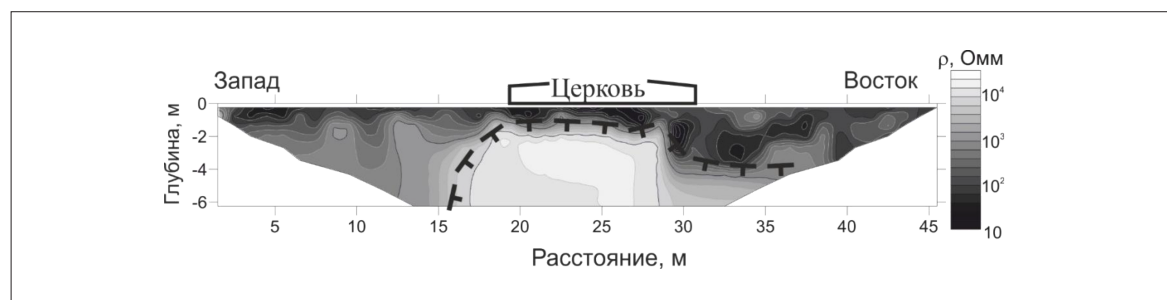


Рис. 4. Геоэлектрический разрез по данным ЭТ по профилю, проходящему через церковь (дипольно-осевая установка). Пунктиром показана граница мёрзлых пород

Таким образом, в результате комплексных исследований можно сделать ряд выводов и рекомендаций. Уже сейчас можно говорить о различиях культуросодержащих остатков на различных участках вокруг церкви. За алтарём (с восточной стороны) выявляются следы многочисленных захоронений, одно из которых перекрыто плитой. По данным георадиолокации на большой площади обнаружена серия аномалий на разной глубине, природа которых требует уточнения путём археологического вскрытия. Грунты могилы, выкопанной с помощью пожога, обладают аномально низким электросопротивлением, что может быть поисковым критерием при интерпретации данных электротомографии.

С северной стороны захоронений не выявлено (к последним можно отнести только выкладку из камней – кенотаф). Значительное количество артефактов в этой зоне (прежде всего, кованых гвоздей) подтверждает сведения о прошлых ремонтах храма и его ограды. В основании церкви с помощью геофизических исследований установлены признаки аградации многолетнемёрзлой толщи.

Представляется, что геоархеологическое изучение территории Успенской церкви следует продолжить. Полученный опыт совместных исследований позволит продолжить поиск различных археологических структур, располагавшихся вокруг церкви (монастырских каменных стен и келий, различных хозяйственных построек и т. д.). Проведённые работы отличаются информативностью и позволяют сделать ряд рекомендаций:

1. Перед началом реконструкции необходимо провести широкомасштабные археологические работы на территории церкви.

2. Предстоит обосновать границы охранной зоны.

3. Представляется важным предусмотреть постановку памятных знаков на месте некрополя, а также обозначить хотя бы примерное место упокоения Гедеона.

4. Данные геофизических исследований необходимо учесть при восстановительных работах самой церкви.

Всё это повышает значимость памятника и будет способствовать работе по приданию объекту статуса памятника федерального значения и проведению его реконструкции.

Источники и литература

1. **Георгий Дашков в ссылке в Нерчинске** // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1867. № 2. 14 янв. С. 15–24.
2. **Казакова Т. П., Литвинцев С. Ю.** Успенский монастырь // Нерчинск. Альбомная серия «Энциклопедии Забайкалья». Чита: ЗабГУ, 2013. С. 31–39.
3. **Крадин Н. П.** Нерчинск // Памятники Отечества. Альманах ВООПИК. 1984. № 1. С. 50–53.

УДК 572.9:93/94
ББК Т5:Т3

Василий Васильевич Ушницкий,
*Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Россия*

Меркиты Забайкалья: вопросы этнической и политической истории

Статья посвящена роли меркитов в истории Забайкалья. Этническое происхождение меркитов связывается с саяно-алтайским племенем дубо. Следовательно, меркиты могли относиться к отуреченным самодийцам. В то же время меркиты происходят от мохэ (бекринов), во времена Таньшиухая ушедших на запад. Меркиты принимали участие в этногенезе тунгусов (эвенков) и юкагиров, а также бурятского и якутского народов. В итоге упорной борьбы с ордами Чингисхана они были полностью разбиты и изгнаны из территории Забайкалья.

Ключевые слова: кочевники, Центральная Азия, история Забайкалья, монголоведение, завоевания Чингисхана

Vasily V. Ushnitsky,

*The Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North of SB RAS,
Yakutsk, Russia*

Merkit Transbaikalia: Ethnic and Political History

The article is devoted to the role in the history of Trans-Baikal Merkit. Ethnicity Merkit binds to the Sayano-Altai tribe Dubo. Consequently, Merkit could treat Turkified Nenetses. At the same time Merkit come from Mohe (bekrinov), in times gone by Tanshiuhaya west. Merkit participated in the ethnogenesis of the Tungus (Evenki) and Yukaghir, and Buryat and Yakut people. As a result of persistent struggle with hordes of Genghis Khan, they were completely defeated and driven out of the territory of Trans-Baikal.

Keywords: nomads, Central Asia, the history of Trans-Baikal, Mongol, Genghis Khan's conquests

История Забайкалья слабо изучена в том смысле, что переживала многократную смену этнической карты региона. По сведениям китайских источников, на территории Забайкалья жили динлины, хунну, древние уйгуры, племена теле-огузов: байырку и байси, шивей-татары, потом их сменили меркиты и баргуты, затем кочевали монголы и конные эвенки. По истории меркитов, их роли в истории Забайкалья имеются монографии А. В. Тиваненко [8; 9]. Меркиты считаются исчезнувшим этносом. Однако они могли принимать участие в этногенезе поздних бурятов и эвенков, возможно, и приленских саха-якутов.

Этноним «меркит» обычно воспроизводили от тотемного обозначения орла-беркута. Поскольку в тюркских языках распространён процесс перехода б< >м, из этого можно получить беркут/бургуд или меркут/мургуд.

Считается, что меркиты впервые в Таншу упоминаются под именем ми-ли-гэ (в юаньскую эпоху китайцы слово «меркэ» передавали иероглифами мэ-ли-ци). Для жилья они строили деревянные срубы, крытые берестой («Юань-чао-ми-ши» упоминает только о городках, служивших меркитам опорными пунктами), а существовали охотой и коневодством. По словам Н. Я. Бичурина, милигэ в VII в. н. э. проживали в горно-таёжном районе Саян и вокруг озера Хубсугул и вместе с Дубо и Эчжи составляли три аймака, входившие в состав Восточного Тюркского каганата [2, с. 254].

О вхождении милиге-меркитов в состав древних тюрков свидетельствует их обозначение – муматукюэ, т. е. «лыжные тюрки». отождествление поздних меркитов с милигэ предполагает их переселение с Саяно-Алтая

в Забайкалье. Племена дубо считаются самодийцами, подвергшимися тюркизации.

Рашид ад-Дин меркитов считает древним монгольским племенем, хотя они не перечисляются среди собственно монгольских племён – потомков Борте-Чино и Гоа-Марал. Западноевропейские авторы XIII в. говорят о наличии четырёх монгольских племён: йекамонгал, су-монгал, «другой же [народ] именуется меркит, а четвёртый – мекрит. Все эти народы имели сходную внешность и один язык, хотя между ними и было разделение по провинциям и правителям» [3, с. 43]. По его информации, Чингис сначала сразился с меркитами, страна которых была расположена возле земли татар, их также подчинил себе войною. После этого он сразился против мекритов и их также покорил [3, с. 44].

В 1180 г. 40-тысячное войско владыки керейтов Тогрула вместе с отрядами монгольских племён под предводительством Джамуки и Темучина, перевалив хребет Хаамар-Дабаан, в степи Буура-Кеере подвергло полному разгрому племя меркитов: «Три сотни меркитов, что некогда окружили Буркан, были до последнего колена развеяны пеплом. Оставшихся женщин обратили в наложниц и в домашнюю прислугу» [8, с. 104]. Только Тохтоо-Бобо и Даир-Усун, будучи предупреждёнными рыбаками, собольщиками и охотниками, вместе двинулись вниз по Селенге и с немногими людьми скрылись в Баргуджин-Тукуме. По мнению А. В. Тиваненко, местность «Буура-Кеере» – это Тугнуйская степь, где рядом течёт р. Хилок и простираются обширные степи. Местность Барга, видимо, – Баргузинская котловина, представлявшая труднодоступное место.

Имеющиеся факты говорят о развитии у меркитов земледелия и, преимущественно, коневодства. Следует подчеркнуть, что во время разгрома кочевий Тохтао-беки по долине Селенги были захвачены «...многочисленные табуны и княжеские юрты, и хлебные запасы» [7, с. 35].

А. В. Тиваненко пришёл к выводу о том, что «земли забайкальских меркитов были достаточно обширными и густо заселёнными, они имели отлаженное управление родственниками и приближёнными Тохтао-беки» [7, с. 25]. Рашид-ад-дин называет Тохтао-Беки государём и вождём, государем племени Мерки, эмиром меркитов, государём меркитов. «Юань-ши» именуется Тохтао-Беки начальником аймака Миликэй [7, с. 23].

Весьма интересно, что при этом Ван-хан своей многотысячной армией загнал Тохтоо-Бого на запад от Байкала, подробности дальнейших событий неизвестны. Согласно монгольским источникам, вождь меркитов Тохтоа-Беки, потерпев очередное поражение от войск Чингисхана, всегда убегал в сторону Баргучжин-Тукума. При этом вождь меркитов воевал с монголами в союзе с тайчиутами, татарами, Джамухой и найманским Буюрукханом.

В археологическом отношении с меркитами связывается саянтуйский этап хойцегорской культуры Западного Забайкалья X–XII вв. Саянтуйцы являются преемниками хойцегорской культуры, отождествляемой с древними уйгурами. Поэтому А. В. Тиваненко считает меркитов потомками древних уйгуров, тем более что среди них было племя уйкур [8, с. 57].

По мнению Г. Н. Румянцева, хаосай (хоринцы) и хаосай (хоас) меркиты (уваз-меркиты, по Рашид-ад-дину) находятся в генетическом родстве; иначе говоря, этот бурятский род происходит от меркитов и включён в состав хори-туматов в XIII в. [6, с. 241, 242].

Ц. Б. Цыдендамбаев, приняв во внимание тот факт, что слово «сай» встречается в качестве названия местности, пришёл к выводу, что «бурятское хуа в этнониме хуасай могло получиться из куба» [13, с. 101]. Действительно, хуасаевцев иногда пишут хубасаевцами. Культ лебедя распространён у хоринских бурят, среди саха лебедя считали своим прародителем, в основном, потомки Омогоя – намцы и батулинцы.

Владыка мира хотел навсегда покончить со свободолюбивым народом: «Чингисхан постановил, чтобы никого из (меркитов) не

оставляли в живых, а (всех) убивали, так как племя меркит было мятежное и воинственное и множество раз воевало с ним». Меркиты пережили тогда настоящий геноцид: «Немногие оставшиеся в живых или пребывали в утробах матери, или были скрыты у своих родственников» [13, 1952, кн. 1, с. 116].

Согласно Рашид-ад-Дину, меркиты и мекриты являются одним и тем же этносом: «Их также называют племенем удуит, хотя некоторая часть монголов называет меркитов мекритами, смысл обоих (названий) один и тот же» [5, с. 114].

Пелльо и Пейнтер видели в этих мекритах кераитов. При этом они исходят из того, что согласно Вильгельму Рубруку, Унк правил народом, именовавшимся крит и меркит. Отсюда делается вывод, что народ *crit* (мекриты) есть кераиты. Следовательно, мекриты, возможно, появились в результате объединения керейтов и меркитов. По А. Г. Юрченко, историко-этнографической загадкой является то обстоятельство, что в местности Баргу, куда согласно Сокровенному сказанию монголов бегут меркиты, до них обитали лесные племена мекритов – олениководов [14, с. 158–160]. Вся проблема заключается в том, что меркиты могли уйти в страну оленных мекритов – в Баргузинский край. Носителей этнонимов мекрит, вокарай, удуит или увас-меркит можно отнести к осколкам древних мохэ.

Тохтоо-Бёкё после поражений от монголов Чингисхана и Тогрула обычно уходил в страну Баргучжин. Род увакасилы или вокарай в составе забайкальских эвенков связывают с мекритами-меркитами. Среди тунгусов восточного побережья Байкала встречается Вакарайский род, включавший как олениководов, так и олениководов [10, с. 162].

К концу XIII в. относится сообщение Марко Поло о том, что в долине «Бангу» (Баргу) живут дикие охотники и скотоводы «мекри». У них много оленей; на оленях они ездили. Нравы и обычаи у них, как у татар, они якобы тоже признавали власть великого хана [4, с. 239]. Считается, что упоминаемой в рассказе Марко Поло долиной Баргу, где есть море-океан, является Байкал с островом Ольхон, на севере которого есть долина Баргузин.

М. П. Алексеев и Г. Юль в мекритах видят тунгусов, а не тюркское или монгольское племя. Таким образом, Марко Поло явно свидетельствует о наличии племени мекрит после вердикта Рашид ад-Дина о полном ис-

треблении меркитов войсками Чингисхана. Вопросы вызывает также этническая характеристика племени мекритов. Верховая езда на оленях и конях позволяет отождествлять их с конными и оленными группами эвенков, сформировавшихся в Забайкалье. При этом конные мекриты, оставшиеся в Витиме и в Баргузине, могли быть ассимилированы тунгусами.

В Баргузинской долине распространены предания о племени бекри, с которыми предки эвенков воевали. Исследователи в них видят меркитов или мекритов, постольку они также под именем вокарай вошли в состав витимских эвенков, их следует отождествить с конными эвенками. Тюркоязычные меркиты могли оказать этнокультурное влияние на подвластное эвенкийское население таёжной зоны Баргузино-Витимского плоскогорья. В результате этих процессов на протяжении XII–XIV вв. мог образоваться тюркоязычный якутский этнос. Возможно, именно они были известны под именем мекритов.

В эвенкийском фольклоре рассказывается о конных вокороях, вооружённых железными пиками, защищавших свои лица железными масками. Нападая на эвенков, они убивали мужчин и мальчиков, а женщин и девочек уводили с собой. Борьба между вокороями и эвенками «продолжалась столетия». Согласно М. Г. Воскобойникову, все роды баунтовско-витимской тайги объединялись в единый народ, противостоявший вокороям [12, с. 19, 35–36]. По материалам П. Малых, эвенки-оленоводы изображаются как «орочены», а их противники «вокорой» – как «тунгусы». В этом В. А. Туголуков видит противопоставление оленных и скотоводческих групп эвенков [11, с. 170].

В предании, записанном А. А. Дзевенисом у кангаласцев, «завоеватели» изображаются следующим образом: у них «даже рога

выросли от жадности и крови людей, которых они убили. Эти злые люди были вооружены железными мечами и щитами, а у эвенков были деревянные копья и мечи да кожаные щиты» [11, с. 170].

По предположению В. А. Туголукова, часть вакараев ещё до появления русских мигрировали из Северного Забайкалья в более северные районы Сибири. Путь вакараев в северную Сибирь был довольно извилистым. Между низовьями Индигирки и Колымы они смешались с юкагирами и образовали смешанный юкагироязычный род Вагарил. Часть вакараев вернулась на свои старые пепелища в Северном Забайкалье [11, с. 170–172].

Как считает В. А. Туголуков, несомненно, «вакарай» или «вокорой» – эвенкийская огласовка более древнего тюркского этнонима «меркит». В свою очередь, в тюрко-монгольских этнонимах «мекри» и «мукрин» принято видеть представителей этноса, известного в китайских хрониках под именем Мохэ. Именно мохэ принято считать этническими предками не только чжурчжэней, но и тунгусов. Следовательно, вакарай – меркиты – могли быть изначальным тунгусоязычным этносом, который принёс тунгусский язык на Север Сибири. Часть их, известная под именем меркиты, находясь долгое время в тюркском окружении, видимо, давно были отуречены и в таком виде подверглись ещё влиянию монгольских языков.

Этнонимы мекрит и меркит имеют разные значения. Этноним мекрит от мукрин-бекрин связан с народом мохэ, однокоренное слово с титулом бек-бёгё. Меркиты же – от тотемного обозначения мёркут – беркут – близки по имени к баэрку и баргутам, но в китайских источниках они обозначаются под именем милиге, такое же племя имелось в составе дубо в VII в.

Источники и литература

1. **Алексеев М. П.** Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск: ОГИЗ: Иркутское областное изд-во, 1941. 612 с.
2. **Бичурин Н. Я.** Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Наука, 1953. Т. III. 332 с.
3. **Карпини Плано Дж. Дель** История монголов. Г. де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Книга Марко Поло. 4-е изд. М.: Мысль, 1997. 460 с.
4. **Марко Поло.** Книга Марко Поло. 4-е изд. М.: Мысль, 1997. 460 с.
5. **Рашид-ад-дин.** Сборник летописей: в 4 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. I. Кн. 1–2. 221 с.
6. **Румянцев Г. Н.** Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1962. 240 с.
7. **Сокровенное сказание монголов** / пер. С. А. Козина. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2002. 156 с.
8. **Тиваненко А. В.** Гибель племени меркитов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1992. 70 с.

9. Тиваненко А. В. Поиски утраченного царства: гибель племени меркитов. Чита: Экспресс-издательство, 2010. 312 с.
10. Туголуков В. А. Этнические корни тунгусов // Этногенез народов Севера. 1980. С. 152–177.
11. Туголуков В. А. Эвенки Восточной Сибири и Дальнего Востока. Красноярск: Сибирские промыслы, 2013. 352 с.
12. Фольклор эвенков Прибайкалья. Записал М. Г. Воскобойников. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1967. С. 221–228.
13. Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские хроники и родословные. Улан-Удэ: Бурятское книгоиздательство, 1972. 662 с.
14. Юрченко А. Г. Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 г. СПб.: Евразия, 2002. 478 с.

УДК 93/94

ББК Т3(2)4

Базар Догсонович Цыбенков,

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
г. Улан-Удэ, Россия*

Вопросы истории даурского народа в XVII веке

Статья посвящена изучению иерархической структуры даурского общества в середине XVII в. Основными источниками послужили донесения и отписки русских казаков-первопроходцев. Особое внимание уделено изучению института даурских «князей». По предположению автора, в даурском обществе имелось пять сословий.

Ключевые слова: дауры, Приамурье, князья, родовая община, эвенки, рабы

Bazar D. Tsybenov,

*Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS,
Ulan-Ude, Russia*

Questions of History of the Daur Peoples in the XVII Century

The paper explores the hierarchical structure of society of Daur people in the middle of XVII century. The main sources were the reports of Russian Cossacks-pioneers. The author paid special attention to the study of the class of «rulers». The author reveals five classes in the society of Daur people.

Keywords: the Daur, the Amur region, the princes, the tribal community, Evenks, slaves

История даурского народа XVII в. достаточно полно освещена в исторической науке. В настоящей работе мы хотели бы кратко остановиться на некоторых вопросах, на наш взгляд, требующих более пристального внимания. В ходе ознакомления с отписками и донесениями русских казаков-первопроходцев середины XVII в. возник вопрос: как выглядела иерархическая структура в даурском обществе? Источники свидетельствуют, что даурские городки-крепости принадлежали так называемым «князьям» (или князцам). Как сами дауры называли своих предводителей неизвестно. В то же время не отмечено в русских источниках и использование даурами маньчжурских титулов. Тем не менее, гово-

рится, что «князья» платят ясак соболями «князю Богдою» (маньчжурскому императору) [3; 5]. Ко времени проникновения русских в Приамурье даурские предводители уже были данниками маньчжуров. Так кем же являлись даурские «князья»? Очевидно, что «князья» были главами родов и их ответвлений. К таковым могли относиться только члены семьи, ведущей свое происхождение от конкретного мужского предка рода по прямой линии. Согласно даурскому обычаю начала XX в., члены рода, считающиеся представителями «главного дома» (т. е. потомки родоначальника по прямой мужской линии – *авт.*), пользовались большим уважением среди сородичей [11, с. 106–110]. Исходя из этого, полагаем,

что такое же положение дел было и в XVII в. На примере князей лавкаевской группы видно, что власть в трёх близлежащих городках-крепостях принадлежала Лавкаю и двум его братьям – Шилгинею и Гилдеге [2; 5]. По всей вероятности, они относились к прямым потомкам родоначальника, поэтому их семья имела первенствующее право на правление в этих городах. Главным в этой группе являлся Лавкай, который был старше всех братьев по возрасту. Соответственно, городок Лавкай являлся центром родовых земель. Территория рода отмечена в источниках как «князь Лавкаево княжение» [2; 8]. Два других брата и зять подчинялись ему.

Таким образом, можно говорить о семейно-клановой структуре «княжеского» сословия. По мнению О. А. Шеломихина, клановая структура даурского общества характеризовалась ярко выраженным наследственным институтом вождей, именуемых «князьями» [10, с. 1]. Поскольку Лавкай ко времени прихода русских казаков находился в престарелом возрасте, то и его братья, вероятно, также были уже немолодыми людьми. Лавкай был самым старшим в роду, и его семья считалась «главным домом». Его дети имели первоочередное право на наследование должности «князя» – главного в лавкаевской группе. Однако в источниках нет данных о сыне или сыновьях Лавкай, имеется упоминание о его зяте – звенке Ганькаше [2]. Таким образом, у Лавкай была дочь, выданная замуж за инородца. Двое сыновей было у брата Лавкай – Шилгинея [2; 3], поэтому можно полагать, что они считались наследниками в лавкаевской группе. Не случайно именно сыновей Шилгинея захватил Е. П. Хабаров в качестве аманатов. О будущих наследниках – сыновьях Шилгинея – ему могли рассказать проводники-звенки. В целом, по Амуру располагалось пять крупных группировок дауров, каждая из которых состояла из нескольких (от 2 до 6) «городков» [9, с. 267]. Всего таких даурских «городков» в регионе Среднего Приамурья насчитывается 54. Исследователи относят их к типу малых равнинных городищ правильной прямоугольной формы [4, с. 29].

Возвращаясь к теме вопроса, отметим, что у дауров имелось правящее сословие «князей», которое управляло «городами» и «улусами» в конкретных районах Верхнего Приамурья и по р. Зея. В середине XVII в. это правящее сословие имело своего главу – верховного князя. Им был один из «князей»

зейской группировки дауров, приближенных к цинскому императорскому двору. Об этом говорится в одном из казачьих донесений: «Тот Толга был державец всей Даурской земле, а держание ево было дано ему, Толге, от богдойсково царя, кабы что воевода» [8]. Таким образом, основываясь на этом сообщении, можно предположить, что «князь» Толга являлся главой всех дауров в середине XVII в. и, по всей видимости, цинским двором ему было пожаловано чиновное звание. О том, что Толга проживал в «городке», являвшемся своеобразным административным центром, косвенно свидетельствуют показания дауров: «Крепили де тот город всею нашою Даурскою землею, и в том де город живёт князь Туронча Богдоева князя Балдачи зять, да другой князь Толга да Омутей два брата» [6]. Выясняется, что вместе с Толгой в одном «городке» проживал зять князя Балдачи. Балдачи известен тем, что одним из первых начал платить дань маньчжурам, например, в мае 1634 г. привёз в ставку маньчжурского хана 1818 соболей. Благодаря своей лояльности и усердию в сборе дани Балдачи стал императорским зятем (эфу) [7]. В 1650-х гг. Балдачи с семьёй, вероятно, уже находился в Пекине вместе с императорским двором. Вероятно, он пользовался большим уважением и авторитетом среди зейских сородичей, поскольку был первым дауром, удостоившимся столь высокой чести. В свою очередь, авторитет тестя распространялся и на зятя. «Князь» Туронча, женатый на дочери Балдачи, был, таким образом, не рядовым «князем», а стоял особняком, повыше, и, очевидно, пользовался особой милостью императорского двора. Даже в донесениях казаков его имя всегда стоит первым, затем пишут Толгу и Омутея [5]. Туронча с Толгой и брат Омутея были захвачены Хабаровым в качестве аманатов, перед этим их привели к присяге на «вечное ясачное холопство» Русскому государству [5; 8]. Известно, что родственники пытались их выкупить, предлагая казакам соболей. Однако их попытки были безрезультатны. Спустя несколько дней после захвата в аманаты, Толга как глава всех даурских земель, поставленный в своё время цинским императором, понял, что совершил неисправимую ошибку и покончил с собой [5; 8]. Судьба остальных аманатов Турончи, брата Омутея и других остаётся неизвестной.

Возвращаясь к вопросу об иерархической структуре даурского общества, отме-

тим, что большинство дауров, вероятно, относились к «улусным людям» (или «улусным мужикам») [2; 3; 5]. Они были членами родовой общины, находившимися в подчинении у «князей». Традиционными занятиями «улусных людей» были земледелие и скотоводство. Большую роль в их хозяйственной деятельности также играли охота и рыболовство. Земли в пределах общины, вероятно, считались её собственностью и находились в общем пользовании. Распределением пахотных земель и пастбищ между «улусными людьми», очевидно, занимались «князья». В изучаемый период в сословии «улусных людей» наблюдается расслоение, вызванное, на наш взгляд, неравенством в землепользовании и скотовладении. Поэтому незначительная часть населения «улусов» относилась к «лучшим улусным людям» [6]. Вероятно, они представляли собой прослойку богатых земледельцев и скотоводов. В целом, говоря о хозяйстве и культуре, можно отметить, что дауры были во многом схожи с соседними дючерами. Однако, по мнению исследователей, имелись и специфические черты, например, использование лошадей для пахоты [1]. Власть «князей» в «улусах», очевидно, опиралась на «лучших улусных людей». Во время родовых торжеств и пиршеств «князья» приходили в селения к «лучшим улусным людям» [6]. Все члены общины являлись друг другу дальними и близкими родственниками. Благодаря устной передаче родословной линии от поколения к поколению, члены родовой общины всегда помнили связывающие их конкретную семью и род узы родства. Мужчины рода брали жён из других даурских родов. По всей видимости, в XVII в. дауры вступили в тесные этнокультурные контакты с эвенкийским населением Приамурья. Сближение с эвенками происходило в тех даурских родах и под родах, которые в своём продвижении на другие территории оказывались на значительном удалении от основной массы населения. В этих родах мужчины зачастую женились на эвенкийских женщинах. «Князья» в целях сближения с родовой аристократией

местных эвенкийских групп выдавали своих дочерей замуж за эвенков. Ранее мы отмечали, что дочь даурского «князя» Лавкая была женой эвенка Ганькаши. Вообще, судя по русским источникам XVII в., эвенки имеют как среди родовой даурской аристократии (в виде зятьёв), так и «улусных людей». Например, у «князя» Лавкая были «улусные люди» – эвенки, занимавшиеся рыболовством [5]. Можно также предположить, что эвенки составляли и низшее сословие, так называемые «боканы» (в переводе с эвенк. яз. «раб») [6]. К ним, возможно, относились отдельные лица из числа эвенков, в силу разных причин оказавшиеся в долговой кабале у даурских «князей». Дауры, вероятно, не входили в сословие «боканов». Из истории дауров XVIII–XX вв. известно, что дауры имели рабов из числа эвенков-солон и китайцев. Рабов дауры называли словом «ватиг» [7]. Завершая наш вопрос об иерархической структуре даурского общества, подчеркнём, что наша классификация, конечно, является весьма условной. Тем не менее, ещё раз кратко обозначим сословия, на наш взгляд, имевшиеся в даурском обществе середины XVII в.:

- 1) «верховный князь»;
- 2) «князья» (родовая аристократия);
- 3) «лучшие улусные люди» (богатые общинники – земледельцы и скотоводы);
- 4) «улусные люди» (члены родовой общины);
- 5) «боканы» (рабы).

Таким образом, ко времени прихода русских казаков-первопроходцев даурское общество было развитым и делилось на ряд сословных групп. Дауры и примкнувшие к ним эвенки, по всей видимости, имели верховного князя, в середине XVII в. жившего на р. Зея. Родовые «князья» являлись правителями в даурских «городах» и «улусах». Основным населением в них были члены родовой общины. Особую категорию населения составляли рабы. Институт рабства у дауров, как и другие вопросы, связанные с выделенными нами сословиями, подлежат дальнейшему, более детальному изучению.

Источники и литература

1. Болотин Д. П. Краткая история древних культур и автохтонных народов Западного Приамурья до 1900 г. // Краеведение Приамурья. 2011. № 4. С. 16–37.
2. Донесение Царю Алексею Михайловичу из Якутска о подвигах Хабарова на Амуре в 1651 г. [Электронный ресурс] // Памятники сибирской истории. Рубрика «Акты исторические». Режим доступа: <http://www.sibrelit.ucoz.ru/publ/aktyistoricheskie1650-1659gg> (дата обращения: 14.01.2017).
3. Допросы, сделанные Хабаровым даурцам, взятым в плен в 1651 г. [Электронный ресурс] // Памятники сибирской истории. Рубрика «Акты исторические». Режим доступа: <http://www.sibrelit.ucoz.ru/publ/aktyistoricheskie1650-1659gg> (дата обращения: 28.01.2017).

4. Дьякова О. В., Шевченко В. В. Тунгусо-маньчжур и дауры Приамурья: этнокультурное пограничье (по материалам фортификации) // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы седьмой международной конференции, посвящённой памяти Г. А. Федорова-Давыдова. Кишинев: Stratum plus, 2016. С. 28–30.

5. Отписка якутских воевод о походе Ярофея Хабарова на реку Амур [Электронный ресурс] // Памятники сибирской истории. Рубрика «Акты исторические». Режим доступа: <http://www.sibrelit.ucoz.ru/publ/aktyistoricheskie1650-1659gg> (дата обращения: 28.01.2017).

6. Отписка якутскому воеводе Димирию Францбекову служивого человека Ерофея Хабарова о военных действиях его на реке Амур и о проч. [Электронный ресурс] // Памятники сибирской истории. Рубрика «Акты исторические». Режим доступа: <http://www.sibrelit.ucoz.ru/publ/aktyistoricheskie1650-1659gg> (дата обращения: 23.03.2017).

7. Цыбенков Б. Д. История и культура дауров Китая. Историко-этнографические очерки. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2012. 252 с.

8. Челобитная С. В. Полякова и его спутников о поведении Я. П. Хабарова на Амуре в 1650–1653 гг. [Электронный ресурс] // Памятники сибирской истории. Рубрика «Акты исторические». Режим доступа: <http://www.sibrelit.ucoz.ru/publ/aktyistoricheskie1650-1659gg> (дата обращения: 28.09.2012).

9. Шевченко В. В. Расселение этносов Приамурья в XVII в. // Евразия в кайнозойе. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2015. № 4. С. 265–272.

10. Шеломихин О. А. Этномиграционные процессы на территории Приамурья в XVII веке // Чтения памяти Евгения Петровича Сычевского. 2014. № 14. С. 143–165.

11. Хандсурэн Ц. Дагуурин заншлын тухай тэмдэглэл // Түүхийн судлал. Studiahistorica institutiae historiae academiae scientiarum reipublicae populi mongolici. Tomus X. Fasc. 8. Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академиин Хэвлэл, 1974. С. 105–111.

УДК 93/94
ББК ТЗ(2)4

Владимир Дмитриевич Пузанов,
*Шадринский государственный педагогический университет,
г. Шадринск, Россия*

Род Толбузиных – воевод Забайкалья в XVII веке

Сын боярский Борис Толбузин был сослан в Сибирь после Смуты. Борис Толбузин на службе в Тобольске быстро завоевал доверие воевод, ему поручали ответственные поручения. Сын Бориса Ларий Толбузин в 1660 г. был назначен воеводой Забайкалья. В 1683 г. Алексей Толбузин стал воеводой Албазинского уезда и руководил обороной края от маньчжур.

Ключевые слова: город, уезд, воевода, дворяне, дети боярские

Vladimir D. Puzanov,
*Shadrinsky State Pedagogical University,
Shadrinsk, Russia*

Family Tolbuzin – Governor Transbaikalia in XVII Century

Boyar son Boris Tolbuzin was exiled to Siberia after the Troubles. Boris Tolbuzin in the service in Tobolsk quickly won the voivode's trust, he was entrusted with responsible assignments. The son of Boris Larion Tolbuzin in 1660 was appointed the governor of Transbaikalia. In 1683, Alexei Tolbuzin became the commander of the Albazinsky Uyezd and directed the province's defense against the Manchu.

Keywords: town, district (uyezd), commander (voevode), nobles, Children boyars

На протяжении всего XVII в. Тобольск по составу населения был, главным образом, военным городом. В Тобольске организовывались гарнизоны многих городов и острогов

Сибири, а затем туда посылались новые отряды служилых людей. Главную роль среди конных служилых людей Тобольска играли дети боярские. Они обычно назначались в

качестве командиров отрядов служилых людей для выполнения разных поручений администрации. Кроме того, часто воеводы Тобольска посылали отряды детей боярских в походы на юг Сибири. В первой трети XVII в. одним из важных источников формирования корпорации детей боярских Тобольска была ссылка. Эти ссыльные служилые люди основали в Тобольске ряд семей, многие представители которых служили в детях боярских в конце XVII в. Большинство детей боярских Тобольска в эпоху правления Михаила Фёдоровича Романова были из ссыльных военнопленных. В 1630 г. Михаил Фёдорович указал, чтобы все ссыльные иноземцы, принявшие православие, верстались в дети боярские. Однако в годы Смуты и позднее кроме немцев, поляков и литовцев в Сибирь ссылались и русские дети боярские. Так, в июле 1614 г. в Тобольск по государеву указу были посланы «на житьё дети боярские стародубцы» Максим Трубчанин и Михаил Ушаков. По указу их надо было зачислить в список детей боярских Тобольска «быть на нашей службе в детях боярских» с окладом каждому в 10 р. 9 чет. ржи, 1 чет. с осьминой круп, 1 чет. с осьминой толокна, 3 пуда соли. На новой службе по указу требовалось их беречь, «чтобы они с Тобольска никуда не сбежали» [6, л. 13].

В марте 1626 г. воевода Тюмени Иван Плещеев писал, что приказчик Ницынской слободы Борис Толбузин и приказчик Чубаровской слободы Дружина Полозов, присланные в слободы из Тобольска, – это «украинные дети боярские, которые сосланы в Сибирь в государевой опале» [5, с. 573]. Вообще Толбузины – это старая фамилия русской знати, к которой принадлежали многие бояре и дворяне. К сожалению, не известно, в каком году Борис Толбузин был сослан в Сибирь. Впервые он упоминается на административном посту в крае в 1625 г. В 1625 г. сын боярский Борис Толбузин служил приказчиком Нижней Ницынской слободы. Кроме того, в 1625 г. Борис Толбузин составил переписную книгу волостей Тобольского уезда, дозорную книгу Ницынской слободы [5, с. 319].

Борис Толбузин на службе в Тобольске быстро завоевал доверие воевод, ему поручали ответственные поручения. Осенью 1628 г. Борису Толбузину была поручена доставка ссыльного купца из гостинной сотни Москвы Сергея Котова из Тобольска в Енисейск. Кроме того, во время поездки в Ени-

сейский острог Борис Толбузин с подъячим Панкратом Бабаниным проводил розыск «про воровство» служилых людей воеводы Я. Хрипунова [2, с. 78]. К 1627 г. в Тобольске в составе корпорации детей боярских имелось 37 человек, из которых 24 чел. принадлежали к настоящим детям боярским, а 10 чел. поляков и 3 чел. немцев служили с детьми боярскими. В 1628 г. Борис Толбузин служил в детях боярских города Тобольска с годовым окладом в 14 р., занимая место в середине списка по жалованию, оклады детей боярских города в это время составляли от 20–25 р. у таких детей боярских, как Данила Мартынов, – 25 р., Павел Хмелевский и Богдан Аршинский – 20 р., до 8–6 р. у таких детей боярских, как Филипп Обольянинов, Иван Брянцов, Сергей Тырков, Спиридон Шелехов – оклад 8 р., Владимир Клепиков – оклад 6 р. [8, л. 365–378].

Позднее Борис Толбузин выполнял более ответственные задачи военной службы в Тобольске, в качестве головы руководил военными походами из городов Сибири на кочевников. Летом 1635 г. головы дети боярские Борис Толбузин с Михаилом Байкашиным возглавили служилых людей Тобольска в походе ратных людей Тобольска, Тюмени и Тары на кочевников и разбили на юге группу ойратов, взяв много пленных. «Писали ис походу в Тоболеск головы Борис Толбузин с товарищи, что Божию милостью а государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси счастьем колматцких многих людей побили и полон поймали...» [5, с. 430]. В 1636 г. Борис Толбузин служил в Вагайском остроге, основанном в 1633 г., и перенёс его в урочище Атбаш далее по р. Вагай, в результате острог стал называться Атбашским. В 1638 г. Толбузин служил приказчиком в Нижней Ницынской слободе, в августе, сентябре он получил ряд грамот в связи с движением кочевников на юге Сибири [5, с. 450].

Положение в Тобольске Бориса Толбузина позднее перешло к его сыну Лариону Борису, в 1660 г. назначенному воеводой в Забайкалье – даурские остроги. Тобольск был главной русской базой, откуда отправляли экспедиции для присоединения Восточной Сибири. В 1656 г. енисейский воевода Афанасий Пашков был послан Сибирским приказом первым воеводой в Даурию и командовал в крае по 1662 г. Позднее в острогах Даурии служили приказчиками дети боярские Тобольска. В 1660 г. в даурские остроги был назначен воеводой из Тобольска то-

больский сын боярский Ларион Борисов – сын Толбузин – «послан из Тобольска в Дауры, в Нерчинские остроги» на смену Афанасию Пашкову, который с поездкой служил в Даурии 8 лет [4, с. 161].

Путь в Даурию из Тобольска занимал больше года. В отписке енисейскому воеводе Ларион Толбузин писал: «В прошлом, господине, во 168 (1660) году по указу великих государей послан я на службу их, великих государей, в Сибирь, в новую Даурскую землю, на великую реку Шилку, в Нерчинской острог, воеводе Офонасью Пашкову на перемену. И я, господине, пришел на великую реку Шилку в Нерчинской и в Иргенский остроги к воеводе Афонасью Пашкову в нынешнем во 170 (1662) году, мая в 12 день. И по указу великих государей у воеводы Афонасья Пашкова на великой реке Шилке и на Иргене озере, и на Теленге в их, великих государей, в трех острогах служилых и новоприборных людей, которые были у воеводы Афонасья Пашкова на его подъеме семьдесят пять человек принял» [3, с. 138]. Поход служилых людей в Даурию сопровождался конфликтами с населением края. По данным воеводы Якутска Голенищева – Кутузова, на Толбузина жаловались «многие торговые и промышленные люди, что де тобольской сын боярский Ларион Толбузин со служилыми людьми на походе в Даурскую землю, по Лене реке пловучи, многих торговых и промышленных людей и пашенных крестьян пограбили» [3, с. 139].

В 1667 г. Ларион Толбузин отправил в Москву челобитную: «Царю бьёт челом холоп ваш великих государей Ларька Толбузин. Служу я, холоп ваш великих государей, вам, великим государем, на вашей великих государей службе в нерчинских острогах со 170 (1662) году по нынешней 175 (1667) год бес перемены. И будучи на вашей великих государей дальней службе, оскудал и одолжал великими долгами. А женишко мое и детишка в Тобольску скитаютца промеж двор, помирают голодную смертью... Велите, великие государи, меня, холопа своего, с своей великих государей з дальней службы из нерчинских острогов переменить» [3, с. 147].

Эта служба продолжалась долгое время. Только 1 марта 1668 г. из Тобольска «в Дауры, в Нерчинские остроги» на смену Лариона Толбузина был отправлен тобольский ротмистр литовского списка Данило Данилов – сын Аршинский [4, с. 164]. В 1670 г. приказчиком в Нерчинском остроге служил

сын боярский Даниил Аршинский. В 1673 г. по государеву указу из Тобольска в Даурию в Нерчинские остроги на воеводство на место Данила Аршинского был отправлен Павел Яковлев – сын Шульгин. В это время по поручению воевод Тобольского разряда Ларион Толбузин и его сын Фаддей Толбузин служили в качестве воевод в важных центрах Западной Сибири – Тюмени и Березове. 1 июня 1670 г. на место князя Петра Гагарина в Березов был послан сын боярский Тобольска Фаддей Ларионов – сын Толбузин, который должен был руководить делами с «тамошними сыном боярским и атаманом», служил там по 1672 г. [4, с. 164]. Только в 1672 г. из Тобольска в Березов на место Фаддея Толбузина был послан тобольский сын боярский Яков Григорьев – сын Шульгин. В 1670 г. когда воевода Тюмени Алексей Беклемишев умер, в Тюмень из Тобольска был послан письменный голова Ефим Иванов – сын Козинской, который в 1671 г. был послан воеводой в Сургут, а ему на смену в Тюмень – сын боярский Ларион Борисов, сын Толбузин [4, с. 165].

Назначение воеводами в эти города Сибири решалось Сибирским приказом и производилось дворянами из Москвы, случаи занятия данных постов детьми боярскими Сибири на столь долгий срок были довольно редкими. Можно сказать, что дети боярские Толбузины пользовались большим доверием воевод Тобольска, руководства Сибирского приказа, который утверждал подобные назначения, занимали особое место среди детей боярских и служилых людей Тобольска и всей Сибири.

В 1676 г. тобольский сын боярский Ларион Толбузин получил новое назначение на Дальний Восток и был послан воеводой в Нерчинские остроги, а его сын Алексей должен был занять место брата Фаддея в Иркутском и Албазинском острогах. 29 июня 1676 г. из Тобольска в Даурию отправились Ларион Борисов – сын Толбузин – с сыном Алексеем с жёнами и детьми. По данным летописи, в этой поездке 1676 г. Ларион Толбузин доехал до Енисейска и умер, выехав из Енисейска в Даурию. В то же время сын Лариона Фаддей Толбузин ехал с Москвы на приказ и умер на дороге [4, с. 165]. 29 июля 1676 г. после Фаддея руководство Иркутским и Албазинским острогами было передано Алексею Толбузину. В результате Алексей Толбузин руководил Нерчинским уездом с 1676 по 1680 г. В 1680 г. в Нерчинский уезд был прислан из

Москвы стольник Федор Воейков первым воеводой. Однако у Федора Воейкова в крае начался конфликт со служилыми людьми Албазина.

В 1683 г. Алексей Толбузин был послан в Даурию, где стал воеводой Албазина. По данным братьев Петра и Фёдора Толбузиных – детей Алексея, в 1683 г. их отец Алексей Толбузин получил важный чин дворянина «по выбору» и был послан в Албазинский уезд «для сыску» про воеводу Нерчинска Фёдора Воейкова и его сына Андрея «по челобитью» албазинских служилых людей. После проведения сыска Алексей Толбузин был назначен временным воеводой Албазина «до государева указа». В 1684 г. Толбузин провёл сыск по челобитью служилых людей и прислал материалы расследования в Москву [9, л. 1–10].

По данным Сибирского приказа, Алексей Толбузин был верстан в дети боярские в 1671 г. по государевой грамоте с окладом 14 р., 14 чет ржи 14 чет овса и 3 пуда соли. В 1676 г. воевода Тобольска Шереметев прибавил ему из выбылых окладов 6 р., 6 чет ржи, 6 чет овса. В итоге оклад составлял 20 р., 20 чет ржи 20 чет овса. В 1678 г. по распоряжению правительства дача к окладу была отнята, как незаконная, и был оставлен в старом окладе. В конце XVII в. в Тобольске появились дворяне по городу. Всего по данным Сибирского приказа, с 1683 по 1693 г. 18 детей боярских города были зачислены в особую статью в дворяне Тобольска. Алексей Ларионов – сын Толбузин – 26 февраля 1683 г. был пожалован в дворяне «по выбору» Тобольска. Оклад Толбузина был восстановлен до старого размера, и составлял к 1686 г. 20 р., 20 четей ржи, 20 четей овса [7, л. 46об.].

В июне 1685 г. Алексей Толбузин в качестве первого воеводы Албазина руководил защитой города от наступления маньчжур [1, с. 23]. К Албазину «пришли в большом собрании китайские воинские люди и многолюдством и великой пушечной стрельбою и постоянным приступом» взяли город [9, л. 5]. После взятия города Алексей Толбузин и служилые люди были отпущены в Нерчинск и «идучи терпели великую нужду и голод», питались травой. Осенью 1685 г. под руководством А. Толбузина русские вернулись в город и укрепления Албазина были усилены. Алексей Толбузин руководил защитой Албазина от новой осады маньчжур и в 1686 г. был убит ядром из пушки, залетевшим в бой-

ницу, откуда воевода руководил обороной. В 1688 г. за службу Алексея Толбузина его сыновья Пётр и Федор стали дворянами по выбору [9, л. 1–14].

В период осады Алексей Толбузин был убит из пушки. В годы командировки Толбузина его семья – жена и дети Пётр и Фёдор – жили более 3 лет в Енисейске и «одолжали великими долгами». Пётр и Фёдор Толбузин обратились с челобитьем к государю с просьбой пожаловать их в дворяне. 16 мая 1688 г. его дети – Пётр и Фёдор Толбузины – были пожалованы получить чин отца и были записаны в дворяне по выбору Тобольска «за службу и кончину отца». Однако дворяне Тобольска были оставлены в прежних окладах. Руководство Сибирского приказа приказало воеводам Тобольска без государева указа и без особых государевых грамот не прибавлять дворянам оклад и не зачислять в состав новой группы служилых людей [9, л. 12]. В перечневом списке Тобольска 1692 г. отмечалось, что по городу служат два дворянина по выбору – Пётр и Фёдор Толбузины, 16 дворян тоболян, 1 чел. по государевой грамоте был переведён в 1692 г. в головы конных казаков. По данным окладной книги 1693 г., в Тобольске имелись два дворянина по выбору – Пётр Алексеев Толбузин, Фёдор Алексеев Толбузин, а также 17 тобольских дворян.

Позднее важную роль в служилом мире Сибири играл Фёдор Толбузин. По данным переписи Тобольска 1710 г. дворянин по выбору Фёдор Алексеев – сын Толбузин, будучи в возрасте 33 лет, получал жалование «денег 15 рублей хлеба ржи 7 четьи с осьминою овса тож соли 3 пуда». Ф. Толбузин жил с женой: «У него жена Овдотья Иванова дочь 28 лет с ним живет племянник ево родной дворянин Михайла Петров сын Толбузин 16 да тетка ево родная девка Наталья Ларионова дочь Толбузина 53 года да сестры родная девка Фетинья Алексеева дочь 27 двоюродная девка Стефанида Иванова дочь Шульгина 17 лет». В доме Толбузина жило большое количество холопов – его «кабальные люди Никита Ларионов сын 66 лет Терентей Васильев 35 у него жена Лукерья Леонтьева дочь 18 лет купленные татарской породы Иван 18 Николай 14 лет Федоровы калманка вдова Орина Иванова дочь 40 у нее дети Иван 7 Федор 5 Григорьевы дети да башкирка вдова Окулина не крещена 30 лет у нее сын Иван Михайлов 4 лет у Михаила Толбузина купленных людей Яков Иванов 28 у него жена Анна Иванова дочь 28 лет дочь Федосья 3 лет

Алексей Никитин сын прозвище Поляков 19 лет да у Федораж Толбузина приданой человек калмык Павел Григорьев 28 у него жена Орина Иванова дочь 28 лет» [10, л. 499–500].

Источники и литература

1. **Артемьев А. Р.** Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине в XVII–XVIII вв. Владивосток: Ин-т истории Дальневост. отд-ния РАН, 1999. 336 с.
2. **Бродников А. А.** Первые духовные дела в Енисейском остроге: к вопросу о взаимоотношениях светской и духовной власти в Сибири XVII столетия // Вестник НГУ. 2013. Т. 12. В. 8. С. 73–79.
3. **Красноштанов Г. Б.** Никифор Романов Черниговский. Иркутск: Репроцентр А1, 2008. 378 с.
4. **Книга Записная, Сибирский летописный свод** // Полное собрание русских летописей. М., 1987. Т. 36: Сибирские летописи. С. 138–176.
5. **Миллер Г. Ф.** История Сибири. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 638 с.
6. **РГАДА (Российский государственный архив древних актов).** Ф. 199. Д. 541.
7. **РГАДА.** Ф. 199. Д. 480. Ч. 1.
8. **РГАДА.** Ф. 214. Кн. 14.
9. **РГАДА.** Ф. 214. Ст. 970.
10. **РГАДА.** Ф. 214. Оп. 1. Д. 1317.

УДК 93/94
ББК ТЗ(2)4:ТЗ(2)5

Юрий Алексеевич Головин,

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова,
г. Ярославль, Россия*

Пограничная политика России в Забайкалье в XVII–XVIII веках

Освоение новых сибирских пространств потребовало разграничения территории сопредельных государств и проведения эффективной пограничной политики России в Забайкалье. В непростых военно-политических условиях в XVII–XVIII вв. удалось закрепить прохождение границы в Забайкалье межгосударственными договорами, создать силы и средства для охраны границы, обеспечить безопасность Российского государства на пограничных рубежах.

Ключевые слова: договоры о границе в Забайкалье в XVII–XVIII вв., пограничная политика, пограничные конфликты, силы и средства охраны государственной границы в Забайкалье в XVII–XVIII вв.

Yuriy Alexeevich Golovin,

*Yaroslavl State University by P. G. Demidov,
Yaroslavl, Russia*

The Border Policy of Russia in Zabaikalia in XVII–XVIII Centuries

Discovering of the new Siberian territories required identification of the borderlines of the bordering countries and implementing the effective Russian borderline policy in the areas beyond the Baikal Lake. During the quite uneasy times in XVII – XVIII centuries it became possible to fix the exact borderlines in the territories beyond the Baikal Lake with the inter-state agreements. Likewise it became possible to ensure the means for guarding the borders and to provide control over the Russian territories on the borderlines.

Keywords: agreements on the borderlines beyond the Baikal Lake in XVII–XVIII centuries, borderline policy, borderline conflicts, means for guarding the state borderline in the territories beyond the Baikal Lake in XVII–XVIII centuries

Важным этапом российской истории стало освоение сибирских территорий, установление государственной границы в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Пограничная политика в Забайкалье в XVII–XVIII вв. формировалась в сложных условиях. В условиях неустановленной линии границы с монгольскими и маньчжурскими племенами в районах соприкосновения происходили вооружённые стычки, угоны скота, другие негативные явления. Значительную роль в формировании пограничной политики Российского государства в Забайкалье сыграл будущий сподвижник Петра Первого, видный российский государственный деятель Фёдор Алексеевич Головин. Подробно об этом периоде истории Забайкалья повествуется в книге Н. Константиновой «Рубеж полуденного края», изданной в Чите в 2014 г., в которой на основе архивных источников, работ отечественных исследователей подробно излагается история формирования и охраны забайкальской границы [3].

Забайкальские земли для Российской империи осваивали казаки – «служилые люди», отряды которых численностью 50–100 и более человек встречали вооружённое сопротивление со стороны местного населения (тунгусы, монголы-кочевники). Опорными базами для последующих походов являлись зимовья и остроги. В Забайкалье сложилась целая система острогов: Баргузинский (1648), Иргенский и Нерчинский (1653), Телембинский (1658), Селенгинский и Удинский (1665), Еравненский (1675), Аргунский (1681), Сретинский (1689) и др. Наиболее значимым для защиты интересов России в регионе стал Нерчинский острог, который в 1689 г. был возведён в статус города, был первым и длительное время единственным городом в Восточном Забайкалье. В Западном Забайкалье важнейшим военно-административным центром стал Селенгинский острог. Важную роль для обеспечения пограничной безопасности играл Аргунский острог.

Первым договором о территориальном размежевании в Забайкалье стал Нерчинский договор 1689 г. [4, с. 12–14]. Вместе с тем демаркация обозначенной в договоре границы не проводилась, карты и описания пограничной линии не составлялись. Тексты Нерчинского договора оказались неидентичными: они отличались количеством статей в разноязычных текстах, несоответствием их содержания, в текстах договора фигурировали различные географические ориентиры

или различные названия одних и тех же географических объектов. Тем не менее, стороны стремились выполнять положения договора.

Пока не произошло разграничения русских и цинских владений западнее Аргуни, существовала, как видно, практика, при которой общие положения Нерчинского договора (о наказаниях за нарушение границ, о перебежчиках и др.) распространялись и на эту территорию. При этом как русская администрация, так и правители Китая придавали важное значение положениям Нерчинского договора, хотя долгое время не предпринимали никаких мер для ознакомления с ними администрации на местах. Так, известно, что в течение 1699–1700 гг. по требованию иркутского начальства приказчики (главные административные лица) острогов «учинили заказ крепкий» подведомственным им служилым людям «не ходить в монгольские улусы» и «споров не чинить» [3, с. 41].

Однако, несмотря на все усилия администраций обоих государств, нарушения статей Нерчинского договора повторялись. В русском документе 1700 г. отмечалось: «...мунгальские тайши, которые кочуют близ украинских городов царского величества, не опасаясь ево богдыханова высочества указу, промеж государства чинят споны и посольским договором над решений, а у русских и у ясашных людей коней табуны и рогатой скот отгоняют и чинят по все годы безпрестанно споры; и из под Иркутца которые посылаютца на службы, их, захав малолюдством, побивают на смерть и грабят». В первой четверти XVIII в. в русские владения в Забайкалье монголы неоднократно откочёвывали целыми родами. Так, в 1721 г. посланник в Китай Л. В. Измайлов сообщал Петру I, что «подданных богдыханова величества мунгал с 700 человек бежали ныне в сторону вашего величества» [3, с. 43].

Прохождение российско-китайской границы на участке от верховья реки Аргуни до перевала Шабинь-Дабага (верховья реки Енисей) было закреплено Кяхтинским (Буринско-Кяхтинским) договором 1727 г. Впоследствии прохождение границы уточнялось и изменялось в Айгунском (1858) и Пекинском (1860) договорах, а также в Цицикарском протоколе (1911) [4, с. 19–22].

Охрана восточной границы складывалась иначе, чем на западных и южных рубежах Российского государства. Всего в Сибири в конце XVII в. насчитывалось около

10 тыс. служилых людей. Постоянные гарнизоны обычно состояли из небольшого числа «беломестных казаков» – ратных людей, которые были освобождены («обелены») от основных налогов и повинностей, но «служба с земли», получали все виды «государева жалования».

Военной охраны не хватало, и местные власти привлекали к службе посадское и местное население. В острогах нередко вооружали всех боеспособных жителей, возлагали на них сторожевую службу, посылали в отъезд караулы. Для своевременной защиты от набегов организовывалась сторожевая служба, предпринимались походы в степь объединёнными силами нескольких населённых пунктов [1, с. 51].

На забайкальской границе сразу же после подписания Буринско-Кяхтинского договора в дополнение к ранее организованным пограничным пунктам было учреждено 18 караулов. Караулы на границе – это населённые пункты военно-оборонительного значения, располагавшиеся в 15–30 верстах от границы. Караулы укреплялись палисадами, рогатками и надлобами. Въезд преграждали шлагбаум и будка часового. К концу 1728 г. на забайкальской границе протяжённостью 2,5 тыс. вёрст действовал 31 караул. Располагались они друг от друга на расстоянии до 100 вёрст, иногда – до 200 вёрст [3, с. 67].

Пограничную стражу представляли кочевавшие вдоль границы представители бурятских и тунгусских родов, русские служилые люди («казаки») и солдаты регулярных войск. Непосредственную охрану государственной границы в Забайкалье несли «инородцы» (до 160 чел.) в караулах по 5–10 юрт. Службу несли добросовестно. 29 марта 1728 г. одиннадцати родам хоринских бурят Селенгинского и Нерчинского ведомств «за их верность, прилежность к службе, и чтобы и впредь служили со всякой ревностью» были пожалованы знамёна – по одному на каждый род. Караульными смотрителями, т. е. начальниками пограничных караулов, были русские служилые люди – 12 чел. Кроме того, в Кяхтинском и Цурухайтуевском форпостах кроме 11 служилых людей «на случай какой экстры» были сосредоточены 100 солдат Якутского полка. Также регулярные подразделения дислоцировались в Селенгинске, Нерчинске и на территории нерчинских заводов и рудников.

Делами пограничной стражи ведало созданное в Селенгинске пограничное управление. Должность коменданта Селенгинска

совмещалась с обязанностями главного пограничного управителя. В 1731 г. им стал полковник И. Д. Бухолц, прибывший в Забайкалье по указу Петра I в качестве командира посольского эскорта Владиславича-Рагузинского. Обязанности пограничной стражи определялись специальными инструкциями, регулировавшими систему охраны государственной границы в Забайкалье. Первые такие нормативно-правовые акты («Инструкция пограничному дозорщику Фирсову и толмачу Кобею» и «Реляция о пограничных дозорщиках»), разработанные в развитие Буринско-Кяхтинского договора полномочным послом С. Л. Владиславичем-Рагузинским, были даны в июне 1728 г. [3, с. 67–70].

Отношения между забайкальскими пограничными казаками и монголами были самыми дружественными: взаимный беспрепятственный переезд через границу, скот пасётся очень часто в монгольских пределах за ничтожную плату, нередко сообщения проходят по чужим территориям.

В 1851 г. было образовано Забайкальское казачье войско, на которое были возложены обязанности по охране государственной границы в Забайкалье. Таким образом, если раньше граница охранялась лишь пограничными казаками, то с образованием Забайкальского казачьего войска эта обязанность легла на всё войско. Задачи и порядок по охране забайкальской границы были определены в «Инструкции об обязанностях забайкальского войскового начальства и чинов оно по пограничным делам» от 1853 г. Территория казачьих войск в Забайкалье в административном отношении была разделена на три округа. Окружные управления дислоцировались в Троицкосавске, Нерчинске и Акше. В военном отношении Забайкальское казачье войско было разделено на три отдела: 1-й конный отдел был образован из станиц конного войска Западного Забайкалья (по реке Селенга); 2-й – из станиц конного войска Восточного Забайкалья (по рекам Онон и Аргунь), 3-й пеший отдел – из всех пеших станиц пешего войска (почти всё пространство между рек Шилка, Аргунь и Ингода) [3, с. 122–128].

Российская сторона в переговорах по пограничным вопросам жёстко отстаивала свои национальные интересы, вместе с тем шла на разумные уступки и компромиссы. Пограничная политика заключалась в опоре на местное население приграничных районов, активное привлечение к охране границы местных жителей.

Личный опыт службы в Краснознаменном Забайкальском пограничном округе в 1988–1993 гг. свидетельствует о том, что документы о прохождении границы, опыт организации охраны при опоре на местное население, тесное взаимодействие с монгольскими пограничниками в процессе охраны границы актуальны и в наши дни. Во второй половине XX в. Советский Союз оказывал существенную помощь братской Монголии в организации охраны границы: в советских пограничных училищах была организована подготовка офицеров для пограничных войск МНР, налажено тесное взаимодействие на всех уровнях управления в охране границы,

взаимовыгодное сотрудничество приграничных районов.

Пограничная политика России в Забайкалье на протяжении всей истории была направлена на укрепление политической системы государства, защиту её национальных интересов на Дальнем Востоке [2].

Расширяя свою территорию на востоке, Россия решала важную геополитическую задачу: увеличивала мощь и укрепляла национальную безопасность. На российской территории оказались несметные природные ресурсы, практически до XX в. не было внешней агрессии с этого стратегического направления.

Источники и литература

1. **Боярский В. И.** На стороже Руси стоят. Страницы истории пограничной стражи Российского государства. М.: Граница, 1992. 168 с.
2. **Головин Ю. А.** Защита политической системы Российской Федерации: теоретические и прикладные аспекты проблемы // Национальная безопасность. 2012. № 3. С. 37–45.
3. **Константинова Н. Н.** Рубеж полуденного зноя (Формирование и охрана забайкальской границы в середине XVII в. – начале XX в.) / отв. ред. А. В. Константинов. Чита: Экспресс-издательство, 2014. 208 с.
4. **Пограничная служба России:** Энциклопедия. Формирование границ. Нормативная база. Структура. Символы / Г. Н. Симаков [и др.]; под общ. ред. В. Е. Проничева; ФСБ РФ, Погранич. науч.-исслед. центр. М.: Военная книга: Кучково поле, 2009. 624 с.

УДК 821.161.1

ББК ШЗЗ

Людмила Мусалимовна Карчанова,
*Государственный архив Забайкальского края,
г. Чита, Россия*

«...Он победил и время, и пространство»: к памятной дате – 180 лет со дня гибели великого русского поэта А. С. Пушкина

В статье представлены документы Государственного архива Забайкальского края, показывающие связь А. С. Пушкина с Забайкальским краем: Императорские указы, документы о друзьях поэта – Жуковском, Карамзине, Вяземском, Блудове, о его врагах – Нессельроде, Бенкендорфе, Идалии Полетике. Рассмотрены восстание в Польше в 1830–1831 гг. и события в Санкт-Петербурге, которые отразились как в творчестве поэта, так и в документах госархива.

Ключевые слова: Пушкин, император, цензура, наводнение, польское восстание, друзья и враги поэта, деньги, архивы, историограф, юбилей

Ludmila M. Karchanova,
*State Archive of Zabaykalsky Krai,
Chita, Russia*

“...He Won and Time and Space”: a Memorable Date Is 180 Years Since the Death of the Great Russian Poet A. S. Pushkin

The article presents the documents of the State archive of the Transbaikalian region, showing the relation of the A. S. Pushkin TRANS-Baikal Krai – the Imperial decrees, documents of the friends of the poet, Zhukovsky, Karamzin, Vyazemsky,

Bludova and its enemies – Nesselrode, Benckendorff, Idalia Poletyka. The uprising in Poland in 1830–1831 and events in Saint-Petersburg, which was reflected in the works of the poet, in the documents of the state archives.

Keywords: Pushkin, the Emperor, censorship, flood, the Polish uprising, the friends and enemies of the poet, money, archives, historian, anniversary

Пушкин и Забайкалье... Первое, что приходит в голову – это взаимоотношения поэта с декабристами, отбывавшими каторгу и ссылку в нашем крае. Но творчество А. С. Пушкина «так многопланово, разнообразно и безгранично», что попытаться обнаружить и другие нити, связывающие Пушкина с Забайкальем, стало заманчивой и интересной работой в Госархиве. Тем более что в 2017 г. страна отмечает памятную дату – 180 лет со дня гибели великого русского поэта, историка и основоположника современного русского языка. В результате большой исследовательской работы выявились не только единичные документы, но целые блоки документов, сблизивших великого поэта с Забайкальским краем. Документы так или иначе связанные с именем поэта выявлены в фондах: «Нерчинская воеводская канцелярия», «Нерчинское горное правление», «Петровский железодельный и чугуноплавильный завод», «Забайкальское областное правление», «Военный губернатор Забайкальской области», «Дирекция народных училищ», «Читинская мужская гимназия», «Читинский горисполком».

В первую очередь, связанные с нашим краем указы императоров – Павла I, Александра I, Николая I за 1799–1837 гг., на правление которых пришлись годы жизни поэта. Указа императора Павла I о поэте нет и быть не может, т. к. Пушкину было только два года, когда царь был убит в результате дворцового переворота. Но в госархиве хранится указ Павла I за 1799 г. (а это, как известно, год рождения поэта) «О сборе пошлин с ввозимых и вывозимых товаров на Кяхтинской таможене и Цурухайтуевской таможенной заставе» [1, л. 187].

Как дамочков меч над головой поэта всю жизнь висела цензура. В письме П. А. Осиповой в сентябре 1826 г. Пушкин пишет: «Много говорят о новых, очень строгих, постановлениях относительно дуэли и о новом цензурном уставе; но, поскольку я его не видал, ничего не могу сказать о нём...». «Устав о цензуре», о котором упоминает поэт, вышел в июне 1826 г. и вошёл в историю под названием «чугунный устав». В составе фонда «Нерчинское горное правление» хранится «Устав о цензуре», о котором писал Пушкин

в своём письме, и этот объёмный документ, действительно, является «чугунным» – он содержит 19 глав и 230 параграфов, т. е. в пять раз больше предыдущего первого цензурного устава 1804 г. [2, л. л. 66–67]. «Устав о цензуре» 1826 г. запретил не только всю древнегреческую и древнеримскую историю, но и даже официальную «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина. Он содержал подробные правила не только для цензоров, но и книгопродавцев, библиотек, типографий и литографий и т. д.

В «Уставе о цензуре», например, есть § 151 под названием «Когда запрещается двоякий смысл», который гласит: «Не позволяется пропускать к напечатанию места в сочинениях и переводах, имеющие двоякий смысл, ежели один из них противен Цензурным правилам» [2, л. 77]. Но даже правая рука шефа жандармов Бенкендорфа – управ-

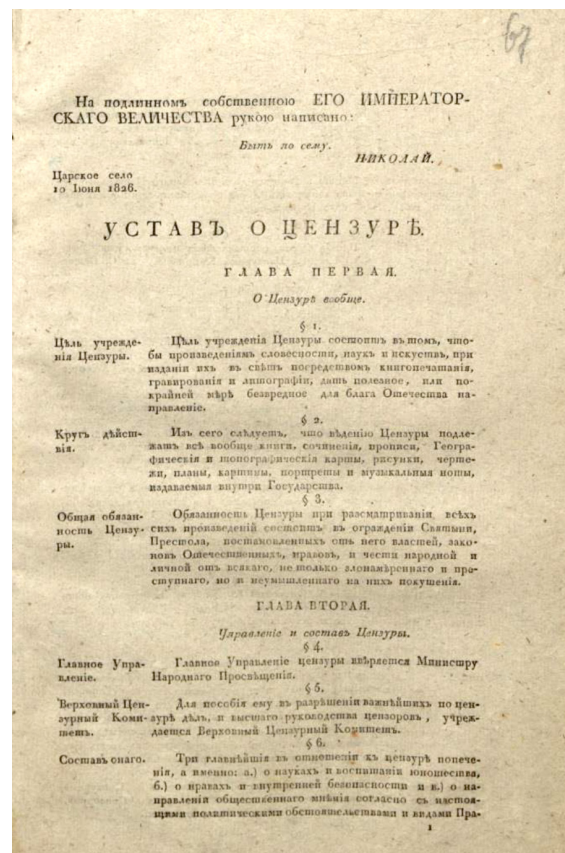


Рис. 1. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 919. Л. 67. Устав о цензуре. 1826 г.

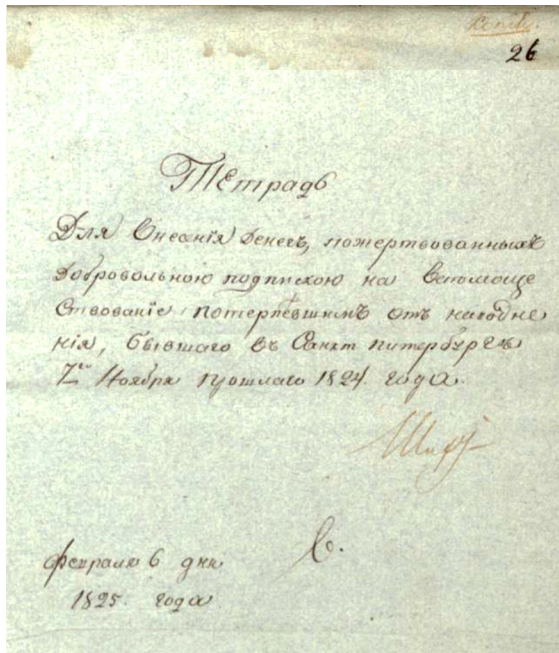


Рис. 2. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 879. Л. 26. Тетрадь для внесения денег, пожертвованных добровольною подпискою на вспомошествование потерпевшим от наводнения, бывшем в Санкт-Петербурге 7 ноября прошлого 1824 г. 1825 г.

ляющий III отделением, одновременно являющийся членом Главного управления цензуры и Комитета о раскольниках, Леонтий Васильевич Дубельт говорил: «...нет книги в свете, не исключая и самого Евангелия, из которых нельзя было бы извлечь отдельных фраз и мыслей, которые отдельно должны казаться предосудительными». Пушкин, постоянно ругавший цензуру, возмущавшийся её бессмысленностью, даже писал стихотворение «Послание цензору».

Но, к счастью, действие этого «чугунно-го» Устава о цензуре 1826 г. было недолгим. Ещё при жизни поэта он был заменён на более мягкий.

Болезненным событием для Пушкина стало польское восстание 1830–1831 гг. против власти Российской империи. На это событие Пушкин, ратовавший за целостность России, написал два стихотворения – «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина».

В составе фондов Госархива «Нерчинское горное правление» и «Забайкальское областное правление» хранятся многочисленные именные списки «политических пре-

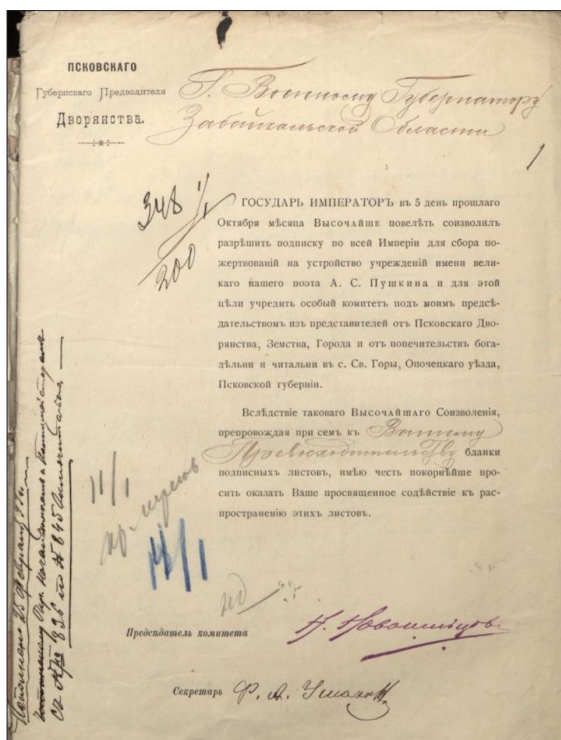


Рис. 3. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (общ.). Д. 3805. Л. 1. Предложение председателя Псковского дворянства Военному губернатору Забайкальской области о распространении подписных листов для сбора пожертвований на устройство учреждений имени А. С. Пушкина. 1899 г.

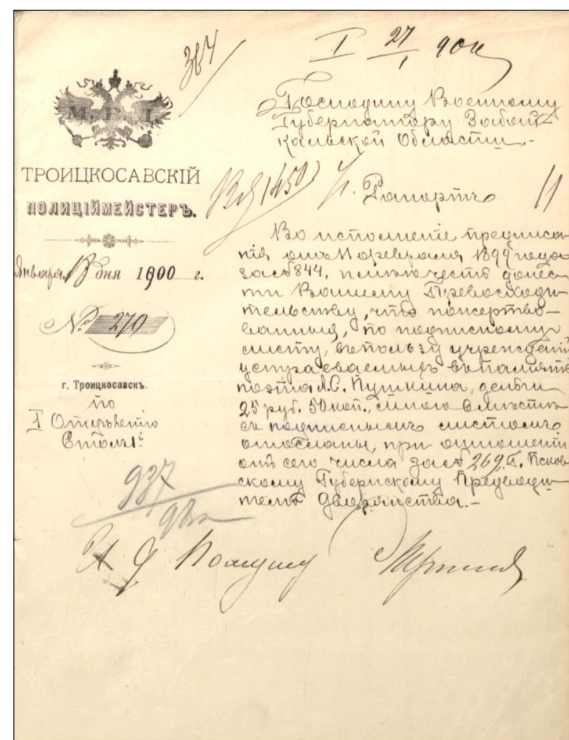


Рис. 4. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (общ.). Д. 3805. Л. 11. Рапорт Троицкосавского полицмейстера Военному губернатору Забайкальской области о собранных и отправленных Псковскому губернскому председателю дворянства 25 р. 50 коп. 1900 г.

ступников», участников восстания в Польше в 1830–1831 гг. [3, л. 48]. Хранится и статейный список одного из организаторов восстания Петра Высоцкого, о котором Пушкин писал в своих письмах. В статейном списке Петра Высоцкого значится: «...В Нерчинские заводы поступил в 1835 г. ... За побег из Александровского винокуренного завода наказан шпицрутенами чрез 500 человек 2 раза». Пётр Высоцкий был амнистирован только в 1857 г. [3, л. 50об.].

О катастрофическом наводнении, случившемся в г. Санкт-Петербург 7 ноября 1824 г. Пушкин написал поэму «Медный всадник». Об этом «потопе» он упоминает в письмах к брату Льву Сергеевичу. В Госархиве в фонде «Нерчинское горное правление» хранится дело, в котором на 230 листах описана помощь, которую оказали забайкальцы пострадавшим, как сказано в документах: «от внезапного и необыкновенного наводнения» жителям Санкт-Петербурга. Возглавляет этот блок документов письмо из Иркутского губернского правления от 15 января 1826 г. на имя начальника Нерчинского горного округа Тимофея Степановича Бурнашева, в котором говорится о распоряжении «его сиятельства князя Куракина», возглавившего Центральный комитет по оказанию помощи пострадавшим от наводнения, «о приглашении в заводском ведомстве ... к добровольному пожертвованию для пособий, в особенности для жителей низшего класса» [4, л. 26]. В архивном деле имеется несколько «Тетрадей для внесения денег», в которых указано, кто именно подписался и какую сумму внёс. Жертвовались суммы покрупнее – 10–15 р., но забайкальцы – народ небогатый, и, большей частью, вносились копейки – 50, 25 и даже 5 коп. Люди несли свои «достатки», которые были ничтожно малы, но когда не было и их, то жители Нерчинского горного округа отдавали последнее, что у них было, – хлеб. Но, в конечном итоге, эти маленькие ручейки превращались в тысячи рублей, так необходимые разорённым питерцам «низшего класса». В конце этого большого блока документов хранится письмо Т. С. Бурнашеву из Иркутского губернского правления, датированное уже 12 февраля 1826 г., в котором сообщается, что «пожертвованные чиновниками и другими лицами Нерчинских горных заводов 3395 руб. 67 $\frac{1}{4}$ коп ... представлены к Управляющему Министерства Внутренних Дел», а «председательствующий в Комитете Алексей Борисович Куракин ... просит изъяс-

вить от имени Комитета всем участвовавшим в благотворительном приношении совершенную благодарность» [4, л. 222 об.]. Всего Санкт-Петербург испытал на себе 300 наводнений. Но наводнение, случившееся в городе 7 ноября 1824 г., оказалось самым сильным и разрушительным из всех прежних и последующих.

О документах, связанных с декабристами, уже много писалось и говорилось – это и Указ Николая I о Пущине, и распоряжение с автографом управляющего III отделением Дубельта о Кюхельбекере, и медицинское освидетельствование смерти Лунина, и документы фонда «Петровский железодельный и чугуноплавильный завод» о княгине Волконской и графине Муравьевой и целые комплексы других документов.

Хранятся в госархиве императорские указы о друзьях поэта – Жуковском, Карамзине, Вяземском, Блудове. Русский поэт, ос-

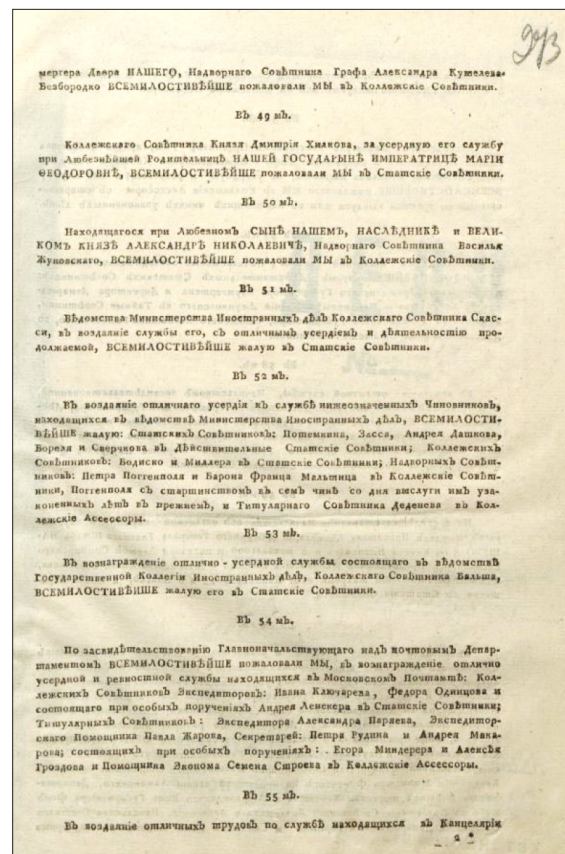


Рис. 5. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 919. Л. 273. Именной Указ Императора Николая I о В. А. Жуковском: «...Находящегося при любезном СЫНЕ НАШЕМ, НАСЛЕДНИКЕ ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ АЛЕКСАНДРЕ НИКОЛАЕВИЧЕ, надворного советника Василья Жуковского, МИЛОСТИВЕЙШЕ пожаловали Мы в коллежские советники...». 1826 г.

новоположник романтизма в русской поэзии, Василий Андреевич Жуковский очень любил Пушкина, преклонялся перед его гением, был привязан к нему, как к сыну, хотя был старше Пушкина всего на 16 лет. Пушкин, в свою очередь, тоже очень любил Жуковского. В письме к брату Л. С. Пушкину поэт называл его «гением хранителем, моим Жуковским». Самому Жуковскому он писал: «Ты увидишь Карамзиных – тебя да их люблю страстно». Жуковскому поэт посвятил изумительные по красоте строки. Василий Андреевич учил русскому языку будущую императрицу Александру Фёдоровну, потом был наставником наследника престола – будущего императора Александра II. В Госархиве хранится именной Указ императора Александра I о возведении Жуковского в чин коллежского советника: «Находящегося при любезном СЫНЕ НАШЕМ, НАСЛЕДНИКЕ ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ АЛЕКСАНДРЕ НИКОЛАЕВИЧЕ, надворного советника Василья Жуковского, МИЛОСТИВЕЙШЕ пожаловали МЫ в коллежские советники» [2, л. 273]. В трагические январские дни 1837 г. Жуковский неотлучно находился у постели умирающего поэта. Он передавал записки между императором Николаем I и поэтом.

Пушкин очень дорожил дружбой с крупнейшим писателем эпохи сентиментализма, создателем «Истории государства Российского» Николаем Михайловичем Карамзиным. Несмотря на большую разницу в возрасте, историограф и молодой поэт были довольно близки. Пушкин очень высоко ценил историю его отечества, воссозданную талантливым пером писателя. Уже в зрелые годы Пушкин много размышлял об исторической роли Карамзина, его идей и трудов. «Чистая, высокая слава Карамзина принадлежит России», – писал поэт. Приступая к созданию своих исторических трудов – «Истории Пугачевского бунта» и «Истории Петра I», Пушкин осознавал себя историком, преемником Карамзина. В научно-справочной библиотеке Госархива хранится книга «Переводы Карамзина» (т. 9, изд. 4-е.). Книга издана в г. Санкт-Петербург в типографии Александра Филипповича Смирдина в 1835 г. [6]. Это не прижизненное издание Карамзина, он умер в 1826 г., а прижизненное издание А. С. Пушкина. Книга за 178 лет побывала во многих частных библиотеках, ведомственных и общественных. На ней и экслибрис «Байбарадина в Кяхте», печать Читинской библиотеки почтово-телеграфных чи-

нов, Читинской окружной центральной библиотеки, Читинской районной библиотеки культ-комиссии союза связи. Окончательное пристанище томик Карамзина обрёл в научно-справочной библиотеке госархива.

Пушкин очень дорожил возможностью работать в архивах Российской Империи. Он, когда подал в отставку, как об особой милости просил у императора разрешения продолжить работу в архивах. По правилам того времени работать в архивах и библиотеках имел право только государственный служащий. В работе над историей Петра Великого очень помогал поэту Дмитрий Николаевич Блудов – русский литератор и государственный деятель, министр внутренних дел. Указ Александра I от 11 июля 1826 г., хранящийся в госархиве, гласит: «Действительного статского советника Блудова Всемиловитейше пожаловали мы в наши Статс-секретари, повелеваю производить ему по сему званию жалованью по две тысячи рублей в год и Государственного казначейства, сверх получаемых им окладов» [2, л. 89]. С Блудовым Пушкин подружился в литературном кружке «Арзамас». В 30-х гг. XIX в. Блудов, возглавлявший Коллегию иностранных дел, помогал Пушкину в доступе к архивным документам, он же ходатайствовал о назначении жалованья поэту как историографу. Для написания «Истории пугачевского бунта» Пушкин не только работал в архивах, но и объехал все места, где полыхало пламя восстания. Документы об отбывавших каторгу в нашем крае участниках восстания Емельяна Пугачева хранятся в составе фондов «Нерчинская воеводская канцелярия» и «Нерчинское горное правление». «Яицкие мятежники» – так они значатся в документах госархива. Пушкин преклонялся перед личностью первого императора Всероссийского Петра I как царя-реформатора. В госархиве хранятся и Указы Петра I, например, Указ о винной монополии государства.

С полным правом можно отнести к числу врагов А. С. Пушкина супругов графа и графиню Нессельроде. Граф Карл Васильевич Нессельроде был очень влиятельным государственным деятелем, прослужившим рекордное количество лет на посту министра иностранных дел. В коллегии иностранных дел под руководством графа Нессельроде Пушкин служил в 1817–1824 гг. и 1831–1837 гг. Но имя поэта трагично связано с женой этого высокопоставленного сановника – Марией Дмитриевной, урождённой Гурьевой.

Пушкин написал злую эпиграмму на её отца – Дмитрия Александровича Гурьева, управляющего императорским кабинетом, и не только – он также сочинял анекдоты и эпиграммы на саму графиню. Их неприязнь была взаимной и сильной. В ходе изощрённой интриги против Пушкина Мария Дмитриевна Нессельроде полностью была на стороне Геккернов – отца и усыновленного в 22-летнем (!) возрасте, его сына, Жоржа Шарля Дантеса. Деятельность графа Нессельроде отражена во многих документах госархива. В частности, в составе фонда «Нерчинское горное правление» хранится документ от 31 октября 1826 г.: «Указ Его Императорского Величества о вступлении г. действительного тайного советника графа Нессельроде в управление Министерством иностранных дел» [2, л. 526].

В госархиве также хранится документ о роковой красавице Идалии Полетике – одной из самых одиозных фигур в числе светских врагов А. С. Пушкина. Словами же поэта её называли «злым... гением чистой красоты». Идалия Полетика и Наталья Николаевна Пушкина были троюродными сёстрами. Идалия была вхожа в дом Пушкиных и поначалу отношения между ней и поэтом были дружескими. Но в дальнейшем, по неизвестной причине, они становятся открытыми врагами. В составе фонда «Военный губернатор Забайкальской области» хранится Указ Его Императорского Величества Александра II от 31 октября 1860 г. «О предоставлении родового имения действительного статского советника Полетики в пожизненное владение вдовы его», в котором сказано: «По прошению вдовы Идалии Полетики, согласно просьбе покойного мужа, принадлежащее ему родовое имение в Тамбовской области, принять в пожизненное владение... По смерти Идалии Полетики означенное имение должно перейти к наследникам мужа её» [5, л. 357].

До Пушкина поэзия была аристократическим развлечением. Он был одним из первых в России, кто добился повышения статуса поэта в творческую профессию. Первым заработком Александра Сергеевича за литературный труд стал гонорар в 1500 р. за поэму «Руслан и Людмила». Деньги играли в жизни Пушкина важную роль. В одном из писем он написал, что «уже поборол в себе отвращение к тому, чтобы писать стихи и продавать их, дабы существовать на это – самый трудный шаг сделан. Если я ещё пишу по воль-

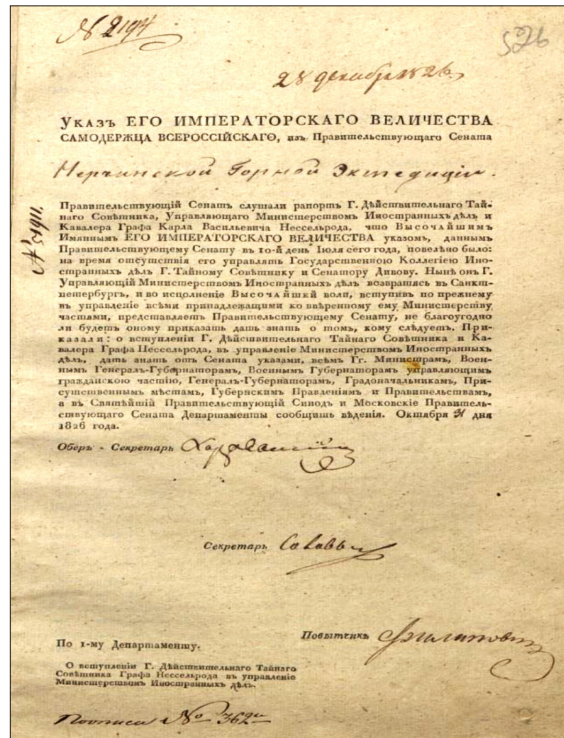


Рис. 6. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 919. Л. 273. Указ Императора Николая I о вступлении графа Нессельроде в управление Министерства иностранных дел. 1826 г.

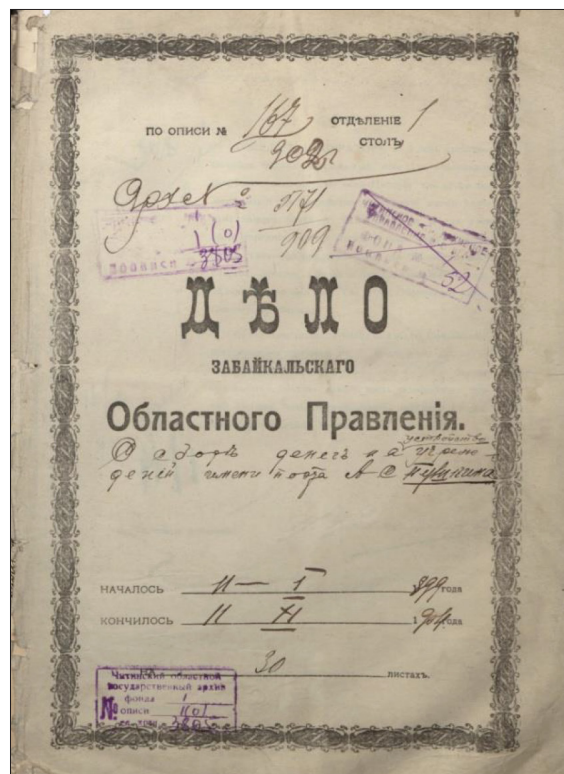


Рис. 7. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (общ.). Д. 3805. Дело о сборе денег на устройство учреждения имени поэта А. С. Пушкина. 1899 г.

ной прихоти вдохновения, то, написав стихи, я уже смотрю на них как товар по столько-то за штуку». В составе фонда «Нерчинское горное правление» хранится Указ Александра I от 31 июля 1826 г., который называется: «Об оставлении золотой, серебряной и медной монеты в весе, пробе, величине и наружному виду своему, той же самой, которая обращалась минувшее Царствование» [2, л. 91]. В этом же указе вступивший на престол император Николай I повелел лишь на серебряной монете «всех разборов» изобразить «летучего орла с распушенными крыльями». 100-летию юбилею со дня рождения поэта,

которое праздновалось в 1899 г., посвящено целое архивное дело «О сборе денег на устройство учреждений имени поэта А. С. Пушкина». Многочисленные документы дела рассказывают о вкладе, который внесли забайкальцы в этот сбор пожертвований, «возбуждённом Псковским дворянством» (см. рис. 1–7).

Так, бесценные документы Государственного архива Забайкальского края, хоть и опосредованно, но петелька за петелькой, сплелись в драгоценное кружево, в котором обозначились имена и события, связывающие великого поэта с Забайкальем.

Источники и литература

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 31. Оп. 1. Д. 404.
2. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 919.
3. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (пол.). Д. 22.
4. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 879.
5. ГАЗК. Ф. 13. Оп. 2. Д. 2.
6. **Переводы Карамзина**. 4-е изд. СПб.: Типография Смирдина, 1835. Т. 9. 245 с.

УДК 622

ББК 33

Алексей Владимирович Мясников,
*Государственный архив Забайкальского края,
г. Чита, Россия*

Маркшейдер Иоган Конрад Ион

Статья посвящена малоизученной биографии видного саксонского горного специалиста Иогана Конрада Иона. На его примере показаны условия жизни, занятия саксонцев, трудившихся на Нерчинских заводах по контракту в первой половине XVIII в. Освящён вклад Иона в изучение Забайкалья и развитие горнозаводского дела края.

Ключевые слова: Нерчинские заводы, саксонцы, история горного дела

Alexey V. Myasnikov,
*State Archive of Zabaykalsky Krai,
Chita, Russia*

Markscheider Johan Konrad Jon

The article is devoted to a little-known biography of notable Saxon mining specialist Johan Konrad Jon. His example shows the conditions of life, occupations of the Saxon, who worked at the Nerchinsk factories under contracts in the first half of XVIII century. The author of the article consecrated Jon's contribution to the study of Transbaikal region and the development of mountain-factory business there.

Keywords: Nerchinsk factories, the Saxons, history of mining

В XVIII в. заметную роль в развитии Нерчинских сереброплавильных заводов сыграли немецкие специалисты. Как правило, это были выходцы из Саксонии. Российское правительство приглашало их на службу, заключало с ними контракты сроком от трёх до шести лет. Многие иностранцы, отработав по контракту один или два срока, уезжали на родину. Однако находились такие иностранцы, которые в силу различных обстоятельств подолгу работали в России или вовсе оставались здесь навсегда. Они внедряли в российское горное дело немецкие технологии и терминологию, изучали природу малоосвоенных и экзотических для европейцев земель.

Пожалуй, одним из самых замечательных представителей саксонской диаспоры на Нерчинских заводах был маркшейдер Иоганн Конрад Ион. Его имя неоднократно встречается в различных документах и упоминается в специальной литературе, посвящённой истории горного дела России. Между тем его биография и заслуги перед горным делом Забайкалья ещё не нашли достаточно полного отражения в научных работах.

О жизни Иогана Конрада Иона в Саксонии пока известно очень мало. Судя по документам, он был небогат. Его долг перед фрейбергским купцом Иоганном Фридрихом Гейнцелем составлял 180 таллеров. Возможно, финансовые сложности побудили Иона в 1738 г. поступить на российскую горную службу. Контракт он заключил во Фрейберге.

При зачислении на службу Иону присвоили горный чин маркшейдера. Подписав документы, в числе 52 других немцев, отправился на Урал, в Екатеринбург, где привлёк внимание местного горного начальства, как знаток пробирного и маркшейдерского искусств, плавильного дела.

В Екатеринбурге немецких контрактеров распределяли на службу на Уральские и Сибирские заводы. Иоганну Конраду Иону было поручено возглавить группу из 11 саксонцев, направлявшихся на Нерчинский завод. По дороге четверо человек из этой партии остались работать на Красноярских заводах.

Канцелярия главного заводов правления, которой подчинялся Нерчинский завод, требовала от Нерчинского горного начальства не вмешиваться в работу иноземцев, не чинить им препятствий. В одной из инструкций содержалось указание: «В добыче руд иметь отчёт и старание и во всём соглашаться с посланным туда маркшейдером саксонцем Ионом» [1, л. 56об.]. Нерчинское горное

начальство так же должно было согласовывать с ним некоторые кадровые решения, вопросы строительства и ремонта зданий. В то же время иностранцы не имели права заниматься делами, «которые их должности не касаются» [1, л. 42]. О подобных нарушениях надлежало рапортовать в Екатеринбург.

Прибыв на Нерчинский завод, контрактеры изучили местное производство, познакомились с рабочими, выбрали из них помощников и учеников. Однако по началу дела у них шли неважно. Ион жаловался начальству, что выделенные его команде квартиры столь ветхи, что жить в них невозможно. В плавильных сараях опять-таки из-за ветхости, по его словам, нельзя было работать. «Харчевые припасы» саксонцам не поставлялись. В Нерчинском Заводе продукты стоили очень дорого, и немцам в поисках дешёвого продовольствия приходилось ездить по окрестным деревням. Получив известие о злключениях иностранцев, Канцелярия главного заводов правления потребовала от Нерчинского горного начальства заготавливать для них провиант и выдавать им его из казны за «указную плату». Плавильные сараи и квартиры по приказу Канцелярии следовало починить [1, л. 230].

Несмотря на бытовые трудности, Иоганн Конрад Ион проектировал различные механизмы, участвовал в строительстве Курунзулайского медеплавильного завода, изучал местные руды. В 1741 г. он попытался выделить золото из серебра Зерентуйского рудника, о чём доложил в генерал-берг-директориум [10, с. 178].

Ион старался заменить существовавшую в Забайкалье ещё с конца XVIII в. греческую технологию плавильного дела на саксонскую. Вместе с технологией внедрялась и новая терминология. Правда, управитель Нерчинского завода поручик Елизар Назарьев скептически относился к нововведениям саксонца. Он утверждал, что в старых греческих галидах серебро от свинца отделяется «чище», нежели в печах «саксонского манира» [4, л. 434]. Назарьев продолжал отстаивать свою правоту и поднимал этот вопрос даже после отстранения с поста управителя завода. В 1744 г. он обвинил Иона в том, что при изучении и разработке Монастырского рудника тот добыл около 15 тыс. пудов «пустой» руды [3, л. 254]. Эти факты позволяют предположить, что между саксонским маркшейдером и управителем был конфликт.

В 1743 г. Елизара Назарьева отстранили от должности. Новый управитель Дмитрий Одинцов, принимая дела, выявил нарушения, в которых обвинил своего предшественника, а заодно и канцеляриста Ковригина. С новым руководством Ион нашёл взаимопонимание.

Одинцов, хорошо разбиравшийся в горном деле, видел в Ионе незаменимого специалиста, консультировался с ним по вопросам совершенствования плавильных процессов. В частности, Ион убедил Одинцова в важности тщательного исследования образцов руд и пород, доставлявшихся с рудников. Саксонец доказывал, что сначала нужно изучить состав и свойства руд, а потом правильно составить шихту.

Например, руда Зерентуйского рудника плавилась легко, без всяких добавок, а руда Таганского рудника, напротив, была тугоплавкой настолько, что за неделю невозможно было переплавить более 300 её пудов. По настоянию Иона были проведены экспериментальные плавки, во время которых таганские и зерентуйские руды смешивались в следующей пропорции: «сорок пудов зерентуйской желтой руды, сорок пудов таганской светлой, да двадцать пудов таганского ж светлого подрудку» [2, л. 295об]. Затем количество подрудка было уменьшено на 10 пудов, а вместо него добавили то же количество тугоплавких светлых руд. В итоге удалось добиться того, что в одной печи можно было переплавлять до 600 пудов руды в неделю. Дмитрий Одинцов признал результаты опытов успешными и постановил следующее: «Серебряные всякие руды плавить, мешая мягкие с крепкими так же и с подрудками со всех рудников по препорции, дабы оные в туне не лежали, как до сего было» [2, л. 296].

В 1744 г. Ион получил право требовать от Нерчинского горного начальства всё, что считал нужным «к производству заводскому». При этом каждые полгода должен был рапортовать в Берг-коллегию о состоянии горных и заводских работ. Кроме того, он регулярно отчитывался и отвечал на запросы из канцелярии главного заводов правления в Екатеринбурге.

Так, в мае 1744 г. в ответе на один из запросов из Екатеринбурга о возможности технического усовершенствования на Нерчинском заводе Ион описал местную плавильную технологию на Нерчинском заводе, сравнив её с Саксонской. В нём он отметил, что галиды (сереброразделительные печи)

построены по «саксонскому манеру», и от саксонских они отличаются только тем, что не имеют в верхней части железной крышки или шляпы. Из-за недостатка железа вместо неё нерчинские мастера сделали кирпичный свод [9, с. 73–75].

Тем временем руководство горных заводов постепенно отказывалось от массовой контрактации зарубежных специалистов. В 1747 г. Канцелярия главного заводов правления со ссылкой на указ Берг-коллегии приказала в горном и плавильном деле полагаться на русских мастеров, «чтоб впредь возможно было своими людьми без определения иностранных горных служителей без всякой нужды исправится» [5, л. 16]. Однако ценных, хорошо зарекомендовавших себя, иностранных специалистов Берг-коллегия предписывала удерживать, стараться уговорить принять русское подданство.

В тот же год у маркшейдера Иона заканчивался срок службы. Он объявил, что хочет вернуться на родину. Нерчинское горное начальство пыталось уговорить его перейти на вечную службу или заключить новый контракт. Саксонец соглашался остаться ещё на некоторое время, при условии, что ему будет дан деньщик и увеличено жалованье. Вдобавок он сообщил, что получил с родины известие о смерти отца жены, которая осталась без средств к существованию. Поэтому просил выписать её из Саксонии. Путь супруги до Петербурга предлагал оплатить сам. Но расходы на её проезд от российской столицы до Нерчинского завода должна была взять на себя Берг-коллегия.

Канцелярия главного заводов правления, учтя что «в таковых людях Нерчинску состоит нужда», постановила: «Нежели жена ево выписана будет из Саксонии, тогда ево Нерчинскому горному начальству склонять и обнадёживать повышением чина и прибавкою жалованья чтоб он вечно в Российской службе остался» [5, л. 120–121]. Если иноземец откажется, то начальству предписывалось уговорить остаться его на длительный срок.

После переговоров Иоганн Конрад Ион подписал новый контракт и обещал наладить разделение золота от серебра сухим путём, продолжать обучение русских людей премудростям горной и пробирной науки. Ему дали деньщика, оставили прежнее жалованье (450 р.) и казённую квартиру. На этих условиях он мог оставаться в Нерчинском Заводе до тех пор, пока сам не поже-

лает уехать. Его просьба о приезде жены долго оставалась без всякого решения. По крайней мере, в 1748 г. Нерчинское горное начальство ещё докладывало, что «на оное указа и донные ещё не получено» [6, л. 116].

В 1748 г., когда Дмитрий Одинцов по вызову Берг-коллегии уехал в Москву, маркшейдера Иона и берггешворена Петра Яковлева назначили присутствующими в Нерчинском горном начальстве. Фактически они стали временными управителями Нерчинских заводов. В 1749 г. Нерчинское горное начальство возглавил ассессор Игнатий Никитич Юдин. Ион при нём остался служить в начальстве и отвечал за техническое оснащение производства.

В то же время Ион проводил начатые ранее опыты по отделению золота от серебра «сухим путём». Суть этого метода состояла в том, что золотистое серебро мелко дробили, смачивали водой и смешивали с тёртой серой, а потом расплавляли в специальных сосудах. Смесь выливали в конические сосуды и охлаждали. После завершения операции осажденное золото отбивали от серебра с серой [11, с. 132]. Очистка серебра от серы, как правило, проходила путём обжига. В 1749 г. Берг-коллегия выразила удовлетворение стараниями Иона, но заметила, что сделанные им для разделительной операции плавильные горшки ненадежны и часто трескаются. Поэтому чиновники Берг-коллегии требовали найти для горшков более качественную глину или же сделать вместо них медные фурмы [6, л. 181].

Ион планировал продолжать опыты и совершенствовать плавильную технологию, но не имел возможности для продолжения своих работ. Новый управитель Юдин отвергал многие рационализаторские предложения саксонца, не советуясь со специалистами, приказал разломать до фундамента две пригодные для плавки руд печи в плавильне, а сам за казённый счёт в Нерчинском Заводе на горе Крестовой рядом с часовней начал возводить большое каменное сооружение. Ион пытался делать замечания, жаловался вышестоящему руководству. Но Юдин, желая стать единовластным управителем, отстранил его от заседаний. Под опалу попал и Пётр Яковлев. Тогда Ион задумался о возвращении на родину и попросил об увольнении [7, л. 44]. В 1751 г. Канцелярия главного заводов правления напомнила Юдину о том, что решения, принимаемые горным начальством, должны быть коллеги-

альными, и постановила вернуть отстранённых ранее специалистов [7, л. 49].

В 1752 г. командование Нерчинскими заводами принял ассессор Иоганн Баннер. Он стремился увеличить количество рудников, вёл строительство вододействующего завода на р. Уров. Во время разъездов по рудникам Баннер назначал своим заместителем Иона.

В декабре 1754 г. экипажмейстер Нерчинской секретной экспедиции Соймонов, планируя наладить в Забайкалье железодобывательное производство, обратился в Нерчинское горное правление с просьбой предоставить информацию о месторождениях железных руд вблизи Нерчинского Завода. В связи с этим Баннер приказал Иону разведать месторождение железной руды на речке Чалбуче, в 7 верстах от завода. В январе 1755 г. Иоганн Конрад Ион во главе отряда из 10 рабочих отправился в низовья Чалбучи. На склоне горы возле заброшенных выработок он приказал забить шурф. За десять дней рабочие сумели углубиться на 4 сажени. Длина шурфа составила три сажени, а ширина – 1 сажень. Из этой выработки было получено около 900 пудов руды. Баннер доложил Соймонову, что время для подобных работ выбрано неудачно и что летом разведка была бы более плодотворной. По его подсчётам, в тёплое время года за десять дней силами того же отряда можно было бы добыть не менее 10 тыс. пудов руды.

Опираясь на предварительные результаты этих зимних исследований, Баннер счёл месторождение перспективным и рекомендовал организовать железодобывательный промысел в Аргунском остроге, возле которого было достаточно леса, необходимого для жжения угля. Доставлять чалбучинскую руду он предлагал, сплавляясь на плотках по Аргуни [8, л. 9–10].

Одновременно с научными и административными занятиями, Ион, в соответствии с контрактом, добросовестно передавал свои знания русским ученикам. Он обучал маркшейдерскому искусству и пробирному делу воспитанников немецкой школы, отправленных из Екатеринбурга, – Матфея Сизикова, Федора Граматчикова, а также нерчинско-заводских детей и молодых служащих – Панкрата Углева, Никиту Павлуцкого, Павла Томилова, Дмитрия Ковригина. В 1755 г. на основании аттестатов и рекомендаций, подписанных Ионом, унтер-шихтмейстер Углев получил чин шихтмейстера, а

пробирный ученик Павлуцкий был удостоен звания унтершхтмейстера. Некоторые из его учеников впоследствии стали именитыми специалистами. После 1755 г. Иоган Конрад Ион получил звание обер-берг и гитен-мейстера. Вместе с Иоганом фон Баннерам

и Христианом Леманом входил в состав Нерчинского горного начальства. Однако, несмотря на довольно успешную карьеру и уговоры российских властей остаться, он в 1757 г. вернулся в Саксонию.

Источники и литература

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 31. Оп. 1. Д. 4.
2. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 5.
3. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 6.
4. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 7.
5. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 9.
6. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 11.
7. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 12.
8. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 14.
9. **Корепанов Н. С.** Как на заводе серебро плавил // Нерчинский Завод. Чита: Забайкал. гос. ун-т, 2015. С. 71–75.
10. **О первом отделении золота от Нерчинского серебра** // Горный журнал. 1828. Кн. 9. С. 177–180.
11. **Спасский Г. И.** Горный словарь. М.: Типография Николая Степанова, 1842. Ч. 2. 272 с.

УДК 338.47(571.5)(09)

ББК У37(253.5)г

Маргарита Максимовна Боронова,

*Бурятский государственный университет,
г. Улан-Удэ, Россия*

Транспорт в историческом развитии региона (по материалам «Бурятия в дореволюционный период»)

В статье рассматривается роль транспорта в заселении и хозяйственном освоении отдалённых от центра территорий. До конца XIX в. Бурятия имела крайне ограниченную сеть наземных дорог, что являлось тормозом в хозяйственном освоении края. Со строительством Транссибирской железнодорожной магистрали ситуация в развитии сибирского региона постепенно стала меняться.

Ключевые слова: хозяйство, транспорт, производство, железная дорога, население, промышленность

Margarita M. Boronova,

*Buryat State University,
Ulan-Ude, Russia*

Transport in Historical Development of Region (Based on the Materials of Buryatia in Pre-Revolutionary Period)

The article examines the role of transport in settlement and economic development of remote areas from the center. It is noted that until the end of the XIX century Buryatia had an extremely limited network of land roads, which was a brake on the economic development of the region. With the construction of the Trans-Siberian Railway, the situation in the development of the Siberian region gradually began to change.

Keywords: economy, transport, production, railway, population, industry

На всех этапах истории развития Забайкалья транспорт играл важнейшую роль в развитии производительных сил. Задачи хо-

зяйственного освоения настоятельно требовали опережающего развития транспортной сети, особенно в отдалённых, труднодоступ-

ных районах. Наиболее заселёнными и развитыми в хозяйственном отношении территориями в Сибири являлись те, которые прилегали к главным транспортным магистралям.

Дореволюционная Бурятия отличалась слабой транспортной освоенностью земель, что влекло за собой крайне медленное хозяйственное развитие края. В XVIII в. основными транспортными артериями были Сибирский (Московский), Тункинский, Кяхтинский и Читинский тракты. Местное население в основном занималось пастбищным скотоводством и вело кочевой и полукочевой образ жизни. Промышленное производство было представлено небольшими предприятиями полукустарного типа и специализировалось, главным образом, на переработке местного сельскохозяйственного сырья. Это были небольшие винокурные, кожевенные, маслобойные, кирпичные заводы, продукция которых практически не поставлялась на внешние рынки, а использовалась для удовлетворения местных хозяйственных нужд.

В условиях крайне низкого уровня развития местного производства важную роль в экономическом развитии края играл торговый капитал. Торговые связи с центральными губерниями России, а также с ближайшими соседями – Китаем и Монголией – служили источником обогащения местного купечества, владевшего значительными капиталами.

Особую роль играла Кяхта – крупный центр русско-китайской торговли. Общие обороты кяхтинской торговли в конце XVIII в. составляли около 2/3 всего оборота внешней торговли России через азиатские границы и 7–8 % внешней торговли России [3, с. 64].

Развитие торговли, усиление внутренних и внешних связей способствовали строительству новых дорог. В 1839 г. был проложен Удунгинский зимний тракт, по которому доставлялись торговые грузы из Кяхты в Москву. Инициатива сооружения этого тракта принадлежала зажиточному кяхтинскому купечеству, поэтому в народе его называли «купеческим».

Местные жители прилегавших к торговым путям населённых пунктов активно принимали участие в извозном промысле. Этим промыслом на основе гужевого повинности занималось как русское, так и бурятское население. Указанные дорожные тракты играли исключительно важную роль в хозяй-

ственном развитии края вплоть до сооружения Транссибирской железнодорожной магистрали в конце XIX в.

С 30–40-х гг. XIX в. большое развитие в Восточной Сибири получила добыча золота. Во многих районах были обнаружены богатые запасы драгоценного металла. В течение короткого времени «золотая лихорадка» охватила значительную часть края.

В 1844–1846 гг. в Верхнеудинском и Баргузинском округах Западного Забайкалья появляются первые золотодобывающие прииски, куда вкладывают свои капиталы местные купцы и промышленники. В короткие сроки эта отрасль выдвинулась на первый план и стала одной из наиболее высокодоходных отраслей местного хозяйства. Она приобрела общегосударственное значение и способствовала укреплению экономических связей Забайкалья с центром России.

Развитие золотопромышленности стимулировало подъём в других отраслях хозяйства. Возрос спрос на сельскохозяйственные продукты и рабочую силу, увеличился грузооборот, развернулось строительство новых гужевых дорог, оживилось судоходство на Байкале и реках.

Новый импульс хозяйственному развитию Забайкалья, как и всей Сибири в целом, дало строительство Транссибирской железной дороги. Отдалённые окраины всё более активно втягивались в орбиту общероссийского развития. Существенно активизировался товарообмен с центральными районами страны. На сибирском рынке появилась промышленная продукция из Европейской части России, одновременно с этим возросла возможность сбыта сырья и продуктов сельского хозяйства в центр и даже за границу.

Строительство Транссиба способствовало развитию сибирского предпринимательства. Многие местные товаропроизводители, столкнувшись с продукцией фабрично-заводского производства, не выдерживали конкуренции и уходили с рынка. Однако на месте старых возникали новые производства, в том числе и по обслуживанию нужд самой железной дороги. На местах стал формироваться свой рабочий класс, усилились процессы социального расслоения населения.

Сооружение железной дороги способствовало росту народонаселения в крае. С началом движения по Транссибу увеличился приток переселенцев из европейской части России. Вдоль дорожного полотна появились

новые станции и посёлки: Байкал, Слюдянка, Култук, Танхой, Мысовая, Тимлюй, Селенга, Татаурово, Заиграево и др. Возросла численность населения городов, особенно тех, которые располагались вдоль Транссиба. Так, значительно увеличилось население г. Верхнеудинск. С 1897 г. по 1917 г. оно возросло в 2,7 раза и достигло 21,6 тыс. чел. [2, с. 14].

Если до проведения железной дороги Верхнеудинск, располагавшийся между двумя крупными торговыми центрами – Иркутском и Кяхтой, находился как бы в «тени» этих двух городов, то теперь положение изменилось. Верхнеудинск становится крупным железнодорожным узлом в Забайкалье.

Благодаря удобному транспортно-географическому расположению город стал быстро развиваться, возросли торгово-хозяйственные связи, увеличилось число его жителей. Реки Селенга и Уда, а также проходившая через Верхнеудинск Транссибирская магистраль, старые торговые пути на золотые прииски Баргузина и в Кяхту, делали Верхнеудинск привлекательным для предпринимательской деятельности.

Строительство Транссибирской магистрали послужило катализатором развития местной промышленности. Возросшая потребность в сырье и строительных материалах стимулировала разработку местных полезных ископаемых, а также развитие цементной и лесопильной промышленности. Более чем в три раза увеличилась добыча

каменного угля в 1905–1907 гг. по сравнению с 1901 г. Так, на месторождениях каменного угля вблизи с. Тарбагатай ежегодная добыча природного сырья доходила до 70 000 т. За 1897–1901 гг. Кокертойский и Брянский цементные заводы произвели 3000 тыс. бочек доброкачественного цемента, а шесть лесопильных предприятий Западного Забайкалья к началу Первой мировой войны выпускали 40 000 м³ леса [1].

В Верхнеудинске появились рабочие и служащие, занятые обслуживанием железной дороги, были открыты железнодорожные мастерские и депо. Город всё больше притягивал к себе население и стал крупным транспортным, торговым и административным центром в Забайкалье.

Между тем часть старых городов, оказавшись в стороне от транспортных магистралей, начала терять своё бывшее значение. Население этих городов уменьшалось, и их развитие приходило в упадок. Исключение составлял лишь Баргузин, находившийся вдали от железной дороги, но продолжавший расти за счёт золотопромышленности.

Однако некоторое оживление в хозяйстве дореволюционной Бурятии не ликвидировало общей социально-экономической отсталости края. Бурятия по-прежнему оставалась типичной аграрной окраиной царской России. Сказывалась большая удалённость от промышленно развитого центра, малонаселённость и слабая хозяйственная освоённость территории.

Источники и литература

1. **Кальмина Л. В.** Верхнеудинск и Чита в начале XX века: борьба за лидерство // Развитие городских поселений Байкало-Азиатского региона. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2006. 170 с.
2. **Мангатаева Д. Д.** Городские поселения Бурятской АССР. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 1978. 131 с.
3. **Халбаева-Боронова М. М.** Бурятия: проблемы комплексного развития региона. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2005. 192 с.

УДК 93/94(571.55)
ББК ТЗ(2)(2Рос-4Чит)

Татьяна Сергеевна Григорьева,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

История создания Читинской мужской гимназии (по материалам Государственного архива Забайкальского края)

В статье рассматривается история создания мужской гимназии в г. Чита. Анализ архивных материалов показал, что вопрос об открытии среднего учебного заведения в Восточной Сибири решался очень долго. Причинами этого являлись: недостаток денежных средств, учителей, подходящих помещений и бюрократические сложности. Решить вопрос помогли частные и общественные пожертвования. Буряты собрали более половины всей суммы для строительства здания. В 1883 г. было получено разрешение Государственного Совета, а в 1884 г. гимназия открылась. Создание Читинской мужской гимназии может служить примером сотрудничества общественных инициатив и местных властей.

Ключевые слова: мужской пансион, гимназия, г. Чита, пожертвования, инородцы, Государственный Совет, Министерство народного просвещения

Tatyana S. Grigorieva,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

History of Creation of the Chita Men's Gymnasium (on Materials of the State Archive of Zabaykalsky Krai)

In article history of creation of a men's gymnasium in Chita is considered. The analysis archival material has shown that the issue of opening of average educational institution in Eastern Siberia was resolved very long. Were the reasons of it: lack of money, teachers, suitable rooms and bureaucratic difficulties. But private and public donations have helped to resolve an issue. Foreigners – Buryats have collected more than a half of all sum for construction of the building. In 1883 permission of the State Council has been got and in 1884 the gymnasium has been open. Creation of the Chita men's gymnasium can be an example of cooperation of public initiatives and local authorities.

Keywords: men's board, gymnasium, Chita, donations, foreigners, State Council, Ministry of national education

Ни в одном российском регионе необходимость в учебных заведениях так заметно не ощущалась, как в Сибири. Процесс их создания в XIX в. здесь тормозился рядом причин: отсутствием учителей, подходящих помещений для учебных нужд, библиотек. У правительства не хватало средств для поддержания благоприятной обстановки в деле народного образования в Восточной Сибири. Поэтому вопрос об учреждении учебных заведений решался очень долго [9, с. 381].

В начале 60-х гг. XIX в. в г. Чита намечалось открытие гимназии на средства, собранные у населения области путём добровольных пожертвований. Однако это вопрос «увяз», как обычно, в недрах бюрократического аппарата, затянулся на долгие годы, и

вместо гимназии в Чите открыли два частных пансиона – мужской и женский, с полной программой первых классов прогимназий ведомства Министерства народного просвещения [1, с. 84]. Проект мужского пансиона принадлежал военному губернатору Забайкальской области Н. П. Дитмару, который в 1864 г. создал комитет, открывший сбор пожертвований. Денежные средства приносились «с охотой и горячностью», причиной чего стала уверенность, что за открытием пансиона последует учреждение гимназии. За короткий срок удалось собрать 200 тыс. р., причём половину всей суммы внесли бурятские общества. В 1865 г. мужской пансионат открылся без официального разрешения под ответственность Н. П. Дитмара. Случай неординарный, но, не-

смотря на проявляемый с 1863 г. консерватизм Александра II, он вполне соответствовал периоду развёртывания либеральных реформ 1860–1870 гг., одновременно пришёлся на генерал-губернаторство в Восточной Сибири М. С. Корсакова. Последний, будучи до 1861 г. военным губернатором Забайкальской области, знал проблемы, связанные с созданием образовательных учреждений в Чите [7, с. 9]. В пансионе обучались мальчики всех сословий и вероисповеданий. Обучение проходило по программе реальной гимназии с подготовительным отделением. Основное внимание уделялось изучению математических, естественных и исторических наук. Первый набор составил 50 чел. Размещалось учебное заведение в двух домах доктора Н. Ф. Ворожцова, которые были переданы в собственность пансиона и служили казёнными квартирами. В 1865–1866 гг. для пансиона построили специальное двухэтажное здание на ул. Большая. Правда, после четырёхлетнего существования его пришлось закрыть из-за недостатка денежных средств на содержание. За четыре года в частном Читинском мужском пансионе получили образование 243 юноши [6, с. 424].

К вопросу об открытии в г. Чита гимназии или среднего общеобразовательного учебного заведения вернулись в 1871 г., после выхода в свет нового «Устава гимназий и прогимназий». Отметим, что в § 3 устава говорилось о необходимости иметь, по крайней мере, одну мужскую гимназию в губернском или областном городе. К этому времени на территории Восточной Сибири мужская гимназия существовала только в Иркутске. Между тем женские гимназии уже открылись в Троицкосавске, Верхнеудинске и Нерчинске. Таким образом, обучать детей в мужской гимназии могли в основном жители Иркутска и ближайших к нему местностей. Для значительной части населения Забайкальской области образование в этой гимназии оказалось совершенно недоступным, т. к. было очень дорого отправлять детей учиться [2, л. 10].

Военное Министерство подало в Государственный Совет прошение о преобразовании Забайкальского казачьего войска, где предлагалось: передать войсковую учебную часть в ведение Министерства народного просвещения, поясняя, что создание в г. Чита среднего учебного заведения вызывается настоятельной необходимостью и требует безотлагательного осуществления [2, л. 10].

После рассмотрения этого ходатайства Государственный Совет решил: предоставить Министру народного просвещения войти в Государственный Совет, в установленном порядке, с представлением вопроса об учреждении в г. Чита среднего общеобразовательного учебного заведения. Однако из-за бюрократических сложностей вопрос об открытии гимназии оставался нерешённым как в Министерстве, так и в главном управлении Восточной Сибири [2, л. 11].

В 1874 г. была создана Комиссия по устройству среднего образовательного учебного заведения в Чите. Председателем её назначили Военного губернатора Забайкальской области, наказного атамана Забайкальского казачьего войска, генерал-майора И. К. Педашенко. В состав комиссии вошли главный инспектор училищ Восточной Сибири, действительный тайный советник Р. К. Маак, действительный статский советник Савинский, статский советник А. М. Падерин, директор Иркутской гимназии, коллежский советник К. Л. Яковлев [2, л. 162об.].

В докладе, представленном комиссии 7 ноября 1874 г., И. К. Педашенко отметил, что прошло уже более двух лет с момента решения Государственного Совета, однако в области так и не открыли среднее общеобразовательное заведение. В связи с реорганизацией Забайкальского казачьего войска обострилась проблема обеспечения войска офицерскими кадрами. В 1874 г. войско располагало только 37 офицерами вместо 328, положенных по штатам военного времени. Из-за недостатка числа забайкальских офицеров на службу сюда поступали из Европейской России. Отметим, что комплектование войск Забайкальской области последними обходилось очень дорого: например, поступление 109 офицеров по примерному расчёту стоило казне более 105 тыс. р. Оказалось, что значительный процент офицеров не соответствовал своему назначению, достойные из них по окончании срока службы уезжали в войска Европейской России. Самое главное – европейские офицеры не имели ничего общего с забайкальскими казаками, им не хватало единства, что требовалось для успешности боевых действий. Кроме того, Забайкальская область нуждалась в специализированных служащих и чиновниках. Лучшие оплачиваемые места занимали чиновники, приехавшие из Европейской России. Зачастую, получив опыт, они уезжали из области [2, л. 20–20об.].

Назначенная генерал-губернатором Восточной Сибири комиссия по настоящему делу пришла к следующему выводу: «Среднее общеобразовательное учебное заведение в Чите должно быть устроено безотлагательно. Таким заведением должна быть гимназия с двумя древними языками и с пансионом при ней. Расходы на её содержание, а также на возведение необходимых зданий, по неимению никаких других источников, должны быть отнесены на счет казны» [2, л. 162об.]. В заключении комиссия отметила: открытие гимназии позволит подготовить для Забайкальской области как способных офицеров для казачьего войска, так и гражданских чиновников. Результаты комиссии легли в основу ходатайств генерал-губернатора «об открытии гимназии в Чите». Отправленные в Министерство народного просвещения в 1875 г. и 1876 г. очередные бумаги не имели успеха, т. к. Министерство народного просвещения не дало им дальнейшего движения [2, л. 162об.].

Стоит обратить внимание, что с момента образования городской Думы (в 1875 г.) органы Читинского городского общественного управления развернули энергичную деятельность по развитию в городе народного просвещения. Первоочередными задачами городских властей стало поддержание в приличном состоянии имеющихся учебных заведений и, по возможности, открытие новых, поскольку потребность в них с каждым годом возрастала [8, с. 98].

В начале 1880 г. Читинская городская дума признала необходимость для города скорейшего открытия в нем гимназии и постановила «пожертвовать на устройство здания для гимназии 91 тыс. рублей и отпускать ежегодно из городских доходов на содержание пансиона по 2500 рублей» [2, л. 162об.].

На этом основании генерал-губернатор вновь, в марте 1880 г., подготовил ходатайство Министерству народного просвещения об учреждении Читинской мужской гимназии, где отметил, что от представителей всех сословий поступали настоятельные просьбы о скорейшем её открытии. Он изложил проблемы, связанные с дороговизной обучения и отдалённостью учебных заведений, а также сообщил, что местные буряты выразили готовность собрать до 100 тыс. р. на постройку здания. К заявлению бурят впоследствии присоединились остальные жители области [2, л. 163об.].

Кроме того, в этом ходатайстве указывалось, что отдельными лицами на учрежде-

ние гимназии заявлено пожертвований на 148 726 р. 34 коп., внесено 61 889 р. 1 коп. и ожидается поступление 86 847 р. 33 коп. Все поступившие деньги отосланы в Иркутское отделение Государственного банка, в принятии которых на бессрочный вклад выданы книжки Отделения банка за № 5235 и № 1420 [2, л. 169].

В июле 1882 г. под председательством генерал-губернатора был создан Комитет по учреждению в г. Чита гимназии. В его состав входили инспектор народных училищ и Читинский городской голова. Комитету предстояло решить два самых главных вопроса: во-первых, строительство гимназии с пансионом и квартир для директора, инспектора и воспитателей, во-вторых, найти помещения для гимназии в первые четыре года до окончательной постройки основного её здания [3, л. 1].

Тем временем Хоринские, Агинские, Урульгинские, Селенгинские, Баргузинские инородцы через своих главных особых уполномоченных составили приговор распределений пожертвованных ими денег, в котором отмечалось, что «из пожертвованных средств инородцами всех ведомств Забайкальской области выделить 60 000 рублей и обратить их на постройку здания гимназии, передав их в Министерство Внутренних дел» [2, л. 169–169об.]. Кроме того, генерал-майор Л. И. Ильешевич заявил, что до постройки основного здания гимназии, Забайкальское областное попечительство о детских приютах выделило общественное здание за плату 600 р. в год. Оно находилось в центре города и рядом с постройками бывшего мужского пансиона, вполне являлось пригодным для размещения первых классов. Здания пансиона, хотя и нуждались в ремонтных работах, однако можно было использовать для размещения пансионеров, квартир инспектора и воспитателя [2, л. 170–170об.].

Во многом эти действия стали проявлением инициативы общественности и местных властей. Официальное же разрешение Государственного Совета было получено только в 1883 г. В частности, в нём указывалось:

1. «Учредить в городе Чите восьмиклассную мужскую гимназию с пансионом при ней, открыв с 1 июля 1884 г., подготовительный I и II классы, прибавляя, ежегодно, начиная с 1 июля 1885 г. по одному следующему классу.

2. Отпустить на содержание низших классов Читинской гимназии и десяти казённых воспитанников 6275 р. [5, л. 21об.].

Итак, вопрос об открытии классической гимназии в Чите решился, исполнилось заветное желание Читинского городского общества и всего населения Забайкалья.

По этому случаю 30 августа 1884 г. состоялись торжества и молебн, который провёл викарный епископ Селенгинский Мелетий [5, л. 20]. Вначале гимназия помещалась во временном двухэтажном здании. 14 октября 1884 г. при ней открылся пансион «для облегчения родителей, не имеющих способов воспитывать детей дома». Содержание временного помещения гимназии обходилось в 1700 р. в год. В эту сумму входили: годовая плата – 600 р., страхование – 300 р., плата сторожу – 300 р., отопление – 150 р., мебель – 250 р., очистка труб – 100 р. За четыре года аренда помещений составила 6800 р., что оплачивалось из денежных средств жертвователей [3, л. 3].

В 1884 г. в гимназии обучались 68 мальчиков, преимущественно, детей дворян, чиновников, мещан и купцов. Среди гимназистов преобладали уроженцы области – 45 чел., дети казаков – 13 чел., инородцев (буряты) – 6 чел. Что касается религиозной принадлежности учеников Читинской мужской гимназии, то большинство из них являлись православными [4, л. 1–11]. Отметим, что в 1884 г. в числе четырёх бурятских мальчиков, зачисленных в Читинскую мужскую гимназию, оказался и Гомбожаб Цэбекович Цыбиков. В 1893 г. он окончил гимназию с серебряной медалью, позже стал известным российским востоковедом и путешественником, первооткрывателем Тибета.

Первым инспектором Читинской мужской гимназии стал К. Ф. Бирманн – статский советник и кавалер, кандидат математических наук Императорского Санкт-Петербургского университета. Учебно-воспитательный персонал состоял из шести учителей наук и искусств, двух учителей искусств и четырёх служащих.

Через 7 лет гимназии удалось окончательно решить вопрос со строительством

своего главного корпуса, заложенного в 1891 г. На его освящении присутствовал проезжавший через Читу цесаревич Николай Александрович, впоследствии ставший императором Николаем II. В 1894 г. состоялось торжественное открытие здания. Его выстроили в классическом стиле, характерном для учебных заведений конца XIX в. Автором постройки являлся архитектор Борис Рузовский. Главное здание Читинской гимназии было рассчитано на 250 учеников и в течение первого десятилетия вполне соответствовало своему назначению.

Занятия начались по полному курсу из одного приготовительного и восьми обычных классов. В гимназию принимали учащихся, прошедших вступительные экзамены по русскому языку, арифметике и латинскому языку (ученикам 1-го класса задавали перевести 8 предложений с русского на латинский). Обучение являлось платным и стоило 60 р. в год. В гимназии преподавались математика, химия, физика, законоведение, русский, классические и новые (немецкий, французский) языки, литература, история и др. Учебно-воспитательный персонал состоял из директора, инспектора, законоучителя, девяти учителей наук и языков, трёх учителей искусств, семи служащих. На службе при Читинской гимназии состоял штатный врач.

Приведённые ранее факты свидетельствуют о том, что открытие в Чите мужской гимназии было очень длительным и сложным процессом. Препятствиями к её быстрому учреждению стали бюрократическая волокита, нехватка денег, недостаток учителей. Преодолеть сложности помогла частная и общественная благотворительность. Особую роль сыграла и добрая воля отдельных представителей местной администрации, понимавших важность распространения просвещения в крае. Таким образом, учреждение Читинской мужской гимназии может служить достойным примером плодотворного сотрудничества общественных инициатив и местных властей.

Источники и литература

1. **Бахаев В. Б.** Общественно-просветительская и краеведческая деятельность декабристов в Бурятии. Новосибирск: Наука, 1980. 173 с.
2. **ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края).** Ф. 61. Оп. 1. Д. 2.
3. **ГАЗК.** Ф. 61. Оп. 1. Д. 3.
4. **ГАЗК.** Ф. 61. Оп. 1. Д. 2493 а.
5. **ГАЗК.** Ф. 282. Оп. 1. Д. 2718.
6. **Константинова Т. А.** Читинский частный мужской пансион // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование: в 2 ч. / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011. Ч. 2: Н–Я. С. 424.

7. Мерцалов В. И. Город Чита: возникновение и развитие (1851–1895 гг.) // Вестник ЧитГУ. 2012. № 5. С. 3–10.

8. Насибулин С. А. К истории городского самоуправления в Чите в 1875–1921 гг. // Гуманитарный вектор. 2009. № 3. С. 97–101.

9. Сизова Е. В. К вопросу об открытии и материальном обеспечении первой мужской гимназии в г. Омске // История образования и просвещения в Сибири и Казахстане. 2009. С. 375–381.

УДК 93/94
ББК ТЗ(2)52

Елена Сергеевна Григорьева,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Повседневная жизнь воспитанниц Иркутского девичьего института (по воспоминаниям Анны Бек)

В статье освещается повседневная жизнь воспитанниц Иркутского девичьего института конца XIX в. Интерес представляют два текста: «Обзор моей жизни» и «Выписки из дневника», написанные Анной Николаевной Бек. В них представлено красочное описание повседневной жизни воспитанниц Института благородных девиц в Иркутске. Сопоставляя эти источники, автор пытается воссоздать обобщённую картину жизни воспитанниц института.

Ключевые слова: повседневная жизнь, учебное заведение, воспитанницы, девичий институт, воспоминания, досуг

Elena S. Grigorieva,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

The Everyday Life of Students of the Irkutsk Maiden of the Institute (According to the Memories of Anna Beck)

The article highlights the everyday life of students of the Irkutsk maiden Institute of the end of XIX century. Interest are two texts: "Review my life" and "Extracts from a diary written by Anna Nikolaevna Bek. They presented a colorful description of the daily life of students "Institute of noble maidens" in Irkutsk. Comparing these sources, you can try to recreate a generalized picture of the girls in the Institute.

Keywords: daily living, educational institution, pupils, girls ' Institute, memory lane, leisure

История повседневности является популярным и актуальным направлением в современных исторических исследованиях. Это направление предполагает изучение быта, распорядка дня разных слоёв населения. Применительно к истории учебных заведений такой подход включает в себя исследование того, как строился учебный и воспитательный процесс, каковы были взаимоотношения преподавателя с учащимися, учащих друг с другом, как был организован их досуг. В данной статье предлагается рассмотреть повседневную жизнь воспитанниц Иркутского института конца XIX в. Основным источником для её написания послужили документы из личного фонда скульптора

И. Н. Жукова, хранящиеся в Государственном архиве Забайкальского края (Ф. Р-2745).

Среди этих материалов особый интерес представляют два текста: «Обзор моей жизни» и «Выписки из дневника», написанные сестрой Иннокентия Николаевича Анной Николаевной Бек. В них представлено красочное описание повседневной жизни воспитанниц Института благородных девиц в Иркутске, или, как его ещё тогда называли, Девичьего института Восточной Сибири. В дневниковых записях содержатся впечатления от учёбы, приводятся сведения о различных событиях, уроках и порядках в институте. В «Обзоре», составленном спустя много лет после выпуска из института, встречаются

оценочные суждения, иногда противоречивые, но от того не менее интересные и ценные. Сопоставляя эти источники, можно попытаться воссоздать обобщённую картину жизни воспитанниц института.

Анна Николаевна Бек (урождённая Жукова) родилась 25 ноября 1869 г. в Горном Зерентуе Забайкальской области. В 1880 г. отец Николай Михайлович отправил Анну в Иркутск в Девичий Институт Восточной Сибири, который она с отличием окончила в 1888 г. Как лучшая ученица, Анна получила золотой шифр – вензель в виде инициала императрицы Екатерины II на белом банте с золотыми полосками. В 1897–1903 гг. Анна Николаевна окончила с отличием Петербургский женский медицинский институт. Вместе с мужем Евгением Владимировичем Бек она изучала больных урвской болезнью. В 1931–1934 гг. удостоена звания профессора [5, с. 37]. Анна Николаевна Бек прожила длинную интересную жизнь, стала знаменитым доктором и просветителем, автором научных и публицистических статей. Для нас же особенно ценно то, что она в своих записках зафиксировала различные события прошлого, отразила в них проблемы женского образования в конце XIX в. Так, она вспоминала: «В те времена, когда женщинам был затруднён доступ к высшему образованию, тем более для живущих в глухих местах, вдали от центров, мне удалось принимать участие в научно-исследовательской работе, вести культурно-просветительную работу, преподавать в высшей школе, получить звание профессора» [3, л. 3].

Девичий институт являлся первым средним учебным заведением для девушек в Восточной Сибири, открывшимся в 1845 г. Главным инициатором, благодаря которому произошло открытие института, стал генерал-губернатор В. Я. Руперт [4, с. 201]. Данное учебное заведение являлось закрытым по типу привилегированных дворянских учебных заведений. Анна Николаевна вспоминала: «Когда я была во втором классе, была исключена из третьего класса лучшая ученица Дуся Олизаренко, исключена только за то, что отец её был огородник». Считалось, что в Институте благородных девиц могут учиться лишь дочери служащих и купцов [1, л. 10].

Институт имел программу средней школы (гимназии) с двумя подготовительными классами для малограмотных. Воспитанниц распределяли на два класса. В первый –

младший – принимали девочек в возрасте 10–12 лет, во второй – девочек старше 12 лет. Воспитанниц обучали 6 лет, институт являлся трёхклассным, т. к. каждый класс считался двухгодичным.

В институте девочкам преподавали: закон божий, чистописание, российскую грамматику и словесность, арифметику, отечественную и всеобщую историю, физику, географию, рисование. В подготовительных классах начинали изучать французский и немецкий языки. Анна Бек вспоминала: «Я не имела понятия об иностранных языках, тем не менее, была зачислена в первый класс, и мне было очень трудно наверстать недостающие знания. Помню, как я списывала у одной из учениц непонятные для меня слова немецкого урока. Слёзы капали у меня на тетрадь, и получались кляксы. Учительница потом показывала всему классу мою тетрадь, с возмущением потрясая ею на наиболее грязной странице. Девочки хихикали, а я глубоко страдала. В течение года я выровняла с классом свои знания по иностранным языкам» [2, л. 4]. Два раза в неделю проводились уроки пения и рукоделия, один раз в неделю воспитанницы обучались танцам и занимались гимнастикой.

Вот как описывала Анна Николаевна первые дни своего пребывания в институте: «Средняя школа с интернатом называлась “Институт благородных девиц”. Сначала мне казалось интересным жить в каменном трёхэтажном доме. Но скоро я почувствовала тяжесть строгого режима однообразных дней. Каждый шаг под наблюдением классной дамы. Гулять приходилось только во дворе, по-парам, спокойным шагом. Ни бегать, ни прыгать не разрешалось. Была тоска по дому» [2, л. 2].

Во время учёбы девочки не покидали учебное заведение, исключение составляла тяжёлая болезнь или смерть родителей. Поехать домой воспитанницы могли только в сопровождении классной дамы и вернуться обязывались в тот же день. По воскресеньям и праздникам в присутствии классной дамы в определённое время девочкам разрешалась встреча с родителями и родственниками.

Анна Бек рассказывает, что распорядок дня воспитанниц выглядел следующим образом: день в институте начинался в 6:30 ч утра. До 8:00 ч воспитанницы умывались, причёсывались, одевались. Затем все собирались на утреннюю молитву. После молитвы девочки шли на лёгкий завтрак, который

состоял из чая с белой булочкой. Далее ученицы повторяли уроки. В 9:00 ч начинались занятия. Урок длился один час с десятиминутным перерывом. С 12:30 ч начинался обед, после которого воспитанницы гуляли во дворе. С 14:00 ч приступали снова к занятиям, которые заканчивались в 16:10 ч. В 17:20 ч девочки ужинали. Затем с 18:00 ч до 20:00 ч начиналась подготовка домашнего задания. Далее шли на вечерний чай и вечернюю молитву. В 21:00 ч все воспитанницы ложились спать [1, л. 7].

Из воспоминаний мы узнаём, что питание в институте оказалось достаточно скудным. «Утром один стакан чая с небольшой белой булочкой. На второй завтрак в перемену между уроками приносили на подносе ломти чёрного хлеба. Каждая девочка получала один ломоть хлеба, который должна была съесть в коридоре до начала урока. Есть всухомятку грубый, часто плохо пропечённый хлеб было неприятно. Многие девочки хитрили: прятали свой ломоть в карман, чтобы потом потихоньку от классной дамы высушить его в печке. Сухарём хлеб казался вкуснее. На ужин неизвестный форшмак – картошка, размятая с селёдкой. Обед по праздникам из трёх блюд был сытнее» [2, л. 6].

Согласно «Уставу гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения», учащиеся имели соответствующую форму. В дневнике автор подробно описывает форму: «Все воспитанницы носили строгую форму. Она состояла из платья с рукавами до локтя коричневого цвета, с прямым воротником – стойкой и белым подворотником. По будням девочки носили чёрный сатиновый фартук, на торжественные мероприятия – белый фартук. Чулки и ленты – только коричневого и чёрного цветов». Причёска девочек представляла заплетённые косы, воспитанницам запрещалось носить украшения [3, л. 12].

Анна Николаевна в воспоминаниях называла институтскую жизнь монотонной, пропитанной религиозными обрядами. Основанием для такой характеристики стало обязательное посещение церковных служб, чтение дежурными молитв вслух утром, перед сном, едой и после еды. В период экзаменов девочек водили в пустую церковь, где они обязывались прикладываться к иконе и молиться, чтобы успешно сдать каждый экзамен. Наряду с этим в среде воспитанниц бытовали всякие суеверия. Также боялись при-

видений, верили, что по ночам ходит по коридорам дама в чёрном. Анна Николаевна пишет: «Перед сном, когда девочки ещё бродили по коридору, стояло какой-нибудь девочке дико крикнуть: “Ай! Идёт!”, как все без ума кидались вниз по лестнице. Ведь тогда ещё не было электрических ламп, коридоры скудно освещались керосиновыми лампами» [1, л. 9].

На этом фоне довольно противоречивым выглядит описание досуга учащихся в свободное время. Девочки старших классов, несмотря на строгий надзор, умудрялись завести романтическую переписку с юнкерами, во время гулянья во дворе перекидывали записочки через забор и получали через условную щель записки от них.

Воспитанницы принимали активное участие в любительских благотворительных спектаклях, литературно-музыкальных, танцевальных вечерах, организованных учебным начальством. В праздничные и выходные дни девочки могли посетить театр.

Особенно Анна Николаевна хорошо запомнила инспектора по учебной части Константина Францевича Лукашевича: «В затхлую атмосферу нашей жизни внёс живую струю новый инспектор по учебной части К. Ф. Лукашевич. Он начал с улучшения материальных условий. По его настоянию нам увеличили порцию белого хлеба на первый завтрак и на второй завтрак, вместо ломтя чёрного хлеба, стали давать горячий сытный завтрак. Гулянье во дворе стало свободным, по-парам стали водить по улицам. Особенно ценили мы дружеское отношение к нам Константина Францевича: он попросту приходил к нам в наше свободное время, мы окружали его тесным кольцом и ходили по коридору, слушая его речи на необычные для нас темы. Тут были и рассказы о знаменитых учёных и о новых открытиях в науке и т. п. и во всех беседах сквозила мысль о том, какую жизнь надо считать хорошей, как надо жить, чтобы приносить пользу народу, своей родине. Всё это он умел говорить задушевно, с искренним участием к нашему будущему. Беседы с ним расширяли наш кругозор, уводили нас из узкого круга институтского воспитания, где требовалось только умение красиво делать реверанс, говорить по-французски и т. п. Никто не говорил нам возможности высшего образования для женщин. Под влиянием бесед с Константином Францевичем я чувствовала на себе обязанность после института жить трудовой жизнью и приносить пользу людям.

При этом полезная деятельность представлялась мне в виде народной учительницы» [2, л. 14–16].

Девичий институт располагал ученической и фундаментальной библиотеками. Рекомендованная Министерством народного просвещения учебная литература имела в наличии, однако воспитанницы испытывали интерес к запрещённой литературе, в которой можно было узнать о злободневных вопросах современности. «Классики литературы – Достоевский, Тургенев были запрещены. В старших классах я дружила с Асей Тагуновой, к которой по воскресеньям приходил брат Яша, исключённый из университета из-за “политической неблагонадёжности”, – вспоминала А. Бек, – он приносил в корзине, под разного вида печеньями книги Достоевского, Тургенева и др. Ася украдкой приносила полученную книгу под свою постель. Ночью, когда все уснут, и дежурная классная дама уйдёт в свою комнату, мы с Асей тихо поднимались и полуодетые отправлялись на тёмных коридорам в маленькую музыкальную комнату. И мы с Асей, усевшись в уголок за рояль, читали при свете огарка Достоевского “Братя Карамазовы”, “Идиот”, “Нака-

нуне” Тургенева и др. Так просачивалась к нам жизнь помимо казённого руслу» [1, л. 13].

В заключение стоит привести выписку из юношеского дневника Анны Николаевны о том, что она чувствовала по окончании института: «15 мая 1888 год: Экзамены кончились. Мне за успехи назначена высшая награда – золотой шифр большого размера. Через 3 дня будет акт и зачем: прощай институтская жизнь! ... Радостно и жутко! Что-то ждёт меня впереди? Правильно говорил Константин Францович, что мы не знаем жизни и не подготовлены к ней. Я часто тосковала в казённых стенах института, а теперь жаль покидать их» [2, л. 18].

После окончания института девочки получали возможность работать домашними учительницами, наставницами. Конечно, повседневная жизнь учебного заведения – явление более многообразное и сложное, чем мы можем представить, изучая воспоминания А. Н. Бек. Тем не менее, её труд представляет собой ценнейший источник, который позволяет составить не только общее представление о жизни воспитанниц института, но и заглянуть в мир переживаний, мечтаний девушки сибирской провинции конца XIX в.

Источники и литература

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. Р-2745. Оп. 2. Д. 5.
2. ГАЗК. Ф. Р-2745. Оп. 2. Д. 16.
3. ГАЗК. Ф. Р-2745. Оп. 2. Д. 18.
4. Иркутский край. Четыре века: История Иркутской губернии (области) XVII–XXI вв. / А. В. Гимельштейн, Л. М. Дамешек, Ю. А. Зуляр [и др.]; гл. ред. проф. Л. М. Дамешек. Иркутск: Востсибкнига, 2012. 800 с.
5. Цуприк Р. И. Бек (Жукова) Анна Николаевна // Малая энциклопедия Забайкалья. Наука и образование: в 2 ч. Новосибирск: Наука, 2011. Ч. 1: А–М. С. 37.

УДК 93/94

ББК ТЗ(2)

Лилия Владимировна Кальмина,
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии Сибирского отделения РАН,
г. Улан-Удэ, Россия

Верхнеудинск – организатор забайкальского торгового пространства (XIX – начало XX века)

Выгодное географическое положение Верхнеудинска на пересечении реки Селенги и важных торговых трактов предопределило его роль эпицентра забайкальской экономической жизни. С проведением Транссибирской магистрали и утратой Кяхты статуса центра чайной торговли Верхнеудинск укрепил свои позиции как организатор единого торгового пространства Забайкалья.

Ключевые слова: Верхнеудинск, ярмарка, организатор торгового пространства, торгово-распределительный центр, рынок сбыта, товарный поток, Транссибирская магистраль

Lilia V. Kalmina,
*Institute of Mongolian, Buddhist
 and Tibetan Studies, Siberian Branch, RAS,
 Ulan-Ude, Russia*

Verkhneudinsk as Transbaikal Region Trade Area Organizer (XIX – Beginning XX Century)

Important geographic position of Verkhneudinsk on the river Selenga and vital trade routs crossroad defined its role as Transbaikal business life centre. Since Transsiberian Railway construction, Kyakhta having been lost its status as the tea trader, Verkhneudinsk strengthened its stand as unique Transbaikal trade area organizer.

Keywords: Vekhneudinsk, fair, trade area organizer, trade-distribution centre, seller's market, turnover, Transsiberian Railway

Роль Верхнеудинска как «организатора» забайкальского торгового пространства была изначально заложена его выгодным географическим положением. Расположенный на пересечении основных водных магистралей Забайкалья и важного торгового пути из Иркутска в Кяхту, в месте ответвления от него дороги на Нерчинск, он фактически был перевалочно-складским и торгово-распределительным центром Восточной Сибири. Здесь, ожидая установления зимнего пути, выгружались с судов все идущие на Нерчинск грузы [13, с. 142]. Положение «при судоходной р. Селенге и близости хлебородных местностей Забайкалья», обеспечивавшее городу статус значительного торгового центра, отмечалось в справочной литературе [1, стб.11–12]. Верхнеудинская ярмарка, чьи обороты уже в 1820-е гг. превышали 2 млн р., в губернаторских отчётах стабильно фигурировала как «находящаяся в довольно порядочном состоянии» [9, с. 112]. Как ярмарочный центр город в Восточной Сибири уступал только Иркутску, бывшему главным передаточным звеном по отношению к северу и востоку Сибири и Китаю. Однако развитие прямых коммерческих связей иркутских купцов с московскими, варшавскими и заграничными фирмами и, соответственно, падение оборотов Иркутской ярмарки сделало Верхнеудинскую ярмарку самой крупной в восточной части Сибири, вывело Верхнеудинск на первые роли в формировании торговых связей Забайкалья, обеспечило ему роль главного распределителя товарных потоков. Специалисты оценивали его как «наиболее торговый» город в Восточной Сибири [16, с. 338].

Губернский центр ещё продолжал «питать» ярмарку товарами. К тому же торговая инициатива Верхнеудинска сковывалась его

промежуточным положением между Иркутском и Кяхтой, поскольку некоторые грузы из Кяхты, минуя Верхнеудинск, шли прямо к Байкалу [3, с. 88]. Тем не менее, с этого времени можно реально говорить об организаторской роли города в торговле региона. Во-первых, Верхнеудинск был одним из узловых межрегиональных ярмарочных центров, связанных с общероссийскими ярмарками и местами пограничной торговли, вокруг которых выстраивались «ярмарочные цепочки» более мелких сезонных и специализированных ярмарок [14, с. 135–136]. Во-вторых, он был своеобразным торговым «перекрёстком» на пересечении четырёх трактов, связывавших его с районами центральной России, китайско-монгольского пограничья и всего Забайкалья [15, с. 64]. Верхнеудинская ярмарка была, пожалуй, единственным в регионе местом встречи товарных потоков формирующегося производственного сектора России и промыслового хозяйства коренного населения Сибири. Здесь буряты могли сбывать изделия своих хозяйств, приобретая при этом фабричную продукцию, которую оптовые торговцы закупали на Московской, Ирбитской и Нижегородской ярмарках и продавали на региональных. Наконец, можно утверждать, что город «держал» всё торговое пространство Забайкальской области, поскольку на долю её восточной части оставалась, главным образом, задача снабжения дальневосточных окраин России: административный центр области Чита был своего рода «перевалочным пунктом», откуда товары по Ингоде и Шилке доставлялись на Амур [12, с. 255]. Ярмарочная торговля, которая в исследуемый период формировала и распределяла товарные потоки, в Восточном Забайкалье, несмотря на череду сменяющих друг друга ярмарок, была

развита слабо. Даже в областном центре, по отзывам, ярмарка, хотя и была «установлена», но «в это время торговля производится обыкновенным порядком, а ярмарки вовсе не заметно», и в официальной отчётности она не упоминалась [15, с. 63]. Обороты же ранее значительной Агинской ярмарки настолько уменьшились, что, как указывал в своём отчёте за 1893 г. военный губернатор области Е. О. Мациевский, «инородцы ходатайствуют даже об её закрытии» [4, л. 54]. Что касается Кяхты с её статусом чисто торгового поселения, не имевшего аналогов в Восточной Сибири, то, несмотря на общероссийскую значимость как центра российско-китайской торговли, она в качестве создателя единого торгового поля в Забайкалье не могла составить конкуренции Верхнеудинску. У Кяхты была своя ниша – «ворот чайной торговли», что позволяло ей до середины XIX в. мыслить масштабами носителя чайной культуры в Сибири. Доставка чайных грузов морем, подорвавшая монопольное положение города, и вовсе исключила его из числа гипотетически возможных конкурентов Верхнеудинска, хотя правительственная поддержка кяхтинской торговли разницей пошлин позволяла ей «держаться» приграничное торговое пространство даже при заведомой неконкурентоспособности.

Проведение Транссибирской магистрали должно было перераспределить торгово-экономические роли сибирских городов так же неизбежно, как отодвинуть города, которых миновала железная дорога, на обочину экономического развития. Верхнеудинская городская управа, опасавшаяся утраты завоёванных городом позиций в случае проведения железнодорожной трассы в обход города, поделилась своими опасениями в ходатайствах о проведении магистрали через город перед Приамурским генерал-губернатором А. Н. Корфом и Министерством путей сообщения: «В Верхнеудинске, оставшемся в стороне от железной дороги, всякая торговля падёт, ярмарка уничтожится; город рухнет и обратится в ...жалкую захолустную деревню» [5, л. 2]. Исследователи всякий по-своему прогнозировали будущее забайкальских городов в связи с проведением магистрали. В. Долгоуков пребывал в уверенности, что «положение при судоходной Селенге...на главном сухопутном тракте от Иркутска на Амур и в настоящее время – на линии великого сибирского железнодорожного пути – делает Верхнеудинск значительным

торговым центром Забайкалья и в будущем обещает ещё большее развитие его» [8, с. 206]. Его оптимизма не разделял корреспондент «Забайкальских областных ведомостей», под псевдонимом Эсбэ напечатывавший свои размышления о судьбе Верхнеудинска и ярмарки как центрального звена его экономической жизни в «настоящее время, когда экономическая жизнь края вступает в новый фазис». «Если железнодорожные пути так неблагоприятно отразились на ярмарках Ирбитской и Нижегородской, – пишет автор, – то на Верхнеудинскую ярмарку железная дорога должна повлиять ещё больше». Не разделяя устоявшегося мнения о благоприятном географическом положении города, даже при «его положении у судоходной Селенги», автор усомнился в его привлекательности как торгового центра для крупных капиталистов и отвёл ему лишь роль «узлового перегрузочного пункта» «относительно малоценных грузов», хотя плохая постановка парового дела является, по его мнению, к этому серьёзным препятствием. Верхнеудинской ярмарке он предсказал «некоторое значение местного торжка, который будут посещать буряты, семейские, китайцы и т. п. местный покупатель». «Пожалуй, наша неподвижность и привычка к старине послужит некоторое время на пользу ярмарке и только таким образом роль г. Верхнеудинска как посредника в торговых сношениях Забайкалья с Европейской Россией будет сохранена лишь на короткое время», – резюмирует он [10]. С его мнением о снижении роли Верхнеудинской ярмарки согласился А. Виноградов: «Можно с достоверностью предположить, что в очень недалёком будущем, когда окончится постройка Великого Сибирского пути и...проезд из Верхнеудинска в Иркутск займёт лишь несколько часов, Верхнеудинская ярмарка потеряет окончательно своё значение и весьма вероятно совершенно прекратится [2, с. 185]. В какой-то степени правы оказались и те, и другие. Относительно судьбы ярмарки, надо признать определённый резон в пессимистических прогнозах. Её обороты, действительно, резко упали: уже достигавшие 3 млн, в 1901 г. они едва дотянули до 580 тыс. р. Доходы верхнеудинцев от сдачи в аренду приезжим квартир и магазинов, доходившие во время ярмарки до 50 тыс. р., после проведения магистрали сократились более чем наполовину [7, л. 3].

Падение ярмарочной торговли было предсказуемым: с проведением рельсового пути исчезла необходимость в закупке на год вперёд товаров, приобретённых оптовиками на Нижегородской и Ирбитской ярмарках, которые больше не играли главных ролей в снабжении Забайкалья продукцией фабричного производства центральных губерний империи. Упростилось приобретение товаров из первых рук. Крупные торговцы предпочитали делать закупки в Москве. Обладатели менее значительного капитала заключали сделки с оптовыми складами, открывшимися во многих городах вдоль железной дороги, в том числе и в Верхнеудинске. Однако, с другой стороны, географическое положение города ещё более улучшилось, т. к. к водным и трактовым «артериям» (судоходная Селенга и торговые пути на Кяхту и Баргузин) добавилась железнодорожная. Нахождение в центре густонаселённого хлебородного района принесло дополнительные «бонусы». К городу закономерно перешла роль не только торгово-распределительного центра, снабжавшего западную часть Забайкалья всеми привозными товарами, но и функции сборщика сырья из всей области и частично Монголии. Верхнеудинск концентрировал все излишки сельскохозяйственной продукции с тяготеющего к нему ареала. Ресурсы окружающего района продолжали питать городскую торговлю, в том числе и ярмарку, которая не потеряла своего значения и после проведения железной дороги. Более того, в 1903 г. в городе была учреждена вторая ярмарка, на которой шёл торг товарами для приисков на осенне-зимний сезон. Городской управе удалось доказать, что август – сентябрь – наиболее благоприятное время для обмена с китайцами и монголами,

поскольку, с одной стороны, в это время Верхнеудинск получает московские товары, с другой – наблюдается наплыв для продажи из Монголии в Верхнеудинск гуртов скота, овец, монгольских лошадей и продуктов скотоводства [6, л. л. 3, 4, 7–8]. Тем самым город мягко «приобрёл» и функции организации приграничного торгового пространства, которые раньше выполняла Кяхта. Железная дорога сыграла поистине разрушительную роль в её судьбе. С открытием непрерывного рельсового сообщения и установлением провозной платы за пуд чая намного ниже, чем при его доставке через Кяхту привычным гужевым способом, город как центр чайной торговли просто прекратил своё существование, оставшись лишь местом небольшой торговли с Монголией в обмен на русские промышленные товары. «Железная дорога одновременно убила Кяхту и сделала Верхнеудинск независимым от Иркутска торговым центром», к которому тяготели забайкальские города, – дали оценку исследователи новым экономическим ролям обоих торговых центров [3, с. 88]. Добавим, что Транссибирская магистраль, «убив» Кяхту и «подарив» Верхнеудинску независимость от Иркутска, способствовала окончательному обретению торговым пространством Забайкалья единства [11, с. 185]. У Верхнеудинска, как его организатора, в этом плане не осталось конкурентов. Он стал сборщиком монгольского сырья, через железнодорожную станцию Верхнеудинск транзитом шла вся торговля с Китаем. Чита же, будучи «собирающим» административного пространства, на первые роли в забайкальской торговле не претендовала, фактически предоставив центру экономической жизни Западного Забайкалья торговую «автономию».

Источники и литература

1. **Весь Иркутск с отделом Забайкальской области на 1908 год.** I-й год издания. Иркутск: Электротипография С. А. Серебренникова, 1908. 345 с.
2. **Виноградов А.** В дальних крах. М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнарв и К^о, 1901. 332 с.
3. **Воробьев В. В.** Города южной части Восточной Сибири (историко-географические очерки). Иркутск: Иркутск. кн. изд-во, 1959. 146 с.
4. **ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края).** Ф. 1 (о). Оп. 1. Д. 3354.
5. **ГАРБ (Государственный архив Республики Бурятия).** Ф. 10. Оп. 1. Д. 577.
6. **ГАРБ.** Ф. 10. Оп. 1. Д. 1710.
7. **ГАРБ.** ф. 10. Оп. 1. Д. 2256.
8. **Долгоруков В. А.** Путеводитель по всей Сибири и средне-азиатским владениям России. Год четвёртый. Томск: Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1899. 799 с.
9. **Евдокимова С. В.** Социально-экономическое развитие городов Забайкалья в XVII–XIX вв. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2007. 248 с.
10. **Забайкальские областные ведомости.** 1898. № 211. 7 нояб.
11. **Кальмина Л. В., Плеханова А. М.** Забайкальские города в торговом пространстве трансграничья (1880–1920-е гг.) // Власть. 2016. № 7. С. 193–198.

12. Кудрявцев Ф. А. К характеристике городов южной части Восточной Сибири в конце XVIII и первой половине XIX в. // Города Сибири. (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период) / отв. ред. О. Н. Вилков. Новосибирск: Наука: Сиб. отд., 1974. С. 239–258.

13. Улан-Удэ – 350: история и современность: в 2 т. Иркутск: Оттиск, 2016. Т. 1: XVII – начало XX в. 372 с.

14. Шахеров В. П. Экономика сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири). Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 2011. 256 с.

15. Экономика в региональном «интерьере»: Западное Забайкалье в модернизационных процессах 1880–1930-х гг. / под ред. Б. В. Базарова. Иркутск: Оттиск, 2015. 228 с.

16. Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб.: Изд-во хоз. деп-та МВД, 1882. 442 с.

УДК 39(571.55)

ББК Т5(2Рос-4Чит)

Игорь Викторович Чапыгин,

Иркутский государственный университет,

г. Иркутск, Россия

Чай забайкальских казаков

В статье рассматриваются место и роль повседневного и разнообразного использования чая забайкальскими казаками. Разные сорта и виды напитка, очень популярные в Забайкалье и в среде казачества, способы его приготовления отработывались временем и опытом. Автор исследования считает, что чаепитие для казака – исторически, не только философия повседневности как для всякого забайкальца, но и универсальный культурный феномен, поддерживающий устойчивость традиций казачьего сословия, а чай – незаменимый товарищ в нелёгкой государственной службе.

Ключевые слова: чай, казаки, Китай, Забайкалье, повседневность, традиции, культура

Igor V. Chapygin,

Irkutsk State University,

Irkutsk, Russia

Tea Transbaikalian Cossacks

The article discusses the place and role of casual and varied use of tea of the Transbaikalian Cossacks. Different varieties and types of drink, very popular in Transbaikalia and in the environment of the Cossacks, methods of its preparation were worked out by time and experience. The author of the study believes that the tea party Cossack – not only the philosophy of everyday life like any zabaikalia, but also a universal cultural phenomenon that supports the sustainability of traditions of the Cossack class, and an indispensable companion in the hard state service.

Keywords: tea, cossacks, China, Transbaikalia, everyday life, tradition, culture

Приверженность сибиряка к чаю бесспорна, а забайкальское чаепитие является, на наш взгляд, универсальным культурным феноменом, который проходит через всю бытийную сторону жизни человека этих мест. Как явление повседневной культуры, чаепитие обладает рядом черт и качеств, поддерживающих устойчивость традиции. Это и устоявшаяся повторяемость времени процедуры, определённая этическая безгрешность (в отличие от алкоголя) и эстетическая завершенность самой церемонии. Потчюя чаем гостей, мы проявляем по отношению к ним

радушие, добросердечие и расположение. Чай в России, и особенно в Забайкалье, – практически обязательный элемент как «полноценного» праздничного застолья, так и повседневного завтрака, обеда или ужина. Эта традиция имеет и практический смысл. Чай через некоторое время после обильной пищи помогает пищеварению, и мы встаём из-за стола посвежевшими и бодрыми.

В современной России с её многонациональным составом сложился особый стереотип сибиряка-зabayкальца, сформированный за довольно короткий исторический пе-

риод – около четырёх столетий. Представители различных конфессий, народов и этносов создали здесь собственную социокультурную среду, отличную от других регионов страны. Огромное влияние на её формирование оказал не только суровый климат, но и общественно-историческая деятельность различных категорий населения, наиболее сильной и самостоятельной из которых было казачество. Поэтому следует отметить особую роль процессов заимствования и распространения культуры казачества на социальное, экономическое и духовное развитие региона в целом. Есть предположение, что именно казаки первыми доставили чай как подарок к русскому двору, первыми в России попробовав этот напиток при покорении Сибирского ханства. Скорее всего, это был плиточный чай, пришедший в Сибирь из Китая.

У забайкальских казаков чай издавна пользовался большой и заслуженной популярностью. Во-первых, в силу географического фактора он был доступен, минуя всяких посредников напрямую из Китая, границу с которым стерегли забайкальские казаки. Во-вторых, чай ко второй половине XIX в. уже зарекомендовал себя казакам, равно как и остальному населению Забайкалья, как незаменимый согревающий, расслабляющий и объединяющий напиток. Неизменным спутником казака он был в дальнем походе, на охоте, на работах, в гостях, именно чаем завершались все ежедневные и праздничные трапезы.

Для того чтобы представить себе пищевой рацион казака и место в нём чая, обратимся к материалам известного этнографа, исследователя забайкальского казачества К. Д. Логиновского. По его многолетним наблюдениям, «... пища казака, хоть и однообразна, но сытна. Скоромные обеды их состоят из щей с гречневой или ячменной крупой, капустой и с мясом, которое крошат ножами в корытце и всыпают в общую миску, из гречневой или ячменной каши с салом или с молоком, а у зажиточных с маслом. Каша иногда заменяется поджаренным на сале или на масле картофелем. В летнее же время обед дополняется простоквашей, а у зажиточных и в зимнее время подают кислое молоко (род варенца без сахара). В праздники обед разнообразится похлёбками из брюшины или кишек с картофелем, а у зажиточных дополняется жареным мясом» [2]. Далее отмечает автор: «...весной перед отправкой на поле в некоторых местах едят

заваруху¹ с салом, с маслом или молоком. Постные обеды состоят из щей с рыбой и крупой, или с порсой² вместо рыбы, из овсяного киселя с конопляным маслом и из тертой редьки с квасом и картофелем. В праздники у зажиточных готовят холодец (студень) из гречневой крупы. К ужину подают остатки от обеда. Как лакомство зимой едят пареную (в вольном жару печи) брюкву и «курсуну» из черёмухи, битой на каменной плите» [2]. Стоит отметить, что «курсуну» по своей форме и величю напоминали и напоминают (поскольку в некоторых районах современного Забайкалья можно и сейчас их отведать – прим. авт.) круглые пряники. Только что приготовленные их подсушивают и навязывают связками на шнурок, по аналогии с баранками. «Курсунами» к чаю в большинстве случаев угощают гостей и детей.

Чай для казака-забайкальца являлся не только напитком, но и одним из важных пищевых продуктов. Казаки искренне недоумевали, если чай отсутствовал. Если таковое случалось, им, забайкальцам, было непонятно, как можно жить без него. В самые тяжёлые и лихие времена при отсутствии чая его заменяли «шультой» (сгнившая древесина берёзы), «чагой» (особый нарост на берёзе), листьями травы «белосвитки» и яблони.

Забайкальцы изначально употребляли, преимущественно, кирпичный зелёный чай («карымский») и только в XX в. стал распространяться чёрный кирпич «полубайховый», а байховый заваривался только для гостей.

«Карымский» чай пили или с забелой, приготовленной из молока, масла и яиц, или чёрный с одним маслом или белёный сметаной. Постный же чай употребляли с конопляным семенем или с соком, пили его также и с «затураном» (ячменная или пшеничная мука, поджаренная на постном или скоромном масле).

«Карымский» чай готовили так: толкли его в деревянной или чугунной ступке, ссыпали в чугунок с водой и кипятили в печи, потом выливали в «байдару» (высокая глиняная миска) и солили, а затем деревянным или железным ковшом («поваренкой») «сливали»³ его около 1/4 часа. В некоторых же

¹ «Заваруха» – пшеничная или ячменная мука, замешанная в кипящей воде.

² «Порса» – мелкая рыба, вареная вместе с кишками. Затем отделяют кости и сушат оставшееся мясо, которое и составляет порсу.

³ «Слив» – зачерпывают чай ковшом и, приподняв его, снова выливают в «байдару», потом опять зачерпывают и выливают и т. д.

местах Забайкалья чай всыпали в воду после того, как она будет влита в «байдару». Когда же чай остывал, его подогревали горячими камнями, опуская их в «байдару». «Шару» (выварку чая) большинство сушило и снова заваривало. Более бедные семьи варили таким образом «шару» два раза.

В Забайкалье сохранились и дошли до сегодняшних дней рецепты приготовления чая «затурана», «сливана» и «жеребчика» забайкальскими казаками. Например, известный исследователь казачества Забайкалья А. П. Васильев приводит способ приготовления «сливана»: «...в кипящую воду всыпают столовую ложку кирпичного чая, истолчённого в порошок. Когда вода прокипит и примет цвет жидкого кофе – чай готов. Затем венчиком из тонких веток золотарника снимают соринки и плевую на поверхности вскипевшего чайного настоя. После того чай «сливают», т. е. зачерпывают его ковшом, поднимают высоко и выливают обратно в горшок. Сколько раз нужно «слить» чай – искусство хозяйки. Затем кладут в чай соли, приправляют его маслом и густо вскипячённым молоком, а иногда мукою, поджаренною на масле. (Эта приправа к чаю называется затураном). В печи у заботливой хозяйки безвыводно стоит горшок или чугунок с кипятком, из которого и заваривают чай по мере надобности» [1].

Получил у казаков распространение своеобразный способ заваривания чая, который называют «чай-жеребчик». Принцип заваривания такого чая применён как к чёрному байховому, так и к зелёному кирпичному чаю. Готовился он просто. В разогретый сухой чайник (как правило, это был недорогой сорт фарфора) либо любую глиняную ёмкость с крышкой засыпали сухой чай, заливали холодной водой примерно на одну треть или наполовину и сразу же засыпали туда из костра или печи горстку мелких раскалённых камней (кварца, халцедона, гальки и т. п., которые заранее подготавливали и носили с собой в мешочке). Затем доливали холодную воду и вновь закладывали раскалённые кам-

ни. Способ даёт возможность заваривать чай прямо в поле, тайге, при любой погоде. Наконец, необходимо отметить, что вкус чай-жеребчика намного превосходит вкус чая, заваренного обычным путём.

Те из казачьих семейств, кто мог себе позволить приобретать к чаю сахар, устраивали семейные и соседские посиделки, превращая их продолжительные встречи с обсуждением последних новостей и хозяйственных дел. При этом на стол выставлялся кусковой или колотый сахар, а сама головка этого «чайного деликатеса» красовалась на дорогом блюде иногда в бумажной обёртке как главное украшение. В основном сибиряки пили чай с сахаром «прикуску». Иногда один кусочек смаковали на протяжении всей церемонии, откусывая совсем понемножку, показывая тем самым свою воспитанность и достаток (мол, мы такой же дома каждый день едим). Окончив пить чай, оставшийся кусочек рафинада пристраивали на блюдце. Говорили, что «чай – малый не глупый, но без сахара и он дурак», «чай у нас китайский, сахарок хозяйский», «чай крепче, если он с добрым другом разделен», «коль чаем угощают, значит – уважают».

Иногда чаепития с выставленными на стол пирогами, растягиваями, варениями и соленьями заканчивались далеко за полночь, перерывы при этом делались только на очередной разогрев воды в самоваре. Откушав чаю, принято было переворачивать чашку на блюдце, давая тем самым сигнал о том, что гость более не желает продолжать церемонию. Такой тщательно выверенной чайной церемонии, как у китайцев, забайкальцы, конечно, не придерживались.

Таким образом, мы находим, что чай забайкальские казаки использовали повседневно и разнообразно. Разные его виды и сорта, способы приготовления отрабатывались временем и опытом. Это был не просто согревающий напиток, а настоящий «товарищ» забайкальского казака в его нелёгкой государственной службе.

Источники и литература

1. **Васильев А. П.** Забайкальские казаки. Забайкальские казаки: исторический очерк: в 3 т. Чита: Типография Войскового Хозяйственного Правления Забайкальского казачьего войска, 1916–1918. Приложение ко второму тому. С. 28.
2. **Из очерка К. Д. Логиновского «О быте Казаков Восточного Забайкалья»** // Живая старина. Вып. 2: Материалы к этнографии заб. казаков. СПб., 1902.
3. **Похлебкин В. В.** Чай, его история, свойства и употребления. М.: Центрполиграф, 2001. 122 с.
4. **РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив).** Ф. 447 «Китай» (картографическая коллекция Военно-учётного архива РГВИА). Оп. 1. Д. 11. 391 (1737–1916 гг.).

УДК 93/94

ББК ТЗ(2)

Роман Артурович Евтехов,

*Бурятский государственный университет,
г. Улан-Удэ, Россия*

Обсуждение проекта упразднения Троицкосавского городского полицейского управления и его переноса в Верхнеудинск в начале XX века¹

В статье рассматривается вопрос учреждения отдельного штата полиции в г. Верхнеудинск. По мнению автора, городское полицейское управление Троицкосавска существовало в силу статусного уровня города. Его упразднение, которое бы позволило обеспечить более высокий уровень безопасности в другом городе, свидетельствует о концентрации интересов властной элиты империи на внешнеполитических задачах.

Ключевые слова: Верхнеудинск, Троицкосавск, городское полицейское управление, Забайкальская область, реформа полиции 1867 г.

Roman A. Evtehov,

*Buryat State University,
Ulan-Ude, Russia*

Discussion Draft Troitskosavsk Abolition of the City Police Department and its Transfer into Verkhneudinsk in the Beginning XX Century

The article deals with the establishment of a separate police force in Verkhneudinsk. According to the author, the city police department of Troitskosavsk, existed due to the status level of the city. Its abolition, which would allow for a higher level of security in another city, attests to the concentration of interests of the empire's elite elite on foreign policy tasks.

Keywords: Verkhneudinsk, Troitskosavsk, the city police department, Transbaikal region, the reform of the police in 1867

Важнейшим фактором развития административно-правоохранительных институтов Забайкалья являлся административный ресурс. Решения об укреплении того или иного населённого пункта, наделения его же особым статусом чаще были продиктованы геополитическим и стратегическим видением правительства. В угоду политическим устремлениям игнорировалось экономико-социальное положение городских поселений, их нужды и направления развития.

Верхнеудинск – «ворота в Даурию», примечательный удобством своего местоположения, ставший перевалочно-складским пунктом и наиболее приближенный к губернскому центру, претендовал на роль главного административного центра Забайкалья, начиная с XVIII в. Однако геополитические устремления правительства стали более весомым аргументом. Ещё в XVII в. местному

служилому населению было очевидно удобство расположения города и необходимость переноса в Удинск приказного управления и большей части воинской команды. Несмотря на это, главным городом Забайкалья вплоть до 1775 г. оставался Селенгинск. Нейтрализация китайской угрозы, изменения направления торговых караванов, географически неудачное место расположения уже к концу века привели к тому, что Селенгинск пришёл в упадок. Принципы развития Забайкальских городов, смотря по внешнеполитическим обстоятельствам и геополитическим устремлениям, сохранялись вплоть до распада империи. Они в частности благоприятствовали появлению новой «столицы» Забайкалья – г. Чита [8, с. 29] в середине XIX в.

Роль административного ресурса в становлении и развитии городов Забайкалья иллюстрируется на примере внедрения по-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для молодых российских учёных МК-8975.2016.6 «Государственные институты управления Российской империи в освоении Забайкальского трансграничья (вторая половина XVIII – начало XX вв.)»

лицейской реформы 1867 г. Региональные особенности и факторы развития управленческого аппарата не позволили полностью осуществить задуманное. По факту полиция осталась прежней, но были сделаны первые шаги. Проект штата полиций был составлен ещё в 1865 г. советом ГУВС. 27 января 1866 г. данный проект был представлен Министру внутренних дел [1, л. 7–7об]. Главной идеей проекта было соединение городских и земских полиций в единый состав, что в реальности привело к сокращению штатов.

На основании указа 12 июня 1867 г. на заседании совета ГУВС были приняты решения относительно нового устройства полиции в Забайкалье [1, л. 2–3об]. Преобразования вводились в жизнь военным губернатором Н. П. Дитмаром. Были созданы окружные полицейские управления: Верхнеудинское, Селенгинское, Нерчинское, Читинское и Баргузинское. Городские полицейские: Читинское и Троицкосавское [12, с. 456–458]. Необходимость в последних двух была объяснена, в первом случае – как областного центра Забайкалья, а во втором – как важного пункта приграничной торговли. Помимо этого в 1872 г. было создано ещё и Троицкосавское окружное полицейское управление [13, с. 755], плюс ещё два новых (Акшинское и Нерчинско-заводское) окружных управления. Все эти штаты полицейских управлений были подтверждены и указом «По проекту штата городских и окружных полицейских управлений Приамурского края» и штатами 1888 г. [16, с. 119–122].

В результате департамент МВД, неоднократно собиравший всевозможные сведения о регионе, и руководство Забайкальской области допустили ситуацию, когда в начале XX в. на Верхнеудинск и его уезд приходилось население около 200 тыс. чел. (см. табл. 1) и одно полицейское управление, а в Троицкосавске с уездом около 35 тыс. чел. – два. Это стало следствием не только геополитических устремлений правительства, которое «приносило в жертву» благополучие местного населения, но и следствием крайне низкого уровня стратегического, долгосрочного планирования. Создание окружного полицейского управления Троицкосавска было рассчитано на рост и дальнейшее развитие города и округа. Но ко времени реализации этого проекта и создания округа область развивалась уже не так интенсивно.

Таблица 1

Численность населения
г. Верхнеудинск и г. Троицкосавск с уездами
по материалам ходатайства (1907 г.)*

	<i>Верхнеудинск</i>	<i>Троицкосавск</i>
Население города	Более 20 тыс.	7 794
Население уезда	185 035	27 073

* П р и м е ч а н и е . Основание: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 64. Д. 10ч16. Л. 1–3.

Сведения о численности населения взяты нами из ходатайства Иркутского генерал-губернатора Л. М. Князева, поданного директору департамента полиции в 1907 г. Его суть заключалась в предложении расформировать отдельное городское полицейское управление в Троицкосавске, а на сумму, на него затрачиваемую, открыть аналогичное в Верхнеудинске. Сведения генерал-губернатору были предоставлены военным губернатором Забайкальской области. И здесь выявляется интересная деталь. Отсутствует точное указание численности населения Верхнеудинска, тогда как именно оно должно служить подтверждением реальной необходимости переноса полицейского управления. Более того, учитывая статистические сведения о народонаселении в этих городах, приведённые в монографии Т. В. Паликовой (см. табл. 2), выявляется, что руководство области намеренно пошло на фальсификацию статистических сведений, утверждая, что Верхнеудинск в первое десятилетие XX в. превосходил Троицкосавск в численности населения в три раза [2, л. 1–3]. Реальное положение дел в городах не было столь разительным, т. к. численность населения этих городов к 1907 г. была ещё сопоставима. Но данные по уездам более чем свидетельствовали о необходимости поданного ходатайства и усиления полиции в Верхнеудинском уезде.

Таблица 2

Численность населения
г. Верхнеудинск и г. Троицкосавск
в первое десятилетие XX в.*

	<i>Верхнеудинск</i>	<i>Троицкосавск</i>
1900 г.	5 457	9 284
1904 г.	9 904	7 646
1910 г.	15 332	9 996

* П р и м е ч а н и е . Основание: Паликова Т. В. Города Забайкалья второй половины XIX – начала XX в. (социальное, экономическое, культурное развитие). Улан-Удэ, 2010. С. 278.

Снижение темпов роста Троицкосавска и заметная стагнация были обусловлены, по мнению руководства области, расположением линии железной дороги. До прокладки пути Троицкосавск играл важную роль пограничного пункта, через который направлялись Китайские товары, главным образом чай. С прокладкой ж/д более чем на 200 вёрст от города его значение снизилось, начало сокращаться население и торговые обороты. Верхнеудинск в этом плане располагался куда более удобно, находясь у самой линии. Близость инновационного вида транспорта, развитие капитализма и рост уровня урбанизации естественным образом повлияли на криминогенную обстановку по всей линии пролегания ж/д. Значительно вырос приток населения, в числе которого не редко встречались люди, не лишённые авантюризма и зарабатывающие на жизнь не всегда легальным способом. При сохранении прежнего устройства полицейских управлений, их архаичном делопроизводстве, медлительности и чрезвычайной загруженности, уровень преступности вырос в разы.

О значительном росте преступности свидетельствует уголовная статистика, приведённая военным губернатором. Нужно думать, что они в определённом роде так же были «подправлены», потому как в ряде случаев противоречат друг другу. Нами приведены лишь те сведения, которые сопоставимы со сведениями из других источников. Так, к примеру, начиная с 1905 г. (см. табл. 3), преступность по Троицкосавску была в два раза ниже, чем в Верхнеудинске, и такая тенденция далее сохранялась. После первой русской революции значительно возросло число тяжких преступлений (убийств, разбоев, грабежей, краж со взломами и краж на суммы более 300 р.) особенно в Верхнеудинске и уезде. В сравнении с данными по Троицкосавску (см. табл. 4), уровень тяжких преступлений отличался на порядок.

Таблица 3

Сведения о преступности
в г. Троицкосавск и г. Верхнеудинск
в первом десятилетии XX в.*

	1904	1905	1906	1907	1908
Троицкосавск	338	205	240	280	281
Верхнеудинск	236	417	393	457	489

* П р и м е ч а н и е . Основание: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 64. Д. 10ч16. Л. 63об-64.

Таблица 4

Сведения о тяжких преступлениях
по г. Верхнеудинск и г. Троицкосавск
(за 1904–1906 гг.)*

	Верхнеудинск			Троицкосавск		
	1904	1905	1906	1904	1905	1906
Убийств	11	16	23	3	1	3
Грабежи	19	26	29	1	4	3
Разбои	5	6	3	-	-	-
Кражи со взломами	63	182	131	13	12	17
Кражи без взлома	99	67	111	49	41	49

* П р и м е ч а н и е . Основание: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 64. Д. 10ч16. Л. 5, 9.

Но это только, что касается преступности. Полномочия и задачи, стоящие перед полицейскими управлениями, были значительно шире. В них входило буквально всё, что связано с организацией жизни общества, от цензурирования газет и театральных постановок до наблюдения за чистотой улиц, от проверки деятельности духовных учреждений до вынесения решений по мелким правонарушениям. Делопроизводство только одного Верхнеудинского уездного полицейского управления превосходило Троицкосавское городское и уездное вместе взятых в пять раз. Это не удивительно, учитывая, что и число населения в двух уездах разнилось примерно в пять раз (см. табл. 1).

Приведённые статистические данные, по мнению военного губернатора Забайкальской области, указывали, что существование в Троицкосавске двух полицейских управлений ничем не обосновано. Для него и его уезда по примеру Нерчинска и других менее значительных городов Забайкальской области вполне было достаточно одного уездного полицейского управления, с подчинением двух полицейских надзирателей, которые бы поддерживали порядок на территории города. Верхнеудинск же без существенного ущерба безопасности общества не мог больше оставаться при одном уездном полицейском управлении.

Необходимость в усилении полиции в Верхнеудинске осознавало и местное население, поддержав предложение о создании отдельного городского полицейского управления. Общество вызвалось увеличить сумму на содержание городских. Ранее Верхнеудинская городская дума отпускала 8 640 р. на их содержание, теперь же было изъявлено согласие на увеличение суммы до

10 800 р. Но эта благая идея была «зажёвана» бюрократий империи. Вновь к обсуждению проекта вернулись только в 1914 г.

Ведущую роль здесь сыграло то, что ходатайство об упразднении городского полицейского управления в Троицкосавске и его переносе в Верхнеудинск было подано при генерал-губернаторе А. И. Селиванове. Пришедший ему на смену Л. М. Князев настоял на сохранении полицейского управления Троицкосавск, но, признав необходимость создания такового же в Верхнеудинске, приостановил ход прежнего проекта и подал новое. В результате было сообщено об изъятии данного законодательного проекта и заявление директора департамента полиции о необходимости сбора новых сведений, т. к. сведения, собранные вновь в 1912 г. устарели. Троицкосавская городская и окружная полиция сохранялась на прежних основаниях. Генерал-губернатору предлагалось собрать новые сведения и вновь подать в департамент, для включения в новый законопроект. Но вследствие ряда неудач на фронтах Пер-

вой мировой войны, проект был отложен и так и не реализован, хотя обсуждался как минимум до 1916 г.

Таким образом, естественный рост населения региона и преступности в значительной мере игнорировались, в угоду внешнеполитическим планам и стратегиям развития региона. Проблема стала обсуждаться лишь тогда, когда число преступлений стало вопиющим и превосходило относительно спокойные города на порядок. Но и тогда правительство в лице генерал-губернатора сочло значительно более важным сохранение статусного уровня города, чем перераспределение отпускаемых средств на территории, куда более нуждающиеся в них. Не последнюю роль в принятии подробных решений, в условиях жёсткой вертикали власти и отсутствия рычагов давления общества на власть, играли личные воззрения высших чинов империи. В результате между качеством жизни населения, его безопасностью и внешнеполитическими устремлениями выбор был сделан в пользу последнего.

Источники и литература

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 1. Оп. 1 (о). Д. 12523.
2. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 102. Оп. 64. Д. 10416.
3. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 72. Д. 175.
4. Дроботушенко Е. В. Китай в геополитических устремлениях России в XVII – начале XX вв. // История в подробностях. 2011. № 12. С. 62–65.
5. Евтехов Р. А., Паликова Т. В. Основные этапы формирования городской полиции г. Верхнеудинска Иркутской губернии в XVIII – первой трети XIX вв. // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2016. Т. 1. С. 42–52.
6. Малыгина О. А. Геополитическая стратегия усиления позиций Российской империи в Забайкалье в середине XIX в. // Регион в приграничном пространстве: материалы междунар. науч. конф. Чита: ЗабГУ, 2016. С. 47–49.
7. Малыгина О. А. Забайкальская ссылка и каторга в отчетах военных губернаторов (2-ая половина XIX – начало XX в.) // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2014. Вып. 2. С. 81–87.
8. Мерцалов В. И. Геополитический фактор исторического развития Забайкалья и Читы (1851–1895) // Научный вестник Байкальского государственного университета экономики и права. 2008. № 13. С. 26–33.
9. Паликова Т. В. Города Забайкалья второй половины XIX – начала XX в.: источники и историография. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. 176 с.
10. Паликова Т. В. Города Забайкалья второй половины XIX – начала XX в. (социальное, экономическое, культурное развитие) / науч. ред. З. С. Бочарова. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2010. 310 с.
11. ПСЗРИ. Собр. II. Т. 42. Ч. I. № 44 681. С. 879.
12. ПСЗРИ. Собр. II. Т. 42. Ч. II. Штаты и таблицы. № 44 681. С. 456–458.
13. ПСЗРИ. Собр. II. Т. 47. Ч. I. № 50 912. С. 755.
14. ПСЗРИ. Собр. II. Т. 47. Ч. III. Штаты и таблицы. № 50 912. С. 285.
15. ПСЗРИ. Собр. III. Т. 8. № 5 318. С. 379.
16. ПСЗРИ. Собр. III. Т. 8. Штаты и таблицы. № 5 318. С. 119–122.

УДК 93/94
ББК ТЗ(2)532

Наталья Николаевна Константинова,
Забайкальский краевой краеведческий
музей им. А. К. Кузнецова,
г. Чита, Россия

Казачьи-потомки горнозаводских крестьян – участники Русско-японской войны

Участие забайкальских казаков в Русско-японской войне 1904–1905 гг. рассматривается в контексте принадлежности их к современным территориям Александрово-Заводского и прилегающих к нему участков других районов Забайкальского края, в пределах которых в основном проживали их предки – горнозаводские крестьяне, переведённые в 1851 г. в казачье сословие. Названы имена Георгиевских кавалеров с указанием их боевых отличий в главных сражениях войны. Подобное «районирование» в истории забайкальского казачества особенно важно для исследования казачьих родословных, для изучения фактов локальной истории.

Ключевые слова: Русско-японская война, горнозаводские крестьяне, забайкальские казаки, «александровозаводские» казаки, Георгиевские кавалеры, ЗОВО (Знак отличия Военного ордена Св. Георгия) 4-й ст., ЗОВО 3-й ст., ЗОВО 2-й ст.

Natalia N. Konstantinova,
Transbaikal Regional Museum
named after A. K. Kuznetsov,
Chita, Russia

Cossacks, Descendants of Gornozavodsk Peasants – Participants of the Russo-Japanese War

Participation of the Transbaikalian Cossacks in the Russo-Japanese War is viewed in the context of their belonging to the present-day territory of Alexandro-Zavodky region and its adjacent areas which were previously settled by their predecessors – mining peasants who were transferred to Cossack class in 1851. The article features the names of the recipients of the Cross of Saint George with the list of their battle honors from the main events of the war. Such “zoning” in the history of the Transbaikalian Cossacks is especially important in studying of the Cossacks’ genealogy, as well as historical facts of the local history.

Keywords: the Russo-Japanese War, mining peasants, the Transbaikalian Cossacks, the Alexandrovo-Zavodsky Cossacks, recipients of the Cross of Saint George, DMO (St. George decoration of the military order) of the 4th class, DMO 3rd class, DMO 2nd class

Участие забайкальских казаков в Русско-японской войне 1904–1905 гг. к настоящему времени отражено в мемуарной литературе [1; 9; 12; 15; 16; 21 и др.], в обобщающих трудах исследователей и книгах общего характера [7; 17; 18; 19 и др.], отдельных статьях научных сборников [2; 8; 11; 14 и др.]. Но, как правило, в них не просматривается так называемый местечковый аспект, который в настоящее время привлекает внимание казачьих потомков, составляющих родословные вузовских историков, учителей, музейщиков, дающих знания о местной истории студентам и школьникам, воспитывая

патриотизм на конкретных примерах. Подобный шаг был предпринят нами в публикации об участии «александровозаводских» казаков в Русско-китайской войне 1900–1901 гг. [10, с. 27–32].

Данная статья служит своеобразным продолжением указанной ранее публикации: даёт знание о вкладе в боевую историю края конкретного представителя забайкальского казачества, призванного на службу из станиц и посёлков современной территории Александрово-Заводского, а также прилегающих к нему мест соседних районов: Приаргунского и Калганского Забайкальского края. Услов-

но казаки этих территорий, в середине XIX в. переведённые из горнозаводских крестьян в казачье сословие, названы нами как «александровозаводские». Данная статья, как и указанная ранее, ограничивается сведениями о Георгиевских кавалерах, данные о которых стали известны благодаря исследованиям историка казачества В. Ю. Априлкова, любезно согласившегося использовать его результаты.

Как известно, после административно-территориальных преобразований Забайкальского казачьего войска (ЗКВ) в 1872 г. пешие «александровозаводские» казаки вошли в состав 2-го конного и 3-го пешего отделов [3, с. 185, 259]. В 90-х гг. XIX в. 5 станиц с 13 посёлками «александровозаводских» казаков относились к 3-му военному отделу ЗКВ [4, с. 153, 156, 160, 167, 168]. С 1895 г. «александровозаводскими» казаками формировались, в основном, 2-е и 4-е Забайкальские казачьи батальоны [3, с. 249]. Когда с 1897 по 1900 гг. постепенно упразднялись пешие батальоны (в конном составе ЗКВ – с 1908 г.), «александровозаводские» казаки вошли в состав конных полков [3, с. 257, 258, 259].

К началу XX в. владения «александровозаводских» казаков относились ко 2-м и 4-м военным отделам ЗКВ. Во 2-й отдел входили ст. Манкечурская с посёлками: Манкечур, Мулино, Пуринский; пос. Савво-Борзинский и Чиндагатайский ст. Быркинская; пос. Шараканский и Шаринский ст. Донинская. Казаки этих мест направлялись на службу в основном в 1-е и 2-е Читинские казачьи полки. К 4-му отделу относилась ст. Красноярская почти со всеми посёлками: Бохтинским, Верхне-Аленуйским, Первым Кокуйским, Вторым Кокуйским, Кузнецовским, Усть-Аленуйским; ст. Онон-Борзинская с посёлками: Клинский, Маньковский и Кутугайский. Проживавшие здесь казаки формировали в основном 1-е и 2-е Аргунские казачьи полки [5, с. 365–367, 372]. В военное время «александровозаводские» казаки служили также в Верхнеудинских, Нерчинских и Читинских казачьих полках, в Забайкальских (пеших) батальонах, а также в составе артиллерийских батарей. К началу Русско-японской войны Кавалерами Знака отличия военного ордена св. Георгия (ЗОВО), в основном 4 ст., было более 50 казаков современной территории Александрово-Заводского района, частично Приаргунского и Калганского районов (по итогам предыдущей военной баталии – Китайского похода). Около 100 казаков данной

территории, пройдя боевое крещение в Китайском походе, участвовали в ещё одной войне – Русско-японской [Подсчитано автором по: 4–6].

В начавшейся 27 января 1904 г. Русско-японской войне большинство «александровозаводских» казаков служили в 1-м и 2-м Аргунских, 1-м Читинском, 2-м Нерчинском, 1-м Верхнеудинском полках ЗКВ, 6-м Забайкальском казачьем батальоне и 1, 2 и 4-й Забайкальской казачьей батарее. Эти подразделения были рассредоточены, главным образом, в Маньчжурии и находились под непосредственным командованием генералов П. К. Ренненкампа (в Забайкальской казачьей дивизии) и П. И. Мищенко (в Забайкальской казачьей бригаде). Исключение составляли несколько сотен 1-го Нерчинского полка во главе с полковником А. А. Павловым. Полк входил в состав Южно-Уссурийского отряда под командованием генерал-майора Анисимова, оборонявшего г. Владивосток.

С этой целью был предпринят боевой поход 1-го Нерчинского полка в Корею северо-восточным побережьем Японского моря. Находясь здесь в непрерывных боях и стычках с японскими силами в течение года (весна 1904 г. – весна 1905 г.), забайкальские казаки препятствовали продвижению японских частей к г. Владивосток. В боях в Корее отличились и «александровозаводские» казаки: два Георгиевских креста заслужил казак 3-й сотни М. Г. Макушев из пос. Усть-Аленуйский ст. Красноярская: ЗОВО 4 ст. за героизм в бою под Гензаном 26 и 27 июля 1904 г., ЗОВО 3 ст. за бои у деревень Чахань и Хатынгори 19 июня 1905 г. Казак 1-го Нерчинского полка А. Ф. Сапожников из пос. Мулинский ст. Манкечурская отличился в бою 27 июля 1905 г. у деревень Кончендон и Уенсексанкенг и был награждён ЗОВО 4 ст. [5, с. 36, 146].

С конца апреля 1904 г. 2-й Нерчинский, 2-й Аргунский полки и 4-я Забайкальская казачья батарея, находясь в составе 2-й казачьей бригады Любавина под общим командованием Ренненкампа, располагались в районе деревни Саймацзы, которая находилась на пересечении дорог, в том числе на Ляоян и Мукден, и отсюда производились рекогносцировки, высылались разъезды для наблюдения за передвижениями японцев [18, с. 205]. В середине мая 1904 г. несколько сотен 2-го Нерчинского и 2-го Аргунского полков выступили в поход по направлению к Фыншуйлинскому перевалу, где 18 мая попали под обстрел находившегося в засаде на

вершинах сопок японского отряда [9, с. 66–67, 74–75]. В этом бою отличился казак 2-го Аргунского полка из пос. Клинский ст. Онон-Борзинская О. Третьяков, который «первым бросился на противника» (награждён ЗОВО 4 ст.) [5, с. 193]. 25 и 26 мая 1904 г. отряд Ренненкампа вёл бой к востоку от Саймацзы (направление на Мукден) и с боями и потерями отступил [20, с. 216–217]. В этих боях «за молодецкую разведку в окрестностях Фынхуанчена 26 мая 1904 г.» ЗОВО 3 ст. награждён приказный 2-го Аргунского полка Ф. Караульский из пос. Шараканский ст. Донинская (ранее за Китайский поход получил ЗОВО 4 ст.) [6, с. 330–331].

В июне 1904 г. 2-й Нерчинский и 2-й Аргунский полки вместе с другими частями в неблагоприятных климатических условиях, с плохим снабжением продовольствием продолжали упорные бои на Фыншуйлинском перевале, где были оттеснены противником [9, с. 117–143]. Вопреки просчётам командования и неудачам в стычках с японцами, в июньских боях казаки отряда Ренненкампа отличались смелостью и отвагой. В бою 12 июня 1904 г. старший урядник 2-го Аргунского полка И. К. (П.?) Ёлгин из ст. Манкечурская своевременно сообщил «о движении японцев и, выехав вперёд, выяснил состав неприятельского отряда», за что был награждён ЗОВО 4 ст. [5, с. 300]. За бой 14 июня 1904 г. в долине Цяохэ приказный 2-го Нерчинского полка Г. Матафонов из ст. Онон-Борзинская получил ЗОВО 4 ст. [5, с. 42]. Младший урядник 1-го Аргунского полка Т. Былков из ст. Красноярская отличился в разведке, находясь добровольцем «в разъезде ротмистра Дроздовского 7–16 июня 1904 г.», за что был награждён ЗОВО 4 ст. [4, с. 233]. Казак 6-й сотни 2-го Аргунского полка И. Трофимов из ст. Манкечурская за бои 30 июня и 9 июля 1904 г. также был награждён ЗОВО 4 ст. [5, с. 194].

Отважно стояли у орудий артиллеристы 4-й Забайкальской казачьей батареи. Её бомбардир Е. Н. Раздобреев из ст. Онон-Борзинская «в бою 9 июня 1904 г. мужественно, с полнейшим самоотвержением работал при орудии под губительным огнём японских батарей, причём был ранен», награждён ЗОВО 4 ст. [5, с. 128]. Кавалер ЗОВО 4 ст. за Китайский поход, старший урядник той же батареи Е. Зарубин (ст. Онон-Борзинская?) «за мужество и храбрость в боях 9 июня 1904 г. под Айянямынем» награждён ЗОВО 3 ст. [4, с. 313; 6, с. 319].

«Александрово-заводские» казаки в составе подразделений Ренненкампа и Мищенко участвовали в одной из крупных кампаний Русско-японской войны – в боях под Ляояном в течение августа, а также в продолжавшихся здесь разрозненных боях октября 1904 г. Накануне боевых действий 1-я Забайкальская казачья бригада Мищенко, куда входили 1-й Верхнеудинский, 1-й Читинский и 1-я Забайкальская казачья батарея, располагалась по обе стороны железной дороги в Ляояне. Оборонительные позиции занимали 1-й Аргунский, 2-й Верхнеудинский, 2-й Читинский полки (были в составе Сибирских корпусов). Вторая Забайкальская казачья бригада Любавина, куда входили 2 Нерчинских и 2 Аргунских полка, прикрывала дороги в направлении к Мукдену [20, с. 250–251]. В оборонительных боях в районе Ляояна (у Сихэяна) отличился казак 2-й сотни 1-го Аргунского полка Е. П. Шимохин из ст. Красноярская, награждён ЗОВО 4 ст. [5, с. 260].

С 12 августа, когда японская армия начала наступление, бригада Мищенко участвовала в непрерывных боях, то отвоёвывая, то уступая позиции. Нерешительными были действия бригады Любавина 17 августа во время переправы противника через р. Тайцзыхэ у Бенсиху, откуда его бригада начала отступать к Мукдену. После боёв 12–23 августа русская армия оставила Ляоян. И вновь вопреки нерешительному руководству забайкальские казаки в боях проявляли мужество и храбрость. Героически сражался младший урядник 5-й сотни 1-го Аргунского полка Ф. Раздобреев из ст. Онон-Борзинская, награждённый ЗОВО 4 ст. (ЗОВО 3 ст. будет награждён «за усиленные разведки в период с 10 апреля по 4 июня 1905 г.») [5, с. 130]. Вахмистры 2, 5 и 6-й сотен 2-го Аргунского полка Е. А. Макаров (пос. Верхне-Аленуйский ст. Красноярская), С. Вагин (ст. Манкечурская), В. И. Матафонов из ст. Онон-Борзинская за бои 17–22 августа 1904 г. под Ляояном были награждены ЗОВО 4 ст. [4, с. 235; 5, с. 30, 42]. За эти бои ЗОВО 4 ст. были награждены из 2-го Нерчинского полка 2-й сотни: младший урядник С. Макушев из пос. Усть-Аленуйский ст. Красноярская, казаки А. Фирсов из ст. Красноярская (Манкечурской?), И. Е. Осколков из ст. Красноярская; из 2-го Нерчинского полка 4-й сотни: казак И. Макаров из пос. Верхне-Аленуйский ст. Красноярская [5, с. 31, 36, 78, 217]. За августовские бои под Ляояном ЗОВО 4 ст. награждены вахмистр 6-й сотни 2-го Читинско-

го полка Б. Федурин из пос. Чиндагатайский ст. Быркинская и казак 1-й сотни 1-го Аргунского полка К. Баньшиков из пос. Кузнецовский ст. Красноярская [4, с. 192; 6, с. 213]. За осенние бои в районе Ляояна награждены казаки 2-й сотни 2-го Нерчинского полка: М. Г. Кожевников из ст. Красноярская (ЗОВО 4 ст.) и И. Г. Макушев из пос. Усть-Аленуйский ст. Красноярская (ЗОВО 3 ст., ранее за разновременные отличия он получил ЗОВО 4 ст.) [4, с. 349; 5, с. 36].

В сентябре силы Ренненкампфа участвовали в наступлении на Мукден, стремясь охватить правый фланг неприятеля и занять Бэнсиху. В отряде генерала Любавина, действовавшего под командой Ренненкампфа, – две сотни 2-го Нерчинского полка, три сотни 1-го Аргунского полка, четыре конно-горных орудия, с которыми он должен был выйти в тыл неприятеля на левом берегу р. Тайцзыхэ [9, с. 274, 275]. Все эти силы участвовали в одном из крупнейших сражений Русско-японской войны – Шахэйском, которое началось 24 сентября 1904 г. 25 сентября отряд Любавина успешно атаковал японцев в местечке Уйнюнин. Японцы, не выдержав огня 4-й Забайкальской казачьей батареи, отошли к Бэнсиху [9, с. 276; 13, с. 88; 20, с. 265].

Боевые действия за Бэнсиху продолжались 26–29 сентября. «Весь интерес мировой истории сосредоточился на берегах этой ничтожной речки (Шахэ – *прим. авт.*). К югу и северу от неё, в треугольнике Мукден – Ляоян – Бэнсиху, происходило непрерывное передвижение сотен тысяч войск, кипели ожесточённые бои, не смолкая, ревели тысячи орудий, свистели мириады пуль, стонали раненые и умирающие» [13, с. 92]. Но из-за плохого управления войсками возможность захвата Бэнсиху была утрачена, 30 сентября силы Ренненкампфа отошли на позиции по р. Шахэ. Цель русских – разгромить японцев в районе между реками Шахэ, Тайдзихэ и отрезать их пути коммуникаций на восток и юг – не была достигнута. Были утрачены последние надежды прорвать блокаду Порт-Артура. В целом Шахэйское сражение было безрезультатным для двух противостоящих армий, обескровленных большими потерями [18, с. 276, 282, 289].

В боях под Бэнсиху отличился младший урядник 5-й сотни 1-го Аргунского полка К. А. Былков из ст. Красноярская, награждённый ЗОВО 4 ст. (позже он будет награждён ЗОВО 3 ст. за усиленные разведки в период с 10 апреля по 4 июня 1905 г.) [4, с. 233]. За

сентябрьские бои под Бэнсиху ЗОВО 4 ст. награждены казаки 1, 4 и 5-й сотен 1-го Аргунского полка: С. Коротаяев из ст. Онон-Борзинская, Е. И. Золотарев из ст. Красноярская (умер от ран), М. Марков из ст. Онон-Борзинская [4, с. 317, 369; 5, с. 39]. Также ЗОВО 4 ст. награждены казаки 5-й сотни 2-го Нерчинского полка С. Швалов из ст. Красноярская (умер от ран) и М. Машуков из ст. Манкечурская [5, с. 46, 251]. В этих боях участвовали и казаки 2-го Аргунского полка, заслужив ЗОВО 4 ст.: Н. С. Швалов из ст. Манкечурская (ЗОВО 3 ст. будет награждён за «мужество и храбрость в боях и усиленных рекогносцировках с 10 апреля по 4 июня 1905 г.»), В. П. Швалов из пос. Пуринский ст. Быркинская, старший урядник В. Петров из ст. Красноярская [5, с. 98, 250–251]. За стойкость и храбрость в боях и разведках с 5 сентября по 15 октября 1904 г. награждены из ст. Онон-Борзинская: Ф. Марков, младший урядник 6-й сотни (или 3-й) 2-го Нерчинского полка (ЗОВО 3 ст., ЗОВО 4 ст. за Китайский поход); К. Т. Марков, казак 6-й сотни 2-го Нерчинского полка; С. Марков, приказный 2-й сотни 1-го Нерчинского полка, оба награждены ЗОВО 4 ст. [5, с. 39, 40; 6, с. 365]. За героизм в боях с 28 сентября по 3 октября 1904 г. ЗОВО 4 ст. награждены казаки 1-го Аргунского полка: 2-й сотни – И. Сапожников из ст. Манкечурская, 3-й сотни – М. Третьяков из пос. Клинский ст. Онон-Борзинская, а также вахмистр 3-й сотни Ф. В. Макаров из ст. Онон-Борзинская [5, с. 34, 146, 193].

После Шахэйского сражения, закончившегося 6 октября, началось «зимнее сидение» на р. Шахэ; обе армии до середины января 1905 г. не вели активных боевых действий, хотя мелкие стычки, в которых участвовали и казаки Ренненкампфа, продолжались. Были и крупные сражения. С 10 по 15 ноября казаки 2-го Нерчинского полка вместе с другими частями подполковника генерального штаба Деникина оттеснили японцев от Чинхечена к Цзянчану. Проявив инициативу, генерал Ренненкампф перешёл в наступление, и казаки дошли до р. Тайдзыхэ [20, с. 277]. В разведывательных операциях зимы 1905 г. отличились старшие урядники Т. Федурин из пос. Чиндагатайский ст. Быркинская (3-я сотня 2-го Аргунского полка) и Т. В. Брюхов из пос. Верхне-Аленуйский ст. Красноярская (5-я сотня 2-го Нерчинского полка), которые добровольно вызывались в разведку под сильным огнём противника, доставляя важные донесения и выясняя распо-

ложение врага. Награждены ЗОВО 4 ст. Позже у деревни Факумынь младший урядник 3-й сотни 2-го Нерчинского полка И. П. Петров из ст. Красноярская за отличие в разведке будет награждён ЗОВО 4 ст. [4, с. 223; 5, с. 98, 213].

Крупным поражением русской армии стала сдача Порт-Артура. В течение 11-месячной обороны в составе 25-тысячного гарнизона крепости сражалась 4-я сотня 1-го Верхнеудинского полка, в которой были и «александровозаводские» казаки. При обороне крепости отличился казак И. С. Бояркин из пос. Мулинский ст. Манкечурская, за что был награждён двумя ЗОВО 4 и 3 ст. В одной из разведок казак Н. Шмаков из ст. Красноярская после падения «с яра с убитой... лошади» успешно продолжил разведку, за что был награждён ЗОВО 4 ст. [4, с. 221; 5, с. 263]. Ещё раньше, в мае-июле 1904 г., пытаясь прорвать блокаду Порт-Артура, находясь в составе 1-го Сибирского корпуса генерал-лейтенанта Штакельберга, в оборонительных боях под Вафангоу отличился казак 3-й сотни 1-го Читинского полка М. В. Швалов из пос. Второй Кокуйский ст. Красноярская, награждённый за храбрость ЗОВО 4 ст. (ЗОВО 3 ст. он заслужил за бои 26 сентября – 1 октября у деревень Селиухэдцзы, Ли-диантунь и Фудядуанцзы) [5, с. 250].

«Александровозаводские» казаки, которые служили в отряде генерал-лейтенанта Мищенко, в составе 1-го Читинского, 1-го Верхнеудинского полков ЗКВ, 1-й Забайкальской казачьей батареи вместе с сотнями Уральской казачьей бригады и пограничной стражи с 26 декабря 1904 г. приняли участие в набеге на станцию и порт Инкоу, чтобы в тылу противника вывести из строя железную дорогу на участке Ляоян – Ташичао – Дальний. В этих боевых действиях отличился казак 1-го Читинского полка из пос. Чиндагатайский ст. Быркинская И. Е. Бояркин, заслужив ЗОВО 4 ст. [4, с. 221]. Несмотря на неудачный исход похода на Инкоу (железная дорога Ляоян – Ташичао – Дальний не пострадала), был нанесён некоторый урон физической силе, уничтожено до 600 арб с запасами, сожжены склады, нарушена телефонная и телеграфная связь [20, с. 290].

Сражением под Сандепу (12–15 января 1905 г.) русское командование вновь пыталось добиться перелома в ходе войны. Вначале оно развивалось в пользу русской армии, но в решающий момент было распоряжение прекратить наступление. Русские потеряли 368 офицеров и 11 364 солдата уби-

тыми и ранеными, японцы – 8901 чел. Потери казаков отряда Мищенко за четыре дня боёв составили 14 офицеров и 233 казака [20, с. 295]. Здесь героически сражались казаки 3-й сотни 1-го Читинского полка, награждённые ЗОВО 4 ст.: И. М. Парыгин из пос. Второй Кокуйский ст. Красноярская; П. Машуков и П. Т. Трофимов из пос. Мулинский ст. Манкечурская [5, с. 46, 87, 194].

После сражения под Сандепу готовилось наступление под Мукденом, где забайкальские казаки Ренненкамппа и Мищенко прикрывали фланги основных сил русской армии. В отряд Ренненкамппа наряду с указанными ранее полками ЗКВ вошли 5 сотен 1-го Верхнеудинского полка, 1-е и 4-е Забайкальские казачьи батареи, а также 1-й Читинский казачий полк. Силами конных казаков Ренненкамппа в первые февральские дни производились разведки и рекогносцировки. 5–10 февраля две сотни 1-го Верхнеудинского полка с другими подразделениями русских совершили удачный набег на Хайчен. Вечером 7 февраля отряд выступил к наиболее удалённому от Хайчена железнодорожному мосту через Сяохэ и, преодолев защищавших его японцев, 8 февраля подорвал мост [20, с. 297–299]. В этой операции проявил героизм казак 1-й сотни 1-го Верхнеудинского полка Н. Раздобреев из ст. Онон-Борзинская, за что был награждён ЗОВО 4 ст. [5, с. 129].

С 14 февраля, когда началось наступление японцев под Мукденом, и до 28 февраля забайкальские казаки находились в непрерывных боях и маневрах в составе различных армейских частей. В сражении под Мукденом, где за поражение русских сил историки возложили вину на бездарность высшего руководства, храбро сражались «александровозаводские» казаки. За мужество и храбрость в боях под Мукденом ЗОВО 2 ст. был награждён И. П. Ёлгин из пос. Манкечурский ст. Манкечурская, вахмистр 1-й сотни 2-го Нерчинского полка (ЗОВО 4 ст. ему присвоили за разновременные отличия в боях 1904 г.; ЗОВО 3 ст. – за мужество и храбрость в боях 11–17 ноября 1904 г. у деревни Цинхэчен) [4, с. 301]. Казак 3-й сотни 1-го Читинского полка Н. В. Швалов из пос. Манкечурский ст. Манкечурская был «ранен во время Мукденского боя, но оставался в строю в течение 10 дней...», награждён ЗОВО 4 ст. Казак этой же сотни Д. Х. Аникеев из пос. Пуринский ст. Быркинская за бои 15–26 февраля 1905 г. был награждён ЗОВО 4 ст. Казак 5-й сотни 1-го Читинского полка из пос. Ша-

раканский ст. Донинская М. Коренев также за проявленную стойкость в этих боях был награждён ЗОВО 4 ст. [4, с. 366; 5, с. 174, 251].

За стойкость и мужество, проявленные в боях под Мукденом 8–25 февраля, ЗОВО 4 ст. награждены: из ст. Красноярская – Ф. Н. Петров, вахмистр 4-й сотни 2-го Аргунского полка; из ст. Манкечурская – М. А. Горбунов, приказный 3-й сотни 2-го Аргунского полка; из ст. Онон-Борзинская – П. Д. Матафонов, старший урядник 2-й сотни 2-го Нерчинского полка (получил тяжёлые ранения) [4, с. 264; 6, с. 44, 100]. «За спасение 13 февраля 1905 г. двуколки с ранеными, оставленными на позиции» под Мукденом, ЗОВО 4 ст. награждён казак 2-й сотни 2-го Нерчинского полка В. Ф. Банщиков из пос. Кузнецовский ст. Красноярская. За стойкость в бою 15 февраля 1905 г. ЗОВО 4 ст. награждён приказный 4-й сотни 2-го Нерчинского полка И. Макаров из ст. Онон-Борзинская [4, с. 191; 5, с. 31]. ЗОВО 4 ст. также награждены: «за особое мужество и распорядительность во время отхода к Мукдену 19–24 февраля 1905 г.» казак 1-го Аргунского полка А. Макаров из ст. Манкечурская, старший урядник 3-й сотни 2-го Верхнеудинского полка Г. Д. Кожевников из ст. Красноярская за героическое участие в боях 14–24 февраля 1905 г. [4, с. 348; 5, с. 29].

После Мукденского сражения конные отряды Мищенко и Реннекампа на протяжении всей весны и начала лета 1905 г. совершали рейды в тыл врага, находились в стычках с противником, в которых брали пленных и трофеи. За бои 3–11 мая 1905 г. ЗОВО 4 ст. награждён П. Машуков из ст. Манкечурская, казак 3-й сотни 1-го Читинского полка [5, с. 47]. Более десятка «александровозаводских» казаков были награждены ЗОВО 4 ст. за бои и непрерывные, отличавшиеся бесстрашием, разведки, совершённые с 10 апреля по 4 июня 1905 г. в расположении японских войск. Среди них казаки 2-го Нерчинского полка: Е. Симков из ст. Онон-Борзинская и Д. Банщиков из пос. Первый Кокуйский ст. Красноярская, оба

из 1-й сотни; С. Былков из ст. Красноярская (2-я сотня); П. А. Макаров из пос. Верхне-Аленуйский ст. Красноярская (4-я сотня); И. С. Третьяков из пос. Клинский ст. Онон-Борзинская (6-я сотня) [4, с. 190, 233; 5, с. 32–33, 159, 193], младший урядник и казак 5-й сотни 1-го Аргунского полка В. А. Макаров из пос. Верхне-Аленуйский ст. Красноярская и К. Макаров из ст. Красноярская [5, с. 29, 31]. В этих боях и разведках отличился кавалер ЗОВО 4 ст. (за разновременные отличия в делах с японцами в 1904 г.) В. Зарубин из ст. Онон-Борзинская, старший урядник 4-й сотни 1-го Аргунского полка, за что был награждён ЗОВО 4 ст. [4, с. 313]. Также в этих боях и разведках отличились казаки 6-го Забайкальского батальона ЗКВ: кавалер ЗОВО 4 ст. за Китайский поход Г. М. Пазников из пос. Клинский ст. Онон-Борзинская, зауряд-прапорщик 3-й сотни, который за бои и рекогносцировки с 10 апреля по 4 июня 1905 г. был награждён ЗОВО 3 ст. (ЗОВО 2 ст. получил за разновременные отличия в 1905 г.); А. Ф. Машуков из пос. Мулинский ст. Манкечурская, зауряд-прапорщик 4-й сотни (ЗОВО 3 ст. за разновременные отличия против японцев будет награждён позже); В. Окладников из пос. Кузнецовский ст. Красноярская, казак охотничьей команды [5, с. 45–46, 76, 81; 6, с. 390].

Русско-японская война закончилась поражением России, что отнюдь не умаляет роли в ней простого русского воина, казака-забайкальца, не всегда умелого бойца, но бесстрашного и упорного в схватке с противником. Такими были казаки-«александровозаводцы», вышедшие из семей горнозаводских крестьян и служившие в различных подразделениях ЗКВ в годы этой войны, из них более 140 кавалеров ЗОВО 3 и 4 ст., некоторые награждены ЗОВО 2 ст. [подсчитано авт. по: 4–6]. В данной статье не названы ещё десятки имён Георгиевских кавалеров, потомков горнозаводских крестьян, не говоря уже о тех, кто сражался, но не был отмечен Знаками отличия военного ордена св. Георгия.

Источники и литература

1. **Алушкин В. А.** Мищенко: из воспоминаний о Русско-японской войне. СПб.: Издатель В. Березовский, 1908. 208 с.
2. **Баяндин В.** Казачьи войска Сибири в годы Русско-японской войны // Забайкалье: некоторые аспекты истории края: межвуз. сб. науч. тр. Чита: ЧГПИ, 1993. С. 22–39.
3. **Васильев А. П.** Забайкальские казаки. Исторический очерк. Чита: Типография Войскового хозяйственного правления ЗКВ, 1918. Т. III. 354 с.
4. **Георгиевские кавалеры Забайкальского казачьего войска в Русско-японскую войну 1904–1905 гг.** / авт.-сост. В. Ю. Апрельков; гл. ред. Г. А. Жеребцов. Чита: Экспресс-издательство, 2012. Т. 1. 392 с.

5. **Георгиевские кавалеры Забайкальского казачьего войска в Русско-японскую войну 1904–1905 гг.** / авт.-сост. В. Ю. Апрельков; гл. ред. Г. А. Жеребцов. Чита: Экспресс-издательство, 2012. Т. 2. 392 с.
6. **Георгиевские кавалеры Забайкальского казачьего войска в Китайском походе 1900–1902 гг.** / авт.-сост. В. Ю. Апрельков; гл. ред. Г. А. Жеребцов. Чита: Экспресс-издательство, 2014. 540 с.
7. **Дацышен В. Г.** История российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX вв. Красноярск: РИО КГПУ, 2000. 472 с.
8. **Забайкальское казачество в историческом развитии и межкультурной коммуникации** // Материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 160-летию создания Забайкальского казачьего войска, образования Забайкальской области и придания Чите статуса областного центра / под ред. Н. Н. Константиновой. Чита: Поиск, 2011. 280 с.
9. **Квитка А.** Дневник забайкальского казачьего офицера. Русско-японская война 1904–1905 гг. Фотографии и рисунки автора. СПб.: Издатель В. Березовский, 1908. 430 с.
10. **Константинова Н. Н.** Казаки – потомки горнозаводских крестьян – участники Русско-китайской войны 1900–1901 гг. (Китайского похода) // Регион в приграничном пространстве: материалы междунар. науч. конф.: в 2 ч. Чита: ЗабГУ, 2016. Ч. 1. 205 с.
11. **Константинова Н. Н.** Малоизвестные факты Русско-японской войны // Забайкалье: наука, культура, жизнь. 2004. № 4. Авг. С. 56–62.
12. **Маковкин А. Е.** 1-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска. 1898–1906 гг. СПб., 1907. 212 с.
13. **Малоизвестные страницы Русско-японской войны 1904–1905 гг. Книга вторая.** М.: Внешторгиздат, 2005. 352 с.
14. **Михеев Б. В.** Участие населения Забайкальской области в Русско-японской войне 1904–1905 гг. // Вестник Бурятского государственного ун-та. 2012. Вып. 8: Востоковедение. С. 20–27.
15. **Первая Забайкальская его императорского высочества наследника цесаревича батарея 1857–1912 г.: историческая памятка.** Чита, б. г. 60 с.
16. **Ренненкампф П. К.** Мукденское сражение. 20-дневный бой моего отряда от Цинхэчена до Мацзяндана. СПб: Издатель В. Березовский, 1908. 200 с.
17. **Русско-японская война 1904–1905 гг.** // Казачество – щит отечества. 2005. С. 117–121.
18. **Смирнов Н. Н.** Слово о забайкальских казаках: Исторический очерк-хроника. Волгоград, 1994. 608 с.
19. **Смирнов Н. Н.** Забайкальские казаки в отношениях России с Китаем и Монголией (1645–1895): Краткий исторический очерк. Волгоград, 1999. 200 с.
20. **Смирнов Н. Н.** Забайкальское казачество. М.: Вече, 2008. 544 с.
21. **Теттау (фон) Э., барон.** Восемнадцать месяцев с русскими войсками в Маньчжурии. Чита: Сириус, 1908. 302 с.

УДК 93/94(571.55)

ББК ТЗ(2)612(2Рос-4Чит)

Владимир Григорьевич Дацышен,

Сибирский федеральный университет,

г. Красноярск, Россия

Проблемы японской интервенции в Забайкалье

Иностранная интервенция является важной страницей истории востока России. В Забайкалье японская интервенция имела свои особенности, отличные от других регионов. Начало формальной японской интервенции, совпавшее с началом активного участия японцев в гражданской войне в Забайкалье, подтолкнуло гражданскую войну в регионе. Политика интервенции оказалась ошибочной и неудачной для Японии, но значительная часть русского населения Забайкалья симпатизировали японцам, видели в них защиту.

Ключевые слова: Забайкалье, Япония, Гражданская война, интервенция

Vladimir G. Datsyshen,
Siberian Federal University,
Krasnoyarsk, Russia

Problems of Japanese Intervention in Transbaikalia

Foreign intervention is an important page in the history of the East of Russia. In Transbaikalia, the Japanese intervention had its own characteristics, distinct from other regions. The beginning of the formal Japanese intervention, coinciding with the beginning of active participation of the Japanese in the civil war in Transbaikalia, pushed the civil war in the region. The policy of intervention turned out to be erroneous and unsuccessful for Japan, but a significant part of the Russian population of Transbaikalia sympathized with the Japanese, saw protection in them.

Keywords: Transbaikalia, Japan, Civil war, intervention

Важнейшей страницей истории Забайкалья является иностранная вооружённая интервенция в годы Гражданской войны. Участие Японии в иностранной военной интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке России в 1918–1922 гг. широко освещено в советской и современной российской исторической литературе. При этом в постсоветское время в отечественной историографии при освещении японского участия в событиях в России сохраняются старые подходы и оценки. Подобная ситуация входит в противоречие с тем, что уже почти три десятилетия в российском общественном сознании и исторической науке по иному рассматривают и оценивают белое движение в России. Сегодня борющимся с большевиками русским людям поставлены памятники, но на их отношения к японцам и с японцами стараются не обращать внимание.

Перед исторической наукой стоят задачи не только детального восстановления хода событий Гражданской войны в Забайкалье, но и посредством введения в научный оборот новых документов более глубокого понимания различных аспектов отечественной истории в связи с японской интервенцией в регионе.

В 1917 г., на завершающем этапе Первой мировой войны, в России к власти пришли большевики. Советское правительство сразу же отказалось от международных обязательств России и начало переговоры с Германией о заключении сепаратного мира. Страны Антанты не признали правительства большевиков, а в самой России различные политические силы смогли свергнуть Советы и установить свою власть в различных регионах. Все страны Антанты, за исключением США, и российские политические лидеры, включая А. В. Колчака, связывали свои надежды и планы по свержению власти боль-

шевиков с японской военной интервенцией. Однако Япония в 1918 г. проводила осторожную и сдержанную политику в отношении России, она дала согласие лишь на участие в совместной интервенции, а также согласилась распространить своё участие в интервенции лишь до Байкала. В японском руководстве существовали противоречия по вопросу участия в интервенции. Например, вернувшийся в марте 1918 г. в Японию посол Утида говорил о бессмысленности отправки войск для борьбы с большевизмом. Даже Ямагата был против немедленной отправки войск в Россию. Он заявил в парламенте: «Правительство Японии никогда ни советовало, ни предлагало какой-либо стране осуществить военную акцию в Сибири... все наши глубокие и теплые симпатии на стороне русского народа, с которым мы хотим продолжать и развивать сердечную дружбу» [10, с. 92–93].

Здесь следует отметить, что большевики, в ответ на своё признание, готовы были пойти на уступки японцам в деле освоения Сибири. В январе 1918 г. заместитель наркома иностранных дел Е. Д. Поливанов сообщил: «Наша политика в отношении Японии включает два пункта: во-первых, политически и экономически Китай должен принадлежать китайцам; во-вторых, мы разрешаем японцам осваивать территорию Сибири. Об этом мы уже лично сообщили первому секретарю японской миссии» [9, с. 64]. Забайкалье было самым дальним регионом, на который Япония согласилась распространить свою интервенцию. Поэтому японская военная интервенция в Забайкалье имела свои особенности, отличия от интервенции в Приморье, Приамурье и на Сахалине.

События и проблемы первых дней становления отношений между РСФСР и Японией отражены в письме на имя японского

министра иностранных дел: «В декабре 1917 года Народный Комиссариат по Иностранным Делах вступил в полуофициальные переговоры с Японским Послом в Петрограде через посредство Консула Уеда по вопросу о пересмотре всех договорных отношений между Россией и Японией и предложил заключение нового торгового и экономического соглашения и конвенции о положении дел на Дальнем Востоке и Тихоокеанском побережье. Предложения Советского Правительства были приняты Японским Послом для передачи своему Правительству, однако на них не получалось ответа. Предложения такого же рода были снова сделаны... и в мае через посредство Японского Поверенного в делах Марумо в Вологде. И в этот раз наши предложения были приняты для передачи в Токио, но были оставлены без последствий» [4, л. 30].

Решающим событием в истории гражданской войны в России, в том числе и в Забайкалье, стала высадка японского десанта во Владивостоке 5 апреля 1918 г. В «Воззвании» от имени центрального органа Советской власти в Сибири говорилось: «На Сибирскую Советскую Республику совершено нападение международным капитализмом... 5 апреля кончается срок, данный китайскими властями в Маньчжурии, срок до которого эти власти обязались не допускать Семенова в пределы России...» [2, л. 3]. Акция японских военных во Владивостоке 5 апреля 1918 г. развязала руки наиболее радикальным элементам в руководстве Советов. В «Резолюции Центр-Сибири» говорилось: «Вся Сибирь объявляется на военном положении. Все уездные и губернские Советы немедленно должны создать военно-революционные штабы, которые руководят делами обороны страны от внешнего наступления империализма...» [2, л. 1–2]. Одновременно с высадкой японского десанта во Владивостоке атаман Семенов начал наступление на Читу. Сам он писал: «При Штабе находился батальон японских добровольцев в количестве до 600 человек... Батальоном командовал доблестный офицер капитан Окумура» [11, с. 158].

В середине мая 1918 г. Чехословацкий корпус поднял восстание и вскоре захватил Транссиб. Свержение чехословаками Советской власти в Забайкалье в июне 1918 г. было произведено при взаимодействии с японскими войсками. Современник отметил: «Чехи под командой Гайды и сибирские вой-

ска... пробились к Маньчжурии, разбив повсюду красных, и у Она встретились с Семеновым и японцами...» [5, с. 161].

Японская интервенция в России перешла на качественно новый уровень в августе 1918 г., после высадки в г. Владивосток британских и китайских войск. 11 августа 1918 г. во Владивостоке высадились около двух тысяч японских солдат 12-й дивизии под командованием генерал-лейтенанта Ои (Оой). 8 сентября 1918 г. эшелон с интервентами прибыл в поселок Рухлово (Сковородино), японский батальон занял станцию Магдагачи. Атаман Г. М. Семенов писал: «Впервые мы встретились с союзниками в самом начале октября 1918 года, когда 7-я дивизия Императорской японской армии, под командой генерал-лейтенанта Фудзий, прибыла в Забайкалье. Конные части О. М. О., совместно с японскими кавалерийскими частями под общим руководством Генерального штаба капитана Андо, форсировали... Онон» [11, с. 174].

В Забайкалье была размещена 3-я дивизия генерала Оба; её командование было расквартировано в г. Чита. На ст. Маньчжурия разместился штаб 7-й дивизии генерала Фудзи. Передовые отряды японской армии перешли Байкал. В Иркутске расположилась военная миссия во главе с генералом Муро и части 3-й дивизии генерала Оба. Г. К. Гинс, проехавший в сентябре 1918 г. в составе миссии главы Временного сибирского правительства П. В. Вологодского от Омска до Владивостока, писал в своём дневнике: «Начиная с Читы, повсюду встречаются японские солдаты и офицеры... Японцы делали своё дело настойчиво, без шума и, казалось, с полным безразличием к русской власти» [5, с. 174].

По соглашению о разделе районов ответственности на железной дороге от 17 апреля 1919 г. Япония наряду с Амурской железной дорогой получила и часть Забайкальской – от Верхнеудинска до Маньчжурии. На протяжении 1919 г. японские войска не только занимали огромные территории, но и принимали самое активное участие в боях и карательных акциях против красных партизан и мирного населения. Однако в Забайкалье данные события были не столь масштабны, как в Амурской и Приморской областях. Японцы внимательно следили за событиями, происходившими в Забайкалье. В материале «Письма из Японии (От нашего Токийского корреспондента)», опубликован-

ном во Владивостокской газете «Дальний Восток» говорилось: «Сегодня имел беседу с видным сотрудником влиятельной и Токио газеты “Кокумин” и распространённого журнала “Япония и японцы” – г. Минсо Като. Г. Като отлично знаком с Россией и характером русского народа. В конце первой половины 1918 г. он был в Восточной Сибири. Работая в качестве корреспондента от газеты “Кокумин”, Като долгое время был в особом Маньчжурском атамана Семенова отряде... В начале нынешнего года Като долгое время жил в Чите и ныне думает вновь ехать в Сибирь корреспондентом от газеты “Асахи”... Что касается отношения японцев к большевизму, продолжал Като, думаю, что большевизм будет сломлен не вооружённой силой, а изживёт сам себя. Рано или поздно наступит тот момент, когда большевики сознают бессмыслие своей программы» [7]. Япония во время интервенции в Забайкалье оказывала материальную помощь местному населению. Например, Японский комитет оказания экономической помощи Сибири доставлял для гражданского населения Забайкалья медикаменты [1, л. 1–1об.].

Летом 1919 г. армия А. В. Колчака стала отступать. В январе 1920 г. большевики установили свою власть на всей территории Сибири западнее Байкала, и во второй половине января японские войска покинули Иркутск. В начале весны 1920 г. войска генерала Агата, численностью около 1 тыс. чел., начали эвакуацию из Верхнеудинска. 7 марта 1920 г. А. М. Краснощеков докладывал И. Н. Смирнову: «Было при занятии города тысяча человек в пяти эшелонах. Один отбыл вчера, два отбывают сегодня, последний – завтра... В Мозгон, 100 вёрст к западу от Читы, прибыл один эшелон японцев в триста человек, в Читу ещё 5 эшелонов. Цель, по словам местных японцев, – прикрытие отступления японцев из Верхнеудинска» [6, с. 20–21]. 5-я японская дивизия генерала Судзуки, численностью до 10 тыс. чел. заняла позиции на станции Могзон. В марте 1920 г. японцы пытались вступить в переговоры с повстанцами, планировали передать в Верхнеудинске власть городским и земским управам, но эти попытки не увенчались успехом [1, л. 23].

Япония 31 марта объявила о невозможности немедленного вывода войск, 6 апреля в Верхнеудинске (Улан-Удэ) было провозглашено создание Дальневосточной республики (ДВР). Реввоенсовет Народно-революционной армии ДВР предложил продолжить на-

ступление на Читу, невзирая на то, что В. И. Ленин своей телеграммой от 6 апреля запретил предпринимать военные действия против японцев. В начале апреля 1920 г. был открыт Восточно-Забайкальский фронт. Сначала красные партизаны оттеснили японские войска, но затем бои приняли затяжной характер. В середине апреля 1920 г. начались боевые действия между частями НРА и японскими частями, без формального по этому поводу объявления. Ротмистр В. А. Зиновьев записал в своих воспоминаниях: «В апреле 1920 года... мы выдержали натиск красных на Читу, следовавшими за нами по пятам со стороны Иркутска; его мы отбили, правда, с помощью японцев... при помощи японцев мы смогли продержаться в Забайкалье, перед тем, как рассыпаться по всему свету, почти год» [8, с. 249]. Линия разграничения Народно-Революционной Армии и японских войск была установлена по Яблоновому хребту.

Участник событий вспоминал: «Воспользовавшись тем обстоятельством, что с запада мы были как бы гарантированы от наступления большевиков благодаря вмешательству японцев, наше командование решило предпринять большую операцию, имеющую конечной целью очищение Нерчинского и Сретенского районов от большевиков... Операция началась 4 июня и продолжалась до 5 июля 1920 года, когда опять вмешались японцы и заключили с красными на всех фронтах перемирие и начали готовиться к эвакуации из Забайкалья» [8, с. 251–252].

В течение нескольких месяцев с перерывами велись переговоры о выводе японских войск. Всё это время противники большевиков пытались убедить японцев отсрочить это решение. В телеграмме из Читы в Токио от 24 июня 1920 г. за подписью председателя Краевого Народного Совещания Васильевского сказано: «В день открытия парламента связанной с нами узами тесной дружбы Японии, недавно призванное к жизни Краевое Народное Совещание – молодой парламент Восточной Украины – шлёт привет своему старейшему собрату и выражая ему сердечные пожелания славной деятельности, питает надежду, что эта деятельность скрепит на будущее дружескую связь, соединившую Восточную Сибирь с Японией, и что связь эта после падения советской власти обратится в сильный союз японской нации и всего русского народа» [1, л. 3].

15 июля 1920 г. представитель ДВР В. С. Шатов подписал с японскими предста-

вителями – генералом Я. Такаянаги и полковником Курасава – на станции Гонгота «Договор о прекращении военных действий». В газетных материалах за 13 августа 1920 г. указывалось: «Эвакуация окраин и “Читинской пробки” японскими войсками закончилась. Из мест эвакуации сначала уходят японские резиденты с частями, затем семёновцы, а потом уже в хвосте опять японцы... При эвакуации порядок поддерживается исключительно японцами» [1, л. 41]. Очевидцы вспоминали: «Японцы постепенно эвакуировали Забайкалье, забирая с собой и публичные дома, которые были привезены ими из Японии для своих солдат. Всё это происходило без спешки. К сентябрю месяцу последние японские солдаты покинули Забайкалье» [8, с. 255].

С выводом войск из Забайкалья в регионе осталось японское военное присутствие. 21 октября 1920 г. начальник Японской военной миссии Накаока сообщал Временному Восточно-Забайкальскому Народному Собранию: «Имею честь довести до сведения: 1) Японская Военная Миссия остаётся в Чите сноситься с Вашим Правительством. 2) Кроме членов Военной Миссии здесь находятся японские офицеры, дипломатические чиновники, корреспонденты и др., которые за неимением сообщения остались здесь и приняты Военной Миссией» [1, л. 21].

Интересным документом, дополняющим историю японской интервенции в Забайкалье, является «Счёт японскому командованию за пользование Читинской железной дорогой и причинённые ей убытки в период с сентября 1918–1920 гг.». Эти данные советское правительство собирало для предъявления встречных исков странам Антанты во время переговоров по долгам прежних правительств. В разделе «Убытки прямые» были указаны, например, следующие претензии: «За производство капитального ремонта ограды у жилых домов и барачков..., изношенной при постое японских войск... на сумму 14 165 руб. 50 коп.»; «за убытки, причинённые разрушением моста железнодорожно-го... войсками Каппеля... 8491 руб.»; «за похищенный инвентарь со станции При-

исковая отступающими красногвардейцами... 88 руб. 26 коп.»; «за отобранные два казённых револьвера на ст. Бада 1/III-1922 г. командиром 1-го Прибайкальского Революционного Полка... 26 р.»; «за отобранные три револьвера неизвестным вооруженным отрядом 15 февраля 1920 г. у путевых сторожей дороги...» и т. д. Ущерб «за отобранное имущество у служащих дороги каппелевскими и советскими войсками согласно акту за № 41» насчитали 19 р.; в сумму более 121 тыс. р. оценили претензии к японцам «За произведенные разрушения телеграфной линии дороги и снятые телефонные аппараты семеновскими и каппелевскими войсками в 1920 г...». В документе фигурировали и такие претензии: «За восстановление разрушенного отступавшими японскими войсками в апреле месяце 1920 г. моста створ. 30.000 саж. на 884 версте согласно акта от 13–15 апреля 1922 г. за № 78... 51200 р.»; «за произведенный по требован. японкомандования расход по приспособлен. помещений для стоянки японвойск и перекладку путей и стрелок на ст. Адриановка... 1153 р. За отобранные япон. войсками во время военных действий вещи у ремонтного рабочего на 931 версте Костика Андрея, согласно акта от 25/IV-1922г. № 126. 55 р.». Всего было насчитано «прямых убытков» почти на 13 млн р. золотом и косвенных убытков на 2 млн р. [3, л. 3–5].

В современных условиях сотрудничество и взаимодействие между Россией и Японией крайне необходимы для двух стран. Взаимовыгодные русско-японские отношения являются важным фактором стабильности и развития всей мировой экономической и политической системы. Это требует постановки новых задач в изучении истории русско-японских отношений, поиска новых путей решения. И здесь важен весь опыт, восстановление всей исторической картины, максимально приближенной к её объективным реалиям. История японской интервенции в Забайкалье в 1918–1920 гг. играет важную роль в осмыслении всей огромной и сложнейшей системы русско-японских отношений.

Источники и литература

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 329. Оп. 1. Д. 64; Ф. П-4307. Оп. 2. Д. 842; Ф. 130. Оп. 1. Д. 7.
2. ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Ф. П-64. Оп. 1. Д. 570.
3. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. Р-18. Оп. 6. Д. 1.
4. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 495. Оп. 154. Д. 48.

5. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918–1920: впечатления и мысли члена Омского Правительства. М.: Крафт+, 2007. 559 с.
6. Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.): сб. док. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 370 с.
7. Дальний Восток. 1919. 12 окт.
8. Зиновьев В. А. Каппелевцы в Забайкалье // Капель и каппелевцы. М.: Посев, 2003. 709 с.
9. Крюков В. М. К вопросу о «переговорах НКВД с посланником Лю Цзинжэнем» (1917–1918 гг.) // Общество и государство в Китае: XLII науч. конф. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 48–83.
10. Молодяков В. Э. Гото Симпэй и русско-японские отношения. М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 222 с.
11. Семенов Г. М. Атаман Семенов о себе. Воспоминания, мысли и выводы. 1904–1921. М.: Центрполиграф, 2007. 378 с.

УДК 94(571.55)

ББК ТЗ(2Рос-4Чит)6–283.31

Владимир Александрович Паршуков,

МБУ «Управление инженерной защиты»

Александр Николаевич Тимофеев,

ООО «Новые продукты высоких технологий»,

г. Ульяновск, Россия

Казачи с Енисея в Читинском атамана Семёнова военном училище. Материалы для биографического словаря

Впервые в отечественной историографии на основе архивных материалов прослежены судьбы енисейских казаков, окончивших Читинское военное училище (ЧВУ). Установлен род оружия, по которому они обучались в ЧВУ и, будучи юнкерами, принимали участие в боях на территории Забайкалья. После поражения Белой армии на Дальнем Востоке все оказались в Китае, откуда позже разъехались по разным странам.

Ключевые слова: Енисейское казачье войско, казаки, Читинское военное училище, Гражданская война, Забайкалье, русская диаспора, эмиграция

Vladimir A. Parshukov,

MBU “Management of engineering protection”

Alexander N. Timofeev,

ООО “New products of high technologies”,

Ulyanovsk, Russia

The Yenisey Cossacks in the Ataman Semeyonov Military School of Chita City. Materials for a Biographical Factbook

For the first time in the national historiography on the basis of archive materials the authors have traced the fates of the Yenisey cossacks who graduated from the Chita city military school (the CMS). The authors have stated a branch of troops the Yenisey cossacks were taught in the CMS and wherein they as junkers took part in battles in the area of Transbaikal. After the defeat of the White Army in the Far East all of them happened to be in China which later they left for different countries. The cossacks' photos are displayed.

Keywords: the Yenisey Cossack Host, cossacks, the Chita city military school, the Civil war, Transbaikal, the Russian Diaspora, emigration

О необходимости иметь в строевых частях своих офицеров, выходцев из енисейских казаков говорилось на 5-м Большом Круге Енисейского казачьего войска (ЕКВ). Офицерами в войске служили, преимущественно, приписные казаки. Практика показала, что,

не знающие кавалерийского дела, они не всегда пользовались авторитетом у енисейских казаков и от этого страдала дисциплина.

По распоряжению атамана войска сотника А. Н. Тялшинского, около двух десятков казаков были командированы в различные

военные училища: Оренбургское казачье военное училище (переведенное в г. Иркутск), Иркутское военное училище, Морское военное училище во Владивостоке, Читинское атамана Семёнова военное училище.

Согласно приказу по 1-му Енисейскому казачьему полку, десять казаков были отправлены в ЧВУ: «Ниже поименованных казаков, командированных в г. Читку в Читинскую офицерскую школу, полагать в названной командировке. Исключить их с провиантского, приварочного и чайного довольствия с 31 мая с. г., зачислив на кормовое довольствие с того же числа по 10 июня. Лошадей их исключить с фуражного довольствия с 10 июня с. г., согласно отметке в списке...» [12, л. 136]. Все казаки были отправлены из Красноярска в Читку со своими строевыми конями (приказ № 211 от 01.06.1919 г.). Среди отправленных в ЧВУ были старшие урядники Байкалов Николай Николаевич, Плотников Виктор, младший урядник Ковригин Александр Павлович, младший писарь Юшков Афанасий Гаврилович, казаки Байкалов Яков, Зонов Александр, Стародубцев Лев, Стрижнев Иван, Суховский Вениамин Павлович и Тольский Александр Андреевич. По прибытии в училище они все были зачислены в казачью сотню Читинского военного училища [13, л. 6–6об.].

Приказом по Енисейскому казачьему войску младший писарь войскового управления вахмистр Нешумаев Степан Иванович в мае 1919 г. также был отправлен в ЧВУ, но его биографические анкеты факт окончания училища не подтверждают [7, л. 2об.].

Кроме указанных казаков, в Читку «для прохождения старшего курса» 28 мая 1919 г. убыл юнкер Нешумаев Дмитрий [12, л. 129], но в списках юнкеров ЧВУ на 05.11.1919 г. Нешумаевы отсутствуют [13, л. 4–8].

Юнкера казачьей сотни училища размещались в здании мужской гимназии на Уссурийской улице. Кроме них здесь обучались юнкера инженерной роты. В здании Читинской учительской семинарии на Николаевской улице находились пехотная рота, пулемётная команда, батарея, классы, столовая, гимнастический зал, канцелярия училища, церковь, офицерское собрание. По воспоминаниям выпускников в училище была установлена железная дисциплина и, «что важнее всего, курсовые офицеры и преподаватели стремились привить юнкерам лучшие традиции военно-учебных заведений былых времён» [10, с. 27–28].

Вместе с енисейскими казаками на младший курс были зачислены 200 чел. В середине июля учеба была прервана, юнкера и офицеры около трёх месяцев участвовали в боях с красными в Восточном Забайкалье. Узнав о возвращении училища, горожане встречали юнкеров и офицеров как героев. После парада состоялось награждение. Из енисейцев Георгиевским крестом 4 ст. был награжден В. П. Суховский.

В марте – апреле 1920 г. училище в полном составе снова участвовало в боях, теперь уже на Ингодинском фронте. По возвращении в числе других юнкеров за боевые отличия Георгиевским крестом 4 ст. были награждены прибывшие из Красноярска: Я. Тимофеев (приказ Главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной Краины № 325 от 3 мая 1920 г.) [3, л. 123–124] и Г. Фрейберг [2, л. 78об.].

Енисейские казаки окончили училище со вторым выпуском 11 сентября 1920 г. Получив чин хорунжего, они оправались к месту службы. Архивные источники позволяют проследить их судьбы.

Байкалов Николай Николаевич родился 9 августа 1897 г. Выпускник Читинского военного училища. Сотник. Состоял в группе енисейских казаков-джигитов, гастролировавших в 1923–1924 гг. по Юго-Восточной Азии. Проживал в Шанхае. В картотеке шанхайской полиции указана его профессия – музыкант. В Австралии работал на сборе сахарного тростника в Квинсленде. Скончался в 1968 г. и был похоронен в Брисбене, на кладбище Mount Gravatt. Жена: Байкалова (урожд. Корневская) Капитолина (1897–1992). Дети: Николай и Надежда [15].

Ковригин Александр Павлович родился 14 ноября 1900 г. В 1918 г. окончил 1-ю губернскую гимназию в г. Томск, где проживал с родителями.

С началом формирования 1-го Енисейского казачьего полка в июне 1918 г. поступил в него добровольцем. Вместе с полком участвовал в 1918 г. в боях на Восточном фронте под Читой, в подавлении Минусинского крестьянского восстания, освобождении г. Енисейск в 1919 г. и других операциях против партизан в Енисейской губернии. В одном из боёв получил ранение в грудь. Был награждён Георгиевским крестом 4 степени.

В 1919 г. поступил в Читинское военное училище, по окончании которого в 1920 г. был произведён в чин хорунжего. Назначение получил в свой 1-й Енисейский казачий

полк, где занимал должность начальника команды связи. В 1921 г. откомандирован в Омский полк, в составе которого участвовал в Хабаровском походе, командуя 6-й и 7-й ротами. С 1922 г. назначен взводным офицером конного эскадрона Омского полка, который в составе частей 2-го Сибирского корпуса вёл бои в Приморье.

После эвакуации в октябре 1922 г. через станцию Пограничная вместе с частями Белой армии прибыл в Маньчжурию, работал на лесной концессии братьев Поповых, а в 1924–1932 гг. служил старшим ремонтным рабочим на станции Мацяохэ Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД).

В 1934 г. поступил на службу полицейским в железнодорожную полицию на станцию Мулин, а с 1935 г. служил агентом уголовного розыска сначала на станции Хайлин, а затем в г. Харбин. На 1935 г. женат не был.

В эмиграции состоял в различных общественных организациях: в Комитете помощи русским беженцам, был членом бюро по делам русских эмигрантов в Союзе бывших воспитанников Читинского атамана Семенова военного училища, а также в Союзе военных на Дальнем Востоке [6, л. 1–29].

Суховский Вениамин Павлович родился 16 марта 1898 г. в селе Заледеевское Красноярского уезда Енисейской губернии. Русский, православный, из семьи священника. В 1910–1911 гг. учился в железнодорожном училище на станции Клюквенная Енисейской губернии, в 1911–1913 гг. обучался в 1, 2-х классах Красноярской губернской гимназии [4, л. л. 2, 69]. В 1918 г. окончил Минусинское реальное училище. В период учёбы непродолжительное время был председателем Союза учащихся. Из-за своего резко отрицательного отношения к Советской власти с поста председателя был смещён по требованию Совета депутатов. С 1917 г. был старшим пятёрки в подпольной офицерской организации, готовившей антисоветский переворот и превратившейся позже в белый отряд, который до прихода воинских частей нёс в городе Минусинске гарнизонную и полицейскую службу.

На военную службу вступил добровольцем на правах вольноопределяющегося 1-го разряда в Енисейский казачий полк. С 30.08.1918 г. по 30.02.1919 г. проходил службу в учебной команде. 26.04.1919 г., вернувшись в полк из 3-месячного отпуска по болезни, был прикомандирован ко 2-й сотне, находившейся в Минусинске [5, л. 159], с которой

прибыл в Красноярск накануне отправки в Читинское военное училище [9, л. 130].

После поступления в училище – юнкер, позже старший портупей-юнкер ЧВУ, которое окончил по 1-му разряду. На станции Даурия был произведён в чин хорунжего со старшинством с 7.9.1919 г. и был назначен младшим офицером во 2-й казачий полк Отдельной Енисейской казачьей бригады, в которой служил до её расформирования. После эвакуации из Забайкалья в Приморье назначен командиром пластунской сотни, которой командовал с 01.03.1921 г. по 30.10.1922 г. Два месяца временно командовал дивизионом. Был легко ранен в поясницу и вследствие контузии имел пониженный слух. За боевые отличия награждён Георгиевскими крестами 4 и 3 ст.

В Маньчжурию в г. Хуньчунь прибыл с отступающей армией 30.10.1922 г. Проживая в г. Яньцзи, имел случайные заработки, пока не получил работу кучера в японском консульстве, где проработал с 01.03.1924 г. по 15.03.1929 г.

Овладел японским разговорным языком, отчасти – китайским и корейским. С 1929 г. – в Харбине. Здесь вступил в церковный брак с В. А. Любимовой, окончил школу шофёров (27.07.1929 г.) и тракторные курсы. Два месяца работал швейцаром в банке «Таотаку». С 01.11.1929 г. по 01.06.1936 г. – шофёр в японском консульстве (Ванцин). С 15.06.1936 г. по 15.09.1936 г. – слесарь в механической мастерской католической миссии г. Яньань. С августа 1943 г. служил на Мулинских копях. Состоял членом Дальневосточного союза военных в Маньчжурской империи (с 17.04.1935 г.), Обществе воспитанников ЧВУ, местном японском благотворительном обществе. Родственники: отец Суховский Павел Архипович (1878-?), жена Варвара Андреевна (урожд. Любимова, 1900-?) [7, л. 1–46].

Тольский Александр Андреевич родился 25 августа 1898 г. в г. Минусинск Енисейской губернии. Православный. В 1916 г. окончил Красноярскую губернскую мужскую гимназию. Во время Гражданской войны служил в команде «молодых казаков» 1-го Енисейского казачьего полка. После окончания ЧВУ был произведён в чин хорунжего и направлен в 1-й Енисейский казачий полк Отдельной Енисейской казачьей бригады. За боевые отличия получил очередной чин сотника.

В Маньчжурию прибыл в 1922 г. с отступающей армией генерала Дитерихса из При-

морья через военный лагерь в Гирине (ныне – Цзилинь). В Харбине работал в различных частных предприятиях, на КВЖД – в коммерческих подразделениях конторщиком, заведовал транспортной частью на станции Аньда, в обувном магазине фабрики «Слава», приказчиком в обувном отделе фирмы «Чурин», заведовал отделением этой же фирмы в Синьцзяне. Окончил коммерческие курсы, освоил японский и китайский языки в объёме, необходимом для коммерческой торговли обувью. Состоял членом Всероссийской фашистской партии, членом Общества бывших воспитанников ЧВУ, в Енисейском казачьем войске и Союзе служащих торговых промышленников. Умер от туберкулеза лёгких. Отпевание усопшего состоялось в церкви при Доме Милосердия 3 мая 1942 г. Родственники: жена Мария Генриховна (урождённая Менинг) 1907 г. р., сын Игорь 1926 г. р., тёща А. Г. Менинг [6, л. 1–14].

Юшков Афанасий Гаврилович родился 17 января 1895 г. в Енисейской губернии. Во время Гражданской войны служил в 1-м Енисейском казачьем полку. После окончания ЧВУ – командир сотни в Енисейской казачьей бригаде.

Проживая в Харбине, состоял во взводе джигитов под командованием полковника Г. К. Бологова [11, с. 169]. Гастролировал по Китаю в городах Пекин, Нанкин, Шанхай, а затем в Японии, Сингапуре и на Филиппинских островах. В 1924 г. остался на постоянное жительство в Шанхае. С образованием там Енисейской станицы был избран её атаманом и в дальнейшем из года в год переизбирался на эту должность [14, с. 29]. В числе беженцев из Китая проживал в 1949–1951 гг. на острове Тубабао (Республика Филиппины), откуда вместе с женой Надеждой Антоновой эмигрировал в США, обосновался в Сан-Франциско, где и скончался в 1970 г.

По остальным енисейским казакам сведений немного. Старший урядник писарской команды Плотников Виктор 6 мая 1919 г. был отправлен в отряд войскового старшины Розанова на Ирбейский фронт [12, л. 80], где участвовал в борьбе против повстанцев и красных партизан. Казаки Стародубцев Лев и Стрижнев Иван служили в 1-й сотне 1-го Енисейского казачьего полка, в составе которой принимали участие в боях на Ирбейском фронте [12, л. 134об, 135]. В 4-й сотне 1-го Енисейского казачьего полка служил доброволец Зонов Александр. Перед отправкой в ЧВУ числился в «команде молодых казаков». После выпуска из училища служил в Белых войсках на Дальнем Востоке. В октябре 1922 г. хорунжий Зонов состоял командиром взвода Омской пешей дружины. Другой выпускник ЧВУ, Байкалов Яков, накануне отправки в училище прибыл в Красноярск в составе «команды молодых казаков». Находясь в эмиграции в Китае, он по некоторым сведениям, проживал в Шанхае.

В ЧВУ обучались также и другие юнкера, прибывшие из Енисейской губернии: Фрейберг Александр (сотня), Фрейберг Георгий и Тимофеев Яков (пулемётная команда) [16, с. 60–62; 17, с. 397–404].

Выпускники ЧВУ, сохраняя верность своему училищу, состояли в Обществе бывших воспитанников Читинского атамана Семёнова военного училища, издавали журнал «Подчасок», «Читинец», «Информационный бюллетень». Объединение имело свой нагрудный знак [1, с. 68–71, 82–84].

Авторы благодарят архивистов ГАХК и особенно Л. А. Кривченко за методическую помощь, П. С. Татаринова и А. П. Ивачева (оба г. Сидней, Австралия) – за сведения о Н. Н. Байкалове, Д. Н. Клокову (г. Красноярск) – за помощь с переводом, Н. В. Калабину (г. Красноярск) – за уточнение китайских названий населённых пунктов.

Источники и литература

1. Буяков А. М. Знаки и награды российских эмигрантских организаций в Китае, 1921–1949 гг.: материалы к справочнику. Владивосток: Русский Остров, 2005. 216 с.
2. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 329. Оп. 1. Д. 75.
3. ГАЗК. Ф. 329. Оп. 1. Д. 82.
4. ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Ф. 348. Оп. 1. Д. 359.
5. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-149. Оп. 1. Д. 26.
6. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 21217.
7. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 33418.
8. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 46079.
9. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 47543.
10. Еленевский А. Военные училища в Сибири (1918–1922) // Военная быль. 1963. № 62. С. 27–35.

11. **Енисейские казаки.** Историческое прошлое, быт и служба енисейских казаков. Харбин, 1940. 172 с.
12. **РГВА (Российский Государственный военный архив).** Ф. 39515. Оп. 1. Д. 9.
13. **РГВА.** Ф. 40214. Оп. 1. Д. 448.
14. **Родимый край.** Париж. 1929. № 5.
15. **Татионов П. С.** Частное сообщение от 04.01.2017 г. Личный архив А. Н. Тимофеева
16. **Тимофеев А.** Два бойца из отряда Э. Фрейберга (реконструкция биографий) // Сибирский исторический альманах. Т. 1: Гражданская война в Сибири. Красноярск, 2010. С. 60–62.
17. **Тимофеев А. Н.** Доброволец Яков Тимофеев (реконструкция биографии) // Пятые архивные научные чтения имени В. И. Чернышевой. Хабаровск, 2015. С. 397–404.

УДК 94(571.55)

ББК ТЗ(2)534(2Рос-4Чит)

Александр Олегович Баринов,

АО «Региональное управление строительства»,
г. Чита, Россия

Роль партии социалистов-революционеров и её лидера М. А. Спиридоновой в первых кризисах власти и переворотах в революционном Забайкалье весной 1917 года

В статье рассматривается ход малоизученных политических событий в г. Чита и Забайкалье в марте – мае 1917 г., когда дважды была проведена смена руководства главного органа власти Временного правительства в Забайкальской области – Комитета Общественной Безопасности. Отдельно оценивается роль Марии Спиридоновой – бывшей узницы Нерчинской каторги, позже ставшей лидером партии левых эсеров, которая именно в марте – мае 1917 г. в г. Чита превратилась из бывшей террористки в политического деятеля государственного масштаба.

Ключевые слова: революционные партии, борьба за власть, первые демократические выборы, комитет общественной безопасности, эсеры, социал-демократы, кадеты, трудовики

Alexander O. Barinov,

JSC “Regional construction management”,
Chita, Russia

The Role of The Party of Socialists-Revolutionaries and its Leader M. A. Spiridonova in The First Crises of the Government and the Revolutionary Upheavals in Transbaikalia in the Spring of 1917

The article discusses the poorly understood course of political events in Chita and Transbaikalia in March-May 1917, when he was twice a change of the main body of the Provisional government in the Transbaikalia region – the Committee of Public Safety. Separately assesses the role of former prisoners of the Nerchinsk hard labor, later becoming part of the leader of the party of left socialist-revolutionaries Maria Spiridonova, which is in March-May 1917, Chita has evolved from the former terrorists into a political figure of national importance.

Keywords: revolutionary party the struggle for power, the first democratic elections, the Committee of public safety, social revolutionaries, Social Democrats, Cadets, Trudoviks

В советский период роль всех партий, кроме РСДРП(б), в период, наступивший после Февральской революции 1917 г., расценивалась исключительно как негативная, в луч-

шем случае, как соглашательская, в худшем – как исключительно контрреволюционная.

Постсоветский период в силу мученической составной в период правления больше-

виков и особенно в период сталинских репрессий 30-х гг. XX в. судеб многих лидеров и активистов социалистических партий, в том числе и социалистов-революционеров (эсеров), не позволял объективно оценить их позитивную и негативную деятельность как в период с февраля по октябрь 1917 г., так и в годы гражданской войны.

Вместе с тем необходимость объективно оценить происходившее в тот период, как в целом в России, так и в отдельных её регионах, требует не предвзятого и объективного подхода к оценке не только событий, но и отдельных личностей, сыгравших значительную роль в них.

Освещение событий того периода в Забайкалье не является исключением из этого правила. До сих пор не только объективной, но даже просто последовательной, хронологически выверенной оценки происходившего в марте – мае 1917 г. в Забайкальской области и её столице – городе Чите – нет.

Безусловно, большой вклад в освещение этого периода в советский период внёс В. И. Василевский [1], продолжающий и в настоящее время рассказывать об этом времени, внося серьёзные коррективы в свои прежние публикации [2].

Серьёзную попытку дать более полное освещение событий весны 1917 г. в нашем регионе предприняли в монографическом исследовании А. В. Константинов и Н. Н. Константинова [7]. Но главное внимание они сосредоточили на том, что происходило в марте, а потом уже осенью 1917 г.

Вместе с тем на протяжении всего 1917 г. практически ежемесячно происходили события, влиявшие как на политическое, так и на социально-экономическое положение огромной Забайкальской области, которая в определённый период была «полигоном», для апробации различных идей. Неслучайно, что Мария Спиридонова не сразу после освобождения с Нерчинской каторги отправилась в столицу, куда торопились лидеры всех революционных партий. Она, по большому счёту, лидером не была. В 22 года совершила террористический акт, оказалась узницей Нерчинской каторги, стала известна всей России, но лидером партии не была. Лидером она стала в заключении, но лишь той группы, с которой отбывала заключение. Её приезд в Петроград в качестве делегата Всероссийского съезда крестьянских депутатов от Забайкалья прошёл незаметно. В тот момент она была одной из многих. Но почти три ме-

сяца, на которые она задержалась в Чите, превратили её в политического деятеля. Именно здесь ей удалось провести несколько весьма успешных переворотов, помочь местным эсерам взять власть в регионе в свои руки и с их мандатом в качестве своего рода победительницы отправиться в Петроград, где она вскоре стала лидером фракции, а затем и партии левых эсеров. В связи с этим особенно интересно проследить ход событий, происходивших в Чите от появления и до отъезда Марии Спиридоновой.

Известно, что первое телеграфное сообщение о взятии власти Временным правительством, подписанное членом Госдумы Александром Бубликовым, пришло в Читу 2 марта 1917 г. Ему, однако, не поверили. Город замер в ожидании. Но уже 3 марта всё подтвердилось и начался праздник. В этот день в Чите прошёл первый митинг. 4 марта избрали Совет рабочих депутатов и Совет солдатских депутатов, которые вечером объединились в единый Совет, подчинявшийся Петроградскому Совету. Председателем его исполкома стал меньшевик, политссыльный, бывший член II Государственной Думы Василий Анисимов. В этот же день прошло заседание Читинской городской Думы с представителями общественных организаций, где был поставлен вопрос о формировании Комитета Общественной Безопасности (КОБ), который подчинялся Временному правительству. Его торжественно сформировали 5 марта. Первым председателем, а потом и областным комиссаром (так стала именоваться должность, пришедшая на смену военному губернатору) стал городской голова, член партии конституционных демократов (кадетов) Николай Савич. Он также сохранил за собой и пост городского головы.

Спустя 10 лет (в 1927 г.) один из активных участников тех событий, большевик Василий Соколов написал: «Чем руководствовались при назначении Савича разные фракции комитета, сказать теперь трудно. Человек этот совершенно никудышный. Возможно, его покладистость и отсутствие персональной воли показали комитетскому большинству перевешивающими все его другие недостатки» [1, с. 12].

Хотя всё достаточно очевидно. Поначалу всегда первыми становятся те, кто имеет хоть какой-то опыт государственной деятельности. Уже затем, когда новички обретут первые навыки, они стараются «подсидеть» тех, за кого на первых порах дружно голосуют. Да

и те, будучи консерваторами среди радикалов, тоже дают для этого повод, работая по старинке. Н. Савич и оказался тем, кто первым пришел на смену военному губернатору Забайкальской области.

Представители прежней власти, в том числе и только что приехавший в Читу губернатор Владимир Мустафин, были арестованы и вскоре отправлены за пределы области, кто в Иркутск, кто в Москву, а кто и в Петроград. Аресты и увольнения представителей старой администрации продолжались всю весну. Это лишь дополнительно дезорганизовывало налаженную работу. 11 марта вместо распушенной полиции в Чите была создана милиция, которой предстояло сражаться с валом уголовной преступности, порождённой амнистией, устроенной Временным правительством по инициативе А. Керенского.

Многие купцы, увидевшие, что власть парализована, стали резко увеличивать цены. Ситуация стала ухудшаться практически ежедневно. В это время новая власть и хлынувшие в Читу амнистированные политические заключённые (главным образом, социал-демократы и социалисты-революционеры) ежедневно проводили митинги и шествия.

10 марта в Чите прошёл грандиозный митинг, посвящённый революции. Его главными действующими лицами были А. Дудукалов, В. Анисимов и М. Спиридонова. О нём рассказали историки А. В. Константинов и Н. Н. Константинова [7, с. 14–15]. Однако о том, что в этот же день прошло крайне важное заседание местного отделения партии кадетов, до сих пор никто не рассказывал.

«10 марта в 1-м общественном собрании состоялось общее собрание членов читинского комитета партии Народной Свободы (так именовали себя кадеты – прим. авт.). На собрании присутствовало свыше 400 человек... – сообщала 12 марта газета «Забайкальская Новь». – По предложению организационного комитета партии собрание поставило на обсуждение вопрос о будущем устройстве правления Российского государства. Сразу же определилось два типа: за конституционно-монархический и за республиканский. После продолжительных прений собрание подавляющим большинством постановило просить съезд партии, имеющий быть в апреле, пересмотреть программу в части, касающейся образа правления, причем читинский комитет настаивает на респу-

бликанском. А в случае отрицательного решения съезда, общее собрание просит оставить свободу мнений» [5].

То есть на этом заседании по сути дела произошёл раскол. Меньшинство стояло на прежних позициях – сохранить в России конституционную монархию. Большинство же выступило за демократическую республику. Какие позиции заняли в этом вопросе Савич и Дудукалов, не известно. Можно лишь предполагать. Для бывшего городского головы, вдруг ставшего по сути дела губернатором, стабильность была предпочтительней. Для много повидавшего врача, нахлебавшегося от прежних бюрократов, лучшее виделось в революционных изменениях.

Митинги и собрания в то время проходили практически ежедневно. На них всё чаще высказывались претензии не только к областному комиссару, но и КОБу. Кроме того, сложилась интересная ситуация. Совет рабочих и солдатских депутатов взял на себя функции контроля за деятельностью КОБа. Последний же отвечал за всё, вплоть до обеспечения того же Совета канцелярией. При этом председатель исполкома Совета стал одновременно заместителем председателя КОБа.

Ситуация же в крае и городе продолжала ухудшаться. Количество жалоб в Совет и КОБ росло как снежная лавина. Ко всем прежним проблемам добавились рост уголовной преступности, посевная, оказавшаяся на грани срыва, делёж кабинетский земель, проблемы с продовольствием. Но Савича удалось снять не в марте, а лишь в апреле.

Историк Владимир Василевский в монографии «Борьба за Советскую власть в Забайкалье», изданной в 1979 г., писал: «Уже 19 марта отстранения Н. Савича потребовало собрание жителей г. Читы, и на следующий день новым областным комиссаром был избран председатель КОБа А. Дудукалов» [1, с.12]. В текущем году В. И. Василевский вновь привёл этот эпизод в серии своих публикаций в газете «Забайкальский рабочий» [2].

В заблуждение его ввели публикации противников Н. Савича. По этому поводу тому пришлось тогда же в 1917 г. обращаться с письмом к редактору газеты «Забайкальская Новь», которое и было опубликовано в этой газете. Интересно, что оно было напечатано уже после того, как Н. Савич был освобожден от поста областного комиссара. В тот момент ещё городской голова Н. Савич

сообщал: «Прочитав на страницах “Известий Забайкальского Областного Комитета Общественной Безопасности” (№ 7 от 22 марта с. г.) и в “Забайкальской Нови”, что мещанское общество г. Читы на состоявшемся 19 марта с. г. собрании постановило устранить меня от должности комиссара Забайкальской области, я запросил по этому поводу мещанского старосту г. Читы, г. Дорожкова, которым дан 28 марта 1917 г. за № 214 ниже следующий официальный ответ.

“Имею честь сообщить на Ваш запрос от 27 марта 1917 г. за № 5 о том, что был ли постановлен приговор Читинским мещанским обществом 19 сего марта 1917 года об устранении Вас от должности комиссара Забайкальской области, докладывают, что такого постановленного приговора не было. Когда же появилась такого несправедливого содержания заметка в Известиях Забайкальского Областного Комитета Общественной Безопасности в № 7, то я официальной бумаги отнесся 22-го марта за № 191 в Областной Комитет просил написать опровержение, но почему то опровержения до сего времени не печатается”» [9].

То, что снятие Н. Савича произошло в апреле, подтверждают ещё две заметки из той же газеты. 11 апреля «Забайкальская Новь» поместила заметку о вступлении А. А. Дудукалова в должность областного комиссара. В ней главной причиной смены первого лица в области были названы начавшаяся разруха и необходимость немедленного вступления в должность Дудукалова [6].

При этом «заговорщики» (левые кадеты и ещё не расколовшиеся на правых и левых эсеры и эсдеки) «сыграли» в демократию. 14 апреля на общем собрании КОБ провели перевыборы председателя.

«Много прений вызвал внесённый президиумом вопрос о том, чтобы совместить обязанности председателя комитета с должностью областного комиссара, – сообщала «Забайкальская Новь». – Вопрос дебатировался с точки зрения принципиальной допустимости такого совмещения. Мнение президиума поддерживалось, главным образом, с точки зрения практической необходимости установить взаимодействие между высшей в Области властью Комитетом и комиссаром Временного Правительства. Возражали против этого, находя принципиально недопустимым совмещение названных должностей в одном лице, указывая на то, что контакт двух властей может быть достигнут включением в

состав президиума комиссара как его члена, а не как председателя. Указали, что комитет контролирующая и согласующая власть, должен быть отдалён и от комиссара, действия которого раньше подлежат контролю Комитета. Большинством голосов (22 против 18) принято мнение президиума. Произведённой затем баллотировкой кандидатуры комиссара Дудукалов в председатели комитета Дудукалов оказался избранным 26 голосами при 13 воздержавшихся» [3].

Троевластию был положен конец. Но, как оказалось, это был только промежуточный этап. Комитет Общественной Безопасности с новым руководителем и при согласовании с Советом вплотную занялся подготовкой и проведением первых демократических (всеобщих, прямых и тайных выборов) в этот самый Комитет Общественной Безопасности.

Выборы были назначены на 14 мая 1917 г. Об их итогах в 2017 г. впервые написал В. И. Василевский. Он констатировал: «Выборы состоялись 14 мая и полную победу на них одержал блок эсеров и социал-демократов, получивший в КОБе все 30 мест... Позднее в КОБ вошли восемь представителей уездных кобов, десять – от областного Совета сельских депутатов, пять – от областного съезда рабочих и четыре от бурятского населения. Всего областной КОБ стал насчитывать 57 человек» [2]. К сожалению, В. И. Василевский не написал, кто и когда был избран председателем этого нового КОБ Забайкальской области.

24 мая состоялось первое заседание КОБа нового состава. Сначала надо было вновь решить вопрос о том, может ли областной комиссар быть одновременно председателем КОБ. «Старый комитет, как известно, – напоминала газета, – большинством, после весьма продолжительного обсуждения высказался за желательность совмещения этих должностей. Возник вопрос о пересмотре этого решения, так как бывший председатель комитета, занимавший должность комиссара, Дудукалов, не вошёл в состав Нового комитета. Без прений единогласно решено, что совмещение функций председателя комитета и областного комиссара не нужно. После небольшого перерыва открытой баллотировкой избраны председателем комитета М. Н. Богданов, товарищами его Н. П. Пумпянский и З. Р. Рубинштейн, секретарями И. Д. Резников, И. Разницев и Клевчиков, членами президиума Лопатин и Завадский» [4].

И Богданов, и Пумпянский были членами партии социалистов-революционеров. То есть власть в Забайкальской области в тот момент взяли ещё не расколовшиеся на правых и левых эсеры, в союзе с которыми выступили социал-демократы, так же ещё не разошедшиеся к большевикам и меньшевикам. Кадеты по сути дела были отодвинуты от реальной власти. Окончательно переход был завершён в июне, когда прошли выборы Читинской городской думы, на которых победу также одержали эсеры.

До этой публикации нигде не было сказано и о том, какого числа г. Чита покинула Мария Спиридонова, а эта дата имеет своё значение. Когда стало ясно, кто победил на выборах в КОБ, Читу можно было покидать. Лидерство эсеров в местной власти было закреп-

лено. 18 мая газета «Забайкальская Новь» скупо сообщила: «Завтра, 19 мая, с вечерним поездом на родину отъезжают акатуевки: М. С. Спиридонова, И. К. Каховская, Н. А. Терентьева и А. А. Биценко» [4]. Без кровопролития, путём бескровного переворота, а затем проведённых выборов удалось закрепить победу блока социалистических партий, в котором лидерство принадлежало эсерам. То, что у них не было опыта государственной деятельности и руководства социально-экономическими процессами, роли не играло. Как и то, что их приход к власти не привёл к улучшению жизни жителей области, а лишь ещё больше её ухудшил, что имело негативные последствия уже через несколько месяцев. Но это был уже следующий этап развития событий того драматического года.

Источники и литература

1. **Василевский В. И.** Борьба за Советскую власть в Забайкалье. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979. 144 с.
2. **Василевский В. И.** Февральская революция в Восточном Забайкалье // Забайкальский рабочий. 2017. 16 фев. № 30; Забайкальский рабочий. 2017. 17 марта. № 48; Забайкальский рабочий. 2017. 23 марта. № 52 Забайкальский рабочий. 2017. 13 апр. № 67; Забайкальский рабочий. 2017. 14 апр. № 68; Забайкальский рабочий. 2017. 05 мая. № 83; Забайкальский рабочий. 2017. 12 мая. № 87.
3. **В Комитете Безопасности** // Забайкальская Новь. 1917. 16 апр. №2767.
4. **В Комитете Общественной Безопасности** // Забайкальская Новь. 1917. 26 мая. № 2797.
5. **В партии Народной Свободы** // Забайкальская Новь. 1917. 12 марта. № 2743.
6. **Вступление в должность комиссара А. А. Дудукалова** // Забайкальская Новь. 1917. 11 апр. № 2162.
7. **Константинов А. В., Константинова Н. Н.** Забайкалье: ступени истории (1917–1922 гг.). Чита: Экспресс-издательство, 2009. 188 с.
8. **Отъезд акатуевки** // Забайкальская Новь. 1917. 18 мая. № 2791.
9. **Письма в редакцию** // Забайкальская Новь. 1917. 27 апр. № 2775.

УДК 94
ББК ТЗ(2)

Николай Васильевич Гордеев,
*Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Россия*

Участие китайских воинов-интернационалистов в революционном движении в Забайкалье (1917–1920-е годы)

В статье на основе, преимущественно, документов и материалов архивных фондов, а также с привлечением ранее опубликованных данных освещаются малоисследованные вопросы участия китайских воинов-интернационалистов в революционном движении в Забайкалье – в Гражданской войне, борьбе против белого движения и иностранной военной интервенции, за установление власти Советов. В связи с тем что история участия красных китайцев в революционных событиях на территории края ещё не получила должного отражения в научной литературе, автором предпринята попытка восполнить в какой-то степени настоящий пробел. В статье показаны героизм китайских воинов в боях за советскую власть, их сплочённость с русским народом, интернационализм и непоколебимость, великая жертвенность.

Обосновывается вывод о том, что история боевого содружества трудящихся Забайкалья и китайских интернационалистов в борьбе с общим врагом является яркой страницей истории российско-китайских отношений.

Ключевые слова: китайская миграция в Забайкалье, эксплуатация «жёлтого труда», большевики и китайские трудящиеся, политика правительства Советской России в отношении китайских переселенцев, интернациональное единение в борьбе против общего врага

Nikolai V. Gordeev,
Baikal State University,
Irkutsk, Russia

Participation of Chinese Soldiers-Internationalists in the Revolutionary Movement in Transbaikalia (1917–1920)

In article on the basis mainly of documents and materials of archives, and by taking advantage of previously published data covers unexplored issues of participation of Chinese soldiers in the revolutionary movement in Transbaikalia in Civil war against the white movement and the foreign military intervention, for the establishment of government Councils. Due to the fact that the history of the red Chinese participation in the revolutionary events in the region have not received due reflection in the scientific literature, the author attempts to fill in some degree this gap. The article shows the heroism of Chinese soldiers in the battle for the Soviet power, their solidarity with the Russian people, internationalism, and perseverance, and great sacrifice. It is concluded that the history of comradeship of the workers of Transbaikalia and the Chinese internationalists in the struggle against a common enemy is a bright page of history of Russian-Chinese relations.

Keywords: Chinese migration in the Transbaikal, the exploitation of the “yellow labor”, the Bolsheviks and the Chinese workers, the policy of the government of the Soviet Russia against the Chinese immigrants, international unity in the struggle against the common enemy

По подсчётам отечественных исследователей, 30–40 тыс. китайских рабочих влились в ряды Красной Армии и красных партизан. Участие китайских трудящихся в революционном движении в России было заметным. По китайским данным, их число было больше – от 60 до 70 тыс. чел. Красные китайцы с оружием в руках защищали Советскую власть на всех фронтах в составе отрядов, рот, батальонов и целых полков. Китайское подразделение использовалось в охране московского Кремля и советского правительства во главе с В. И. Лениным.

Однако вопросы участия китайских воинов-интернационалистов в революционных событиях, Гражданской войне и борьбе против иностранной военной интервенции на территории Забайкалья в научной литературе освещены пока не в полной мере. В настоящей статье предпринята попытка в какой-то мере восполнить этот пробел.

Основными местами «рассеяния» китайской миграции в России первоначально были нынешние территории Приморья, Хабаровского края, Амурской области и Забайкалья. Отсюда «дети природы», как нередко имено-

вали китайских мигрантов, позднее перебирались в другие, в том числе западные районы страны.

В Забайкалье часть китайских переселенцев была занята мелкой торговлей (лавочки), огородничеством, ремесленничеством, ремонтом обуви и пр. Какая-то часть посвящала себя индивидуальной добыче золота, поиску и сбору корней женьшеня либо занималась контрабандной переправкой добытого золота в Китай. Преимущественное большинство китайской миграции составляли рабочие. Они были заняты, главным образом, на строительстве Транссибирской железнодорожной магистрали, на лесоразработках, в горнорудной промышленности [4, л. 24–26].

Китайские рабочие являлись существенным источником пополнения рядов забайкальского пролетариата. Так, в 1915 г. общая численность рабочих на промыслах Нерчинского горного округа и Петровском чугунолитейном заводе составляла 23 404 чел. Из них иностранных рабочих было 9792 чел., почти половину которых составляли китайцы. На

крупнейших Черновских и Арбагарских угольных копях около половины шахтёров также составляли китайские рабочие [5, л. 15, 21, 26–27].

Как частные предприниматели, так и администрация государственных предприятий основными мотивами использования китайской рабочей силы считали дешевизну, большую продолжительность рабочего дня китайских мигрантов, их общую дисциплинированность, неприхотливость в быту.

После оседания в Забайкалье китайские мигранты были обязаны получить вид на жительство – так называемый «билет», при этом заплатить за него особый сбор. В целом же правовое положение китайской диаспоры оставалось крайне неопределённым. Формально китайские мигранты оставались «независимыми» от российских законов, фактически же обитали вне паспортного режима, обладали «правами» нелегалов-поселенцев, были превращены в людей «третьего сорта». Значительная часть их стремилась сохранить свой традиционный жизненный уклад, селиться компактно, замкнутой этнической группой.

Повсеместно существовала высокая степень эксплуатации «жёлтого труда». К примеру, на Карийских приисках оплата труда китайских рабочих была почти в 5 раз ниже оплаты труда русских рабочих, а рабочий день достигал 13–14 ч. Наряду с отсутствием минимального по тому времени продовольственного обеспечения, медицинского обслуживания, особо остро стоял жилищный вопрос. Как отмечалось в корреспонденции газеты «Забайкальский рабочий», «теснота, грязь, отсутствие самых элементарных приспособлений скорее напоминали свинарник, чем жилище людей. Особенно плохо обставлены жилища рабочих-подрядчиков. В маленькой хибарке часто ютятся по несколько семей, причём вместе с семейными живут и холостые». Категорию рабочих-подрядчиков в значительной мере составляли китайские мигранты [20].

В годы Первой мировой войны царское правительство наиболее интенсивно проводило стратегию ограничения «жёлтого труда» и возможностей оседания китайской миграции на восточных территориях России. Часть китайцев была вынуждена возвращаться на свою историческую родину. Характерно, что в ходе всей этой эвакуационной эпопеи царским правительством не бралось на себя каких-либо обязательств по содей-

ствию китайским репатриантам. Временное правительство также ничего не сделало для решения китайского вопроса.

Забайкальские большевики с самого начала строили взаимоотношения с китайскими трудящимися на основе принципов солидарности, видя в их лице союзников по общепролетарской борьбе. Действуя через Советы, профсоюзные организации, рабочие собрания, большевики добивались улучшения жизненных условий китайских трудящихся. Уже 1-й съезд углекопов Забайкалья, проходивший в июне 1917 г. на Черновских угольных копях, по предложению А. А. Ширямова принял резолюцию, обязывавшую предпринимателей пересмотреть вопросы оплаты «жёлтого труда». В резолюции, в частности, отмечалось: «Стоя на классовой международной точке зрения, съезд углекопов высказывается за полное уравнение условий «желтого труда» с русским, за ускоренную выработку и издание в законодательном порядке минимума зарплаты, который должен быть одинаковым для всех рабочих без различия национальностей» [8, л. 57].

Под давлением русских рабочих техническая комиссия Тарбагатайских угольных копей в октябре 1917 г. также была вынуждена обязать предпринимателей «пересмотреть вопрос о китайцах и уравнивать их в оплате труда с русскими рабочими» [9, л. 36]. Таким образом, в преддверии Октябрьской революции большевики Забайкалья активно выступали против шовинистической политики буржуазного Временного правительства и национального гнёта во всех его проявлениях, за равенство людей труда независимо от национальной принадлежности.

Подобные требования были предъявлены и шахтёрами Арбагарских угольных копей, где активно действовал Совет рабочих депутатов с представительством шахтёров-китайцев. Вскоре волна рабочего движения охватила другие отрасли промышленности Забайкалья, в том числе золотодобычу. Реакция Временного правительства последовала незамедлительно. Проправительственная газета «Забайкальская новь» тут же откликнулась на выступление рабочих ядовитой статьёй, в которой большевики были названы «крайними элементами», поднимающими тёмную, в том числе иностранную, рабочую силу, действующими возбуждающе на последнюю [19].

Когда в Могоче после долгих и безрезультатных переговоров профсоюзная орга-

низация была вынуждена отобрать прииск у золотодобытчика Станевича за его особо жестокое отношение к рабочим, министерство торговли Временного правительства немедленно связалось с министерством внутренних дел и договорилось «о принятии мер по восстановлению» порядка на прииске. Среди «хищников, захвативших прииск», при этом были названы и китайцы. В Могочу был срочно направлен карательный отряд во главе с комиссаром Читинского областного Комитета общественной безопасности «для оказания содействия по удалению означенной воинскою командою хищников на золото на площадях, принадлежащих государству» [10, л. 12].

У китайской миграции особый отклик получил антиимпериалистический характер внутренней и внешней политики Советской России. «Декрет о мире», «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», Обращение СНК РСФСР «К китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая» – этими документами были провозглашены основы советской политики в отношении Китая, принципы дружбы и равноправия. Выдающийся китайский демократ и революционер Сунь Ятсен, внимательно изучавший опыт Октябрьской революции в России, неоднократно подчёркивал, что международная поддержка и, прежде всего, помощь Советской России явятся одним из факторов освобождения Китая от угнетения империализмом.

Советское правительство с первых шагов прилагало немало усилий, чтобы организовать помощь китайским гражданам, оказавшимся вдали от родины без средств к существованию. Китайский представитель в Советской России в докладе своему МИДу особо отмечал: «Облегчение участи китайских рабочих совпало с моментом установления в России Советской власти, взявшей на себя защиту интересов рабочих, независимо от их принадлежности к той или другой национальности» [22, с. 75].

Поэтому китайское население Забайкалья в суровые годы Гражданской войны и иностранной военной интервенции сделало выбор, преимущественно, в пользу красного движения, с оружием в руках поднялось на защиту советской власти. Большую роль сыграла также умелая пропагандистская и организаторская работа забайкальских большевиков. Такого авторитетного влияния на китайцев не было ни у белых и семеновцев,

ни тем более у японцев, смотревших на «детей природы» как на злостных врагов, большевистских пособников и соответственно обращавшихся с ними.

В борьбу против красного движения японское командование пыталось вовлечь специально подготовленные им для этих целей так называемые «отряды китайских хунхузов», что, однако, не дало желаемого результата. Истинные хунхузы не вели боевых действий против своих соотечественников в России – красных китайцев [15].

Разумеется, не все китайцы брали в руки оружие и шли защищать советскую власть по идейным соображениям. Часть делала это под влиянием обстоятельств, заботясь о хлебе насущном и о том, чтобы только не сгинуть в чужой стране. Однако основная масса вступала в ряды борцов за Советы по убеждениям. В 1918 г. китайские рабочие Верхнеудинска приняли следующую резолюцию: «Интересы рабочих и крестьян... считаем нужным защищать, для чего в контакте с рабочими и крестьянами России и Сибири будем бороться плечо о плечо для защиты прав трудящихся всего мира» [2, с. 48]. Резолюция китайскими рабочими была принята в самый критический для советской власти момент.

Приток китайских рабочих в революционные военные формирования наиболее заметно усилился, когда Советская Россия оказалась в огненном кольце. В декабре 1918 г. в Петрограде состоялось совместное совещание китайских и корейских рабочих, обратившееся с воззванием к китайскому народу и призывом ускорить выступление рабочего класса в связи с агрессией интервентов против России. Воззвание заканчивалось словами: «Китайские рабочие в России волею судьбы оказались ныне в среде авангарда мировой революции. Они должны помнить, что судьба революции Китая тесно связана с судьбой русской рабочей революции. Только в тесном единении с русским рабочим классом возможна победа революции в угнетённом Китае» [18, с. 364]. Автором этого воззвания был китайский рабочий коммунист Сан Фуань.

Первый в Забайкалье отряд Красной гвардии был создан на Арбагарских каменноугольных копях, где трудились около 150 русских и примерно столько же китайских рабочих. На копах действовала одна из самых активных большевистских организаций, возглавляемая коммунистом А. А. Ширямовым,

в результате чего арбагарские углекопы быстро откликнулись на все важнейшие политические события. Совет рабочих депутатов копей был первым в Забайкалье, установившим советскую власть на подведомственной ему территории. В Совет было избрано 170 русских и китайских рабочих, преимущественно, членов большевистской партии. Совет создал продовольственную комиссию, осуществлявшую контроль над производством и потреблением, установил восьмичасовой рабочий день, осудил контрреволюционный мятеж генерала Корнилова. В августе 1917 г. рабочими депутатами был образован отряд Красной гвардии в составе 150 чел., почти половину отряда составляли китайцы [21].

Уже в апреле 1918 г. этот интернациональный отряд принял боевое крещение, участвовал в подавлении контрреволюционного семёновского мятежа в Сретенске. Позднее многие арбагарцы, в том числе китайские рабочие, героически сражались в партизанских отрядах против иностранных интервентов и белогвардейцев.

Когда в 1918 г. началась оккупация Дальнего Востока американцами и японцами, на территории Забайкалья был сформирован отряд русских, китайцев, корейцев и других интернационалистов под командованием Н. А. Каландаришвили (партизанская кличка «Карандаш»). Летом 1918 г. отряд участвовал в упорных боях у Байкала, удерживая превосходящие силы белочехов. Затем бойцы отряда сражались на территории Иркутской области и Забайкалья. Западнее станции Гонгота отряд вёл тяжёлое сражение со значительно превосходящими по численности силами японцев, имевших мощное огневое прикрытие артиллерии и бронепоезда. Несмотря на упорное сопротивление противника, понесённые потери и ранение Н. А. Каландаришвили, отряд разгромил японцев и заставил их отступить от Гонготы. Китайской частью отряда командовал Та Панфу, обладавший высокими боевыми качествами. Под его командой отважно сражался рабочий Чан Люю, который прошёл с отрядом весь боевой путь с начала его организации до 1921 г. [15, л. 1–3].

В сентябре 1919 г. состоялось знаменитое Богдатынское сражение, длившееся несколько дней. В боях с японскими и белогвардейскими частями здесь вместе с другими подразделениями красных партизан отчаянно билась рота китайских добровольцев-ин-

тернационалистов с Благовещенских приисков. В этом сражении руководимые П. Н. Журавлевым части полностью покончили с планами японо-семеновского командования разгромить партизанское движение в Забайкалье. В итоге оно превратилось в силу, уничтожить которую японцы и семеновцы были не в состоянии. А станица Богдатын стала называться «столицей» партизанского движения [23, с. 30].

Красный партизан Ян Дожан после Алтаганчанской лесной коммуны служил в отряде П. Н. Журавлева, где стал одним из лучших разведчиков под кличкой «Саша». Под видом продавца он разведал огневые позиции противника в Цугольском Дацане, обеспечив разгром партизанами находившейся там белогвардейской части. Ян Дожан участвовал во многих боях, в том числе в знаменитом сражении под Богдатын. Был выдвинут на должность командира роты. В Богдатынских боях был дважды ранен, но продолжал руководить действиями своей роты.

Значительная часть участвовавших в борьбе за установление советской власти китайских добровольцев пришла в Забайкалье из Амурской области. Об этом свидетельствует ряд документов штаба Восточно-Забайкальского фронта. Так, одним из распоряжений штаба красноармеец Си Фукуй был командирован в Благовещенск «для вызова китайцев-интернационалистов и сопровождения их на фронт». Из документов следует, что большевики проводили серьёзную организаторскую и политическую работу среди личного состава китайских и корейских партизанских отрядов. Например, в марте 1920 г. в одном из распоряжений командующего Амурским фронтом Д. С. Шилова отмечалось: «При комиссариате иностранных дел учредить агитационную школу для интернационалистов (китайцев, корейцев и т. д.), которые могли бы потом вести агитацию и популяризацию Советской власти между своими соотечественниками...» [1, с. 39]. Такая работа способствовала расширению рядов общей интернациональной борьбы за освобождение Забайкалья от белогвардейцев, семеновцев и японских интервентов.

6 апреля 1920 г. в Верхнеудинске съездом трудящихся Прибайкалья было провозглашено создание «буферной» Дальневосточной республики (ДВР). Однако первое время власть правительства ДВР распространялась только на Прибайкалье. В Забайкалье ещё держался кровавый режим атама-

на Семенова и японских интервентов. На Амуре была установлена советская власть, а в Приморье существовало земское правительство эсера Медведева. Вскоре Амурская область признала власть правительства ДВР, но Амур отделялся от Прибайкалья так называемой «Читинской пробкой», т. е. территорией, занятой семеновцами. Сложность ликвидации «Читинской пробки» заключалась в том, что здесь находились крупные силы японских интервентов, существовала угроза столкновения с ними. Тем не менее, командование Народно-революционной армии ДВР предприняло попытку ликвидировать «Читинскую пробку».

Бои за ликвидацию «Читинской пробки» были длительными и тяжёлыми, продолжались с первых дней апреля до окончания октября 1920 г. В боях сражались части молодой регулярной НРА ДВР совместно с отрядами забайкальских и амурских партизан. Доблестью проявил себя отряд А. Н. Бутрина («Старик»), который одним из первых ворвался в Читку, расчищая путь частям НРА и партизанским подразделениям.

В отряде А. Н. Бутрина с началом его формирования насчитывалось немало китайских бойцов. Из их числа был создан отдельный Восточный китайский батальон под командованием Чан Панчуа. В батальоне служили рядовыми Ван Синюань и его товарищ Нам Фанче, оба из рабочих, проживавшие в Амурской области, в числе первых вступившие там в Благовещенскую Красную гвардию. Оба китайских интернационалиста проявили себя храбрыми бойцами в сражениях за ликвидацию «Читинской пробки» [14, л. 1–3; 16, л. 1–3; 17, л. 1–3].

В батальоне также храбро сражались китайские снайперы Ли Фа и Линь Цуньхэ, которые в самые ответственные моменты сражений выводили из строя командование семеновцев и японцев, способствуя тем самым исходу боя. За выполнение особо важного задания снайперу Ли Цуньхэ была объявлена благодарность.

В боях за освобождение Забайкалья многие китайские бойцы-интернационалисты были выдвинуты на командные должности. Командиром 3-й Сибирской стрелковой дивизии был назначен Сунфу. В приказе главнокомандующего всеми вооружёнными силами Забайкалья от 5 мая 1920 г. говорилось, что за храбрость и бесстрашие, проявленные боевые качества «гражданин Сунфу Александр Николаевич назначается начальником фор-

мируемой 3-й Сибирской стрелковой дивизии». Ряд командных должностей занимал в отдельном Восточном китайском батальоне Чан Хай. В начале 1918 г. он добровольцем записался в китайский отряд 1-го Московского интернационального батальона. Вместе с отрядом прошёл большой боевой путь на различных фронтах Гражданской войны, завершил его в Забайкалье [13, л. 31].

Китайские добровольцы сражались и в других частях. В сентябре 1920 г. в распоряжении 17-го Амурского стрелкового полка со станции Укурей из 8-го Кавалерийского полка прибыли народоармейцы-китайцы. Из прибывших создали 2-й отдельный китайский батальон. В этом батальоне было три роты, в которых насчитывалось 374 народоармейца-китайца. Кроме того, в составе батальона из числа китайцев было 27 командиров отделений, 9 командиров взводов и 3 полуротных. Таким образом, в списочном составе 2-го батальона 17-го Амурского стрелкового полка насчитывалось 413 китайских воинов-интернационалистов [11, л. 25–26].

Во всех сражениях китайские интернационалисты проявили себя не только отважными и дисциплинированными, но и высоко нравственными бойцами. Среди забайкальского населения они пользовались авторитетом и уважением, местные жители с теплотой отзывались о бойцах китайских отрядов. Их приход встречали дружелюбно, угощали, чем могли, в тяжелейшее военное лихолетье. В трудных многодневных переходах китайские подразделения, как правило, не испытывали проблем в обеспечении продовольствием, предметами обихода и имуществом, хотя местное население само остро нуждалось в самом необходимом.

С позором отступая из Забайкалья в Маньчжурию, атаман Семенов и его японские покровители оставили после себя неизгладимые кровавые следы. В борьбе с семеновским режимом наряду с русскими погибли многие китайские интернационалисты [7, л. 176].

В конце июня 1920 г. семеновцам и японцам удалось раскрыть в Чите городскую подпольную большевистскую организацию в количестве 46 чел. В их числе был китайский интернационалист Ли Сифа. Он выполнял особое задание – под видом служащего магазина собирал сведения о численности и персональном составе командования семеновско-японского гарнизона. Читинские большевики-подпольщики были подвергнуты

жестоким пыткам, затем переданы семеновскому военно-полевому суду и расстреляны [12, л. 9–10].

В апреле 1921 г. особой комиссией Нерчинского городского Совета были вскрыты временные захоронения по обеим сторонам полотна железнодорожной ветки от станции Приисковая, где белогвардейцы производили массовые расстрелы. Вскрытие продолжалось несколько дней. В могилах рядом с телами русских были обнаружены тела китайцев. Красных китайцев семёновцы и японцы расстреливали и в Чите – на Черновских угольных коях. В верховьях р. Кайдаловка трупы расстрелянных бросали в ямы (выработки глины бывшего кирпичного завода). Согласно данным Н. Кирюхина, в период семеновского белого террора число жертв среди китайских

и корейских интернационалистов только в Троицкосавской тюрьме составило 1500 чел., в Тарской пади ещё 1600 чел. В массе убитых в Нерчинске, Чите, Маккавеево и Даурии также было много китайцев [18, с. 365].

21 октября 1920 г. вся территория Забайкалья была очищена от белогвардейцев, семеновцев и иностранных интервентов. Прошедшее тяжелейшие испытания боевое содружество трудящихся Забайкалья и китайских воинов-интернационалистов (с ними в одном ряду сражались красные чехи, словаки, мадьяры, корейцы) стало важнейшим фактором их общей победы над врагом. История участия китайских интернационалистов в революционном движении в Забайкалье является одной из ярких страниц общей истории России и Китая.

Источники и литература

1. **Великая дружба. Очерки, статьи, воспоминания.** Чита: Читинское книжное издательство, 1959. 122 с.
2. **Великий Октябрь и народы Востока:** Сборник. 1917–1957 / отв. ред. и введ. А. А. Губера; Акад. наук СССР. Ин-т востоковедения. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1957. 419 с.
3. **ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края).** Ф. 1. Оп. 1 (общ.). Д. 509.
4. **ГАЗК.** Ф. 1. Оп. 1 (общ.). Д. 3823.
5. **ГАЗК.** Ф. 21. Оп. 1. Д. 1327.
6. **ГАЗК.** Ф. 26 Оп. 1. Д. 495.
7. **ГАЗК.** Ф. 35. Оп. 2. Д. 74.
8. **ГАЗК.** Ф. 173. Оп. 2. Д. 94.
9. **ГАЗК.** Ф. 173. Оп. 2. Д. 120.
10. **ГАЗК.** Ф. 210. Оп. 1. Д. 1987.
11. **ГАЗК.** Ф. 741. Оп. 2. Д. 3.
12. **ГАЗК.** Ф. 1545. Оп. 2. Д. 19.
13. **ГАЗК.** Ф. 1706. Оп. 2. Д. 1.
14. **ГАЗК.** Ф. Р-525. Оп. 2. Д. 75.
15. **ГАЗК.** Ф. Р-525. Оп. 2. Д. 95.
16. **ГАЗК.** Ф. Р-525. Оп. 2. Д. 484.
17. **ГАЗК.** Ф. Р-525. Оп. 2. Д. 801.
18. **Годы и люди:** Статьи и очерки об участниках борьбы за Советы в Забайкалье / ред. Г. В. Грунин [и др.]. Чита: Читинское книжное издательство, 1960. 415 с.
19. **Забайкальская новь.** 1917. 23 июня.
20. **Забайкальский рабочий.** 1917. 1 июня.
21. **Забайкальский рабочий.** 1917. 24–25 дек.
22. **Ларин А. Г.** Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. М.: Муравей, 2003. 223 с.
23. **Ушаков М. Г.** По долинам и по взгорьям... Из воспоминаний забайкальского партизана: К 40-летию освобождения Забайкалья от белогвардейцев и интервентов. Чита: Читинское книжное издательство, 1960. 78 с.

УДК 93/94

ББК ТЗ(2)(2Рос-4Чит)

Людмила Павловна Ледкова,

*Государственный архив Забайкальского края,
г. Чита, Россия*

Развитие сельскохозяйственного образования Забайкалья в 1917–1922 годах

В статье рассматриваются социально-экономические условия, в которых начался процесс перестройки сельскохозяйственного образования Забайкалья. Анализ архивных документов показал, что в Забайкалье не произошла трансформация дореволюционного типа сельскохозяйственных школ в учебные заведения специального значения из-за их неустойчивого материального и финансового положения. Кризисные изменения в системе сельскохозяйственного образования Забайкалья ставили на первый план в распространении сельскохозяйственных знаний внешкольную работу, определив её главной целью в 1920-е гг. повышение уровня аграрного производства и сельскохозяйственной культуры населения.

Ключевые слова: сельское хозяйство, сельскохозяйственное образование, внешкольная работа, агроном, школа, социально-экономическое развитие

Ludmila P. Ledkova,

*State Archive of Zabaykalsky Krai,
Chita, Russia*

Development of Agricultural Education in Transbaikal Region in 1917–1922

The article explores the socio-economic conditions in which the reorganization of agricultural education in Transbaikal region started. The analysis of archival documents showed the transformation of prerevolutionary agricultural schools into special educational institutions didn't occur in Transbaikal region because of their unstable financial position. Crisis changes in system of agricultural education in Transbaikal region set to the foreground extension of agricultural knowledge in extramural activities at schools and then defining it as the main purpose in the 1920s increasing efficiency of agricultural production.

Keywords: agriculture, agricultural education, extramural activity, agronomist, school, socio-economic development

В периоды социально-политических потрясений, какими являлись 1917–1922 гг., закономерный процесс развития общества прерывался. Сложная социально-экономическая и политическая обстановка приводила как к развитию регрессивных процессов, так и к перестройке всех сфер общества. По этой причине в исследованиях по истории профессионального образования период 1917–1920 гг. не выделяется в отдельный этап, но рассматривается как предыстория советской профессиональной школы [15, с. 8].

В Забайкалье основные формы сельскохозяйственного образования – стационарная и внешкольная – получили распространение в первой половине XX в., когда появилась сеть специализированных учебных, научных, опытных учреждений. К концу 1917 г. на тер-

ритории Забайкалья функционировали следующие опытно-показательные, научные и образовательные учреждения: Нерчинская сельскохозяйственная школа II разряда (1913 г.), Читинское землемерное училище (1910 г.), Читинская опытно-показательная пасека (1912 г.), Сохондинское и Верхне-Унгургинское опытные поля (1914 г.), Читинская противочумная станция (1889 г.), десять метеорологических станций, девять агрономических пунктов и агрономическая лаборатория в г. Чита. Перечисленные учреждения осуществляли агрономическую деятельность по трём основным направлениям – изучение естественно-географических условий области, распространение сельскохозяйственных знаний и опытно-показательная работа [1, л. 29]. В области создали три агро-

номические службы: войсковую, оказывавшую помощь казакам, переселенческую – переселенцам, агрономическую организацию, работавшую со всеми категориями населения. Все эти службы подчинялись разным ведомствам, в 1918 г. их объединили в одну агрономическую организацию [3, л. 10].

В начале 20-х гг. XX в. большинство агрономических учреждений оказались недееспособными из-за разорения их материальной базы. Районный агроном Афанасьев сообщал о Сретенском агропункте следующее: «Нет ни огорода, который так необходим, нет хозяйственных посевов, показательных полей и участков. Показательная ферма, где скот скоро будет околевать с голоду, где не думают, о рациональном кормлении, коровы едва ходят, а некоторые заваливаются» [11, л. 50–50об.]. В подобном положении оказались все агроучастки. Инвентарём и специальной литературой незначительно обеспечивались агроучастки, образованные на месте разрушенных агрономических пунктов. К тому же область испытывала острую нехватку агрономических кадров. Один агроном обслуживал от двух до четырёх волостей и от 2588 до 4078 хозяйств [10, л. 109]. В связи с этим агрономическая работа строилась по принципу «неполного обслуживания». В результате, без агрономической помощи в губернии оставались 10 861 дес. посевной площади, 9 волостей, 57 селений, 5309 хозяйств [11, л. 51]. Кадровая проблема препятствовала переходу к участковой форме агрономии, развитию «живой работы среди трудового крестьянства, работе с самой природой, работе в поле, огороде...». Кроме того, деятельность агронома перегружалась «излишней никому ненужной канцелярской перепиской» [14, л. 39об.].

Упадок переживало и сельское хозяйство, из всех отраслей которого наиболее серьёзно пострадало скотоводство. Агрономы отмечали, что скот шёл на продовольствие действовавших воинских частей, лошади «были взяты, а затем уведены белыми частями в Приморье» [6, л. 52об.]. Кризисные явления усугубляли реквизиции продовольствия, приводившие к росту «безпосевных» хозяйств и увеличению количества дворов, не содержащих скота. В исследовании сельскохозяйственных переписей в Забайкалье приводятся такие данные: в 1923 г. количество «безпосевных» дворов увеличилось до 65,4 %, не разводивших скот – 97 %, без рабочего скота – 172,3 %, без коров – 106 %

[16, с. 21]. Агроном М. В. Чернышев в отчёте указывал, что одновременно с этим отмечалось общее падение агротехники полей: «Правильного чередования в смене участков залежи и полевых клиньев нет, как отсутствовало чередование самих культурных растений и пара» [2, л. 71об.]. На территории волостей и селений не применялись определенные севообороты, а несвоевременное приготовление пара приводило к иссушению почвы. Ситуацию усугубляла незаинтересованность крестьян в повышении производительности хозяйств, что стало следствием реквизиционной политики. В этих условиях сельскохозяйственное образование, главным образом, его внешкольные формы, рассматривалось как средство воздействия на крестьян.

Восстановление аграрного сектора Забайкалья началось в 1922 г. [11, л. 53]. К этому времени в губернии осталось 13 случайных пунктов с жеребцами, быками и боровыми, 11 из которых функционировали при агропунктах, два – при Нерчинской сельскохозяйственной школе. Проводилась работа по воссозданию учебно-показательной пасеки, агрономических, прокатных, зерноочистительных пунктов. Благодаря объединению Амодовской и Читинской пасек, у последней значительно возросло число пчелиных семей. Всего же в губернии, согласно данным, которые приводит инструктор по пчеловодству Ф. П. Кудин, к концу 1922 г. насчитывалось 734 пасеки с 12865 семьями пчёл [2, л. 105об.]. Необходимо отметить, что в годы потрясений население проявляло значительный интерес, именно, к пчеловодству. На это могло повлиять то, что пчёлы и инвентарь отпускались населению ниже рыночной цены. Кроме того, пчеловодством могли заниматься подростки, старики. Специальные курсы и экскурсии по этой отрасли возобновились уже в 1917 г. Прибайкальскому областному сельскохозяйственному подотделу удалось напечатать 1000 книг по пчеловодству, в 1919 г. издано до 8000 экземпляров [14, л. 41об.].

Переход к организационно-структурному формированию новой системы сельскохозяйственного образования в Забайкальской губернии и Сибири в целом начался после образования ДВР. В это время вступили в силу основные декреты советской власти. 10 января 1920 г. был образован отдел народного образования Сибревкома, в апреле этого же года сформирован Сибирский коми-

тет профессионально-технического образования (Сибпрофобр). На Учредительном съезде трудящихся и партизан, созванном 6 апреля 1920 г., сформируют Министерство народного образования ДВР. В декабре 1922 г. профессиональное образование перешло в ведение Дальневосточного отдела народного образования (ДальОНО) [8, л. 2].

Сельскохозяйственные учебные заведения преобразовывались в единую трудовую школу или технические школы повышенного типа. Однако в новых условиях продолжили работать те учебные заведения, которые смогли восстановить материальную базу, имели кадровый состав. В 1920-е гг. специальный комитет разрабатывал проект техникума Министерства земледелия с тремя отделениями: агрономическим, лесным и землемерным. Нехватка средств не позволила полностью его реализовать, и приказом Министерства Народного хозяйства от 13 июня 1922 г. № 104 о слиянии Читинского землемерного училища с Читинским политехникумом на базе последнего открылось только земельное отделение [4, л. 21]. На основании приказа министра земледелия И. С. Бессонова от 12 мая 1922 г. № 49 «Нерчинская сельскохозяйственная школа ввиду открытия при ней хозяйства государственного значения преобразовывалась в школу специального типа» [13, л. 83]. Заведующим государственным хозяйством назначили директора школы Масленникова. В это время в ней обучались 9 чел. Их слабая подготовка, упадок материально-технической базы школы не позволили организовать повышенный тип учебного заведения. В связи с этим ученики окончили курсы по молочному хозяйству и пчеловодству, организованные при школе в 1922–1923 учебные года. В 1924 г. на месте Нерчинской сельскохозяйственной школы откроется агробаза.

Таким образом, тяжёлая экономическая обстановка лишила учебные заведения Забайкалья финансирования и не дала возможности организовать новые. В определённой степени это привело к кризису профессионального сельскохозяйственного образования в Забайкалье, т. к. целостная система сельскохозяйственного образования оформилась здесь только к 1940 г., когда появились полеводческо-животноводческий техникум в г. Нерчинск и школа среднего сельскохозяйственного образования в г. Сретенск.

В Сибири система сельскохозяйственного образования развивалась более интен-

сивно, т. к. базой для её формирования стали дореволюционные учебные заведения, например, Уссурийскую и Амурскую сельскохозяйственные школы сначала преобразовали в училища, а позже они стали техникумами. Большим прорывом в системе сельскохозяйственного образования Сибири в 1920-е гг. стало формирование высших учебных заведений. По мнению Н. В. Хисамутдиновой, развитию высшего образования в целом способствовала повышенная миграция населения. В годы гражданской войны усилился приток в Дальневосточный регион беженцев из центральной России, среди которых выделялись учёные, преподаватели высшей школы и высококвалифицированные специалисты [17, с. 138].

Первый ветеринарный институт Сибири создадут в 1918 г. в г. Омск [5, л. 1]. В высших профессиональных учебных заведениях возникли агрономические факультеты. В течение года работал ветеринарный факультет при Иркутском университете, закрытый в 1921 г. из-за финансовых трудностей. Недолго подобный факультет с лесным и сельскохозяйственным отделениями функционировал в составе Читинского учительского института, открытого в 1921 г. [9, л. 28]. Преподавателями на агрономическом факультете утвердили ученого агронома Н. С. Иконникова (преподавал энциклопедию сельского хозяйства), инспектора Сибирского землемерного училища Ф. И. Кузьмича (геодезию), В. И. Волкова (ассистент преподавателя геодезии) [9, л. 28, 31]. Однако в 1923 г. агрономический факультет перевели в Дальневосточный государственный университет.

Недостаточное развитие сети учебных заведений Забайкалья ставило на первый план в распространении сельскохозяйственных знаний внешкольную работу. В протоколе агрономического совещания от 30 января 1922 г. указано: «Мероприятия по устройству чтений и курсов самые казенные в системе мер агрономического воздействия. Агрономическое отделение могло бы отказаться от некоторых других своих мероприятий, но чтения и курсы должны проводиться всемерно» [12, л. 2об.]. Кроме того, сельскохозяйственные чтения, лекции и беседы стали наиболее доступной формой распространения сельскохозяйственных знаний, поскольку не требовали «особых затрат на их проведение, являлись простым способом пропаганды и зависели всецело от доброй воли агроработника» [7, л. 1]. Обучение проводи-

лось по программам, разработанным в 1912–1914 гг. План курсов, которые в 1922 гг. провели в с. Илимское (Нерчинский уезд) и в г. Сретенск, дополнили рядом дисциплин, заменяющих предметы по маслоделию и молочному хозяйству. Подобные изменения возникли из-за отсутствия необходимых технических условий для обучения курсантов организации молочного дела, поскольку, большинство маслодельных заводов не успели восстановить прежнюю деятельность к этому времени. Кроме того, агрономы не

располагали необходимыми техническими предметами, портативными лабораториями и др.

Таким образом, система сельскохозяйственного образования Забайкалья не смогла полностью перестроиться в тяжёлых социально-экономических условиях. В связи с закрытием сельскохозяйственных школ, основное распространение в 20-е гг. XX в. получила внешкольная работа, став одним из инструментов, направленных на повышение производительности крестьянских хозяйств.

Источники и литература

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 334. Оп. 1. Д. 13.
2. ГАЗК. Р-358. Оп. 1. Д. 8.
3. ГАЗК. Ф. 165. Оп. 3. Д. 1.
4. ГАЗК. Ф. 88. Оп. 1. Д. 11.
5. ГАЗК. Ф. Р-100. Оп. 2. Д. 323.
6. ГАЗК. Ф. Р-1746. Оп. 1. Д. 35.
7. ГАЗК. Ф. Р-1746. Оп. 1. Д. 52.
8. ГАЗК. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 14.
9. ГАЗК. Ф. Р-32. Оп. 2. Д. 2.
10. ГАЗК. Ф. Р-358. Оп. 1. Д. 151.
11. ГАЗК. Ф. Р-358. Оп. 2. Д. 27.
12. ГАЗК. Ф. Р-585. Оп. 1. Д. 10.
13. ГАЗК. Ф. Р-585. Оп. 1. Д. 9.
14. ГАРБ (Государственный архив Республики Бурятия). Ф. Р-424. Оп. 1. Д. 43.
15. Костенков П. П., Душаков В. П., Чирков А. Д. Очерки истории профессионально-технического образования в Сибири. 1917–1980. М.: Высш. шк., 1985. 248 с.
16. Тумурхонова Н. В. Сельскохозяйственные переписи – как исторический источник изучения забайкальской деревни: 1916–1929 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Улан-Удэ, 2009. 21 с.
17. Хисамутдинова Н. В. Высшее образование на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны // Вопросы Истории. 2010. № 9. С. 138–141.

УДК 93/94(571.55)

ББК ТЗ(2)(2Рос-4Чит)

Галина Васильевна Мясникова,

*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

К истории отношений властей Нерчинско-Заводского уезда с белой эмиграцией в годы ДВР

В период революции и гражданской войны жители приграничных районов Забайкалья, поддерживавшие атамана Г. М. Семенова, не согласные с советской властью и опасавшиеся за своё имущество, бежали в Китай. Они жили недалеко от своих бывших деревень, что создавало конфликтные ситуации на границе. В данной статье на основе архивных документов показано, как власти Дальневосточной республики и администрация приграничного Нерчинско-Заводского уезда стремились вернуть часть беженцев на родину и избежать осложнения отношений с Китаем.

Ключевые слова: Дальневосточная республика, русская эмиграция в Китай, возвращение соотечественников

Galina V. Myasnikova,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

The History of Relations Between the Authorities of Nerchinsky Zavod District and White Emigration in the Years of the Far Eastern Republic

In the period of the revolution and civil war residents of the border districts of Transbaikalia, supporting ataman G. M. Semenov, who disagreed with the Soviet authorities and feared for their property, fled to China. They lived near their former villages and this fact created conflict situations at the border. This article on the basis of archival documents demonstrates how the authorities of the Far Eastern Republic and the administration of border Nerchinsky Zavod district strived to return some refugees to their homeland and to avoid complication of relations with China.

Keywords: Far Eastern Republic, Russian emigration to China, returning of compatriots

В истории гражданской войны и Дальневосточной республики Нерчинско-Заводский уезд занимает особое место, что, прежде всего, связано с его приграничным положением. Население уезда, проживавшее вдоль Аргуни, ещё до революции имело тесные контакты с китайцами. Русские казаки и крестьяне арендовывали китайские земли, косили на них сено, сеяли хлеб, занимались торговлей. С началом революции и гражданской войны, многие жители Приаргунья скрывались от преследований в Китае. Так, красные партизаны, пополнявшие запасы у китайских купцов, прятались на сопредельной стороне от преследования белых властей. В 1919–1920-е гг., когда красные одержали ряд побед, в Китай бежали противники советской власти. Многие из них проживали на правом берегу Аргуни, зачастую напротив своих бывших сёл, что создавало напряжённую ситуацию, нередко выливавшуюся в кровопролития и конфликты не только между противоборствующими сторонами, но и русскими и китайцами, властями приграничных районов двух стран.

С задачей урегулирования столь сложной проблемы столкнулось правительство молодой Дальневосточной республики. Нерчинско-Заводский уезд стал частью ДВР только после отступления белогвардейских частей из Восточного Забайкалья в ноябре 1920 г. Новая администрация уезда, находившаяся в городе Нерчинский Завод, старалась наладить контакты с приграничными китайскими властями и русскими эмигрантами, но долгое время не получала указаний по этому поводу от правительства республики.

Между тем люди продолжали мигрировать из уезда на китайскую сторону Аргуни. Как правило, это были мужчины, не желавшие служить в Народно-Революционной армии ДВР. Многие из них уходили с семьями. На собрании представителей органов власти уезда, состоявшемся 5 марта 1921 г., ситуация была охарактеризована как «массовое бегство оседлого населения» [2, л. 29]. Члены собрания признали, что не могут эффективно препятствовать оттоку населения из-за не слаженности действий военной и гражданской администраций и постановили: просить правительство республики прислать эмиссара «с подчинением ему всех военных и гражданских властей в вопросах внутреннего устройства» [2, л. 29].

Чтобы предотвратить подобные явления, обеспечить армию новыми силами Учредительное собрание ДВР 22 апреля 1921 г. приняло «Закон об амнистии». Этим актом объявлялись преданными забвению «преступления против свободы народа, совершённые до 12 февраля 1921 года». Под амнистию попадали лица, добровольно или по мобилизации воевавшие на стороне А. В. Колчака, Г. М. Семенова, И. П. Калмыкова и «других контрреволюционеров». Однако те, кто принимали участие в «порках, расстрелах и расхищении народного достояния», в эту категорию не попадали. Людей, бежавших вместе с белыми частями за границу и объявленных врагами народа, не привлекали к ответственности, если они возвращались в течение двух месяцев после опубликования «Закона». Осуждённых за участие в заговорах с целью свержения революционной власти и по другим политическим

статьям на срок до пяти лет освобождали. Так же освобождались от наказания дезертиры, красноармейцы и партизаны, совершившие преступления во время нахождения в рядах армии или партизанских отрядах. Амнистия не распространялась на дезертиров, бежавших с боевых линий, перебежчиков, солдат, не исполнявших приказы в боевой обстановке, шпионов, агитаторов против революционной власти. Не могли на неё рассчитывать участники погромов, вымогатели, спекулянты, должностные лица ДВР, совершившие служебные преступления. Закон не освобождал амнистированных от возмещения убытков, причинённых казне или отдельным лицам [2, л. 40].

Председатель Нерчинско-Заводского уездного управления С. Кычакин распорядился распространить текст закона во всех подведомственных волостях, довести его положения до населения. Кроме того, листовки с текстом закона надлежало передать на китайскую сторону.

Наряду с текстом закона пропагандисты ДВР стремились распространять в Китае воззвания с призывами вернуться на Родину. К примеру, в одном из воззваний участники съезда волостных воинских начальников Нерчинско-Заводского уезда обращались к бывшим согражданам: «Неужели вам не опостылела наша гражданская междоусобица! То море крови и слез и тысячи изуродованных трупов! Ваших братьев, отцов и матерей! Неужели ещё не отзываются в ваших грудях звуки павших борцов погибших в междоусобной гражданской войне! Не верьте тем негодям, которые защищаются силой иностранных штыков, которые сейчас ещё надеются пролить кровь тружеников земли, как и вы бежавших за границу... Граждане! Наши представители в учредительном собрании, которые так же не хотят никакой войны, они то сумеют сговориться мирным путём с теми же японцами и другими державами и те, на чей зов вы пошли, останутся одне. Граждане! Наступает весна, время честного труда, и Ваш приход нас удостоверит, что вы не враги наши, а дети единой семьи Нерчинско-Заводского уезда, и так не верьте палачам на их ложные заверения, что иностранцы спасут вас.

Граждане! Вас спасёт только ваш честный труд, а не война и нет кары народа тому, кто её не заслужил! Вас же мы считаем дезертирами по не сознанию. Откликнетесь все. Сердечный призыв ваших братьев боля-

щих за вас душою. Вернитесь к нам! Да будет между нами мир и согласие» [2, л. 11].

В ответ на эти призывы в китайском городе Шивесян, где проживало много русских эмигрантов, появились листовки на русском и китайском языках с призывами к бегству из ДВР [1, л. 13].

В то же время белоэмигранты пытались настраивать китайскую администрацию против бывших соотечественников, устраивали провокации, чем значительно усугубляли и без того сложные отношения приграничного населения двух стран. В 1921 г. по сообщению начальника Нерчинско-Заводской уездной милиции Ярославцева отношения властей уезда с китайскими коллегами были обострены из-за многочисленных инцидентов. Поводом для них служило использование русскими крестьянами арендованных земель на китайской стороне. Например, в пос. Лубия китайские солдаты избили одного из русских земледельцев. Односельчане вступились за пострадавшего. Завязалась перестрелка, в результате которой были убиты начальник китайского кордона и один солдат. Заместитель начальника получил ранение [2, л. 59]. Конфликт удалось уладить путём переговоров. Милиция так же докладывала, что народоармейцы задерживают китайцев, вымогают у них взятки. Большой резонанс имел случай, когда солдаты отобрали у китайского чиновника «Маузер», причём гражданин Поднебесной не имел при себе разрешительных документов на оружие. Китайские власти, требуя вернуть «Маузер», пригрозили тем, что будут поступать с русскими, работающими на китайской территории, по своему усмотрению.

В то же время на приисках уезда трудились около 200 китайских рабочих. Многие из них трудились нелегально, были уличены в контрабанде. Стоит заметить, что до революции их было гораздо меньше. По данным Ю. Н. Ланцовой, в 1914 г. на приисках всей Забайкальской области работали до 150 китайцев и корейцев [7, с. 127].

Учитывая это, руководство милиции республики настаивало на прекращении самовольных и незаконных арестов российских и китайских граждан, проводившихся сотрудниками разных ведомств, а от подчиненных требовало вести себя с китайцами корректно, не осложнять ситуацию. Но рядовые милиционеры Нерчинского Завода, набранные, преимущественно, из местного населения и бывших красных партизан, порою не выпол-

няли предписания начальства. Кроме того, уездная милиция, в которой служило всего 109 чел., не справлялась с обеспечением правопорядка и предотвращением конфликтов между русскими и китайцами в приграничных сёлах. В распоряжении милиционеров имелось всего 20 винтовок [2, л. 49].

С таким вооружением и составом милиция не могла отражать нападения хорошо вооружённых белоэмигрантских групп, периодически переходивших государственную границу. Поэтому правоохранные органы вынуждены были полагаться на помощь населения. Так, в октябре 1921 г. в район Богдаты вышел белогвардейский отряд, численностью около 100 чел. Для отражения этого вторжения милиция планировала создать из местных жителей отряд самообороны [3, л. 2].

На милицию так же возлагалась дополнительная задача: не допускать бегства людей за границу и ловить дезертиров, стремящихся спрятаться в Китае. Несмотря на перечисленные сложности, милиционерам в течение 1921 г. удалось задержать более 250 дезертиров.

В начале января 1921 г. с целью предотвращения бегства дезертиров за границу правительство ДВР наложило запрет на выезд из Забайкальской области всем, кто не служил в рядах НРА, а также людям, служившим в армиях Семенова и Капеля. Выезд был запрещён не только солдатам и офицерам, но и чиновникам военного времени и военным чиновникам не старше 47 лет. Обеспечивали выполнение распоряжения милиция и местные власти [1, л. 1].

12 января того же года Нерчинско-Заводский уездный Нарревком, рассмотрев вопрос о предотвращении побегов граждан за границу, постановил: «Все оставшееся у бежавших за границу движимое и недвижимое имущество конфисковать и передать в ведение местных народно-революционных комитетов, которые согласно положения Областного Нарревкома Восточного Забайкалья от 26 октября м/г за № 11 берут всё имущество на учёт, заботятся о его сохранении и в случае надобности передают во временное пользование нуждающимся, доводя о том до сведения уездного нарревкома. Если имущество бежавших за границу выражается в совместном пользовании с другими остающимися на местах членами семьи, то местные нарревкомы выделяют и конфискуют ту часть имущества, которая будет принадле-

жать бежавшему» [1, л. 5]. Стоит заметить, что окончательное решение о судьбе переданного в ведение нарревкомов имущества принимал Политический народный суд ДВР. Без его санкции конфискация считалась незаконной.

Несмотря на ужесточение мер в отношении беженцев, власти ДВР ещё рассчитывали вернуть часть из них на родину. Огромный вклад в это дело внёс коммунист, депутат Учредительного собрания ДВР В. В. Макаров, направленный в марте 1922 г. в Нерчинско-Заводский уезд на должность ответственного секретаря укома. Имея сведения о том, что на территории уезда белые планируют совершить крупные диверсии и тем самым отвлечь силы НРА ДВР с фронта в Приморье, он на совещании с легендарным партизаном С.С. Киргизовым убедился в необходимости вести активную агитационную работу в Китае. Вместе с председателем Уездного управления Ф. Лесковым В. В. Макаров обратился к пограничным китайским властям с просьбой разрешить встречу с белоэмигрантами в городе Шивесяне, напротив русского селения Олочи. Китайцы разрешили мероприятие, но поставили ряд условий: пройти через границу могли только двое делегатов без оружия и охраны, на встрече запрещалось вести политическую пропаганду. Встреча В. В. Макарова и Ф. Лескова с бывшими соотечественниками состоялась в здании школы квартала Яомынь. О ней В. В. Макаров оставил подробные воспоминания: «Сразу же посыпались провокационные вопросы, рассчитанные на разжигание страстей с махровой клеветой на ДВР, на Советскую Россию, на народно-революционную и Советскую власть, на их руководителей, на ЧЕКА и госполитохрану. Мои ответы и разъяснения прерывались злобными репликами, угрозами. Однако были вопросы и практического-делового характера – как, где и кому безопасно можно возвратиться, какие наказания могут быть активным в прошлом участникам карательных отрядов. Понятным, доходчивым для эмигрантов был наш ответ на упреки, что коммунисты довели их семьи на родине до голода.

– В этом виноваты вы сами. Дома ваши, семьи вас не дождутся. Поля не могут засеять. А в это время вашим трудом здесь распаханы целинные земли. За свой тяжёлый труд получаете лишь харчи. Пора бросать оружие и приняться за мирный труд на родине. А кто должен служить в Армии народа,

пусть отслужит, как все сверстники. К этому зовут вас коммунисты» [8, с. 38–39].

Такая агитация возымела успех. Только за месяц из-за границы вернулись более 2 тыс. дезертиров. Среди них были как рядовые, так и офицеры. Некоторые из них писали обращения к белоэмигрантам с призывами последовать их примеру. Показателем эффективности работы В. В. Макарова можно считать и то, что реэмигранты, вступив в ряды НРА ДВР, сражались на Дальнем Востоке против белых.

Примечательно, что отдельные беженцы возвращались на родину спустя длительное время после выхода «Закона об амнистии». Так, житель села Урюпино А. Верхотуров, сбежавший на китайский кордон, чтобы не служить у белых или красных в октябре 1919 г., вернулся домой 5 августа 1922 г. Землякам сказал, что не хочет быть китайским подданным [4, л. 2].

Как правило, репрессий по отношению к таким вернувшимся не было. Родственников эмигрантов, оставшихся на родине, запрещалось подвергать гонениям, конфисковать у них имущество.

Те же, кто остался в Китае, были объявлены врагами народа. Осенью 1922 г. Нерчинско-Заводское уездное управление и милиция собирали о них подробные сведения, необходимые для проведения выездной сессии Забайкальского областного политического суда. У бывших односельчан беженцев спрашивали, когда и при каких обстоятельствах их земляки бежали за границу, известно ли, где они находятся, остались ли у них семьи, имущество на территории ДВР. Заодно на эмигрантов собирались обвинительные материалы. По материалам опросов, проведённых милицией в низовьях Аргуни, среди жителей, эмигрировавших вместе с белыми войсками, было немало перебежчиков, воевавших то за белых, то за красных, а также людей, желавших сохранить своё имущество. Почти все они бежали ещё в 1919 г. Аргунское волостное правление представило сведения о 132 беженцах. У большинства из них остались дома. Наиболее зажиточные

имели по 2 дома, клетки, амбары [5, л. 128]. Обвинительные материалы дел состояли из кратких описаний преступлений, вменявшихся бежавшим за границу. Например, белогвардеец Никифор Васильевич Кайгородов обвинялся в том, что «собственноручно производил казни, а именно живых захваченных в плен бросал в раскаленную печь». Фёдор Николаевич Шароглазов, согласно показаниям жителей Аргунской волости, занимался порками, грабежами, переманил 120 красноармейцев на сторону атамана Семенова. Подхорунжий Иван Стародубов поджигал дома народоармейцев. Александр Константинович Зверев, бывший подхорунжий в армии Семёнова, совершал нападения на русских граждан, переходивших на китайскую территорию за покупками и, тем самым, выступал как провокатор конфликтных ситуаций [5, л. 135–147].

Опросы показали, что ожесточённость между беженцами и бывшими красными партизанами никуда не исчезла. Земляки помнили старые обиды, не прощали преступлений и были готовы мстить. Жителям сёл на российском берегу Аргуни было хорошо известно, в каком китайском городе или селе скрываются их враги.

Между тем Дальневосточная республика заканчивала своё существование. 7 ноября 1922 г. на митинге в Нерчинском Заводе население поддержало идею отказа от ДВР и приветствовало провозглашение Советской власти. Вскоре началась работа по подготовке к выборам в Советы. Новые власти продолжили работу правительства ДВР по сбору обвинений против белоэмигрантов и конфискации их имущества. Дома беженцев передавали другим собственникам или сдавали в аренду. К 1924 г. в узде конфисковали 638 домов [6, с. 353]. Вопрос о возвращении бывших соотечественников уже не ставился.

Внутри уезда жизнь медленно входила в мирное русло. Однако на границе гражданская война фактически не заканчивалась: стычки между белыми и красными не были редкостью вплоть до начала 1940-х гг.

Источники и литература

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. Р-384. Оп. 1. Д. 28.
2. ГАЗК. Ф. Р-384. Оп. 1. Д. 29.
3. ГАЗК. Ф. Р-384. Оп. 1. Д. 31.
4. ГАЗК. Ф. Р-1669. Оп. 1. Д. 63.
5. ГАЗК. Ф. Р-1669. Оп. 1. Д. 64.
6. Константинова Т. А. В составе Забайкальской губернии // Нерчинский Завод. Чита: Забайкал. гос. ун-т, 2015. С. 347–354.

7. **Ланцова Ю. Н.** Китайские и корейские рабочие в золотопромышленности Забайкальской области (середина XIX – начало XX вв.) // Ученые записки ЗабГУ. 2009. № 3. С. 126–130.

8. **Макаров В. В.** 1922 год на Аргуни (из воспоминаний бывшего ответственного секретаря Нерчинско-Заводского укома РКП(б)). Рукопись. Из фондов Нерчинско-Заводского районного историко-краеведческого музея.

УДК 94(571.54/55:517.3)

ББК ТЗ(253.57:5Мон)6-201

Анна Максимовна Плеханова,

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
г. Улан-Удэ, Россия*

Роль Верхнеудинска в торговом пространстве приграничья (1920-е годы)

В статье предпринята попытка выявления роли Верхнеудинска в торговом пространстве приграничья в 20-е гг. XX в. Обозначено, что удачное географическое положение города на торговых трактах на многие десятилетия определило его торговую специализацию. Выявлено, что слабо развитая бурятская промышленность не позволила городу стать в 1920-е гг. «организатором» торгового пространства в российско-монгольском приграничье. Доказано, что Верхнеудинск оставался торгово-распределительным центром до конца 20-х гг. XX в., когда начавшаяся промышленная революция превратила его в крупный индустриальный центр Забайкалья.

Ключевые слова: Верхнеудинск, Кяхта, Монголия, трансграничье, торговля, ярмарка

Anna M. Plekhanova,

*Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS,
Ulan-Ude, Russia*

The Role Of Verkhneudinsk in the Transboundary Trading Space (1920s)

The article attempts to reveal the role of Verkhneudinsk in the trade area of the transboundary zone in the 1920s. Favorable geographical position of the city on the main trade routes predetermined their trade specializations for decades to come. It was revealed that the underdeveloped Buryat industry did not allow the city to become in the 1920s «organizer» of the trading space in the Russian-Mongolian border area. Verkhneudinsk remained a trade and distribution center till the late 1920s. Then the beginning industrial revolution radically changed its economic role turning it into a large industrial center of Transbaikalia.

Keywords: Verkhneudinsk, Kyakhta, Mongolia, transboundary region, trade, fair

В силу исторических и геополитических условий и тенденций развития Россия и Монголия на протяжении длительного периода являются стратегическими партнёрами. Российско-монгольские трансграничные отношения на протяжении всей истории имели самые разные формы. Большую роль в их развитии играли забайкальские города, значимость которых во многом зависела от экономической политики правительства и геополитических факторов, выведивших на первый

план тот или иной торговый центр. Традиционно центром торгового трансграничья являлась Кяхта – форпост России в Центральной Азии, признанный лидер международной торговли на «Великом Чайном пути». В середине XIX в. 95 % ввозимого в Россию чая поступало через Кяхту, чьи торговые обороты достигали 30 млн р. в год [8, с. 278]. Это делало Кяхту крупнейшим торговым и финансовым центром государства. После открытия кратчайшего морского пути в страны Азии че-

рез Суэцкий канал и сооружения железной дороги Кяхта потеряла значение главного центра чайной торговли. Утрата торгово-посреднических функций привела к неизбежному экономическому угасанию Кяхты.

В более выгодных условиях оказался Верхнеудинск, удобное географическое положение которого – на пересечении судоходной Селенги и трактов на Кяхту и Баргузин, в центре густонаселённого и хлебородного района – усилило его экономическую роль после проведения Транссибирской железнодорожной магистрали: город стал крупнейшим в Забайкалье экономическим центром и транспортным узлом с закономерно перешедшими к нему торгово-распределительными функциями. Верхнеудинск снабжал Западное Забайкалье привозными товарами и концентрировал излишки сельскохозяйственной продукции с тяготеющего к нему ареала. Однако в приграничной торговле до революции 1917 г. Верхнеудинск играл скорее роль посредника, нежели самостоятельного субъекта торгового предпринимательства. Через него «перекачивались» массы товара, но здесь не произведённые и полученные в результате торговых операций. Верхнеудинск, бывший крупным торгово-распределительным центром и до проведения железной дороги, после её прокладки упрочил своё положение, став в известной степени «организатором» торгового пространства в российско-монгольском приграничье [6, с. 196].

Годы революционного лихолетья, гражданской войны и интервенции нанесли ощутимый удар по системе товарно-денежных отношений, однако не смогли прекратить товарные связи. Продолжал функционировать «вольный рынок», но из-за растущей инфляции ограничивался стихийностью сделок. В Верхнеудинске на рынках среди частных торговцев чувствовалась полная анархия [2, л. 22об], торговля, как внутренняя, так и внешняя, на 80 % находилась в руках частного капитала [3, л. 9]. «Купцы разных сортов» выбрасывали на рынок товары монгольского, японского и китайского происхождения, наживая громадные проценты [2, л. 22].

С момента советизации края торговое пространство претерпело изменения. С введением монополии внешней торговли «торговцы сразу растерялись, не знали, что им делать, им стало душно от закрытия восточной границы». Некоторые фирмы совершен-

но ликвидировали свои торговые дела [2, л. 22]. С введением свободной торговли в Верхнеудинске стали открываться государственные, кооперативные, частные лавки и магазины. В связи с ростом торговой сети начал увеличиваться и торговый оборот. Если оборот Верхнеудинского рынка в 1922–1923 гг. составлял примерно 6 млн р., то в 1923–1924 гг. – 10 002 032 р. [3, л. 9].

Важной формой общественной самодеятельности стала Верхнеудинская ярмарка, через которую проходила значительная часть товарной массы. В 1924 г. её торговый оборот составлял 950 370 р., в 1925 г. – 1 349 274 р. [1, с. 77]. На оборот ярмарки влияли погода, время года, дорожные условия, освобождение крестьян от текущих работ. Преобладающей была розничная торговля, оптовая имела случайный характер и играла незначительную роль. Специализацию ярмарки трудно установить: на ней торговали скотом, хлебофуражом, кустарными изделиями, тканями и т. д. Среди участников ярмарки были неорганизованные мелкие частные торговцы, кооперативы, госторговые организации. Внешне конкуренция между ними отсутствовала, но фактически преимущества в доходах были у частника, его накладные расходы были доведены до минимума. В условиях слабой товарности хозяйства ярмарочная торговля в республике имела важное значение, Верхнеудинская ярмарка играла главную роль в организации внутри- и межгосударственных торговых связей.

С 1924 г. в Верхнеудинске стали открываться отделения и агентства центральных государственных торговых органов – Дальторга, Хлебопродукта, Всекожсиндиката, Сибгосторга, Всероссийского текстильного синдиката, Русско-английского сырьевого общества (РАСО). Однако большинство из указанных государственных торговых организаций открывали свои действия с целью заготовки сельскохозяйственного сырья, только отделение Текстильного синдиката – для снабжения населения Верхнеудинска и всей Бурятии текстильными изделиями.

Укрепление роли и значения Верхнеудинска – столицы Бурят-Монгольской АССР – в формировании приграничного торгового пространства в 20-е гг. XX в. связывалось с организацией крупного промышленного комбината в составе действующих предприятий (при условии их расширения и переоборудования) и за счёт строительства новых. Госплан БМАССР определял перспективы ши-

рокого вывоза в Монголию продукции стекольного, винокуренного, электрометаллургического, целлюлозно-бумажного, экстрактно-варочного из бадана, лесопильного, лесохимического, маслобойного заводов [7, с. 106–113]. Кроме того, Монголия с её богатым скотоводческим хозяйством могла быть важным поставщиком сырья для обрабатывающей промышленности города. Так, при разработке пятилетнего плана ЦСНХ республики доказывал необходимость строительства в Верхнеудинске овчинно-шубного завода. Рентабельность этого производства доказывалась существованием в довоенное время в Кяхте сравнительно крупного частного овчинно-шубного завода, работавшего на сырье из Монголии, откуда только в 1914 г. было вывезено 625 тыс. овчин [9, с. 55].

Пока же слабо развитая бурятская промышленность, работающая на старом, изношенном оборудовании, мало что могла представить не только на зарубежных рынках, но и слабо наполняла ёмкость бурятского, в связи с чем республика испытывала систематическое недоснабжение по целому ряду товаров. К числу дефицитных относились хлопчатобумажные и шерстяные ткани, железо, чай, крупы, масло растительное, мыло. В 1925–1926 гг. потребности населения в хлопчатобумажных тканях были удовлетворены на 75 %, в металлоизделиях – на 60 %, в чае – на 40 % [1, с. 76], в 1927–1928 гг., соответственно, – 50 %, 62,1 %, 39,5 % [10, л. 337].

Недостающая потребность в значительной степени удовлетворялась путём контрабандного ввоза из Монголии через Кяхту за счёт контрабандного же вывоза пушнины, золота и тому подобных местных экспортных эквивалентов. Контрабандная торговля процветала, несмотря на неоднократно принимаемые постановления обкома партии «О мерах по усилению борьбы с незаконным ввозом и вывозом товаров» [4, л. 48].

Таким образом, Кяхта до революции долгое время бывшая главными «воротами» чайной торговли, в 1920-е гг. стала пунктом контрабандной торговли. Верхнеудинск же по-прежнему представлял собой основной рынок сбыта продукции слабо развитой бурятской промышленности и скупки местного сырья. Верхнеудинская ярмарка, продолжая определять торговый имидж города, имела в 1920-е гг. исключительно республиканское и внутригородское значение.

Начавшаяся в конце 1920-х гг. социально-экономическая модернизация в корне из-

менила экономическую роль Верхнеудинска/Улан-Удэ, который из торгово-транспортного превратился в крупный индустриальный центр Забайкалья. В последующие годы огромную роль в организации трансграничного торгового пространства, установлении взаимовыгодного торгово-промышленного сотрудничества Бурятии и Монголии сыграло сооружение в 1930-е гг. железнодорожной магистрали Улан-Удэ – Наушки. Вместе с тем следует отметить, что торгово-экономические отношения с Монголией в советский период развивались на централизованной основе, что не предполагало какой-либо местной (республиканской) инициативы. Что касается Кяхты, то железная дорога, по которой реализовывались основные объёмы советско-монгольских торговых отношений, прошла в стороне от неё – через пограничный пункт Наушки. В результате в советское время Кяхта превратилась в обычный гарнизонный город.

В последние десятилетия мы вновь наблюдаем смену торговой приграничной/трансграничной модели. В 1990-е гг. в связи с либерализацией экономической системы началось оживление торгового приграничья Кяхта – Алтанбулаг, которое характеризовалось развитием «челночной» мелкооптовой торговли, деятельностью «кэмелов», зачастую граничившей с контрабандой. Однако вплоть до 2000-х гг. приграничная торговля являлась не более чем ресурсом для выживания людей.

В последние годы с отменой визового режима наметилось существенное изменение приграничной торговли, стала формироваться новая модель, при которой основным принимающим центром стал г. Улан-Удэ. Большой поток граждан Монголии из приграничных с Россией аймаков и Улан-Батора открыл новую возможность для развития торгового приграничья. На смену уже ушедшей в прошлое «модели кяхтинской торговли» пришла новая, ориентированная на Улан-Удэ. Однако сегодня она существует, в первую очередь, за счёт нестабильности рубля по отношению к мировым валютам, что позволяет гражданам Монголии с определённой выгодой закупать товары в магазинах г. Улан-Удэ. В результате в настоящее время вектор, определяющий движение денег, направлен в Россию, движение товаров – в Монголию. Эта черта является основным отличием современного российско-монгольского торгового трансграничья от российско-

китайского. Однако этот процесс пока хаотичен и не имеет системного характера.

Необходим существенный сдвиг для трансформации приграничной торговли в сторону трансграничной, которая предполагает взаимовыгодное торговое взаимодействие государств, в том числе на уровне региональных экономических систем. В последние годы уже подавляющая часть – около 70 % – монгольско-российского внешнеторгового оборота относится к Сибирскому федеральному округу РФ, а именно, приходится на Иркутскую, Новосибирскую и Кемеровскую области, Республику Бурятия, Красноярский

край [5, с. 230]. Развитие трансграничной торговли и российско-монгольской транспортной инфраструктуры наряду с укреплением российских предприятий на монгольской территории, углублением военно-технического сотрудничества, расширением обучения на льготных условиях монгольской молодежи в российских вузах, созданием центров русского языка и культуры в Монголии [11] будут способствовать укреплению российско-монгольских отношений и превращению этой страны в дополнительный фактор стабильности и партнера по продвижению российских интересов в регионе.

Источники и литература

1. **Бурят-Монгольская АССР. Очерки и отчёты. 1925–1926.** Верхнеудинск: Госплан БМ АССР, 1927. 224 с.
2. **ГАРБ (Государственный архив Республики Бурятия).** Ф. Р-753. Оп. 1. Д. 145.
3. **ГАРБ.** Ф. П-1. Оп. 1. Д. 448.
4. **ГАРБ.** Ф. П-1. Оп. 1. Д. 790.
5. **Дэмчигжав М.** Перспективные направления и проблемные вопросы стратегического партнерства России, Монголии и Китая во внешнеэкономической и таможенной сфере // Экономика России в XXI веке: сб. науч. тр. XII междунар. научн.-практ. конф. «Экономические науки и прикладные исследования»: в 2 т. Томск, 17–21 нояб. 2015 г. Томск: Изд-во ТПУ, 2015. Т. 1. С. 230–235.
6. **Кальмина Л. В., Плеханова А. М.** Забайкальские города в торговом пространстве трансграничья (1880–1920-е гг.) // Власть. 2016. № 7. С. 193–198.
7. **Козьмин Н. Н.** Основы капитального строительства Бурятии. Верхнеудинск: Госплан БМ АССР, 1926. 144 с.
8. **Курас Л. В., Цыбенков Б. Д.** Российско-монгольское приграничье: Кяхта в начале XXI в. // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2014. Иркутск: Оттиск, 2014. С. 278–285.
9. **Перспективы и ближайшие задачи хозяйственного строительства БМАССР.** Верхнеудинск: Госплан БМ АССР, 1927. 89 с.
10. **РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории).** Ф. 17. Оп. 21. Д. 562.
11. **Розов Н. С.** Феномен трансграничья в исторической и геополитической перспективе [Электронный ресурс] // Трансграничье в изменяющемся мире: Россия-Китай-Монголия: материалы междунар. науч.-практ. конф., 16–20 окт. 2006 г. Режим доступа: <http://www.nsu.ru/filif/rozov/publ/transgran.htm> (дата обращения: 22.03.2017).

УДК 93/94:371.2(571.55)

ББК ТЗ(2):ЭЗ72(2Рос-4Чит)

Евгений Викторович Дроботушенко,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Спорные аспекты истории русской православной церкви в Забайкалье в 1920-е годы

В статье на основе анализа имеющихся научных и научно-популярных публикаций выделяются имеющиеся на сегодняшний день спорные аспекты истории Русской Православной Церкви (РПЦ) в Забайкалье в 20-е гг. XX в. Автор отмечает, что в настоящее время существует целый ряд не до конца выясненных фактов и обстоятельств, что вносит определённые разногласия в оценку реальных событий и личностей. Возникновение подобной ситуации связано с незначительным объёмом имеющейся информации по истории православия в регионе. В настоящее время можно выделить проблемные,

спорные аспекты, окончательные же выводы можно сделать при серьезном, кропотливом анализе архивных источников. Итогом же, по мнению автора, должно стать появление обобщающего исследования по истории Русской Православной Церкви в регионе.

Ключевые слова: православие, Русская Православная Церковь, Восточное Забайкалье, проблемные аспекты истории

Evgeny V. Drobotushenko,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Controversial Aspects of the History of the Russian Orthodox Church in Zabaikalye in 1920-s

The article, based on analysis of available scientific and popular publications highlight current controversial aspects of the history of the Russian Orthodox Church (ROC) in the Zabaikalye in the 20-s of XX century. The author notes that currently there are a number of not fully clarified the facts and circumstances that makes certain differences in the assessment of actual events and personalities. Linked with the emergence of such a situation with the small amount of available information on the history of Orthodoxy in the region. Currently, it is possible to allocate the problem, the controversial aspects, the final conclusions can be drawn in a serious, painstaking analysis of archival sources. The result, according to the author, should lead to a synthesis of research on the history of the Russian Orthodox Church in the region.

Keywords: Orthodoxy, Russian Orthodox Church, Eastern Zabaikalye, the problematic aspects of the history

Несмотря на значительный интерес различных авторов к региональной истории России, далеко не все регионы изучены равномерно. На сегодняшний день имеется значительное количество спорных, не до конца выясненных вопросов. Не стала исключением здесь и забайкальская история. Отметим, что значительное количество не до конца выясненных фактов приходится на 20–40-е гг. XX в.

История региона в 1920–1940-е гг. становилась предметом научного изучения. Это самые разные аспекты, такие как история повседневной жизни, аспекты развития культуры, средств массовой информации и др. [5; 7; 15; 18 и др.].

В то же время остаются некоторые составляющие истории региона, которые не нашли в должной мере отражение в научных публикациях. Примером этого может служить история Русской Православной Церкви в 1920–1940-е гг. Отдельные публикации имеются, однако нет обобщающих работ. С другой стороны, не все аспекты названной истории изучены в должной степени.

Отметим, что по ряду регионов СССР относительного предметного поля статьи публикации имеются [8; 17 и др.]. Представляется, что появление работ в названном ключе позволит проанализировать историю РПЦ

в регионе в сравнении с иными территориями, что сделает её более полной.

Наличие определённого количества публикаций научного и научно-популярного характера, заметок не делает историю православия в Забайкалье полнее. Наоборот, она становится в определённых аспектах запутаннее. Наибольшие вопросы здесь вызывает период приблизительно с 1920 г. и до середины 1940-х гг. XX в. До названного времени сохранилось относительно много источников – различного рода документов. После начинается новый этап развития государственно-церковных отношений, который также фиксировался документально. Рассматриваемый же период характеризуется слабой источниковой базой.

Сказанное предопределило возникновение значительного количества неоднозначно оцениваемых в публикациях фактов. В данной статье, в силу заданных параметров исследования, остановимся на истории православия в Забайкалье в 20-е гг. XX в.

Достаточно широко известно, что в 1920 г. Забайкалье покинул, уехав в Китай, последний досоветский епископ Забайкальский и Нерчинский Мелетий (Заборовский). Здесь и начинается разночтение фактов. Одним из первых спорных моментов становится именование епископа Мелетия в эмигра-

ции. Часть имеющихся публикаций именуется его епископом Забайкальским и Нерчинским, опираясь, судя по всему, на тот факт, что Мелетия никто не лишил сана при эмиграции в китайский Харбин. В иных же публикациях встречаем именование Мелетия епископом Читинским и Нерчинским, что соответственно даёт нам новое наименование епархии. Есть публикации, которые говорят, что уже с 1920 г. Мелетий являлся епископом Харбинским [6; 12].

Разные публикации по-разному именуют епархию и, соответственно, правящего архиерея в эмиграции. Часть сходится на том, что епархия именовалась Забайкальской и Нерчинской с соответствующим наименованием епископа Мелетия, часть говорит о том, что он именовался епископом Читинским и Нерчинским (епархия, соответственно, Читинской и Нерчинской), в отдельном случае встречаем, что Мелетий именовался епископом Харбинским [1; 3; 6; 13].

На наш взгляд, более правильным является всё же общепринятое утверждение. Мелетий после отъезда из Читы в Харбин сохранил за собой именование епископом Забайкальским и Нерчинским по причине того, что нет данных об отлучении его от епископской кафедры. В то же время в источниках и литературе встречаем упоминание, что Мелетий только в 1922 г. свои полномочия по управлению Забайкальской и Нерчинской епархией передал Софронию (Старкову), возведя его в сан викарного епископа [1; 3; 4; 13].

В одной из публикаций Д. Савин говорит о том, что при отъезде в Китай в 1920 г. Мелетий передал свои полномочия викарному епископу Софронию (Старкову) [11, с. 270]. Из сказанного следует, что это не верно. Более того, сам Д. Савин в одной из публикаций говорит о возведении Сергия Старкова в сан викарного епископа в 1922 г. [10, с. 183].

Осмелимся утверждать, что, как минимум, первые несколько лет, Мелетий (Заборовский) именовался епископом Забайкальским и Нерчинским.

Следующий спорный аспект – это именование Софрония (Старкова) в разное время. Ответим на упомянутое в одной из статей замечание Д. Савина о передаче полномочий Мелетием С. Старкову. На самом деле, полномочия по управлению епархией после отбытия в Китай Мелетия (Заборовского) отошли Епархиальному Совету, который протоиерей Сергей Старков на тот момент возглавлял [3, с. 166; 16, с. 148].

Далее остановимся на именовании в одной из публикаций Софрония (Старкова) по возвращении в 1922 г. из Китая, куда он выезжал на хиротонию в викарного епископа Забайкальской и Нерчинской епархией, главы епархии [3, с. 176]. Данное утверждение видится не верным, т. к. викарный епископ в Русской Православной Церкви по статусу является помощником главы епархии и никак иначе. Это епископ без собственной кафедры.

Следующим не до конца на сегодняшний день выясненным вопросом является год восхождения на епископскую кафедру Евсевия (Рождественского). Отдельные публикации говорят о 1926 г., отдельные же – о 1927 г. К тому моменту Евсевий был временно управляющим Иркутской епархией. Есть данные, что в 1927 г. Евсевий был возведён в сан архиепископа, в то же время, согласно иным работам, период с 1927 по 1930 гг. в истории Забайкальской и Нерчинской епархии, а также в биографии Евсевия, на сегодня, является «белым пятном» [2; 9; 14].

Выделенными неоднозначными с точки зрения научных публикаций моментами, спорные факты в истории Русской Православной Церкви Забайкалья в XX в. не ограничиваются. Ещё больше неоднозначности появляется с 1927 г. Как было отмечено ранее, ряд публикаций вообще о периоде в несколько лет говорит как о времени, по которому отсутствуют какие-либо данные. Мы же отметим, что отрывочная информация в литературе встречается, однако она требует своего подтверждения в источниках, чего, на сегодняшний день, сделать возможным не представляется.

Озвучим некоторые спорные моменты. Так, в отдельных публикациях встречаем, что в 1927 г. епархия была переименована в Читинскую и Нерчинскую либо утверждение о том, что в 1930 г. епархия переименована в Читинскую и Забайкальскую, с аналогичным именованием правящего архиерея. Уже тогда Евсевий (Рождественский) был возведён в сан архиепископа, Читинского и Забайкальского. Согласно другим публикациям, в 1930 г. епархия стала Забайкальской и Читинской, и просуществовала так примерно до 1934 г., после чего на протяжении двух лет именовалась Читинской и Забайкальской.

Таким образом, в настоящее время можно говорить о значительном количестве не до конца выясненных фактов, спорных аспектов в истории Русской Православной

Церкви Забайкалья в 20-е гг. XX в. На наш взгляд, значительное количество публикаций, авторы многих из которых не пользуются архивными данными и не проводят серьёзного историографического анализа проблематики, приводит к ещё более запутанной ситуации. Те же исследователи, которые опираются на архивные источники, часто не стараются искать подтверждения информа-

ции, которая в них встречается. Для этого требуется кропотливая работа в иных архивах с иными документами. Нам представляется, что итогом должно стать появление обобщающей публикации с серьёзными источниковедческими и историографическими анализами. Только в таком случае удастся уйти от исторических инсинуаций и заблуждений.

Источники и литература

1. **Архиереи Арзамасского викариатства** [Электронный ресурс] // Благочиние города Арзамаса. Режим доступа: <http://www.arzblag.ortox.ru/blagochinie/istoriya/deyateli-cerkvi/arkierei-arzamasskogo-vikariatstva-1920-1937-g/> (дата обращения: 15.01.2017).
2. **Евсевий (Рождественский)** [Электронный ресурс] // Русское православие. Режим доступа: http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_6777 (дата обращения: 15.01.2017).
3. **Косых В. И.** Забайкальская епархия 1908–1923 гг. Чита: Изд-во Забайкал. гос. пед. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, 2007. 204 с.
4. **Краткая биография Преосвященнейшего Владыки Софрония, епископа Забайкальского и Селенгинского (В миру Сергея Прокопьевича Старкова)** [Электронный ресурс] // Даниловский Казанский женский монастырь на горушке. Режим доступа: <http://www.gorushka.narod.ru/index.html> (дата обращения: 15.01.2017).
5. **Ланцова Ю. Н.** Положение восточных рабочих в Забайкалье в 1920 – начале 1930-х гг. // Регион в приграничном пространстве: материалы междунар. науч. конф.: в 2 ч. Чита: ЗабГУ, 2016. Ч. 2. С. 98–101.
6. **Мелетий Заборовский** [Электронный ресурс] // Русское православие. Режим доступа: http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_675 (дата обращения: 20.01.2017).
7. **Мясникова Г. В.** Проблемы гражданского общества и правового государства: сборник статей и материалов. Чита: ЗабГУ, 2016. С. 95–101.
8. **Потапова А. Н.** Религиозная политика советского государства на Южном Урале в 1941–1958 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Оренбург: Оренбург. гос. аграрн. ун-т, 2004. 247 с.
9. **Савин Д. В.** Евсевий [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия. Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/187372.html> (дата обращения: 15.01.2017).
10. **Саввин Д. В.** Епископ Селенгинский Софроний (Старков): архипастырь эпохи великих перемен и потрясений // Вестник церковной истории. 2009. № 1–2. С. 173–202.
11. **Саввин Д. В.** Обновленчество в Забайкалье в 1923 – начале 1930-х гг. // Вестник церковной истории. 2012. № 1–2. С. 269–296.
12. **Софроний (Старков)** [Электронный ресурс] // Русское православие. Режим доступа: http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_358 (дата обращения: 15.01.2017).
13. **Софроний (Старков Сергей Прокопьевич)** [Электронный ресурс] // Духовенство Русской Православной Церкви в XX в. Режим доступа: <http://www.pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/125> (дата обращения: 20.01.2017).
14. **Страницы Читинской и Забайкальской епархии** [Электронный ресурс] // Самый Восточный. Информационно-просветительский портал Хабаровской епархии. Режим доступа: <http://www.pravostok.ru/blog/stranici-istorii-chitinskoj-i-zabaikalskoj-eparhii> (дата обращения: 15.01.2017).
15. **Пряженникова М. В.** Организация культурного досуга военнослужащих Забайкальского военного округа осенью 1941 г. (по материалам газеты «На боевом посту») // Регион в приграничном пространстве: материалы междунар. науч. конф.: в 2 ч. Чита: ЗабГУ, 2016. Ч. 2. С. 98–101.
16. **Цыремпилова И. С.** Трансформация церковно-административного управления в 1917–1930-х гг. (на примере Забайкальской епархии) // Религия, общество, государство. 2015. № 10. С. 146–151.
17. **Якунин В. Н.** История Самарской епархии в 1851–2011 гг. // Наука и культура России: материалы VIII междунар. науч.-практ. конф., посвященной Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Самара, 2011. Самара: Самар. гос. ун-т путей сообщения, 2011. С. 133–135.
18. **Яремчук О. А.** Деятельность издательства «Забайкальский рабочий» в предвоенные годы // Регион в приграничном пространстве: материалы междунар. науч. конф.: в 2 ч. Чита: ЗабГУ, 2016. Ч. 2. С. 95–98.

УДК 93/94(571.54)
ББК ТЗ(2)613-3

*Елизавета Николаевна Палхаева,
Наталья Евгеньевна Жукова,
Бурятский государственный университет,
г. Улан-Удэ, Россия*

Общественные организации Бурятии в 1920-е годы: источниковедческий аспект

Проблема взаимоотношений государства и общества на разных этапах исторического развития всегда являлась объектом пристального исследовательского внимания. Не стали исключением и общественные организации 1920-х гг., деятельность которых проходила в условиях всестороннего контроля и регламентации со стороны органов государственной власти. Основные этапы и формы повседневной работы общественных организаций Бурятии в обозначенный период отложились в исторических источниках, позволяющих проанализировать и реконструировать исторические реалии. Настоящая статья посвящена характеристике самих источниковых комплексов, а также методам создания целостной картины взаимоотношений власти и общества в республике. Совокупность исторических источников, как опубликованных, так и неопубликованных, обладающих различным информационным потенциалом, стала основой выявления общих и особенных черт в региональной общественно-политической жизни.

Ключевые слова: общество, власть, общественные организации, исторические источники, общественно-политическое развитие

*Elizaveta N. Palshaeva,
Natalia E. Zhukova,
Buryat State University,
Ulan-Ude, Russia*

Public Organizations of Buryatia in the 1920s: source Study Aspect

The problem of relations between the state and society at different stages of historical development has always been a subject of intense research attention. No exception and public organizations of the 1920s, the activity of which was under comprehensive control and regulation by public authorities. The main stages and forms of the everyday work of public organizations of Buryatia in the designated period, deposited in the historical sources to analyze and reconstruct historical reality. This article is devoted to the characterization of themselves of authentic systems and methods create a coherent picture of relations between the authorities and society in the Republic. A collection of historical sources, both published and unpublished, with different information potential, became the basis for identifying general and particular features in regional political life.

Keywords: society, authority, public organizations, historical sources, social and political development

Особенностью исторического развития в период новой экономической политики стала активизация общественной жизни, изменение её содержания. Общество, оказавшись в ситуации временной свободы, искало формы собственной самоорганизации. Одной из таких форм являлись создаваемые общественные организации, служившие средством выражения профессиональных, социальных, культурных и иных интересов. Проанализировать их деятельность, основные направления развития, региональные особенности исследователи могут с опорой на комплекс опубликованных и неопубликованных исторических источников, характеристике которых посвящена настоящая статья.

Определяющее значение для раскрытия истории общественных организаций имеют специальные архивные фонды Государственного архива Республики Бурятия. В этот

Определяющее значение для раскрытия истории общественных организаций имеют специальные архивные фонды Государственного архива Республики Бурятия. В этот

перечень вошли такие фонды, как «Р-918 – Бурятский обком МОПРа», включающий 24 дела, «Р-717 – Общество политкаторжан и ссыльных поселенцев», содержащий 40 дел, «Р-571 – «Центральное правление общества Друзья Детей», состоящий из 12 дел, «Р-581 – Областной союз воинствующих безбожников», содержащий 43 дела. Благодаря анализу источников, составляющих перечисленные фонды, удалось реконструировать процесс становления и развития общественных организаций Бурят-Монгольской АССР.

Кроме того, информация о характере взаимоотношений органов власти и общественных организаций, мероприятиях и методах руководства деятельностью обществ содержится в фонде «П-1 – Бурятский областной комитет КПСС». Анализ партийных документов способствовал выявлению механизма принятия решений по отношению к общественным организациям, а также компенсировал недостаток источников. Например, анализируя материалы фонда П-1, можно проследить процесс закрытия органами власти одних добровольных обществ и открытия других. В постановлении обкома РКП(б) от 15 августа 1924 г. «О ликвидации Лиги помощи детям рабочих Германии» говорилось не просто о закрытии данного общества, но и о необходимости «... имущество и денежные средства передать отделу МОПРа» [2, л. 49].

Материалы заявленных фондов можно разделить на следующие группы:

1. *Делопроизводственные документы*, в числе которых протоколы заседаний обществ, городских конференций, циркулярные и инструктивные письма, переписка с органами государственной власти.

2. *Организационно-распорядительная документация* – постановления, распоряжения, резолюции конференций, собраний заседаний общественных организаций. Данная совокупность документов наиболее объемно характеризует деятельность обществ, их связь с государственными органами, с другими организациями, а также их внутреннее развитие.

3. *Статистические документы*, такие как списки членов общества, сведения о членах обществ, отчеты, сводки.

Статистические материалы, являясь важной частью источникового корпуса, позволяют установить количественные и качественные характеристики деятельности до-

бровольных обществ, изменения численности, социального и национального состава. Так, благодаря неопубликованным источникам было определено, что в 1926 г. в Верхнеудинске работала 81 ячейка Общества содействием авиационной и химической промышленности, из них: при госучреждениях и предприятиях – 42, фабрично-заводских – 8, военных – 4, учебных заведений – 14, транспортных – 13. Число членов Авиахим в г. Верхнеудинск составляло всего 5190, из них мужчин – 3809, женщин – 1381. Членов ВКП(б) – 665, комсомольцев – 492 [3, л. 2]. Сравнительный анализ роста членов добровольных обществ показал, что Авиахим в середине 1920-х гг. являлся одной из массовых общественных организаций, уступая только Международной организации помощи борцам революции. В 1926 г. Обком МОПРа сообщал, что к весне в Верхнеудинске число ячеек равнялось 87, число членов в городе – 7298, из них членов партии – 539, комсомольцев – 262 [3, л. 2].

Необходимо отметить, что материалы перечисленных фондов описывают деятельность общественных организаций недостаточно системно, часть заголовков дел не соответствует содержанию, что затрудняло исследовательскую работу. В этом смысле наиболее комплексно описывает деятельность общественной организации фонд «Р-581 – Областной союз воинствующих безбожников», в котором отложились данные о социальном и количественном составе союза, отчеты о проведении антирелигиозных кампаний, работе аймачных ячеек, республиканских конференций и пленумов союза.

Источники повествуют о трудностях, с которыми столкнулись активисты союза в ходе мероприятий по формированию нового антирелигиозного мировоззрения: «Партийцы говорили, что нам эта работа не нужна, лишь только потому, что мы сами в бога не верим», и далее «...они [члены ячеек] очень халатно относятся к этому», «ввиду халатного отношения к своей работе членов СБ бывает очень трудно собрать собрание или бюро» [9, с. 95]. Из приведенного фрагмента становится очевидным, что так называемая «антирелигиозная» работа, противореча традиционным ценностям и укладу населения, вызвала непонимание и формализм даже в среде активистов.

Дополняя характеристику данных архивных фондов, необходимо отметить их сохранность и читабельность, отсутствие зна-

чимых повреждений. Стоит указать и на то, что большинство изученных источников являются рукописными, что может быть связано с недостаточным объёмом финансирования общественных организаций и является неким отражением характера общественной деятельности.

Некоторые сложности при сборе и анализе информации вызвало отсутствие в фонде Р-86 «Бурят-Монгольский Совет профессиональных союзов» документов, раскрывающих положение профсоюзов республики в 1920-х гг. Обращение к архивному фонду П-1 «Бурятский областной комитет КПСС» позволило частично восполнить недостаток сведений. Источники данного фонда содержат немало материалов о становлении и развитии республиканского Совета профсоюзов, протоколы конференций и заседаний, которые свидетельствуют о порядке формирования Бурпрофсовета и его руководства, о дальнейших организационных изменениях центральных и аймачных органов. Большинство материалов этого фонда являются машинописными, однако документы, составленные в сельской местности, представляют собой рукописные источники. Кроме того, для просмотренного комплекса источников характерны высокая степень сохранности, читабельность, соответствие содержания заголовкам дел.

Специфика отношений органов государственной власти и общественных организаций отразилась в опубликованных документах законодательно-распорядительного характера, среди которых материалы и протоколы республиканских съездов Советов, сессии ЦИК Бурят-Монгольской АССР [1].

В рассматриваемую группу опубликованных источников необходимо отнести и совокупность нормативно-правовых актов, влияние которых на процесс формирования и развития добровольных и профсоюзных организаций было определяющим. Система данных нормативных документов закрепила функциональные особенности, цели, а также средства их достижения общественными организациями 1920-х гг. [1].

Неоспоримое значение для раскрытия проблематики отношений власти и общественных организаций имеют сборники документов и материалов органов государственной власти и общественных организаций. Это разнообразные сводки, отчёты, сведения, которые являются ценными при соотношении деятельности общественных и про-

фсоюзных организаций с общими направлениями социально-экономического развития. Кроме того, содержимое данной источниковой группы стало полезным при исследовании истории профдвижения республики, позволив восполнить недостаток архивных источников. В рассматриваемых документах представлены сведения о движении численности партии и профсоюзов, их внутренней структуре, распределении по аймакам; отчёты о деятельности правительства Бурят-Монгольской АССР, данные о занятости населения и ценообразовании. В меньшей степени данные источники освещают деятельность добровольных обществ, однако, благодаря их наличию, установлена динамика регистрации добровольных обществ в первой половине 1920-х гг.

В отдельную группу источников необходимо объединить опубликованные статистические материалы, представленные в различных статистических сборниках [8], которые содержат данные о разнообразных аспектах жизнедеятельности власти и общества. Несомненное значение статистических данных проявилось в комплексном и системном описании социально-экономического положения республики, без анализа которого невозможно полноценное представление о сущности общественной жизни.

Безусловной информационной ценностью обладают материалы республиканской периодической печати 1920-х гг., среди всего массива которой справедливо выделяется газета «Бурят-Монгольская правда» и журнал «Жизнь Бурятии». Данные издания, несмотря на их официальное происхождение и политизированный подход к изложению событий, дают конкретное представление об участниках общественно-политической жизни. Материалы периодической печати значительно дополняют сведения о деятельности общественных организаций, их собраниях, конференциях, отчётах о проводимых мероприятиях. Периодическая печать существенно расширила представления о работе профсоюзных органов, особенно об их низовых ячейках, о нуждах рабочих, их социально-бытовом положении и т. д. Материалы журнала «Жизнь Бурятии», содержащие отчёты председателей Бурятского совета профессиональных союзов, способствовали пониманию и интерпретации их официальной позиции [6, с. 5].

Зачастую только периодическая печать позволяет выявить социокультурные изме-

нения, присущие общественной жизни 1920-х гг., зафиксировать политические настроения, отразить перемены бытового уклада населения. Так своё виденье изменений в идеологической жизни рабочих изложил глава профсоюзов П. Ф. Зорин, утверждая, что «под влиянием профсоюзов во всей системе советского строительства замечается подъём классово-политического и культурного уровня рабочих масс. Они не только понимают задачи своего государства, но и стремятся быть активными его строителями. Профсоюзы правильно выполнили основной завет Ленина – стали школой коммунизма» [5, с. 113]. Такое понимание идеологической задачи и отождествление интересов рабочих с целями государства и партии являлось отражением генеральных политических изменений в сторону усиления роли государства в общественно-политическом развитии.

Однако, несмотря на свою уникальную информационную ценность, периодическая

печать, во-первых, излишне злободневна и не всегда аналитична, во-вторых, выражала официальную позицию партийного и профсоюзного руководства, что, чаще всего, приводило к известной необъективности. Перечисленные факторы говорят о необходимости критического подхода при работе с периодикой.

Таким образом, письменные источники, как опубликованные, так и не опубликованные, являясь фиксаторами исторических событий и процессов, становятся неотъемлемой частью исследования. Анализ источникового комплекса, повествующего об истории становления республиканских добровольных обществ в 1920-е гг., позволил установить дату их образования, структуру, методы и формы деятельности, персональный состав. В разнообразных по типу и виду источниках отразилась информация, ставшая основой интерпретации региональных общественных процессов.

Источники и литература

1. **Второй и Третий съезд Советов Бурят-Монгольской АССР.** Верхнеудинск, 1925; **Протокол заседания второй сессии Центрального Исполнительного Комитета Бурят-Монгольской Автономной Социалистической Советской Республики.** Верхнеудинск, 1925; **Бюллетень ЦИК и СНК Бурят-Монгольской АССР.** Верхнеудинск, 1925, 1927, 1929.
2. ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 432. Л. 49.
3. ГАРБ. Ф. Р-918. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
4. ГАРБ. Ф. Р-581. Оп. 1. Д. 5. Л. 23.
5. **Жизнь Бурятии** // Верхнеудинск. 1927. № 10.
6. **Жукова Н. Е.** Формирование и развитие общественных организаций в Бурятии в 20-е гг. XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ, 2014.
7. **Материалы по статистике Бурятии:** статистический материал. Верхнеудинск: Бурят-Монгольское статуправление, 1926. Вып. 1: Население. Труд. 140 с.; **Отчёт правительства БМАССР за 1928–1930 гг.** Верхнеудинск, 1931. 49 с.
8. **О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними** [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 23.01.2017); **Положение об обществах и союзах, не преследующих цели извлечения прибыли** [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.01.2017).
9. **Палхаева Е. Н., Жукова Н. Е.** Деятельность общественных организаций (вторая половина 1920-х гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 7. С. 96–100.

УДК 93/94(571.55)
ББК ТЗ(2)613-7(2Рос-4Чит)

Юлия Николаевна Ланцова,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Культурно-просветительская деятельность среди восточных рабочих в Забайкалье (1920-е – начало 1930-х годов)

В статье рассматриваются некоторые формы культурно-просветительской деятельности среди китайских и корейских рабочих в Забайкалье в 1920-е – начале 1930-х гг., такие как ликвидация безграмотности, организация читален, библиотек, создание красных уголков, издание газет, развитие клубов, курсов востпрофактивов. Анализируются как положительные, так и отрицательные элементы такой работы.

Ключевые слова: культурно-просветительская деятельность, Забайкалье, восточные рабочие, ликвидация безграмотности, профактив

Yuliya N. Lantsova,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Cultural-Educational Activity among the Workers in Eastern Zabaikalya (1920 – early 1930)

The article discusses some forms of cultural activities among Chinese and Korean workers in Zabaikalya in 1920 – early 1930s, Such as the elimination of illiteracy, the organization of reading rooms, libraries, creation of red corners, the publication of Newspapers, development clubs, courses postproduction. Analyzes both positive and negative elements of this work.

Keywords: cultural and educational activities, Zabaikalya, Eastern workers, the elimination of illiteracy, the trade unions

Наличие иностранной рабочей силы в экономике Забайкалья было характерно как в дореволюционный период, так и в 20–30-х гг. XX в. Это требовало включение иностранцев не только в правовое поле, но и урегулирование взаимодействия в культурно-просветительской сфере, как элементе пропаганды советского образа жизни.

В целом, вопросы связанные с миграционными процессами в Забайкалье, значимостью китайского фактора для экономического и геополитического развития Забайкальского края, представляющего собой важный геостратегический район, анализируются в работах Е. В. Дроботушенко, Н. В. Козыкиной и др. [6; 8].

Организация и основные формы культурно-просветительской работы среди китайских иммигрантов на Дальнем Востоке рассматриваются в работах Н. Г. Кулинича, О. В. Залесской [7; 9].

Ещё одному немаловажному вопросу – ликвидации неграмотности китайских и корейских мигрантов, распространению печат-

ной продукции, организации библиотек – посвящены статьи В. Г. Дацышина, М. В. Пряженниковой, А. И. Мороз и др. [5; 11–13].

Сведения о численности китайских мигрантов в Сибири в середине 1920-х гг. были довольно противоречивыми. По данным Всесоюзной переписи, в 1926 г. в Сибирском крае зафиксировано 1409 советских китайцев и 2151 граждан Китайской республики. Согласно данным Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран, в 1925 г. в Забайкальской губернии же числилось 7759 китайцев [5, с. 99].

Особое значение советская власть придавала политической работе в среде китайского и других нацменьшинств, которых вовлекали в партию, комсомол, профсоюзы. Одним из направлений работы этих организаций с восточниками была культурно-просветительская деятельность.

На территории Дальневосточного края культурное просвещение китайцев и корейцев было поручено Дальневосточному отделу народного образования. Партийный кон-

троль над этой работой осуществлял подотдел нацменьшинств Дальневосточного крайкома ВКП(б), учреждённый в марте 1927 г. решением бюро крайкома. Выполняя указания центральных органов, дальневосточные власти всячески пытались вовлечь китайцев в орбиту осуществлявшейся в стране культурной революции: ликвидировать среди них массовую безграмотность, повысить уровень общеобразовательных и профессиональных знаний, сформировать и, по возможности, удовлетворить их культурные запросы [9, с. 121].

Реализация этих задач напрямую зависела от грамотности восточных рабочих, но китайцы практически не знали русского языка, а среди культурработников было не много людей, владевших восточными языками. Поэтому важнейшим направлением деятельности была ликвидация неграмотности среди китайских и корейских рабочих. Для этого создавали ликпункт и школы малограмотных [2, л. 43]. Организовывали библиотеки, читальни, где были книги на русском, китайском и корейском языках, закупалась периодическая литература. Выписывали газеты на русском языке: «Правда», «Красное знамя», «Звезда», «Забайкальский рабочий», «Чудак», на китайском языке журнал «Рабочий путь», на корейском – «Авангар».

Одним из источников получения информации о партийной, профессиональной и хозяйственной работе китайских рабочих была газета «Рабочий путь» [4, л. 32; 10, с. 42]. Газету выписывали для красных уголков, казарм и общежитий. Ориентировано издание было и на «киткультурных работников» [3, л. 43–44]. К концу 1920-х гг. даже планировали увеличить число подписчиков до 1000–1500 чел. Редакция газеты «Рабочий путь» постоянно проводила работу с руководством рабкоровского движения среди китайских рабочих-золотопромышленников, через предоставление возможности публикации заметок, писем, статей об их партпрофпроизводительной работе в газете.

Ещё одним направлением работы с китайцами и корейцами была организация курсов. Например, в Сретенском округе в 1930 г. проводились курсы востпрофактивов. Работали курсы с 20 февраля по 20 марта, целью которых было разъяснение задач работы профсоюзов, советской власти и общего значения социалистического строительства в СССР, а также повышение политической грамотности и подготовка низового профсоюзного актива.

Состав курсов представлен в табл. 1 [4, л. 90].

Таблица 1

Возраст		Профессия		Образование		Член союза	Партийность	Член ВЛКСМ
20–30	30–45	старат.	хозраб.	малограм.	неграм.			
16	14	23	7	25	5	22	11	3

Всего обучались 30 чел.: 29 китайцев и 1 кореец, который хорошо владел китайским языком. Преподавались следующие предметы: профграмма, китреволюция, политическая грамота, текущие политические вопросы (пятилетний план, X пленум ИККИ, ноябрьский пленум ЦК ВКП(б)), математика, в общей сложности 520 ч.

Работа курсов востпрофактива оценивалась в целом удовлетворительно. Отмечено, что занятия проводились аккуратно, а курсанты проявляли заинтересованность и активность. Курсы окончили 29 чел., одного отчислили за недисциплинированность и нежелание учиться. Результаты были следующие: выше среднего – 5 чел., средние – 17 чел., ниже среднего – 5 чел., также четыре выпускника были делегированы на краевые профсоюзные курсы в г. Владивосток.

При достаточно активной культурно-просветительской деятельности было много сложностей и негативных факторов. Проведение культурработы осложняла текучесть рабочих. Так, по Сретенскому округу за 1928–1929 гг. имеются следующие архивные данные (см. табл. 2) [4, л. 17].

Таблица 2

Районы	Движение рабочей силы за квартал 1928 г.		Движение рабочей силы с 01/1 по 01/II 1929 г.	
	прибыло	убыло	прибыло	убыло
1. Н. Троицкий	190	143	16	32
2. Казаковский	34	40	-	72
3. Урульгинский	85	7	2	150
4. Курленский (?)	175	170	24	-
5. Б. Лугинский (?)	42	36	43	99
6. Жаринский(?)	71	13	28	15
7. Усть-Карийский	27	118	60	-
8. Борзинский	310	246	52	39
9. Шахтаминский	56	52	135	63
10. Боровской	117	95	20	21
	1107	920	390	492

Анализируя статистику, можно говорить о достаточно большой подвижности восточных рабочих. Объяснялось это низкой заработной платой, особенно зимой, плохими бытовыми условиями, некачественной работой «Союззолото» по подготовке территорий к разведывательным работам.

Так же плохо был организован досуг, на приисках не было возможности отдохнуть после работы. Красные уголки если и были, то не были заполнены. Не было китайской музыки, шахмат, литературы на китайском языке, которая была бы интересна восточным рабочим. Отсутствие хорошо укомплектованных уголков стало одной из причин распространения среди них азартных игр, опикурения и слабой рабочей дисциплины (зафиксированы случаи работы под надзором милиции) [4, л. 17об.]. Была и острая нехватка специалистов, владевших китайским языком.

Культурно-просветительская деятельность реализовывалась и через работу китайских ячеек ВКП(б). Так, в рамках собраний китайской ячейки ВКП(б) г. Чита обсуждали решения партконференций, изучали устав партии.

Выпускали ежемесячно стенгазету на китайском языке, но в основном писали статьи по политическим вопросам, о клубной работе или жизни рабочих заметок не было. Как такового кружка стенкоров так же не было, поэтому статьи писались не регулярно.

В ячейку было выписано 74 книги на китайском языке, среди них политграмота Коваленко, Азбука коммунизма и др. [2, л. 44]. Книг было недостаточно, хотя была возмож-

ность выписать литературу из г. Владивосток, г. Хабаровск, но за неимением средств она не приобреталась.

Работал политкружок, школа малограмотных и два ликпункта. Политкружок работал по воскресеньям, но численный состав был неизвестен, т. к. учёт посещаемости не велся. Школу малограмотных посещали 41 чел., такое же количество обучалось в ликпунктах. Дисциплина там была не на высоте, отмечена некачественная работа т. Верфогича, который очень часто срывал занятия [2, л. 44].

С китайцами так же велась работа через клубы. Читались лекции по интересующим вопросам, хотя и не регулярно. Посещали китайские рабочие и клубные постановки. При клубе работало пять добровольных обществ: МОПР (Международная организация помощи борцам революции), АВИАХИМ, ДОДД (Добровольное общество «Друг детей»), ОДН (Общества «Долой неграмотность»), Жилищная кооперация.

Таким образом, в 1920–1930-е гг. советская власть в Забайкалье уделяла большое внимание культурно-просветительской деятельности среди китайских и корейских рабочих. Посредством партии, комсомола, профсоюзов организовывали работу по ликвидации неграмотности, организации клубов и красных уголков и т. д. Особенностью культурно-просветительской работы среди китайцев и корейцев было то, что она была направлена, прежде всего, на формирование привлекательности социалистического образа жизни, а также была под жёстким контролем государства.

Источники и литература

1. Алёминская Г. М. Работа с национальными меньшинствами в Восточном Забайкалье в 1930-е гг. (на примере китайских и корейских рабочих Черновских копей) // СИМВОЛ НАУКИ. 2015. № 10. С. 163–164.
2. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 2. Оп. 1. Д. 143.
3. ГАЗК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 185.
4. ГАЗК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 564.
5. Дацышен В. Г. Ликбез для китайских мигрантов на «новом китайском алфавите» в Восточной Сибири // Культуры и языки стран Дальнего Востока: изучение и обучение: материалы междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 16–17 окт. 2014 г. Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2015. С. 96–113.
6. Дроботушенко Е. В. Китай в геополитических устремлениях России в XVII – начале XX вв. // История в подробностях. 2011. № 12. С. 62–65.
7. Залеская О. В. Культурно-просветительная работа среди китайских рабочих на Дальнем Востоке России (20–30-е гг. XX в.) // Россия и АТР. 2007. № 3. С. 139–151.
8. Козыкина Н. В. Миграционные процессы в Забайкальском крае: состояние и тенденции развития. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. 160 с.
9. Кулинич Н. Г. Культурно-просветительная работа среди китайских иммигрантов в городах Дальнего Востока в 1920–1930-е гг. // Вестник РГГУ. Сер.: Исторические науки. История России. 2012. № 4. С. 120–130.
10. Культрарбота среди восточных рабочих // Материалы о профессиональной работе на Дальнем Востоке (1924–1925 гг.). Хабаровск, 1925. С. 42 // Государственная публичная истори-

ческая библиотека [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.нэб.рф/catalog/000202_000006_2510447/viewer/?page=52 (дата обращения: 28.03.2017).

11. Мороз А. И. Ликвидация неграмотности национальных меньшинств Забайкалья в 1920-е гг. // Регион в приграничном пространстве: материалы междунар. науч. конф.: в 2 ч. 2016. Ч. 2. С. 79–81.

12. Пряженикова М. В. Деятельность распределительной системы печатной продукции на территории Восточного Забайкалья в 1920–1930-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 3-х ч. Тамбов: Грамота, 2015. Ч. 2. № 3. С. 150–154.

13. Пряженикова М. В. Особенности культурных процессов в Забайкалье и Северном Китае в 1920–1930-е гг. // Гуманитарный вектор. 2013. № 3. С. 99–103.

УДК 93/94:314.15

ББК ТЗ(2):С(07)

Цыден Самбуевич Дамдинболотов,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Эмиграция агинских бурят

В данной статье освещены события эмиграции бурят Агинского аймака с 1922 г. до второй половины 1930-х гг. Представлены основные эмиграционные движения, а также выявлены причины и примерные количественные параметры эмиграции бурят в Монголию и Китай.

Ключевые слова: агинские буряты, эмиграция, кочёвка, Агинский аймак, Борзинское движение, Абагайтуйское движение, раскулачивание, Шэнэхэн, Китай, Монголия, государственная граница

Tsyden S. Damdinbolotov,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Emigration of the Agin Buryats

This article highlights the events of the emigration of the Buryats of the Aginsk Aimag from 1922 to the second half of the 1930s. The main emigration movements are presented, the reasons and approximate quantitative parameters of emigration of Buryats to Mongolia and China are revealed.

Keywords: Agin Buryats, emigration, nomadic, Agin aimak, Borzin movement, Abagaitu movement, dekulakization, Shenehen, China, Mongolia, state border

Цель статьи – основываясь на архивных материалах, раскрыть причины эмиграции агинских бурят в период с 1922 г. до второй половины 1930-х гг. и осветить основные эмиграционные движения в указанный период. Анализ литературы свидетельствует о том, что данный вопрос актуален и заслуживает внимания.

В переписке Онон-Хангильского хошуна с Агинским бурятским аймачным народно-революционным комитетом, которая датирована 1921 г., говорилось: «Многие граждане-буряты сего хошуна, а в особенности пограничных Кункурского и Будаланского сомонов, издавна проживали в пределах Внешней Монголии и с начала бурятской эмиграции

прошло много десятков лет, так что большинство эмигрантов бурят живущих в Монголии являются потомками 3-го и 4-го поколения пионеров эмиграции» [12, л. 2]. В переписке 1923 г. ревкома Агинского аймака с Бурятским революционным комитетом указывалось: «Многие буряты разных родов ведомства бывшей Агинской Степной Думы (ныне Агинского Аймака) издавна проживают в пределах соседней Монголии, Барги и на дачах пограничного русского населения и сначала бурятской эмиграции прошлого столетия и таким образом громадное количество эмигрантов является почти аборигенами Северной Монголии» [7, л. 24]. Данные примеры из официальных документов не единичны.

Бурятская эмиграция началась со второй половины XIX в. и закончилась в середине 1930-х гг. Причинами переселения бурят на территорию Монголии в дореволюционный период явились: пастбищная теснота, вызванная внутренним ростом населения; реформы по землеустройству (1900), которая фактически уравнила в правах на землепользование кочевников-скотоводов и крестьян-земледельцев; волостная реформа (1901), лишившая бурят административного родового самоуправления, а также реквизиции, и мобилизация бурят на тыловые работы в годы Первой мировой войны (1916 г.). Этот процесс усилился в ходе революции и Гражданской войны. Около 18 тыс. бурят покинули родные места и ушли на территорию Внешней Монголии [15, с. 103].

Интенсивный отток населения продолжался в годы ДВР, а затем и в советский период. Руководство Агинского аймака хорошо понимало особенности введения скотоводческого хозяйства в этом регионе. В письме председателя Бурревкома, адресованного в отдел управления Дальревкома (1922), идёт речь о том, что жители Бурят-Монгольской автономной области, а именно Агинского и Чикойского аймаков и Гочитского и Батанай-Харганатского хошунов Хоринского аймака издавна совершали перекочёвку в монгольские степи, т. к. они богаты покосными полосами и подножным кормом для скота. Председатель Бурревкома просил о выдаче легитимных билетов на переход границы Агинскому и Чикойскому аймакам, а также Батанай-Харганатскому и Гочитскому хошунам Хоринского аймака, с установлением срока их действия более 6 мес. [7, л. 5]. Интересна выписка из протокола заседания Бурревкома от 18 ноября 1922 г., в которой давалось согласие жителям Адон-Челонского хошуна на сезонную перекочёвку в 1923 г. в Монголию и пропуске их через границу на льготных условиях [7, л. 4].

В фондах Агинского архива хранится инструкция о порядке регистрации населения, укочевавшего в Монголию с хозяйством, датированная 1924 г. Исходя из этого мы можем судить, что аймачный исполнительный комитет попытался легализовать и сделать контролируемым сезонную перекочёвку за пределы советского государства. Для контроля над кочующими Агинский аймачный исполнительный комитет принял решение о регистрации населения, которое пожелало временно перекочевать за границу с хозяй-

ственными целями. При регистрации главы семей указывали ФИО, хошун, к которому приписана семья, состав семьи, кто остаётся на прежнем стойбище, количество и род скота, количество юрт и другого имущества, на какой срок совершается перекочёвка и в какую местность. При возвращении они таким же образом должны были вновь сообщить хошунным и волостным ревкомам о времени возвращения, составе семьи, количестве скота, имущества и т. д. Кочующие за границей освобождались от налогов [1, л. 13].

Несмотря на старание руководства Агинского ревкома, эмиграция из аймака продолжалась. Пользуясь разрешением о совершении сезонной перекочёвки в Монголию, многие семьи не возвращались в родные кочёвья. В результате АИК 2 апреля 1924 г. запретил перекочёвку в Монголию и наказал всем сомсоветам следить за передвижениями приписанного населения [1, л. 30]. Несмотря на неоднократные распоряжения о запрете, жители приграничных сомонов – Судунтуевского, Будаланского, Кункурского и Дылгырского – тайно укочёвывали за границу [1, л. 45].

В докладе председателя Агинского хошунного исполнительного комитета от 1 октября 1924 г. раскрываются основные причины эмиграции бурят. В частности, в нём говорится: «Население хошуна ежегодно уменьшается за счет эмигрантов. С начала 1924 г. по сей день эмигрировало в Монголию 139 хозяйств. О числе скота в этих хозяйствах пока ещё сведений не собрано. Эмигрируют очевидно более или менее состоятельные хозяйства, уклоняясь от платежа налога с одной стороны и будучи настроенным против существующего порядка управления с другой. Близость границы с Монголией связывают нас с тамошними нашими сородичами, укочевавшими туда в период Гражданской войны. Последние иллюзируют здешних, якобы там за границей нет налога и т. д. и прильщенные увещаниями буряты перекочёвывают за границу» [13, л. 16]. С начала 1924 г. по апрель 1925 г. в Адаголикском хошуне укочевало в Монголию около 231 хозяйств [10, л. 19].

В первую половину 1920-х гг. экономическое положение Агинского аймака было критическим. Больше половины населения было освобождено от уплаты налога или получило определённые льготы по причине неплатёжеспособности, поэтому налог в основном вносился группой зажиточных бурят [8,

л. 121]. Мы считаем, что этот момент является одним из главных мотивирующих факторов для эмиграции зажиточных слоёв населения.

Советским руководством совершались попытки национализации имущества дацанов, но они не увенчались успехом. Так, в начале 1924 г. Цугольскому дацану было предложено выполнить решение о национализации имущества и уплатить наложенные на него налоги. В результате 74 ламы подписали официальный отказ от выполнения платежей, за что были подвергнуты судебным репрессиям [17, с. 148]. Возможно, это событие и явилось ключевым для лам Цугольского дацана в организации Борзинского движения.

С 1925 г. по 1926 г. в аймаке образовалось массовое эмиграционное движение, получившее название «Борзинское». Цель этого движения заключалась в переселении бурят из аймака на территорию Борзинского района, с дальнейшим намерением эмигрировать во Внутреннюю Монголию – в Шэнэхэн. Следствие выяснило, что 88 ламами, организовавшими это движение, руководили эмигрировавшие ноены из Шэнэхэна [9, л. 7].

Тем не менее, согласно отчётам Агинского АИКа, в 1925 г. эмиграция отдельных зажиточных граждан постепенно сокращается [10, л. 40]. Так, за первую четверть 1925 г. из Адон-Челонского хошуна большинство населения уключивало за границу и на протяжении всей зимы проживало там, а к лету основная часть вернулась обратно [10, л. 11]. Также можно судить о процессе реэмиграции. Так в 1925 г. на территории Борзинского района был образован бурятский сомон «Новая Заря», население которого состояло из бурят реэмигрантов – 1732 чел. [3, л. 59]. Возможной причиной спада эмиграционного движения стало приостановление процесса экономического упадка аймака. После прекращения Борзинского движения наступает определённое затишье в эмигрантских устремлениях бурят, встречаются только единичные случаи пересечения границы.

К концу 1920-х гг. СССР готовится встать на путь социализма, где главный упор был сделан на создание колхозов. Главным средством ускорения процесса коллективизации стало раскулачивание кулаков и середняков. Ужесточение государством налоговой политики по классовому признаку стало ключевым мотивирующим фактором для массовой

эмиграции. Теперь невыполнение в срок налоговых заданий влекло за собой административно-судебное преследование. Его основными формами были денежные штрафы, конфискация имущества и тюремное заключение. В 1928–1929 гг. в Бурят-Монгольской АССР было описано имущество 2356 хозяйств, 163 чел. были привлечены к суду и осуждены, 280 кулаков подверглись пятикратному обложению [19, с. 133].

В политико-экономической характеристике Агинского аймака за 1933 г. говорилось: «Эмиграционное движение 1929 г., т. н. «Абагайтуйское», также ставившее своей задачей массовый уход бурятского населения Агинского аймака в Китай – Шенехенский хошун. Движением руководило опять-таки ламство Цугольского дацана в блоке с кулацко-ноенатским элементами и бывшими Табхаевцами и тесной увязке с закардонными бурятами-эмигрантами, находящиеся в Шенехен, Хайларе» [9, л. 7].

На фоне внутривластных проблем, связанных с коллективизацией хозяйств, активизируют свои действия представители белого движения, находящиеся в эмиграции. Усиление эмигрантских настроений среди бурят Агинского аймака связано с личностью У. Гармаева, который на тот момент находился в Шэнэхэне и являлся лидером бурятской общины в Китае. Именно с ним связано перенаправление основного потока эмигрантов из Монголии в Китай. У. Гармаев совместно с антисоветскими организациями направлял в Агинский аймак специальных лиц, на которых возлагалась задача организации отколёвки бурят за кордон, а также вооружённые отряды, которые должны были помешать пограничникам пресечь незаконный переход границы [16, с. 9].

В декабре 1930 г. Агинский аймачный комитет принимает меры по профилактике и противодействию эмиграционному движению. Агинский айком требует со всех сомсоветов обязательное наблюдение за кочующими хозяйствами, а также запрет в переселении кулацким элементам. Помимо этого айком просит Даурский погранотряд ОГПУ оказать помощь в борьбе с эмигрантами и любыми антисоветскими элементами [5, л. 9].

Абагайтуйское эмиграционное движение носило массовый характер. До 1929 г. люди старались проходить границу небольшими группами, объединяясь в несколько семей [14], теперь же группы увеличились в десятки раз. В постановлении Мацневской таможни

указывалось, что в феврале 1929 г. на границе возле села Абагайтуй сотрудники Даурского погранотряда в момент перехода границы остановили около 80 бурятских семей [6, л. 9]. Также имело место вооружённое столкновение между эмигрантами и сопровождавшими их вооружёнными группами, с одной стороны, и пограничной охраной – с другой. В результате перестрелки было убито два человека, ранено – шесть, задержан – один, а за границу прорвалось 408 чел. [16, с. 9]. На закрытом заседании Агинского айкома ВКП(б) 1930 г. сообщалось, что на границе были пойманы и раскулачены погранотрядом Читинского окружного ОГПУ 30 с лишним хозяйств из Адон-Челонского хошуна [4, л. 8].

В 1931 г. на территории Адон-Челонского хошуна зарождается новый вид сопротивления советской власти. В политико-экономической характеристике аймака за 1933 г. данное движение именовалось «эмиграционно-бандитским». По мнению властей, оно было вызвано «усилением нажима на враждебных элементов и успешным развёртыванием колхозного движения». Движением руководили эмигрировавшие белогвардейцы [9, л. 7]. Целью данного движения стало физическое уничтожение руководителей аймака – секретаря АК ВКП(б), председателя АИКа, начальника РО ОГПУ, начальника милиции и т. д., после повстанцы должны были бежать за границу. О хорошей организации этого диверсионного выступления говорит тот факт, что изначально во многих сомонах были созданы повстанческие ячейки, из них были сформированы 4 отряда, руководимые бурятами-эмигрантами, назначена дата выступления. В 1932 г. организаторы и участники движения были пойманы и преданы суду.

Активное участие в этом движении принимали 135 чел. Им было охвачено около 9 сомонов и 2 сельсовета [9, л. 7]. Это движение стало последней массовой попыткой организовать эмиграцию из аймака.

В целом во второй половине 1930-х гг. эмиграция завершается, но всё же встречаются единичные случаи перехода границы, которые продолжают вплоть до 1940-х гг. Точные количественные параметры эмиграционного процесса ещё не определены, т. к. в источниках и литературе данная проблема подробно не рассматривается. Но если обратиться к некоторым статистическим данным, то ситуация выглядит следующим образом. В 1923 г. в Монголии проживало 2853 бурятских семей общей численностью 12 765 чел., а в конце 1929 г. число это возросло до 9243 семьям и составляло 35 517 человек [18, с. 180]. В Китае в Хулун-Буйре в 1922 г. проживало около 60 семей, т. е. примерно 700 чел. Таким образом, к 1933 г. в бурятском хошуне Китая насчитывалось свыше 700 семей, т. е. около 3000 чел. [12, с. 234]. Очевидно, за рассматриваемый период численность бурят в двух странах не могла увеличиться путём естественного прироста, в результате чего можно судить примерно о 15 000 эмигрировавших бурят.

Укрепление позиций советской власти в аймаке, усиление государственного контроля и репрессии, укрепление государственной границы, мероприятия по борьбе с эмиграционными идеями постепенно привели к прекращению переселенческого движения. Эмиграция бурят в 1920–1930-е гг. стала результатом революционных потрясений и преобразований и отложилась в памяти бурятского народа.

Источники и литература

1. АОГА (Агинский окружной государственный архив). Ф. 39. Оп. 1. Д. 137.
2. Балдано М. Н., Дятлов В. И. Буряты Китая и Монголии в дискурсе «национального возрождения»: идея собирания нации // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубеже XIX–XX и XX–XXI вв. / науч. ред. В. И. Дятлов. Иркутск, 2012. С. 231–258.
3. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. П. 13. Оп. 1. Д. 29.
4. ГАЗК. Ф. П. 19. Оп. 1. Д. 220.
5. ГАЗК. Ф. П. 19. Оп. 1. Д. 223.
6. ГАЗК. Ф. П. 19. Оп. 1. Д. 240.
7. ГАЗК. Ф. Р. 232. Оп. 1. Д. 26.
8. ГАЗК. Ф. Р. 1058. Оп. 1. Д. 76.
9. ГАЗК. Ф. Р. 1058. Оп. 1. Д. 249.
10. ГАРБ (Государственный архив Республики Бурятия). Ф. Р. 32. Оп. 1. Д. 19.
11. ГАРБ. Ф. Р. 32. Оп. 1. Д. 37.
12. ГАРБ. Ф. Р. 1139. Оп. 1. Д. 4.
13. ГАРБ. Ф. Р. 1630. Оп. 1. Д. 10.
14. Галсанэ Лхамацирен. Воспоминания (дата интервью: 24.01.2015).
15. Константинов А. В., Константинова Н. Н. Забайкалье: ступени истории (1917–1922 гг.). Чита: Экспресс-издательство, 2009. 192 с.

16. Курас Л. В. Деятельность спецслужб Бурят-Монголии в 1929–1933 гг. // Сибирский юридический вестник. 2012. Вып. 2. С. 7–14.
17. Курас Л. В., Тушемилов В. К. Органы государственной безопасности Бурят-Монгольской АССР. Первые годы советской власти (1923–1928). Ч. 2 // Известия ИГУ. 2012. Ч. 2. Вып. 2. С. 143–152.
18. Нимаев Д. Д. Основные факторы формирования бурятской диаспоры в Монголии и особенности её социокультурной адаптации // Вестник БГУ. 2013. Вып. 1. С. 179–182.
19. Плеханова А. М. Налогообложение сельского населения Бурят-Монгольской АССР в период НЭПа // Власть. 2010. Вып. 8. С. 131–134.

УДК 93/94(571.55)

ББК Т3(2)(2Рос-4Чит)

Алексей Владимирович Соловьев,

Байкальское региональное отделение

Академии военных наук,

г. Чита, Россия

Забайкальские органы безопасности – к 100-летию образования забайкальской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем

Органы безопасности Восточного Забайкалья (ныне – Забайкальского края), представляющие составную часть ВЧК-ОГПУ-КГБ СССР и ФСБ России, ведут отсчёт со дня образования Забайкальской областной Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем 27 февраля 2018 г. В статье дан краткий обзор векового противостояния органов безопасности Восточного Забайкалья с иностранными разведками, террористами, антиобщественными и антигосударственными враждебными проявлениями, наносящими ущерб личности, обществу и государству.

Ключевые слова: ВЧК, Госполитохрана, ОГПУ, ГУГБ, КГБ, ФСБ, органы безопасности Восточного Забайкалья, Забайкальский губотдел ОГПУ, Читинский окротдел, Сретенский окротдел, УНКВД СССР по Читинской области, УКГБ СССР по Читинской области, УФСБ России по Забайкальскому краю

Aleksey V. Solov'ev,

The Baikal regional office

of Academy of military Sciences,

Chita, Russia

Security Agencies of Zabaykalie – to the 100-Year-Old Anniversary of the Zabaykalie Emergency Commission for Combating Counter-Revolution and Sabotage

Security Agencies of Eastern Zabaykalie (now Zabaykalskiy krai), which are an integral part of USSR VCheka-OGPU-KGB and Federal Security Service of the Russian Federation, count from the day of establishment the Emergency Commission for Combating Counter-Revolution and Sabotage on the 27th of February, 1918. The article gives a brief review of the century-old confrontation between security agencies of Eastern Zabaykalie and foreign intelligencies, terrorists, antisocial and antistate hostile manifestations, that damage personality, society and state.

Keywords: VCheka (Vlost Emergency Commission), State Political Guard, OGPU (Joint State Political Directorate), Central State Security Administration, KGB (Committee for State Security), FSB (Federal Security Service), security agencies of Eastern Zabaykalie, OGPU Department of Zabaykalskayaguberniya, Chita Department of counterintelligence operations, Sretensk Department of counterintelligence operations, USSR People's Commissariat for Internal Affairs Directorate of Chita region, USSR Committee for State Security Directorate of Chita region, Federal Security Service Directorate of Zabaykalskiy krai

16 февраля 1918 г. в г. Чита была установлена Советская власть. Переход власти от органов Временного правительства к Советам в уездах, волостях, районах, аймаках и станицах Забайкальской области закончился к маю 1918 г. Первый период Советской власти продолжался с февраля по август 1918 г. В Чите и уездах области политическая и военная обстановка серьёзно осложнялась. Исполнительный Комитет Совета Рабочих, Казачьих и Солдатских депутатов Забайкальской области на заседании 27 февраля 1918 г. избрал областную Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем в составе Исаева, Березина и др. [15]. Возглавил комиссию В. В. Исаев [20, с. 41]. По мере создания советских органов в уездах и городах области создавались чрезвычайные или следственные комиссии. 22 марта 1918 г. создаётся Чрезвычайная комиссия Верхнеудинского уезда (ныне Республика Бурятия) – председатель Е. М. Матвеев [17, с. 27]. 5 апреля 1918 г. во Владивостоке высадились японские и английские войска, 8 апреля с китайской территории в Забайкалье вторгся Особый Маньчжурский отряд атамана Г. М. Семенова. Началась интервенция и Гражданская война. 11 апреля облисполком передал временному Военно-революционному штабу всю полноту власти. Областная и уездные чрезвычайные комиссии были ликвидированы. Забайкальская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Забайкальском облисполкоме Советов рабочих, казачьих, крестьянских и бурятских депутатов в составе Е. М. Матвеева (председатель), Г. Т. Перевозчикова (заместитель), Н. В. Сундукова и др. вновь восстановлена 31 мая 1918 г. [4, с. 37]. Забайкальская ЧК подчинялась Сибирской Чрезвычайной Комиссии (г. Иркутск). В июне в ЧК пришел Г. И. Мордвинов [10]. Никто не мог тогда предположить, что Г. И. Мордвинов станет выдающимся разведчиком и будет участвовать в сложнейших операциях вместе с такими легендарными разведчиками, как П. А. Судоплатов, Н. И. Эйтингон, Р. И. Абель, М. Б. Маклярский и др. [18; 23]. Секретарём ЧК был назначен М. Д. Берман, жизнь которого также стала частью трагической истории советских органов безопасности. 21 июня восстановлена чрезвычайно-следственная комиссия г. Сретенск и Сретенского района Нерчинского уезда, председатель комиссии А. И. Мальцев – единственный в Советской России полный Георгиевский кавалер, руководивший

чрезвычайной комиссией [12, с. 17, 23, 24; 20, с. 60]. Забайкальские чекисты в феврале пресекли саботаж чиновников читинских банков, в марте и августе ликвидировали подпольные организации офицеров, в апреле остановили попытку переворота власти анархистом М. В. Яньковым [16, с. 29–30].

В Дальневосточной Республике (1920–1922) создана Государственная Политическая охрана (ГПО) [11, с. 155; 21, с. 31]. 11 ноября 1920 г. в г. Чита образовано Главное Управление ГПО, во главе которого стоял директор [8, с. 8–10]. С ноября 1921 г. по ноябрь 1922 г. ГПО возглавлял Л. Н. Бельский [5, с. 29, 40; 9, л. 1]. Главное управление ГПО раскрыло и пресекло деятельность нескольких десятков белых подпольных организаций, в т. ч. крупную организацию офицеров и казаков в Забайкалье во главе с З. И. Гордеевым, Амурскую военную организацию (до 200 чел.) и другие, ликвидировала своими силами более 50 белых партизанских формирований. Задержаны и преданы суду несколько агентов иностранных спецслужб [11, с. 155; 14, с. 57; 22, с. 23–27]. Управление совместно с Народной милицией ДВР участвовало в борьбе с бандитизмом и организованной преступностью.

В Забайкальской губернии (1923–1926) действовал Забайкальский губернский отдел ОГПУ. 73 оперативных сотрудника осуществляли острые разведывательные и контрразведывательные мероприятия в борьбе с антисоветскими зарубежными организациями. Начальник губотдела Ю. И. Клиндер и командир полка – будущий Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский в 1924 г. провели войсковую операцию по разгрому белогвардейских отрядов Мыльникова, Гордеева, Деревцова, вторгшихся из Китая в Сретенский уезд [1].

В январе 1926 г. созданы Читинский и Сретенский окружные отделы ОГПУ. Читинский окружной отдел выявил резидентуру чанкайшистской разведки в Чите и пресёк ее деятельность. Во время конфликта на КВЖД (ноябрь–декабрь 1929 г.) чекисты задействовали боевые группы в тылу противника [6, с. 286].

После упразднения округов в августе 1930 г. создан Читинский оперативный сектор (ЧОС), подчинённый Полномочному Представительству ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю в г. Иркутск. В декабре 1931 г. японские войска оккупировали Северо-Восточный Китай и вышли на границы СССР. Ак-

тивизировалась японская разведка. Для её дезинформации во Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске, Чите и Иркутске проведены оперативные игры. В Чите и Иркутске была создана вымышленная «Забайкальская подпольная организация». Оперативная игра получила название «Мечтатели». Операция завершилась 31 августа – 1 сентября 1935 г. в г. Иркутск открытым судебным процессом [3; 19, с. 195–203].

В образованной 26 сентября 1937 г. Читинской области сформировано Управление НКВД (начальник Г. С. Хорхорин). Начало его деятельности совпало с массовыми репрессиями. В течение тринадцати месяцев (октябрь 1937 – ноябрь 1938) в области репрессированы 21 210 чел., из них расстреляны 11 110 чел. Сотрудники УКГБ-УФСБ в 1954–2009 гг. провели большую работу по подготовке материалов для областной прокуратуры на реабилитацию репрессированных граждан, внесли существенный вклад в издание в 2000–2011 гг. семи томов «Книги Памяти жертв политических репрессий в Восточном Забайкалье».

В мае – августе 1939 г. сотрудники Особого отдела по ЗабВО и Управления НКВД по Читинской области (начальник П. Т. Куприн) обеспечили в контрразведывательном отношении боевые действия армейской группировки под командованием Г. К. Жукова по разгрому японских захватчиков в районе реки Халхин-Гол.

В годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) не менее 1/3 работников органов госбезопасности Забайкалья находились в Действующей армии. В оперативно-чекистской группе «За Родину» в 1943 г. выполнял разведывательно-диверсионные задания в Киеве, Житомире и других городах оперуполномоченный Читинского Управления НКГБ Г. Х. Казаков, с апреля 1944 г. продолжал борьбу на территории Чехословакии и Венгрии. Погиб 6 августа 1944 г. [2; 13, Т. 1. л. 3–7; Т. 2. л. 42]. Два года выполнял задания в тылу врага в партизанском соединении С. А. Ковпака сотрудник Читинского Управления Г. В. Блажко. Миллионная японская Квантунская армия, стоявшая в Маньчжурии, была готова к нападению на СССР. По решению Центра в сентябре 1941 г. в Читинском Управлении создан 4-й отдел (начальник А. П. Шаньгин) для проведения спецопераций за рубежом и на временно оккупированной территории. Сотрудники отдела А. П. Криницин, Г. Д. Федоров и другие в 1941–1942 гг.

сформировали подпольные разведывательно-диверсионные группы, участвовали в создании партизанских отрядов, закладке в тайге баз с оружием и продовольствием. Все это проводилось на случай временной оккупации японскими войсками Читинской области.

В 1941–1945 гг. в области выявлено 242 японских агента. Японская разведка не смогла получить достоверные данные о подготовке Маньчжурской стратегической наступательной операции Красной армии, дезинформировала своё командование, занизив почти втрое количество советских дивизий на Дальнем Востоке и в Забайкалье, а также допустила ошибку в определении сроков начала войны, считая, что советские войска перейдут в наступление в сентябре – октябре 1945 г. [7, с. 728].

В 1946–1954 гг. сотрудники УМГБ СССР по Читинской области установили 12 пособников немецко-фашистских оккупантов, скрывавшихся в Забайкалье от возмездия за совершённые преступления, собрали доказательства для привлечения к уголовной ответственности 91 украинского националиста. Во время войны в Корее 1950–1953 гг. работники УМГБ И. И. Арнаут, Г. В. Блажко, В. И. Гончаренко, Х. А. Закиров, И. В. Лифанов, И. И. Федоров, Н. Н. Залуцкий, П. Н. Шуваяев, В. М. Шилов, В. К. Олевский вели борьбу с разведывательно-диверсионными группами на территории КНДР.

В апреле 1954 г. создано Управление КГБ при Совете Министров СССР по Читинской области (с 1978 г. УКГБ СССР). Были осуществлены мероприятия по оперативному прикрытию государственной границы. В 1981–1982 гг. задержаны два нелегала иностранной разведки, пресекались террористические попытки, расследовались чрезвычайные происшествия. Офицеры УКГБ В. Я. Кудрик, И. Н. Климов, В. Н. Черняев, Е. Н. Хорошилов, Г. Л. Щукин, В. Н. Никитин, В. Е. Кулаков, В. Ф. Филатов, В. П. Крылов достойно выполнили интернациональный долг по оказанию помощи народу Демократической Республики Афганистан. Выполнял спецзадание на Кубе полковник П. А. Вишняков, во Вьетнаме – подполковник И. И. Лакизо.

После распада Советского Союза и беспрерывной реорганизации в 90-х гг. XX в. органов безопасности России удалось сохранить боеспособный коллектив. С 1993 г. под руководством начальника УФСК-УФСБ РФ по Читинской области генерал-майора В. А. Останина возобновилось проведение

активных контрразведывательных мероприятий. Была пресечена деятельность ряда агентов иностранных разведок, нанесён ощутимый удар по главарям организованной преступности, проведены антитеррористические мероприятия. Сотрудники УКГБ-УФСБ участвовали в проведении контртеррористической операции на Северном Кавказе. Орденом Мужества посмертно награждён старший оперуполномоченный капитан А. А. Ермоленко, погибший в ходе операции. Орденом Мужества, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством 2 ст. с изображением мечей», медалью Суворова награждён майор Ю. Н. Скажутин, трижды участвовавший в контртеррористической операции, спасший раненого офицера и получивший тяжёлое ранение.

Под руководством начальника Управления генерал-майора В. М. Полежаева в 2002–2007 гг. получены конкретные результаты по борьбе с иностранными разведками, терроризмом, организованной преступностью, контрабандой.

За последние три года сотрудники УФСБ (начальник генерал-майор С. И. Казюрин) задержали с поличным двух агентов иностранной разведки, вынесли официальное предупреждение двум гражданам, установившим инициативный контакт с разведкой США, изъяли при попытке вывезти за рубеж свыше 30 кг золота, направили материалы следствия в суд на 40 чиновников и руководителей учреждений и предприятий Забайкальского края, уличённых в коррупции, осуществили антитеррористические и другие мероприятия.

Источники и литература

1. **Архив Управления ФСБРФ** по Забайкальскому краю: дело З. И. Гордеева.
2. **Архив Управления ФСБ РФ** по Забайкальскому краю: Послужной список Г. Х. Казакова.
3. **Архив Управления ФСБ РФ** по Забайкальскому краю: Аннотация по разработке «Мечтатели».
4. **Василевский В. И.** Первые Забайкальские чекисты // Проблемы краеведения. Вып. 7. Чита, 1972. 147 с.
5. **Васильченко Э. А.** Партийное руководство деятельностью чекистских органов по борьбе с контрреволюцией на Дальнем Востоке (1920–1922). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1984. 128 с.
6. **Великая Маньчжурская империя.** К десятилетнему юбилею 1932–1942. Харбин, 1942. 422 с.
7. **Великая Отечественная война 1941–1945 гг.:** в 12 т. Т. 6: Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М.: Кучково поле, 2013. 864 с.
8. **ГАЗК.** Собрание узаконений и распоряжений Правительства ДВР (СУ ДВР). 1921. № 2.
9. **ГАЗК.** Архивная справка № 174 от 20 авг. 1985 г.
10. **ГАЗК.** Ф. Р-91. Оп. 2. Д. 578.
11. **Гражданская война и военная интервенция в СССР:** Энциклопедия. М.: Сов. Энциклопедия, 1983. 704 с.
12. **Губов П. Е.** История моего села. Чита: Обл. типография, 1985. 64 с.
13. **Департамент Архива Службы безопасности Украины (ДА СБУ).** Ф. 60. Д. 28461. Т. 1. Л. 3–7; Ф. 60. Д. 28461. Т. 2. Л. 42.
14. **Зданович А. А.** Военная контрразведка в Народно-революционной армии Дальневосточной республики. 1920–1922 гг. // Военно-исторический журнал. 2005. № 7. Июль.
15. **Известия Комитета Советских организаций.** 1918. № 6. 2 марта (17 февр.). (Краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова).
16. **Константинов А. В., Константинова Н. Н.** Забайкалье: ступени истории (1917–1922 гг.). Чита: Экспресс-издательство, 2009. 192 с.
17. **Курас Л. В.** Очерки истории государственной безопасности Республики Бурятия. Улан-Удэ – Иркутск, 1998. 201 с.
18. **Курчаткин А. Н.** Победитель. М.: Молодая Гвардия, 2005. 368 с.
19. **Наумов И. В.** Операция «Мечтатели» // Силовые структуры России: страницы истории: сб. науч. ст. Иркутск, 2004. С. 195–202.
20. **Революция и гражданская война в Забайкалье** (краткий биографический указатель) / сост. В. И. Василевский; отв. ред. В. В. Яковлева, Г. Н. Суханова. Чита: Обл. типография, 1989. 110 с.
21. **Сонин В. В.** Государство и право ДВР (1920–1922). Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 1982. 103 с.
22. **Щит и меч Приамурья.** Книга об амурских чекистах. Благовещенск: Амур. отд. Хабаровск. кн. изд-ва, 1988. 272 с.
23. **Яковлева О. А.** Последний вальс разведчика. Улан-Удэ: Соел-Культура, 2007. 224 с.

УДК 72:271.2(571.55)

ББК 85.11:86.372(2Рос-4Чит)

Евгений Викторович Дроботушенко,

Аркадий Валерьевич Шемелин,

*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Спасо-Преображенская церковь села Курунзулай – малоизвестный памятник православной архитектуры Забайкалья

В статье даётся представление о практически неизвестном памятнике православной архитектуры Восточного Забайкалья – церкви села Курунзулай современного Борзинского района Забайкальского края. Являясь памятником деревянного зодчества, она не стала объектом внимания исследователей и постепенно разрушается. Авторы дают характеристику имеющихся публикаций с упоминанием названного храма, отмечают, что на сегодняшний день церковь находится в состоянии запустения, но ещё имеется возможность её реставрации. В статье отмечается, что церковь значительно выделяется среди иных храмов региона по своей композиции. Это объёмное строение, нехарактерное для Восточного Забайкалья. Итогом статьи является замечание о необходимости проведения реставрационных работ, а также о дальнейшей работе с источниками по восстановлению истории строительства и существования церкви.

Ключевые слова: церковь, православие, памятник, строение, архитектурный элемент, композиция, Восточное Забайкалье

Evgeny V. Drobotushenko,

Arcady V. Shemelin,

*Transbaikal State University,
Chita, Russia*

Spaso-Preobrazhenskaya Church of Village Kurunzulay – a Little Known Monument of the Orthodox Architecture of Zabaikalie

The article provides an insight into the almost unknown monument of the Orthodox architecture in Eastern Zabaikalye – the Church of the village Kurunzulay modern Borzya district of Zabaikalsky kray. As a monument of wooden architecture, he did not become the object of attention of researchers and is gradually destroyed. The author gives a description of the available publications that mention the name of the temple, notes that, today, the Church is in a state of desolation, but there is still a possibility of her restoration. The article notes that the Church significantly stands out among other temples of the region in its composition. The volumetric structure uncharacteristic for the Eastern Zabaikalye. A summary of the article is the remark about the need for restoration work, as well as on future work sources on restoration history of construction and existence of the Church.

Keywords: Church, Orthodoxy, monument, structure, architectural element, composition, Eastern Zabaikalye

История забайкальского православия и забайкальской архитектуры имеет много незаполненных на сегодняшний день страниц. Это полностью исчезнувшие памятники архитектуры, а также те, что ещё существуют, но о которых практически ничего не известно. Такой страницей и таким памятником является Спасо-Преображенская церковь с. Курунзулай Борзинского района Забайкаль-

ского края. Если в разговоре о некоторых иных православных храмах можно сослаться на краткие, но всё же опубликованные работы, то по названной церкви публикаций, по сути, нет. Это же относится и к самому селу Курунзулай, в котором церковь располагается. Имеется пара заметок в Энциклопедии Забайкалья, которые не дают ни о селе, ни о храме практически никакой информации,

кроме года их появления (основания), и краткие, в одно предложение, упоминания на некоторых сайтах, на страницах печатных средств массовой информации. При этом приводимые даты как основания села, так и строительства церкви не имеют отсылок к источникам. Отметим, что о курунзулайской церкви не писал даже известнейший исследователь архитектуры, в том числе и православной, П. Н. Крадин, хотя существуют его работы и дипломные проекты на их основе по целому ряду церквей региона [2; 5; 6–12; 15; 16].

Село Курунзулай, по некоторым данным, является изначально казачьим и некоторыми авторами именуется станицей. Основание его связывают с 1739 г. – годом начала работы курунзулайского медеплавильного завода. К сожалению, утверждать, что данная дата основания села стопроцентно верна, на сегодняшний день мы не можем. Сказанное относится и к церкви. Датой её строительства называют 1895 г. Каких-либо серьёзных обоснований для утверждения данного года годом строительства храма нами также не встречено [1; 13; 14]. Встречаются и иные даты, например, 1861 г., причём так же без обоснования [3].

Здание церкви расположено в старом центре с. Курунзулай. Рядом находятся заброшенное здание клуба, бюст партизанского командира М. М. Якимова. Само село основной своей частью постепенно сдвинулось от храма, и он оказался на достаточно сво-

бодной площадке. Вокруг на некотором отдалении расположены отдельные строения – частные дома (см. рис. 1).

Особенность курунзулайской Спасо-Преображенской церкви состоит в том, что она достаточно большая по объёмам, выстроена целиком из дерева и относительно хорошо сохранилась на сегодняшний день. Здание церкви является деревянным, из брёвен, сложенных «в лапу». На некоторых сайтах мы встречали рассуждения по фото. На основной массе углов курунзулайского храма увидеть кладку брёвен сложно, из-за того что углы обшиты вертикальным тесом. Однако в некоторых местах это просматривается достаточно отчётливо (см. рис. 2). Вся постройка полностью была обшита тесом (обрезной доской). На сегодня местами он не сохранился, однако в целом, и на настоящий момент, картина, очевидна (см. рис. 3). Доска по всему периметру была выбелена. На сегодняшний день остатки извести можно заметить в некоторых местах постройки. Основная часть выгорела со временем (см. рис. 2).

Следует отметить, что по не понятным причинам некоторые публикации говорят о том, что церковь «практически полностью деревянная» [1]. Данное утверждение, очевидно, является не верным. Храм – деревянный полностью, каменным является только фундамент.

Интересно само здание церкви. На настоящее время сохранилось четырёхуголь-



Рис. 1

ное одноярусное помещение алтарной части, которое венчает небольшая маковка купола на шатровом конусовидном основании. Далее идёт основная часть – также одноярусная, но большая по объёму, которую также венчает возвышающийся купол, установленный на восьмерике, который, в свою очередь, основанием имеет больший восьмерик. К основной части примыкает колокольня. Не сохранилась входная часть здания – паперть (см. рис. 3–5).

Крыша как алтарной, так и основной части храма – двускатная, крытая железом. Купол центральной части церкви расположен над предалтарной половиной объёма. На северную и южную стороны выходят фронтоны двускатных пристроек к крыше, подведённых под восьмерики купола (см. рис. 6–7).

В основной массе имеющихся публикаций колокольню называют «трёхъярусной», хотя на любой фотографии чётко просматриваются четыре яруса. Объёмный, равный по высоте основной части храма, четырёхугольный – первый, значительно меньший по объёму, четырёхугольный – второй (первый и второй – четверики), в форме восьмерика – третий. Четвёртый уровень – так же в форме восьмерика – вертикально вытянутый объём для размещения колоколов – ярус звона. Над четырьмя стенками последнего яруса, фронтонами по сторонам света, небольшие двускатные крыши, подходящие под восьмерик купола колокольни (см. рис. 8).

Купол колокольни расположен на восьмерике, который венчает яблоко. Можно сделать предположение, что яблоко венчало и второй купол по центру храма, который не сохранился. Также, вполне вероятно, что яблоко венчало и маленький купол, но так же не сохранилось (см. рис. 4).

Крыша отсутствующей паперти была двускатной. Это заметно по абрису, оставшемуся на первом уровне колокольни со стороны входа в храм. Внутреннее помещение было также оштукатурено и выбелено (см. рис. 5).

Помещения всех частей храма, алтарной, основного объёма и колокольни (по первому уровню) имеют окна. Алтарная часть имеет два окна с восточной стороны, основная часть – по три окна, первый уровень колокольни – по одному окну с северной и южной сторон. Окна имели ставни. На сегодня сохранились части шарниров (см. рис. 9). Сказать, какие были, ставни сложно, узость окон позволяет предположить, что одно-



Рис. 2



Рис. 3



Рис. 4



Рис. 5

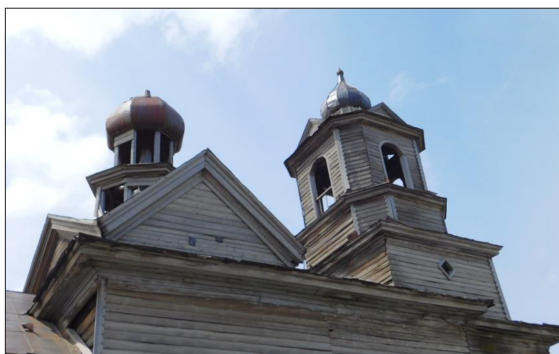


Рис. 6

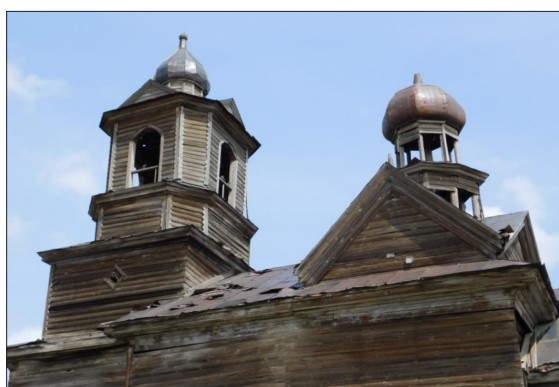


Рис. 7



Рис. 8



Рис. 9

створчатые. Об это же говорят отверстия с одной стороны на обрамлении окон. На окнах алтаря сохранились декоративные фронты. Судя по всему, такие же фронтоны имели и остальные окна. Не прослеживается наличие декоративных фронтонов у окон первого яруса колокольни. Небольшие ромбовидные оконца расположены по центру всех четырёх сторон второго уровня колокольни. Среднее окно основной части храма с северной стороны, вероятно, переделано во вход. Данный вывод можно сделать по абрису декора наддверной части. Он полностью совпадает с абрисом декора окон. К тому же с южной стороны абсолютно симметрично расположено три окна. Указывает на это и тесовая надставка над дверью, которая не вписывается в основную тесовую обшивку северной стены основного объёма церкви. Можно предположить, что во вход переделано оконное отверстие на южной стороне первого яруса колокольни. Этого не проследишь по декоративным элементам, однако вызывает вопрос функциональная надобность данного входа в бытность строения действующей церковью. Он, очевидно, нарушает ансамбль храма (см. рис. 2–4).

Церковь располагается на фундаменте из бутового камня, скреплённого известковым раствором. Подобные фундаменты традиционны для церквей региона, строившихся в XIX в. Высота надземной части фундамента в пределах 70–80 см. В разных частях фундамента расположены продухи (отдушины). Строители позаботились о вентиляции основы здания, что, вероятно, стало одним из факторов неплохой сохранности как фундамента, так и всего строения (см. рис. 10–11). Продухи размером 50×12–15 см укреплены раствором, расположены по периметру здания (см. рис. 12).

При отсутствии паперти сохранилась часть её фундамента. Частично он разрушен. Камни от разрушенной части находятся там же. Причина разрушения, вероятно, заключается в том, что постройки над фундаментом нет, и он подвержен воздействию влаги и выдуваниям. В то же время значительная часть фундамента паперти сохранилась и на сегодняшний день, что, на наш взгляд, говорит о качестве постройки. Возможно, часть разрушений приходится на места продухов. На сегодня об этом можно говорить как о предположении (см. рис. 13).

Внутренние помещения храма были оштукатурены и побелены. Основание пола

и потолка – массивные лаги, сохранившиеся в хорошем состоянии и на сегодняшний день.

Здание церкви окружено деревянной оградой. Она современная, поставленная, вероятно, для ограждения памятника от свободного, вольного его посещения. Об этом же говорит заколоченный вход в церковь. Визуально не прослеживаются традиционные для прицерковной территории захоронения или какие-либо части архитектурных элементов постройки. Вокруг храма, за исключением остатков фундамента паперти, – практически чистое пространство.

Нам представляется, что сохранность здания церкви, отдельных её архитектурных элементов дают возможность предположить, что храм построен всё же на рубеже XIX–XX вв., вполне возможно, в начале XX в.

Таким образом, Курунзулайская Спасо-преображенская церковь является интереснейшим памятником православной архитектуры, причём не только Восточного Забайкалья, но и всей Сибири.

Анализ имеющихся заметок относительно курунзулайского храма приводит к мысли о том, что кто-то один изначально высказал неверные или не подтверждённые позиции, которые в дальнейшем получили распространение. Это наличие четырёхугольного алтаря, трёхуровневой колокольни, год строительства церкви. Современное состояние постройки позволяет, во многом, говорить о её первоначальном архитектурном облике, а вот над датой постройки, освещения, существования храма следует ещё поработать с архивными источниками. Данное замечание касается также даты закрытия храма, использования его помещений в советское время.



Рис. 11



Рис. 12

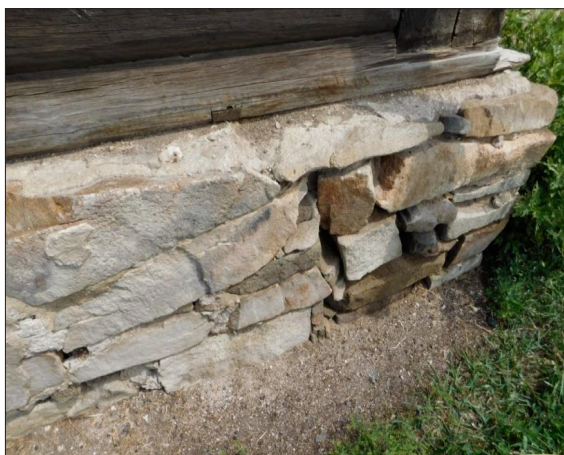


Рис. 10



Рис. 13

Источники и литература

1. **Герасименко Р.** Храмы и церкви Забайкалья [Электронный ресурс] // Алые паруса. Режим доступа: <http://www.nsportal.ru/ap/library/drugoe/2016/01/30/hramy-i-tserkvi-zabaykalskogo-kрая> (дата обращения: 27.01.2017).
2. **Гребенкин А. С.** Проект реставрации Рождественской церкви в с. Кондуй Читинской области. Дипломный проект. Научный руководитель – П. Н. Крадин. 2006 [Электронный ресурс] // Тихоокеанский государственный университет. Режим доступа: <http://www.pnu.edu.ru/ru/library/i-resources/bibliography/kradin/> (дата обращения: 22.01.2017).
3. **Деревянное (и не только) зодчество станиц и посёлков Забайкалья** [Электронный ресурс] // Предыстория. Режим доступа: <http://www.predistoria.org/forums/index.php?PHPSESSID=d927d9d7bffb074b8378ba658b2fe20c&topic=462.15> (дата обращения: 22.01.2017).
4. **Горковенко П.** Земля для казаков, тунгусов, бурят // Земля. 2015. № 48. 24 нояб.
5. **Карус Т. Д.** Успенской церкви Успенского мужского монастыря в с. Калинино Читинской области. Дипломный проект. Научный руководитель – П. Н. Крадин. 1998 [Электронный ресурс] // Тихоокеанский государственный университет. Режим доступа: <http://www.pnu.edu.ru/ru/library/i-resources/bibliography/kradin/> (дата обращения: 22.01.2017).
6. **Крадин Н.** Архитектурные памятники Кондуя // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 233–244.
7. **Крадин Н. П.** Кондуйская церковь // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология. Новосибирск: Наука, 2011. 368 с.
8. **Крадин Н. П.** Нерчинский Успенский монастырь – неизвестный памятник русской архитектуры петровского времени // Градостроительство: теория и практика. Л.: Ленинградский инженерно-строительный институт, 1983. С. 54–60.
9. **Крадин Н. П.** Обмеры Спасской церкви в с. Курлыч Читинской обл. 1990 [Электронный ресурс] // Тихоокеанский государственный университет. Режим доступа: <http://www.pnu.edu.ru/ru/library/i-resources/bibliography/kradin/> (дата обращения: 22.01.2017).
10. **Крадин Н. П.** Обмеры Троицкой церкви в с. Бянкино Нерчинского района Читинской области. 1985 [Электронный ресурс] // Тихоокеанский государственный университет. Режим доступа: <http://www.pnu.edu.ru/ru/library/i-resources/bibliography/kradin/> (дата обращения: 22.01.2017).
11. **Крадин Н. П.** Обмеры Успенской церкви Успенского мужского монастыря в с. Калинино Нерчинского района Читинской области. 1979 [Электронный ресурс] // Тихоокеанский государственный университет. Режим доступа: <http://www.pnu.edu.ru/ru/library/i-resources/bibliography/kradin/> (дата обращения: 22.01.2017).
12. **Крадин Н. П.** Обследование, фотофиксация и выполнение обмеров Успенской церкви (1712 г.) Нерчинского мужского Успенского монастыря. 1983 [Электронный ресурс] // Тихоокеанский государственный университет. Режим доступа: <http://www.pnu.edu.ru/ru/library/i-resources/bibliography/kradin/> (дата обращения: 22.01.2017).
13. **Кудрявцев С. В.** Спасо-Преображенская церковь [Электронный ресурс] // Энциклопедия Забайкалья. Режим доступа: <http://www.encycl.chita.ru/encycl/person/?id=7222> (дата обращения: 22.01.2017).
14. **Солодова Н. Б.** Курунзулай [Электронный ресурс] // Энциклопедия Забайкалья. Режим доступа: <http://www.ez.chita.ru/encycl/concepts/?id=4633> (дата обращения: 22.01.2017).
15. **Устюгов Е. В.** Проект реставрации Троицкой церкви в с. Бянкино Читинской области. Дипломный проект. Научный руководитель – Н. П. Крадин. 2006 [Электронный ресурс] // Тихоокеанский государственный университет. Режим доступа: <http://www.pnu.edu.ru/ru/library/i-resources/bibliography/kradin/> (дата обращения: 22.01.2017).
16. **Шишкин Я. Г.** Проект реставрации Спасской церкви в с. Курлыч Читинской области. Научный руководитель – П. Н. Крадин. 2008 [Электронный ресурс] // Тихоокеанский государственный университет. Режим доступа: <http://www.pnu.edu.ru/ru/library/i-resources/bibliography/kradin/> (дата обращения: 22.01.2017).

УДК 93/94:551(571.55)

ББК ТЗ(2):26.3(2Рос-4Чит)

Марина Владимировна Пряженникова,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Из истории создания Нерчинского свинцово-цинкового рудоуправления

В статье на основе ранее неопубликованных материалов Государственного архива Забайкальского края приводится характеристика организации управления Нерчинского свинцово-цинкового рудоуправления, строительство которого началось в 1949 г. Дается описание процесса разведывания Кличкинской геологоразведочной партией местности в окрестностях села Кличка на предмет получения данных о наличии месторождений полезных ископаемых.

Ключевые слова: месторождение, разведка, село Кличка, рудоуправление, Дирекция, Управление

Marina V. Pryazhennikova,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

From the History of Nerchinsk Lead-Zinc Mining

The article based on previously unpublished materials of the State archive In Baikal region is a characteristic of the organization of management of the Nerchinsk lead-zinc mine, the construction of which began in 1949, provides a description of the process of prospecting, exploration Klichka party area in the vicinity of the village Klichka for the purpose of obtaining data on the presence of mineral deposits.

Keywords: oilfield, exploration, village Klichka, mining, Directorate, Management

Историю районов Забайкальского края, расположенных к юго-востоку от г. Чита, в своих исследованиях изучали ряд историков. К их числу можно отнести О. А. Яремчук [9], Е. В. Дроботушенко [6; 7], Г. В. Мясникову и А. В. Мясникова [8]. Однако к истории создания и деятельности Нерчинского свинцово-цинкового рудоуправления (с 1975 г. – Нерчинский полиметаллический комбинат) практически не обращались, кратко упомянув о нём в «Энциклопедии Забайкалья» [2], а также в «Сибирской Советской Энциклопедии» [1]. В связи с этим целью данной статьи является краткое описание истории создания Нерчинского свинцово-цинкового рудоуправления.

В январе 1947 г. согласно титульному списку Восточно-Сибирского геологического управления была организована Нерчинская полиметаллическая экспедиция, которая после 1949 г. была переименована в Кличкинскую геологоразведочную партию (Кличкинская ГРП). Располагалась она в с. Кличка Быркинского района (с 1962 г. – Приаргун-

ский район – М. П.) Читинской области, в 120 км восточнее от железнодорожной станции Борзя. 9 сентября 1949 г. начальником Кличкинской ГРП был назначен директор геологической службы III ранга М. Корольков.

Нерчинская полиметаллическая экспедиция в 1947 г. была в следующем составе: основная Нерчинская экспедиция, которая вела разведку Савинского № 5 месторождения в непосредственной близости от села Кличка; Тайнинская ГРП – на Тайнинском месторождении, в 200 км на север от села; три поисково-съёмочные партии, производившие съёмку Южного (район с. Кличка) и Приаргунского районов месторождений полезных ископаемых; поисково-ревизионная партия по проверке рудных точек в междуречье Шилка – Аргунь [3, л. 80].

В 1948 г. основная Нерчинская экспедиция продолжала разведку Савинского № 5 месторождения и вела перспективную разведку на Мыльниковско-Хоркиринском месторождении, расположенном в 17 км на юго-восток от села Кличка, а также на место-

рождении Меркурьева гора – в 80 км на северо-восток от села.

В 1949 г. уже Кличкинская ГРП продолжала вести разведку Савинского № 5 и Мыльниковско-Хоркиринского месторождений и начала перспективную разведку Каменского месторождения в 6 км на юго-восток от с. Кличка, Кибиревского – в 18 км на юго-восток, Заурулюнгуевской группы месторождений – в 20 км на юго-запад от населенного пункта. Стоит отметить, что многие месторождения, расположенные в окрестностях с. Кличка, ранее уже разрабатывались (см. таблицу) [3, л. 82].

Таблица

Наименование месторождения	Год открытия	Год закрытия
Савинское № 5	1783	1852
Почкуевское	1782	1856
Кличкинское	1759	1842
Мыльниковско-Хоркиринское	1816	1856
Малентьевское-Урулюнгуевское	1791	1792
Савинское-Урулюнгуевское	1803	1841
Шурфы	1825	1825

За 2 года и 8 мес. полевой работы Кличкинская ГРП разведала запасов свинца на Савинском № 5 месторождении 4,6 тыс. т, что составило 12,5 % от плана. После этого в 1949 г. началось строительство Нерчинского свинцово-цинкового рудоуправления с центром в селе Кличка (с 1952 г. – рудник Кличка со статусом посёлка городского типа). В апреле 1949 г. Постановлением Совета Министров СССР от 1 февраля 1949 г. было утверждено положение № 14/п о Дирекции строящегося Нерчинского свинцово-цинкового рудоуправления.

Согласно данному положению, Дирекция состояла в непосредственном ведении Главного управления свинцово-цинковой промышленности Министерства металлургической промышленности. Она должна была организовывать и руководить строительством, осуществлять технический надзор, обеспечивать его проектно-изыскательными материалами, осуществлять наблюдение за ходом проектирования, приёмку проектных и сметных материалов, проверку их качества и соответствия утверждённому проектному заданию, организовывать все необходимые строительные и монтажные работы через подряд-

чиков или с осуществлением их хозяйственным способом. Кроме того, в обязанности Дирекции входило оформление актами вводимых в эксплуатацию готовых агрегатов, сооружений и цехов; подготовка к пуску и вводу в действие строившегося предприятия, подготовка всех условий, необходимых для его постоянной эксплуатации, в том числе производственных кадров [5, л. 1]. Дирекция являлась самостоятельной хозяйственной организацией, действовавшей на началах хозрасчёта в пределах плановых заданий и директив Главного управления свинцово-цинковой промышленности Министерства металлургической промышленности, пользовалась правами юридического лица.

Капитальное строительство, осуществлявшееся Дирекцией, финансировалось за счёт ассигнований по государственному бюджету и других источников, предусмотренных планом и учитываемых на балансе капиталовложений. В случае осуществления Дирекцией временной эксплуатации законченных сооружений, эксплуатируемые основные средства и оборотные ценности учитывались на отдельном балансе эксплуатации в общем порядке основной деятельности хозрасчётных производственных предприятий.

Во главе Дирекции стоял директор, который вместе с главным инженером, главным бухгалтером и другими работниками входили в номенклатуру Главного Управления свинцово-цинковой промышленности, назначались и увольнялись начальником Главцинк-свинца. Приказом Министра металлургической промышленности № 443/К от 10 декабря 1949 г. директором был назначен П. Е. Кривоносов, который сменил на этом посту М. Н. Орлова [5, л. 25].

Директор осуществлял на основе единоначалия непосредственное руководство всей деятельностью Дирекции, проводил контроль и проверку исполнения и нес ответственность за невыполнение планов, соблюдение финансовой, договорной и трудовой дисциплины и за ведение хозяйственных дел. По заданиям Главного Управления свинцово-цинковой промышленности директор был обязан составлять строительные финансовые планы и графики работ, а также промышленные финансовые планы временной эксплуатации. Он же организовывал аппарат дирекции, устанавливал порядок деятельности отдельных его частей, обеспечивал строительство проектными и сметными материалами, а также оборудованием, при-

нимал меры к снижению стоимости и улучшению качества строительства, руководил строительством, осуществлявшимся хозспособом, систематически наблюдал и проверял качество работ, выполняемых подрядчиком, организовывал материально-техническое снабжение строительства.

Кроме того, в обязанности директора входили наём и увольнение рабочих и служащих Дирекции, подготовка производственных кадров для строящегося рудоуправления, организация охраны труда и техники безопасности. Он также проводил мероприятия по укреплению трудовой дисциплины, внедрял социалистические формы труда и руководил развитием стахановского движения.

Директор был обязан составлять и представлять в Главное Управление свинцово-цинковой промышленности Министерства металлургической промышленности на утверждение и в копии финансирующему банку долгосрочных вложений заключительный баланс и финансовый отчёт строительства, заключать договоры и акты, выдавать доверенности. Он же совершал от имени Дирекции операции в банках долгосрочных вложений и в Госбанке, пользовался кредитами, ссудами и всеми другими видами банковских услуг, открывал и закрывал контокоррентные расчётные, текущие и другие чеки и платёжные поручения, акцептовал счета, получал деньги и денежные документы, выступал в суде и в органах государственного и ведомственного арбитража с правом стороны в процессе [5, л. 3].

Директор совместно с главным инженером представлял без особой на то доверенности Дирекцию во всех государственных учреждениях. Они могли распоряжаться в пределах, установленных законом и приказами Министерства металлургической промышленности, средствами и имуществом Дирекции и совершать от её имени все операции, входившие в круг её ведения.

Всякого рода договоры, обязательства, чеки и доверенности подписывались директором либо другими лицами, уполномоченными на то доверенностями. Все документы денежного, материально-имущественного, расчётного и кредитного характера, служившие основанием для производства бухгалтерских записей, скреплялись подписью главного бухгалтера Дирекции или лица им на то уполномоченного. Отчёты и балансы подписывались директором и главным бухгалтером.

В составе Дирекции могли быть организованы в установленном порядке подсобные предприятия на хозяйственном расчёте с самостоятельным балансом и расчётным счётом (мастерские, кирпичный завод, лесные разработки, транспорт, склады и т. п.). Начальники переведённых на хозяйственный расчёт работ и внутренних хозрасчётных участков, а также директора подсобных предприятий назначались и увольнялись директором строящегося предприятия и действовали на основании доверенностей, выдаваемых директором рудоуправления. Дирекция прекращала свою деятельность на основании приказа Министерства металлургической промышленности.

На основании приказа Министерства цветной металлургии от 2 марта 1953 г. первая очередь Нерчинского свинцово-цинкового рудоуправления была введена в эксплуатацию в марте 1953 г. в составе Благодатской штольни (Кличкинского рудника) и ремонтно-механической мастерской. Приказом по Министерству металлургической промышленности № 18/к от 1 апреля 1953 г. руководство введённой в эксплуатацию частью Нерчинского свинцово-цинкового рудоуправления было возложено на директора строящегося рудоуправления Г. С. Пономарева, а также на главного инженера В. Я. Воронина.

Вместе с тем было разработано и утверждено положение об Управлении введёнными в эксплуатацию частями рудоуправления Главцинквинца Министерства металлургической промышленности. Согласно положению, Управление было организовано в соответствии с Постановлением Совета Труда и Оборона от 13 октября 1929 г. № 635 и состояло в непосредственном ведении Главного управления цинковой и свинцовой промышленности Министерства металлургической промышленности [4, л. 3].

Управление было самостоятельной хозяйственной организацией, действовавшей на началах полного хозяйственного расчёта в пределах плановых заданий и директив Главцинквинца и Министерства металлургической промышленности, пользовалось правами юридического лица. По своим обязательствам Управление отвечало лишь тем имуществом, на которое могло быть обращено взыскание, в соответствии с действовавшими тогда законами. Все операции, необходимые для осуществления возложенных на него задач, Управление могло производить на всей территории СССР.

Управление находилось в пос. Кличка Быркинского района Читинской области, возглавлялось директором и заместителем директора, в качестве которого выступал главный инженер. Директор осуществлял на основе единоначалия непосредственное руководство всей деятельностью Управления, обладал правами и обязанностями, вытекавшими из задач, возложенных на Управление. Директор проводил контроль и проверку исполнения и нёс ответственность за выполнение планов, соблюдение финансовой, договорной и трудовой дисциплины и за ведение хозяйственных дел.

В частности на директора возлагалось: составление по заданиям Главцинксвинца Министерства металлургической промышленности проектов перспективных планов, контрольных цифр и промфинпланов и установление на основе утверждённых планов по хозяйственным звеньям, организация управления производством, непосредственное оперативное и техническое руководство производством, организация планирования, рационализация производства, внедрение изобретений и новейших технических достижений, организация технической пропаганды и обмена опытом, осуществление мероприятий по снижению стоимости продукции, контроль за качеством продукции, внедрение хозрасчёта в производство.

Кроме того, в обязанности директора Управления входило осуществление оперативной работы по материально-техническому снабжению и мобилизации внутренних ресурсов, осуществление в установленных случаях сбыта продукции, руководство заключением договоров, распределение и регулирование материальных и денежных средств в цеховых и других частях Управления, контроль за состоянием этих средств, движением и правильным использованием. Директор мог осуществлять наём и увольнение рабочих и служащих, подготовку и переподготовку кадров, был обязан организовывать охрану труда и техники безопасности, проводить трудовую дисциплину, осуществлять культурно-бытовое обслуживание рабочих, инженерно-технических работников и служащих. В его обязанности также входило внедрение в производство социалистических форм труда, руководство развитием стахановского движения и помощь стахановцам и руководителям производства в деле внедрения стахановских методов работы [4, л. 4].

Директор также проводил единую систему учёта и отчётности, представлял в установленном порядке на утверждение Главцинксвинца и Министерства металлургической промышленности периодические отчёты и проекты распределения и покрытия потерь, организовывал капитальное строительство, транспортное хозяйство, заключал необходимые для осуществления задач, возложенных на Управление, договоры и составлял акты, выдавал доверенности. Директор открывал в банках расчётные, текущие и другие счета, получал ссуды и пользовался всеми видами банковских услуг, выдавал и принимал обязательства к платежу. В порядке и пределах, установленных законом и приказами Министерства металлургической промышленности, директор мог нанимать и сдавать в аренду помещения, приобретать и отчуждать имущество, имел право иска и ответа на суде и в органах государственного и ведомственного арбитража.

Директор Управления, равно как и заместитель директора – главный инженер, представляли Управление без особой доверенности во всех государственных учреждениях, предприятиях и общественных организациях, распоряжались в пределах, установленных законами, всеми средствами и имуществом Управления и совершали от его имени все операции, входившие в круг его ведения.

Всякого рода договоры, обязательства, чеки и доверенности подписывал директор или его заместитель без особой доверенности, либо другое лицо, уполномоченное на то доверенностями. Все документы денежного, материально-имущественного, расчетного и кредитного характера, служившие основанием для производства бухгалтерских записей, скреплялись подписями главного бухгалтера или уполномоченного лица. Отчёты и балансы подписывал директор или его заместитель, а также главный бухгалтер.

Помимо текущей отчётности директор ежегодно, до окончания операционного года, представлял в установленные сроки в Главное управление цинковой и свинцовой промышленности на рассмотрение и утверждение в установленном порядке отчёт, баланс и счёт накоплений и потерь за истёкший операционный год. Определение размера накоплений и потерь, распределение накоплений и установление отчислений из них в специальные фонды и в доход государства, покрытие потерь, а также расходование специальных фондов производились с соблюдением правил, установленных законом.

Обследование деятельности Управления осуществлялось соответствующими органами Министерства металлургической промышленности. Директор был обязан предъявлять им для обозрения все книги и документы, дела и переписку и оказывать всемерное содействие [4, л. 5].

Таким образом, Нерчинское свинцово-цинковое рудоуправление, строившееся с 1949 г., частично было введено в эксплуата-

цию в марте 1953 г. На начальном этапе строительства рудоуправление находилось в ведении Дирекции, в обязанности которой входил контроль за процессом строительства, а также все отчётные, финансовые и производственные дела. После начала функционирования рудоуправления руководство им перешло в Управление, которое получило более широкие полномочия, чем Дирекция.

Источники и литература

1. **Анисимов Н.** Нерчинстрой // Сибирская Советская энциклопедия. Новосибирск: Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1932. Т. 3. С. 738.
2. **Быбин Ф. Ф.** Нерчинский полиметаллический комбинат [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ez.chita.ru/encycl/concepts/?id=4421> (дата обращения: 29.03.2017).
3. **ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края).** Ф. Р-1053. Оп. 21. Д. 3.
4. **ГАЗК.** Ф. Р-2315. Оп. 2. Д. 5.
5. **ГАЗК.** Ф. Р-2411. Оп. 1. Д. 2.
6. **Дроботушенко Е. В.** К проблеме изучения истории Нерчинского монастыря и сохранения старейшего памятника православия в Забайкалье – церкви Успения Пресвятой Богородицы // Баландинские чтения. 2015. Т. 10. № 1. С. 129–132.
7. **Дроботушенко Е. В.** Церковь села Кондуй Забайкальского края как памятник православной архитектуры: к вопросу о сохранении // Баландинские чтения. 2016. Т. 11. № 1. С. 111–116.
8. **Мясникова Г. В., Мясников А. В.** К истории организации борзинского соляного промысла в XVII–XVIII вв. // Регион в приграничном пространстве: материалы междунар. науч. конф.: [в 2 ч.]. Чита: ЗабГУ, 2016. Ч. 2. С. 16–19.
9. **Яремчук О. А.** История исследования памятников хунно-сяньбийской эпохи в Восточном Забайкалье // Гуманитарный вектор. 2010. № 3. С. 14–21.

УДК 32:94(571.55)

ББК Ф0:Т3(2)(2Рос-4Чит)

Андрей Викторович Филимонов,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Политика государства в контексте возрождения забайкальского казачества на рубеже XX и XXI веков

Статья посвящена анализу современных процессов возрождения казачества в Забайкалье, поиску новой идентичности казаков в условиях процесса глобализации, где становление идентичности казаков сталкивается с проблемой несовпадения её образов между родовыми потомственными казаками и членами казачьих общественных организаций, окружающим социумом и правительством.

Ключевые слова: Забайкалье, идентичность, трансформация идентичности, возрождение казачества, казаки, глобализация, общественные организации казаков

Andrey V. Filimonov,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Politics of the State in the Context of the Revival of Transbaikal Cossacks at the Abroad of the XX and XXI Centuries

The Article is devoted to the analysis of contemporary processes of revival of the Cossacks in Transbaikalia, the search for a new identity of the Cossacks in the conditions of globalization, where the formation of identity of the Cossacks faced

with the problem of a mismatch between its images of a generic hereditary Cossacks and members of the Cossack public organizations, the surrounding society and the government.

Keywords: Transbaikalia, identity, transformation of identity, the revival of the Cossacks, the Cossacks, globalization, public organizations and Cossacks

К началу XX в. Забайкальское казачество сформировалось в локальную культурно-территориальную общность сложного этнического состава, в своей основе воспринявшую русскую культурную традицию.

Социальные потрясения начала XX в. показали противоречивость социальной структуры, положения и поведения забайкальского казачества. Закономерности трагических событий, произошедших с казачеством в Забайкалье по причине его несоответствия социально-политическим реалиям XX в. Казачество в действительности не было единой сословной структурой или этнической группой, т. к. характеризовалось неравными социально-экономическими условиями проживания и расслоением, которое сопровождалось распространением среди них различных идеологических течений, в том числе и большевизма [5, с. 197–209].

Диалогические отношения этого времени часто заключались в участии казаков в противоречивых событиях, приводивших к бурному общественному резонансу, отражающемуся на их социальном положении и самовосприятии [2, с. 471]. Неоднозначным является участие казаков в событиях Первой мировой и Гражданской войны, которые стали определяющими в последующей судьбе забайкальского казачества [22, с. 544]. Забайкальские казаки, с одной стороны, прославили себя как герои Брусиловского прорыва [1], спасители армянского народа от турецкого геноцида [14, с. 275], а с другой – как люди, совершавшие преступления во время войны со своим народом. Причиной этого был раскол в казачестве, в результате которого одни из казаков устанавливали Советскую власть в Забайкалье, а другие активно сопротивлялись этому [19, с. 167].

В 20–30-е гг. XX в. казачество утратило организационное и административно-территориальное оформление, а после 1926 г. упоминание казачьего происхождения исключалось из социально значимых признаков при проведении переписей населения. Вследствие этого терялись формальные признаки принадлежности к казачеству, разрушались организационно-политические, экономические и духовные основы его самоидентификации. Казачество было ликви-

ровано в результате закономерного процесса отмены сословий, когда «в своём революционном порыве народ смёл классовые перегородки» [21, с. 92–96].

К 60-х гг. XX в. в Советском Забайкалье не было принято упоминать о казаках как о народе, сами они старались скрыть свою идентичность [13, с. 60]. Межпоколенная передача опыта практически прервалась, после чего для многих потомков забайкальских казаков источниками сведений о своих предках-казаках стали литературные и публицистические произведения. Выбирая скрываемую идентичность, в центр своего внимания казаки, а затем и их потомки переносили на нейтральные элементы исторических воспоминаний, в которых не было места элементам запрещённого прошлого [20, с. 583–592].

К началу 80-х гг. XX в. мало кто предполагал, что казачья идея имеет хоть какой-нибудь потенциал, а движение за возрождение казачества охватит всю страну, однако к концу этого десятилетия ситуация изменилась. В это время, как заметил М. Хрох, мифологическое сознание в среде потомков казаков после гибели советского строя выплеснулось из скрываемых ранее глубин и потребовало возвращения «золотого века казачества», а также проведения реабилитации казаков как народа [24, с. 416]. Появились инициативные группы, которые вступили в диалог с российским правительством и социальным окружением [3, с. 122–161], заявивших о себе как о казаках [4, с. 99–158]. Проявленная ими активность стала значимой для российских властей начала 90-х гг. XX в., вынужденных принимать решения о реабилитации казачества [10, с. 12].

Этот период возрождения Забайкальского казачества проходило в соответствии с алгоритмом, разработанным М. Вевьерком, указавшим, что поиск идентичности происходит из стремления обрести признаки какой-либо общности [7, с. 86–89]. Первоначально, в конце 80-х гг. XX в. идея возрождения забайкальского казачьего войска оформилась в среде офицеров советской армии, входивших в организацию «Отечество». По их инициативе в 1990 г. была создана общественная организация под названием «Забайкальское казачье войско», провозгласившее своей целью реабилитацию забайкаль-

ских казаков и возрождение казачества в качестве государственной организации.

В этом плане большой интерес представляет отношение и оценка идеи возрождения казачества представителями органов государственной власти в России. Их реакция на идею формирования правовой базы объединения казаков была неоднозначной. Многим в органах представительной власти и силовых структурах идея объединения казаков была неугодной в основном по двум соображениям: политическому и чисто ведомственному.

Сразу же после принятия закона о репрессированных народах в отношениях между властями и организациями казаков возник ряд проблем в отношении того, каким образом и по отношению к кому проводить реабилитацию [16, с. 12–14]. Практика применения закона оказалась существенно ограничена, в законе отсутствовало юридическое понятие того, кто такие казаки, из чего вытекало, что закон не может действовать до тех пор, пока не станет понятно, кто может попасть под его действие [11].

Проблемой стала и трактовка такого понятия, как реабилитация, которая должна была включить не только определение субъекта реабилитации, но и должна была означать необходимость точного определения ущерба и возвращение к некоему первоначальному состоянию. Ведущим вопросом реабилитации должно было стать право хозяйственного освоения войсковых земель, которые принадлежали казакам до 1917 г. на правах самоуправления. Все это привлекало в общественные организации казаков различных людей, в том числе и тех, чье происхождение не было связано с казаками [8, с. 377]. Реабилитация, по их мнению, заключалась не только в безвозмездной передаче им войсковых земель, но и в том, что одновременно государство должно было обеспечить казаков оплачиваемой службой. Однако выполнить эти требования оказалось невозможно.

Неразрешимой оказалась попытка возврата войсковых земель, у которых оказались свои собственники, а изъятие у них собственности в пользу вновь сформированных объединений оказалось бы юридическим нонсенсом [26, с. 14]. Осознавая это, казацкие общества пытались решать земельный вопрос через создание на выделяемых администрацией региона землях «казачьих поселений», в рамках действующего законодательства. При этом они не оставили претензий на «вой-

сковые земли», предлагая настоящим собственникам стать арендаторами у казаков [6, с. 233]. Ещё одной трудностью ведения диалога о возрождении казачества с государством стало то, что современному государству оказалась не нужна традиционная служба казаков, поскольку её сейчас выполняют несколько созданных для этого министерств и ведомств. Таким образом, на сегодняшний день отсутствует экономическая база казачества, которое не востребовано ни как хозяйственная, ни как войсковая единица [18].

Ведущим стратегическим решением, принятым в отношении казаков, стала замена названия «казачье войско» на «войсковое казачье общество», которое изменило отношение к казакам, переставшим в соответствии с этим названием считаться представителями военного сословия или народа. В реальных исторических условиях принципы жизнедеятельности и управления оказались совсем иными, т. к. успешно осуществлять руководство казаками смогли не выборные в соответствии с казачьими традициями атаманы, а люди, которые находятся на службе у администраций. Кроме того, перед казачеством были поставлены вопросы поиска ориентиров выживания в современном мире, который отличался от условий досоветской эпохи, миф о которой будоражил воображение казаков [10, с. 12].

В этих условиях многие казаки-энтузиасты стали пытаться воссоздать организационные основы, выработать правовые нормы своего развития, найти место казачества в социальной жизни [10, с. 12]. В результате этого казачество стали представлять различные юридические лица, т. к. в Забайкалье появилось несколько общественных организаций казаков. Образованные стихийно и выступающие конкурентами по отношению друг другу, они не поддавались управлению, поэтому государство пошло на создание реестра казачьих обществ, который был заявлен как документ, должный определить статус казачества и способствующий определению казаков как людей, находящихся на государственной службе. Поэтому законодательная активность государства, заключающаяся в принятии Государственного реестра в 1995 г. [9] и Федерального закона о государственной службе казачества в 2005 г. [23], оказалась направлена на ликвидацию последствий Закона о репрессированных народах и определила, что такого народа, как казаки, в Российской Федерации не существует.

Создание реестра, так же как и закона о репрессированных народах, отражало не реальную, а желаемую ситуацию среди казаков, которых положение о реестре отказалось считать народом и поэтому использовало понятие «служилое сословие», не существующее в бессословном российском государстве. Публикация Государственного реестра казачьих организаций внесла существенные изменения в деятельность забайкальских казаков, было отменено право выборности атаманов и отменён статус законодательного органа для казачьего круга, теперь его решения должны быть согласованы с административными органами и с РПЦ, что означает укрепление вертикали власти, ориентированной на российское правительство в рамках указанных сообществ. Предлагаемая реестром «служба» рассматривает казаков как добровольных и бесплатных помощников для государственных силовых структур, что стало означать экономическую несостоятельность казачьих организаций.

К концу 90-х гг. XX в. представители казачьих обществ Забайкалья ясно осознавали, что возрождение казачества как войска представляет собой миф, однако относились к этому по-разному. Руководство реестровых казачьих обществ объявило, что оно находится вне политики. Большое внимание они уделяли восстановлению родовых традиций, пропаганде казачьей культуры среди населения, организовывали образовательную и просветительскую работу с детьми и молодёжью за счёт организации работы охранного предприятия стремились создать экономическую базу для покрытия текущих расходов [18].

В настоящее время в составе ЗВКО насчитывается более 2800 казаков, взявших обязательство по несению государственной и иной службы. В приграничных районах Забайкальского края проживают люди, являющиеся казаками по рождению, хорошо и чётко представляющими, как они должны жить и как могут служить Отечеству [25]. Казаками считают себя сельские жители, унаследовавшие это имя как этническое от казаков, проживавших в Забайкалье до 1917 г. Они сохранили не только имя, но и традиционный хозяйственный уклад, являющийся основанием для возрождения идентичности забайкальского казака вне активности социальных организаций [12]. Аналогичным образом себя понимают и потомки казаков-бурят, для которых сохранение родовых корней является

самым важным атрибутом принадлежности к субъэтносу, понимаемому как казачий, происхождение которого связывается с представителями разных национальностей: русских, бурят и эвенков.

Это та часть казачества, на которую пока практически не направлены интегрирующие и конструирующие усилия со стороны правительства и городской интеллигенции. На наш взгляд, сохранение казачьего уклада этих групп имеет большую ценность в качестве «культурного капитала» [17], могущего сыграть решающую роль в дальнейшей судьбе этих групп в период становления нового мирового рынка. Однако он пока никак не используется ни самими казаками, ни властными структурами.

Идентичность станичных казаков характеризуется не только попытками обрести себя в качестве «служилых людей». Активно идёт и становление религиозного облика казачества, т. к. неотъемлемым элементом жизни современных казаков стала православная церковь. При этом православная религия рассматривается в качестве инструмента интеграции казачьего сообщества [7, с. 89].

Анализ движения за возрождение казачества, включая представителей общественных организаций вне реестра и реестровую организацию ЗВКО, показывает, что в условиях современного российского общества казаки осуществляют поиск своей идентичности, которая должна будет обеспечить достаточный для выживания уровень социального капитала, однако её становление сталкивается с проблемой несовпадения образов идентичности казаков между родовыми наследниками казаков, членами казачьих общественных организаций, окружающим социумом, правительством [16, с. 12–14]. С точки зрения административных и государственных органов, представителей общественности, неказачьих групп населения, законодательства, современные казаки являются членами общественных организаций, энтузиастами, чьи права не отличаются от прав других граждан несословного российского государства. В этих социальных условиях большинство членов общественных организаций казаков принимают идентичность энтузиаста как данность, что, на наш взгляд, имеет определённые перспективы, учитывая современную ориентацию глобализирующегося пространства культуры на поиск «национальных и этнических брендов» в условиях создания мирового глобального рынка [8, с. 377].

Источники и литература

1. **Апрелков В.** Забайкальское казачье войско. Историческая справка [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.казачествомосквы.рф/publ/istorija_kazachestva/zabajkalskoe_kazache_vojsko_istoricheskaja_spravka/1-1-0-59 (дата обращения: 10.05.2017).
2. **Бахтин М. М.** Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. 471 с.
3. **Бубер М.** Диалог // Два образа веры. М.: АСТ, 1995. С. 122–161.
4. **Бурдые П.** Социология политики: монография. М.: Socio-Logos, 1993. С. 99–158.
5. **Голик А. А.** Государственная политика Российского государства и экономическое положение дальневосточного казачества во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Вып. 3. Т. 4. С. 197–209.
6. **Де Вос Дж.** Этнический плюрализм: конфликт и адаптация // Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология. М.: Смысл, 2001. С. 233.
7. **Денисюк Н. П.** Формирование этнической идентичности в современных условиях // Вестник БДУ. 2013. Сер. 3. № 3. С. 86–89.
8. **Дробужева Л. М.** Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. С. 377.
9. **Зборовский А.** О практике реализации государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kazak-center.ru/news/obzor/2016-08-05-3163> (дата обращения: 10.05.2017).
10. **Киселев А. В.** Проблемы возвращения казачества России // Вечорка. 2013. № 14, 15. 2, 9 апр. С. 12.
11. **Крылов Д.** Забайкальское Казачье Войско. Краткий исторический очерк [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.proza.ru/2014/10/04/1651> (дата обращения: 10.05.2017).
12. **Миловидов К.** Казаки – «отступники»: забайкальские казаки почитают Будду [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nsad.ru/articles/kazaki-otstupniki-zabajkalskie-kazaki-rochitayut-buddu> (дата обращения: 10.05.2017).
13. **Морозова Е. В.** Сложносоставная идентичность как предмет политологического анализа // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 1. С. 60.
14. **Новиков П. А.** Восточно-сибирские стрелки в Первой мировой войне: 2-й, 3-й и 7-й Сибирские армейские корпуса в 1914–1918 гг. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. 275 с.
15. **Ныне Дмитрий Елисейев возведён в сан митрополита.** См. Дмитрий, митрополит Читинский и Петровск-Забайкальский [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3920773.html> (дата обращения: 10.05.2017).
16. **Поршнева Б. Ф.** Противопоставление как компонент этнического самосознания. М.: Наука, 1973. С. 12–14.
17. **Потомки казачьих сословий** [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.selorodnoe.ru/history/show/id3629979/> (дата обращения: 10.05.2017).
18. **Прокопчук Г. Н.** Из истории возрождения забайкальского казачества и становления казачьей организации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.manrb.ru/iz-istorii-vozhrozhdeniya-zabajkalskogo-kazachestva-i-stanovleniya-kazachej-organizatsii> (дата обращения: 10.05.2017).
19. **Русские в Бурятии: история и современность** / под ред. В. И. Затеева. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2002. 578 с.
20. **Русские из Трехречья: диаспора в тени советской легенды** // Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX и XX и XX–XXI вв. Иркутск: Оттиск, 2011. С. 583–592.
21. **Савченко С. Н.** О деятельности ликвидационной комиссии Забайкальского казачьего войска в 1920–1921 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 2. С. 92–96.
22. **Смирнов Н. Н.** Забайкальское казачество: монография. М.: Вече, 2008. 544 с.
23. **Федеральный закон от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества»** [Электронный ресурс] // Система ГАРАНТ. Режим доступа: <http://www.base.garant.ru/188922/#ixzz4RrzPQqIU> (дата обращения: 10.05.2017).
24. **Хрох М., Андерсон Б., Бауэр О.** От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе. Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. 416 с.
25. **Чупин Г. П.** Ежегодный Отчёт о деятельности Забайкальского казачьего войска, в том числе об исполнении казаками принятых на себя обязательств по несению государственной и иной службы за период с марта 2015 г. по ноябрь 2016 г.
26. **Яременко А.** Забайкальские казаки требуют реабилитации // Вечорка. 2016. № 17. 27 апр. С. 14.

УДК 622:378(571.55)

ББК 448:33(2Рос-4Чит)

Павел Борисович Авдеев,

Людмила Георгиевна Никитина,

Валерий Васильевич Медведев,

Забайкальский государственный университет,

г. Чита, Россия

Подготовка специалистов для урановой горнодобывающей промышленности в Забайкальском государственном университете

В исследовании рассмотрено становление урановой горнорудной промышленности в Забайкалье и деятельности горного факультета Забайкальского государственного университета по подготовке инженерных кадров для ПАО «ППГХО» и АО «Хиагда». Перечислены направления совместной научно-исследовательской работы.

Ключевые слова: урановая горнорудная промышленность, горная наука, геотехнология, инновационная разработка, инженер, специалист

Pavel B. Avdeyev,

Lyudmila G. Nikitina,

Valery V. Medvedev,

Transbaikal State University,

Chita, Russia

Training of Specialists for the Uranium Mining Industry in the Transbaikal State University

The study considered development of uranium mining in Transbaikalia and activities of mining faculty of Transbaikal state University for training engineering personnel for JSC PIMCU and JSC Khiagda. Lists areas of joint research work.

Keywords: uranium mining industry, mining science, Geotechnology, innovative design, engineer, specialist

Развитие урановой горнорудной промышленности в Забайкалье начинает свой отсчёт с февраля 1968 г., когда СМ СССР принял решение о строительстве Приаргунского горно-химического комбината. Постановление предусматривало ускоренное промышленное освоение урановорудного района с целью обеспечения развивающейся атомной энергетики страны природным ураном до 2000 г. и на более отдалённую перспективу. Сырьевой базой нового предприятия являлись урановые и молибден-урановые месторождения Стрельцовского рудного поля, открытые в 1963 г. и расположенные на юго-востоке Читинской области.

За первые десять лет мощными темпами были построены шахтные комплексы и начата добыча урановых руд подземным способом, на полную мощность вышла добыча молибден-урановых руд в карьере «Тулукуй», введены в эксплуатацию заводы – гидрометаллургический, по переработке ура-

новых руд и серноокислотный, выпускающий серную кислоту.

Сейчас добыча урана ведётся подземным горным способом на базе двух действующих подземных рудников: рудника № 1 и рудника № 8. Переработка руды осуществляется на гидрометаллургическом заводе и на площадке кучного выщелачивания. Готовой продукцией предприятия является закись-окись урана – U_3O_8 .

Если в первые годы формирование инженерно-технического персонала происходило, в основном, за счёт молодых специалистов – выпускников Томского, Уральского, Иркутского политехнических институтов, Московского геологоразведочного института, то уже с первого выпуска горных инженеров Читинского политехнического института в 1976 г. ППГХО начал пополняться местными молодыми кадрами. В настоящее время выпускники горного факультета ЗабГУ – самого крупного вуза Забайкалья – работают в

должностях от мастеров до высшего руководящего состава ПАО «ППГХО».

В 1999 г. в Бурятии началась добыча урана методом скважинного подземного выщелачивания на АО «Хиагда». АО «Хиагда» является наиболее перспективным российским урановым активом, что обусловлено тем, что минерально-сырьевой базой АО «Хиагда» являются месторождения Хиагдинского ураново-рудного поля: Хиагдинское, Источное, Вершинное, Дыбрынское, Намаруское, Тетрахское, Количиканское и Кореткондинское с общими запасами 46 260 т урана. При подземном выщелачивании исключаются такие дорогостоящие операции, как выемка руды, подъем её на поверхность, измельчение, хвосты остаются под землёй и не влияют на здоровье людей. Подземное выщелачивание, по существу, – безотходное производство, работающее в замкнутом цикле и осуществляемое на месте залегания урановых рудных тел без нарушения их естественного залегания.

В Забайкалье ключевая роль в обеспечении кадрами предприятий минерально-сырьевого комплекса отводится горному факультету ЗабГУ, который является одним из ведущих структурных подразделений университета, ориентированным на подготовку специалистов для горнодобывающих и перерабатывающих предприятий края.

Сегодня горный факультет осуществляет подготовку по следующим специальностям: прикладная геология, технология геологической разведки, «горное дело» по специализациям подземной разработки рудных месторождений, открытых горных работ, маркшейдерского дела, обогащения полезных ископаемых. Необходимо отметить, что по всем горным специальностям факультет готовит горных инженеров-специалистов.

Учебный процесс осуществляется с применением самых современных компьютерных программ и мультимедийных продуктов; созданы необходимые условия для повышения качества учебного процесса и активной внеучебной работы со студентами.

Как известно, горная академическая и вузовская наука развивается в тесном сотрудничестве с горнодобывающими предприятиями и путём сопутствующего создания на предприятиях научных подразделений для решения инженерных задач. Только при развивающейся взаимосвязи вузовской, прикладной науки и горного предприятия внедрение инновационных технологий будет успешным.

В течение 50 лет ППГХО является опорой российской атомной отрасли. На протяжении всего периода существования предприятие и ЗабГУ связывали тесные научные и производственные отношения. Благодаря комбинату университет обладает мощной материальной базой для подготовки горных инженеров: в 2013–2015 гг. закуплено современное оборудование для ведения научно-исследовательских работ в лаборатории научно-образовательного центра «Лабораторный технологический комплекс геомеханических, физико-технических измерений, геотехнологии и обогащения полезных ископаемых».

В настоящее время профессорско-преподавательский состав горного факультета насчитывает 66 сотрудников, 55 из которых имеют учёные степени и звания, многие преподаватели являются заслуженными работниками высшей школы, деятелями науки, изобретателями РФ. Специалисты ППГХО вносят весомый вклад в учебный процесс, участвуют в работе государственных аттестационных комиссий, научных советов, являются руководителями производственных практик студентов вуза. С 1989 г. в ЗабГУ действует аспирантура очной и заочной формы обучения, в которой, в том числе, обучаются сотрудники объединения.

Ежегодно ПАО «ППГХО» и АО «Хиагда» заключают договоры с ЗабГУ на целевое обучение студентов, проведение всех видов производственных практик. Всё это позволяет вести подготовку горных инженеров на высоком уровне. Студенты горного факультета принимают активное участие и в научной деятельности ППГХО, а все результаты представляют на специализированных семинарах и конференциях.

Совместно с ППГХО и горным факультетом ЗабГУ Министерство образования, науки и молодёжной политики края в процессе реализации долгосрочной программы «Модернизация профессионального образования Забайкальского края (2011–2015 гг.)» проводило обновление материально-технической базы и внедрение новых методов обучения по востребованным и вновь открываемым специализациям, по приобретению маркшейдерско-геодезического оборудования, созданию современных лабораторий.

В 2013 г. был подписан договор между ОАО «Приаргунское производственное горно-химическое объединение» и Министерством образования и науки Российской Фе-

дерации о предоставлении и использовании субсидии на реализацию комплексного проекта по созданию высокотехнологичного производства «Создание комплексной технологии отработки беднобалансовых урановых руд геотехнологическими методами», выполненного с участием ЗабГУ. Над проектом совместно работали сотрудники, студенты и аспиранты горного факультета ФГБОУ ВПО «ЗабГУ» и Центральной научно-исследовательской лаборатории (ЦНИЛ) Объединения. Целью проекта является совершенствование существующей технологии добычи и переработки беднобалансовых руд Стрельцовского рудного поля для снижения себестоимости извлечения урана на

ПАО «ППГХО», а также расширение минерально-сырьевой базы предприятия. По итогам работы по реализации комплексного проекта по созданию высокотехнологичного производства запущен в работу и успешно эксплуатируется мобильный рудосортировочный комплекс, начал работу опытный штабель кучного выщелачивания беднобалансовых руд.

Такая интеграция научного потенциала вуза и предприятия уже на ранней стадии обучения способствует формированию творческих личностей, способных в дальнейшем обоснованно и квалифицированно решать любые стоящие перед ними задачи как производственного, так и научного характера.

УДК 33(571.55)

ББК У31(2Рос-4Чит)

Александр Иванович Филонич,
Законодательное Собрание
Забайкальского края,
г. Чита, Россия

50 лет истории ведущей строительной компании Забайкалья АО «Региональное управление строительства»

Данная статья посвящена истории строительной организации, созданной 50 лет назад для строительства города Краснокаменска и всех объектов Приаргунского производственного горно-химического объединения, 20 лет назад перебазировавшейся в Читу, где за эти годы ей были построены более 100 различных объектов, включая микрорайоны «Октябрьский» и «Царский».

Ключевые слова: строительная отрасль, «ядерный щит» страны, промышленные и социальные объекты, комплексный подход, комфортная среда обитания

Alexander I. Filonich,
Legislative Assembly in Zabaykalsky Krai,
Chita, Russia

50 Years of History Leading Construction Company Zabaikalye JSC “Regional Construction Management”

This article is dedicated to the history of the construction organization created 50 years ago to build the city of Krasnokamensk and all objects Priargunsky industrial mining and chemical enterprises, 20 years ago perebiraya to Chita, where over the years it was built more than 100 different objects, including neighborhoods «Oktyabr'skij» and «Carskij».

Keywords: construction industry, “nuclear shield” of the country, industrial and social facilities, holistic approach, comfortable environment

Нынешняя конференция посвящена трём юбилейным датам. Но если первые две из них являются исключительно, можно сказать, историческими, т. к. практически не

осталось в живых свидетелей тех событий, то третья дата является совершенно иной. 50-летие атомной промышленности в Забайкалье имеет не только письменные источни-

ки своей истории, но и реальных живых свидетелей. Ещё два десятилетия назад об истории строительства объектов Приаргунского производственного горно-химического объединения и города шахтёров, которые стали на нём работать, – Краснокаменске, ничего не было известно даже в Забайкалье. Это была закрытая, секретная тема. И объединение, и город напрямую были связаны с историей создания «Ядерного щита» Советского Союза в период «Холодной войны» с США. Лично для меня 40 из 50 лет этой истории – это моё участие в работе того самого строительного предприятия, которое возводило и тот город, и все объекты ППГХО.

Постепенно завеса секретности ушла. Всё больше материалов об истории ПУС-РУС стало выходить в свет. В 2003 г. при финансовой поддержке ОАО «РУС» был издан двухтомник воспоминаний бывшего руководителя Приаргунского строительного управления (ПУС) Юрия Яковлевича Васина под названием «Дорогами создания» [3; 4]. В 2014–2015 гг. на страницах краевой газеты «Забайкальский рабочий» были отмечены 80-летний юбилей первого руководителя ПУСа Юрия Алексеевича Уса [1] и 85-летний юбилей его приемника Юрия Яковлевича Васина [2]. Большое количество статей, посвящённых ПУСу и РУСу, а также его заслуженным работникам, вошли в изданный в 2016 г. том «Малой энциклопедии Забайкалья» «Архитектура и строительство» [5].

И всё же эта тема – история ведущей строительной организации края ПУС-РУС – всё ещё ждёт своих исследователей. Тем более, что ещё живы многие активные работники, те, кто возводил жилые комплексы Краснокаменска, шахты и заводы ППГХО, различные объекты в Агинском Бурятском округе, Забайкальске, Ясногорске, менял облик столицы края – города Читы.

В этой статье предпринята первая попытка периодизации 50-летней истории нашей строительной организации.

Первый этап напрямую связан с историей укрепления «Ядерного щита» СССР. Летом 1967 г. первые строители высадились в забайкальской степи и начали строительство и будущего города, и объектов комбината. До 1971 г. была создана мощная строительная организация, были начаты работы по всем направлениям. В 1971 г. Ю. А. Уса на посту руководителя сменил Ю. Я. Васин. Под его руководством работы были продолжены. По сути дела, продолжался тот же

этап, в котором цели, задачи, механизмы решения оставались прежними.

За первые 25 лет истории ПУСа было возведено подавляющее большинство объектов ППГХО, а также в г. Краснокаменск построены 243 жилых дома, в которых было 20 137 квартир общей площадью 1 114 540 м². [3, с. 172]. Интересно, что в 1985 г. в г. Краснокаменск был построен самый длинный пятиэтажный дом не только в этом городе, но во всей Читинской области – дом № 808. В нём было 33 подъезда и 640 квартир.

Кроме того, в эти же годы были построены 12 школ и ПТУ, 20 детских садов, 19 столовых, 29 магазинов и один универмаг, три клуба и дом культуры «Даурия», больница, поликлиники, аптеки и масса других объектов [3, с. 172]. Именно тогда было определено кредо нашей организации, которому следуем и по сей день, – «Мы не просто строим, мы создаём комфортную среду обитания».

В эти же годы ПУС вело строительство в Золотореченске и Усть-Борзе, а также в таких районных центрах, как Александровский Завод, Балей, Борзя, Газимуровский Завод, Приаргунск, Забайкальск и др. Кроме того, мы строили город Эрдэс в Монгольской народной республике [3, с. 173].

В 1992 г. было торжественно отмечено 25-летие истории ПУСа. Был подведён итог самого позитивного и длительного этапа нашей истории. По сути дела, стратегическая задача, поставленная перед строителями государством, была решена.

В то же самое время начался первый самый тяжёлый пятилетний период нашей истории. Это был второй, принципиально отличавшийся этап. Он оказался напрямую связан с теми процессами, что начали происходить в Российской Федерации. С одной стороны, в тот период наша организация оказалась без чётко поставленных планов строительства. Нас отправили в самостоятельное плавание. С другой стороны, одновременно начались непростые приватизационные процессы. ПУС оказался на грани полного уничтожения. Организацию можно было буквально растащить на отдельные подразделения и уничтожить. Такое в тот период происходило со многими, в том числе и очень известными организациями. Нам удалось этого избежать.

Было проведено акционирование ПУС, а в марте 1994 г. на отчётно-выборном собрании акционеров был принят новый устав и генеральным директором было доверено

быть мне. ППГХО в тот момент по сути дела отказалось от услуг строителей. Начался непростой поиск объектов строительства по всему Забайкалью и даже за его пределами. В те годы мы построили даже несколько жилых домов в Маньчжурии. Не все понимали сложность происходивших процессов, порой даже мешая работе. Потому в тот период в ПУСе была ликвидирована профсоюзная организация. Благодаря слаженным действиям, мы смогли сохраниться, а через некоторое время и стать лидерами строительной отрасли Забайкалья.

Переломным стал 1997 г., когда ПУС был преобразован в ОАО «Региональное управление строительства» (РУС) и было принято решение перебазироваться из г. Краснокаменск, где было оставлена дочерняя организация и завод железобетонных изделий, в столицу региона – город Читу. В 2017 г. исполнилось 20 лет с тех пор, как мы стали работать в г. Чита.

В 1997–2015 гг. продолжался третий, достаточно длительный этап истории нашей организации. В это время ОАО «РУС» превратилось в мощный холдинг, в который входило до девяти дочерних предприятий. Компания участвовала в строительстве различных объектов в Агинском Бурятском автономном округе, строила третью очередь Харанорской ГРЭС, ряд объектов в Забайкальске. Но главной площадкой стал город Чита. Здесь были построены более 100 различных объектов. Своего рода «визитными карточками» Читы XXI в. стали микрорайоны «Октябрьский» и «Царский». Наше кредо, сформированное в г. Краснокаменск, мы успешно применили в Чите, а жители краевого центра по достоинству оценили такой подход.

Например, в «Октябрьском» нами были не только построены 12 многоэтажных домов, в том числе и первые в г. Чита 16-этажные, но и детский сад, создан бульвар с детским городком и фонтаном, хоккейная коробка и другие спортивные сооружения, Александровская площадь с памятным знаком первому лётчику Забайкалья Ивану Виноградову. Тут были открыты не только различные магазины, но и детская художественная школа. Микрорайон был создан за пять лет – 2005–2010 гг. Затем также за пять лет был построен микрорайон «Царский», где также были построены 12 многоэтажных жилых домов, включая первый в Байкальском регионе 24-этажный жилой дом. Традиционно здесь были созданы детские городки во дворах,

хоккейная коробка, построен детский сад, возведён новый учебно-административный корпус краевой станции юных натуралистов, создана Казачья площадь, на которой открыт памятник цесаревичу Николаю Александровичу Романову, который первым из руководителей России посетил наш город и край в 1891 г.

Кроме того, нами построены жилые дома на улицах Белика и Крымской, Матвеева и Шилова, на Ингодинской и Ангарской, в микрорайоне «Северный» и в других местах города. Возведено четыре детских сада, причём все по исключительным проектам. В эти же годы после пожара отреставрировано историческое здание мэрии г. Чита, построены многие торговые комплексы и офисные здания.

В 2014 г. мы вновь столкнулись с крупномасштабным кризисом. Сошлись кризисы федеральный, связанный с политикой санкций и антисанкций, региональный, порождённый ошибками команды губернатора края К. К. Ильковского, отраслевой, спровоцированный двумя кризисами. По сути дела, в тот год начался новый, крайне непростой этап истории ОАО «РУС». В 2014 г. генеральным директором ОАО «РУС» стал мой сын – Сергей Александрович Филонич, прошедший серьёзную школу работы в компании, где он прошёл все ступени – от мастера до заместителя генерального директора. По его инициативе в 2015 г. были проведены первые преобразования – «РУС» стал просто акционерным обществом (АО). Был сокращён ряд дочерних предприятий, проведены другие меры внутренней экономии. Главное состоит в том, что компания, несмотря на трудности, уверенно чувствует себя и оптимистично смотрит в будущее. В настоящее время ведётся строительство трёх 16-этажных зданий в Чите, ведётся поиск строительства новых объектов в крае. Потенциал АО «РУС» позволяет этой строительной компании браться за строительство объектов любой сложности, как как жилья, так и иных социальных объектов (школ, детских садов, учреждений культуры и здравоохранения), а также промышленных объектов. По мнению специалистов АО «РУС», кризисный этап ориентировочно завершится в 2019–2020 гг., и к этому времени компания будет готова реализовывать новые проекты.

В заключение ещё раз подчеркну, что предложенная периодизация истории АО «РУС» является достаточно условной и не-

бесспорной, подчёркивающей, что история этой уникальной строительной организации, внёсшей серьёзный вклад как в создание «Ядерного Щита» страны, так и в изменения

в лучшую сторону облика многих населённых пунктов Забайкалья и, прежде всего, города Читы, требует серьёзного исследования.

Источники и литература

1. **Баринов А.** Заложивший фундамент // Забайкальский рабочий. 2015. 6 фев.
2. **Баринов А.** Человек, построивший город // Забайкальский рабочий. 2014. 24 фев.
3. **Васин Ю. Я.** Дорогами созидания: в 2 кн. М.; Обнинск: Технограф, 2003. Кн. 1. 496 с.
4. **Васин Ю. Я.** Дорогами созидания: в 2 кн. М.; Обнинск: Технограф, 2003. Кн. 2. 484 с.
5. **Малая энциклопедия Забайкалья: Архитектура и строительство /** Забайкал. гос. ун-т; гл. ред. Н. Н. Жданова. Новосибирск: Наука, 2016. 540 с.

РАЗДЕЛ 2. Филологические проблемы трансграничья: литературоведческий, лингвистический и методический аспекты (филологическое и лингвистическое направления)

SECTION 2. Philological Issues of the Border Region: Literary, Linguistic, Methodological Aspects (Philological and Linguistic Areas)

УДК 82
ББК ШЗ

Вячеслав Иванович Шульженко,

*Пятигорский государственный лингвистический университет,
г. Пятигорск, Россия*

Литература как феномен культуры пограничья

В статье рассматривается литература как феномен культуры пограничья. Анализируются доказательства уникального места русскоязычной литературы, что даёт все основания считать её не только мощным признаком культуры пограничья, но и важнейшим фактором прочного межэтнического взаимодействия.

Ключевые слова: феномен, культура пограничья, русскоязычная литература

Vyacheslav I. Shulzhenko,

*Pyatigorsk State linguistic University,
Pyatigorsk, Russia*

Literature as a Cultural Phenomenon of the Borderland

The article discusses literature as a cultural phenomenon of the borderland. Analysed evidence of the unique place the Russian-language literature, which gives every reason to consider it not only a powerful sign of culture of the borderland, but also a crucial factor for lasting inter-ethnic interaction.

Keywords: phenomenon of the culture of the borderland, a Russian-language literature

Начать следует с нескольких важных тезисов, относящихся к самому понятию «культура пограничья». Во-первых, было бы большим заблуждением относить её к некоей разновидности локального знания, хотя на семантическом уровне возникает ощущение когерентности именно с региональными и национальными контекстами. Более того, на

первый взгляд кажущаяся замкнутой на региональной проблематике культура пограничья как исследовательский объект будет явно не по силам типичному «специалисту по локальным пространствам», не обременённому знаниями об универсальных моделях. Культура пограничья полностью располагается в русле транснациональных иссле-

дований, не уступая по значимости таким явлениям, как постколониальный дискурс, мобильность населения, культурный диалог и т. д. Отсюда важность изучения культуры пограничья в парадигматике теории литературного поля П. Бурдьё, с апелляцией к габитусам, с присущим им геокультурной обусловленностью, экзистенциальным самосознанием и современной экономизацией знания.

Во-вторых, только вскользь отметим здесь, что незадолго до своей ранней смерти так и поныне не оценённый по достоинству русский философ, филолог и политолог В. Л. Цымбурский утверждал, что в истории русской геополитики геокультурные механизмы и критерии играли ключевую роль. При этом он ссылаясь на определение геокультуры горячо и одновременно полемически им воспринимаемого И. Валлерстайна, под которой тот понимал некоторый культурный способ организации мирового пространства с выделением обществ, разделяемых на «своих» и «чужих». Не политических «друзей» и «врагов», как это делал К. Шмитт, а именно культурно своих и культурно чужих, усваивающих определённые ценности и не усваивающих их. В пространстве российского пограничья явно ощущается начало этого «прозрения» (другого слова не подберёшь) способности русской культуры, не входящей в ядро собственно западной цивилизации, предложить ей свой геополитический проект, отстаивающий идею разделения мира на «своих» и «чужих».

В-третьих, мы здесь вынуждено не затрагиваем крайне важную для вынесенной темы геокультурную антиномию «Центр – Периферия» как категорию в дихотомии единого пространства, много определяющую в сфере формирования этнокультурной идентичности современных россиян. При отсутствии чётко выверенной национальной идеи сближение центра и периферии обязано русскоязычию, которое на уровне прагматики выполняет миссию так и не сформированной до сих пор идеологии. Таким образом, пограничье понимается в качестве маргинального пространства, в которой господствующие в «Центре» структуры характеризуются свойствами текучести и неустойчивости, но зато высокую релевантность получают внутрикультурные значимости.

В-четвёртых, стремительное расширение формирующегося на глазах одного поколения пограничья надо рассматривать в ка-

честве модели нашего будущего совместного существования, т. к. нас спасёт только одна общая российская идентичность. В эпоху глобализации, открытого рынка и ссудного капитала невозможно сохранить такие понятия, как «суверенная нация», «национальное развитие», поскольку глобализация порождает элементы наднациональной власти неизбежно, последовательно и неуклонно. Кроме того, вряд ли кому удастся избежать участия в глобальной экономической игре и тех соблазнов эффективности, которые она предлагает. Поэтому, без всякого сомнения, глобализация просто покончит с малыми народами и их культурами. Не надо думать, что кому-то в мире действительно интересны черкесы или осетины с их уникальными культурами. Как, естественно, и русские, хотя перспективы культуры последних выглядят куда более обнадеживающими благодаря всемирному русскому рассеянию. Эта аксиома была особенно чётко осознана после окончания современных кавказских войн в нулевые годы.

Воистину культура приграничья жаждет собственного семиозиса, и первым камнем в этой моделирующей системе должно стать русскоязычие, знак, сигнификатом которого в нашем случае является русскоязычная литература. Естественно, мы только находимся на пути построения её модели – главной в лотмановской идеи семиозиса. И это при том, что многие наши коллеги воспринимают культуру пограничья как угрозу русскому ядру, как реальную угрозу растворить тонкий слой европейской оболочки в безличном дыхании необъятной Азии.

Всеми признаками пограничья обладает и Южная православная дуга, берущая своё начало на балканских берегах Адриатики и завершающая свой чёткий геометрический абрис в устье Волги и Урала. По этой дуге проходит граница мировых цивилизаций, здесь сухопутный фронт, разделяющий Восток и Запад, где веками копилась энергия ненависти между народами, здесь кончается и/или начинается Европейский мир. Есть достаточно существенная специфика в каждом из сегментов этой дуги (русскоязычная литература Украины или той же Молдавии совсем не то, что Кавказа или Казахстана), но всё равно это – единый «блок культурного наследия», очень похожий на ризому. Здесь бок о бок с русскими уже не одно столетие проживают представители десятков народов, которых Ю. Кристева как-то назвала

«наследниками торжествующего нигилизма», часто делающим нас безоружными перед лицом современной истории, а порою и превращающим в «нарушителей общественного порядка».

На наших глазах в пространстве российской культуры пограничья создаётся литература, имеющая достаточно существенную художественную специфику, что позволяет её рассматривать как единый «метатекст» с общими признаками и свойствами, такими, например, как единый язык творческого самовыражения – русский.

Четверть века назад при каталогизации произведений кавказской темы пришлось столкнуться с проблемой идентификации тех из них, которые принадлежали авторам, не являющимися русскими по происхождению, но, тем не менее, писавшими на отменном в художественном отношении русском языке. Тогда же пришло осознание того, что в современном понимании и значении занимавший нас как явление межкультурного (пограничного) взаимодействия «кавказский текст» русской литературы XX в., как, собственно говоря, и вся она в целом, с её опытом авангардизма, модернизма, концептуализма, постмодернизма, не есть непосредственно национальный продукт, дифференцируемый в ряду других по национально-эталонному критерию. Отныне она представлялась результатом многих взаимовлияний, взаимодействий и, что наиболее специфично для второй половины прошлого века, активного её сотворения пишущими на русском абхазами, грузинами, армянами, азербайджанцами, корейцами, осетинами, аварцами, лакцами. Любой из них, очевидно, принадлежит как минимум к двум национальным культурам, тогда как их произведения, связанные с кавказской тематикой и материалом, являются русскими по мощному воздействию литературной традиции. Пусть это «далеко не всегда совпадает с представлениями... нации о себе самой и о своей литературе» [1, с. 15], но как невозможно из контекста английской и американской литератур изъять творчество В. Набокова, Д. Конрада и С. Рушди, а из французской – писателей «негретюда», так и из русской – произведения Ф. Искандера и Ч. Гусейнова, М. Гиголошвили и Ю. Ретхэу, Г. Яхиной и И. Одегова, Р. и М. Ибрагимбековых, М. Петросян и Г. Маркосян-Каспер. Сколь ни очевидны в них признаки кавказской ментальности, сколь ни существенна её эстетическая ре-

лизация, это, повторим, – язык русский, хотя нередко и своеобразный, в немалой степени способствовавший формированию общепринятого представления о русской литературе уже и в наше время. Весьма существенным оказался и фактор читательской аудитории, которой эти произведения адресованы, и того обстоятельства, что они целиком вписываются в существующий историко-литературный контекст и сложившуюся на протяжении длительного времени рецепцию.

В круг насущных научных задач современного российского литературоведения в последние годы входит проблема, связанная с описанием того яркого художественного феномена, который возник благодаря внушительному пласту произведений, написанных на русском языке авторами, являющимися представителями различных кавказских народов (М. Ахмедова, Н. Куёк, Д. Зантария, А. Мамедов, А. Черчесов, Р. Гаджиев, А. Эбаноидзе, К. Ибрагимов, Б. Чипчиков, Г. Садулаев, И. Оганов, Д. Маркиш, Е. Бочоришвили, Т. Тадтаев, Э. Агаев, А. Ганиева, Э. Гасанов, И. Хугаев, В. Айрапетян). Говоря об этом уникальном структурно-тематическом образовании, мы подразумеваем неизученную, во многом ещё неоткрытую культуру, без осознания и анализа которой невозможно представить сегодня формирующиеся в России анклавные приграничные культуры, чаще всего получающие репрезентацию в художественном дискурсе. Созданная на русском языке «нерусскими» авторами, весьма неоднозначная по форме и содержанию, не всегда легко обнаруживающая собственный этнический субстрат, литература эта имеет двойственную природу, т. к. любой из её авторов принадлежит как минимум к двум национальным культурам, тогда как их произведения являются русскими по языковым особенностям и укоренены в русской литературно-художественной традиции. Нередки случаи, когда они не владеют в должной мере родным языком, и для них родным, по сути, является русский язык и взрастившая их русская культура, точнее, русская литература, вне которой они себя не мыслят. Благодаря этому, считает З. Бауман, «Россия исторически решила проблему, которую основной частью Европы ещё только предстоит решить: наладить мирное сосуществование разных народов, религий, культур, традиций и языков». Хотя, будем откровенны, писатели Кавказа довольно противоречивы в оценке собственного русскоязычия. Один из них,

абхазец Д. Зантария, считает, что мышление его двуязычно, но русский язык намного «инструментированнее», а родной язык пребывает на такой стадии развития, что «звуки слишком утончившейся лиры он не передаёт».

Феномен русскоязычной литературы расширяет и углубляет наше представление о пограничье, неожиданно включая в его пространство не только собственно российские территории, примыкающие к пограничной черте, не только национально-административные образования в разных частях страны, но и другие государства, образованные на месте бывших республик СССР. Русскоязычная литература – неременный атрибут культурного поля любого из субъектов Северо-Кавказского федерального округа, равно как Калмыкии и Адыгеи в Южном.

Вместе с тем она сохраняет статус-кво в Азербайджане, оставаясь важным признаком такого образца пограничной культуры, каким являлось когда-то знаменитое «бакинство» – поистине бесценный социокультурный шедевр многоканальной межкультурной интеграции, известный далеко за пределами страны», выстроенный в прежние времена на искреннем чувстве интернационализма, когда совершенно не бралось в расчёт, кто ты по происхождению и какую веру исповедуешь. Азербайджан – блестящий пример такого пограничья, в котором творили великие люди прошлых эпох. Взять того же Фатали Ахундова – одну из самых противоречивых личностей в истории Азербайджана, когда-то бывшего едва ли не Ломоносовым для советских азербайджанцев, а в нынешние времена ставшего едва ли не персоной нон-грата у себя на родине. В своё время он оказался автором философского романа (кое-кто сегодня называет его даже «кошунственным»), в котором единственной тогда на территории российской империи зрелой мусульманской цивилизации была отпущена звонкая пощёчина.

Немало азербайджанских писателей продолжают и сегодня писать на русском языке, тем самым подтверждая его роль и статус в ситуации межкультурного пограничья. Это и Р. Ибрагимбеков, рассказ которого «Храм воздуха» многими жителями Кавказских Минеральных Вод воспринимается как великая песня человеческой любви. Это и М. Ибрагимбеков с повестью «Обжалованию не подлежит. Хроники переходного периода», в которой создан абсолютно достовер-

ный образ азербайджанского Дон-Кихота – Сеймура Рафибейли, по первому зову страны и сердца отправившегося в 1941 г. на войну, попавшего в плен, воевавшего в отряде французских партизан, а по возвращении как и сотни тысяч его соотечественников попавшего в списки неблагонадёжных. Это и крупнейший учёный-филолог, писатель, переводчик, публицист Чингиз Гусейнов, своим многогранным творчеством открывший миллионам читателей азербайджанский мир. Всегда с нетерпением ждут читатели новых очерков и эссе знаменитого бакинского публициста Э. Агаева. Настоящим открытием образа современной азербайджанки стал рассказ Г. Агамамедовой «Эмигранты».

В этом смысле кавказское пограничье отличается от других его участков в южных степях, Крыму, Урале, Сибири, Центральной Азии, где расширение империи происходило без столь острого психологического напряжения, без ломки миропредставлений, без воздействия на духовный мир, на общественное сознание, без формирования нового человеческого типа.

В этом пространстве всё больше доминирует тип личности, утверждающей свою равнопринадлежность Европе и Азии (Востоку и Западу) и заставляющий обратить наше внимание на очень важную для многих персонажей русскоязычной прозы проблему взаимоотношения культур, имеющую особую значимость как в бывших имперских государственных образованиях, так и в современных федеративных. Такой личности присуще ощущение своей «срединности» между двумя мирами, она как бы находится в двух сферах: и на Востоке, и на Западе, а главным идентифицирующим её признаком становится погружение в русский языковой космос.

Феномен русскоязычной литературы по-особенному начинает звучать, когда думаешь о таких писателях, как Гоар Маркосян-Каспер. «Я всегда считала, что такой большой язык, как русский, – это же окно в мир! – говорила она в одном из интервью. – Я за свою жизнь прочла огромное количество книг – вся мировая литература переведена на русский. Лично я просто рада, что знаю русский язык». Примета нашего времени: по рождению и происхождению является армянкой, живёт в Эстонии, а язык творчества – русский. Если Мириам Петросян – душа современной женской русскоязычной прозы, то Маркосян-Каспер, безусловно, является её эмоциональным умом. Благодаря

чему она и сделала крупнейшие художественные открытия в евразийской идентификации женщины, живущей как бы в двух мирах, где первый замешан на крутом традиционно-патриархальном, или, если следовать французским феминисткам и Жаку Деррида, «фаллологоцентризме» с демонстративным доминированием мужчины (на самом деле, признаемся, достаточно наигранным, где чувства ритуально прячутся под этикетом, а долг внешне подавляет желание), и второй, отданному под власть постмодернистской чувствительности. О русском языке она судит абсолютно искренне и здраво: да, он не является для неё родным, но без него невозможна жизнь интеллектуально-творческой личности в современном цивилизованном обществе, без которого многие себя уже просто не мыслят. Среди её героинь мы выделили бы преподавательницу консерватории Пенелопу и Елену из одноимённых романов, получивших отличные отзывы среди европейских критиков. А вот двух подруг из повести другого русскоязычного писателя – А. Мамедова «На круги Хазра» – армянку Майю и азербайджанку Зулю с ними никак сравнить нельзя. Обе – эстетки не по своей духовной сути, а, скорее, по образу жизни – раскрепощённые, бросающие всем своим поведением, вкусами, нарядами вызов традиционным кавказским представ-

лениям о женских добродетелях. Описание жилища Зули – отлученной дочери местного партийного босса – не случайно начинается с висящего на стене портрета Зинаиды Гиппиус в костюме пажа, воздух комнаты наполнен сладковатым запахом ананаса и звуками изысканной западноевропейской музыки – антуражем едва скрывающейся лесбийской любви.

Однако если вновь вернуться к творчеству Маркосян-Каспер, мы должны констатировать во всех трех её романах становящееся характерным для всей русскоязычной прозы отношение к любви, к сексу, отрицающему натурализм и растиражированное отечественными сериалами сюсюканье, но и без нередко их сопровождаемого цинизма, с деликатным раскрытием «этнической» специфики и гендерных тайн, всегда занимавших «других». Дав высокую оценку этнографическому содержанию, критика отметила и превосходный русский язык, виртуозность фразы, тонкий психологизм и неуловимое лукавство маленькой девочки, проглядывающей из познавшей жизнь женщины [Артемьев...].

Таким образом, приведённые доказательства уникального места русскоязычной литературы дают все основания считать её не только мощным признаком культуры пограничья, но и важнейшим фактором прочного межэтнического взаимодействия.

Источники и литература

Артемьев М. По-русски о не русском // Литературная Россия. 2004. № 17–18. 30 апр.

УДК 81–2
ББК Ш12

Степан Сергеевич Калинин,

*Кемеровский государственный университет,
г. Кемерово, Россия*

Понятие границы в языковом сознании древних индоевропейцев: лингвосемиотический анализ (на материале древнегерманской и древнеирландской мифологии)

В работе представлен анализ понятия границы в мифологии и культуре древних индоевропейцев на примере древнегерманской и кельтской (древнеирландской) мифологии. На основе понятия лиминальной фигуры анализируются те мифологические персонажи, которые способны преодолевать и нарушать границы, способны переходить границу между миром людей и враждебным им миром. Представлен ряд персонажей, способных переходить границу между мирами. Представлены дальнейшие перспективы развития данного исследования.

Ключевые слова: граница, лиминальный персонаж, индоевропейская мифология, древнегерманская мифология, древнеирландская мифология, мифопоэтическая Вселенная индоевропейцев

Stepan S. Kalinin,
Kemerovo State University,
Kemerovo, Russia

The Border Concept in the Linguistic Consciousness of the Ancient Indo-Europeans: the Linguistic and Semiotic Analysis (on the Bases of the Old Germanic and Old Ireland Mythologies)

I analyze the border concept in the Indo-European mythology and culture in this article on the bases of Old Germanic and Old Ireland mythologies. I analyze those mythological persons who can overpass and violate the borders between the worlds of the Indo-European mythopoetic Universe (the human world and the world of «human enemies»). The foundation of this research is the concept of liminal person is loaned from the Tatyana Mikhailova's works. The examples of the persons who can overpass the border are shown. The challenges of this research are demonstrated.

Keywords: border, liminal person, Indo-European mythology, Old Germanic mythology, Old Ireland mythology, mythopoetic Universe of Indo-Europeans

В древнегерманском языковом сознании понятие границы было достаточно чётко обозначено. Так же чётко в нём была обозначена и оппозиция «свой – чужой». Это нашло яркое отражение в древнегерманской мифологии. В ней имелось два мира в горизонтальной проекции: Мидгард (дисл. *Miðgarðr*, да. *Middangeard*, двн. *Mittilagart*) – мир людей, «свой», «освоенный» мир, и Утгард (дисл. *Utgardr*) – мир «чужой», мир враждебных человеку сил и существ. Утгард – мир, в котором, по представлениям древних скандинавов, обитали великаны, турсы, тесно связанные с хтоническими силами, силами земли. Турсы часто выступают в мифах древних скандинавов как противники людей и богов. Они, например, похищают молот бога Тора, пытаются похитить богиню Фрейю и насильно взять её в жёны. Борьбе с турсами и их враждебными действиями по отношению к богам и людям посвящено значительное количество песен «Старшей Эдды», например, с великанами часто сражается уже упоминавшийся ранее бог Тор.

Рассмотрим несколько более подробно семантику лексемы *gardr* древнегерманских языках. Она обладает широким смысловым спектром: среди её значений – «ограда», «стена», «замкнутое пространство», «двор», «двор при доме», «дом», «дом и помещения при доме», «жилище», «постройка», «обитающее», «крепость», «замок» [2; 4]. Ядром значений данной лексемы является первоначально «огороженное, освоенное пространство», которое впоследствии развилось в значение «дом, обитаемое пространство». Сама эта лексема восходит к праиндоевропейскому корню **gherdh* со значением «окру-

жать», «закрывать» [3]. Таким образом, внутренняя форма лексемы *gardr* – «закрытое, окружённое (чем-либо) пространство». Представляется очевидным, что между закрытым, обжитым пространством и неизвестным, враждебным человеку пространством должна быть граница. Для обычных людей, не владеющих волшебством и магией, эта граница является обычно непроницаемой, однако в древнегерманской мифологии есть ряд персонажей, которые способны переходить из одного пространства в другое. Для дальнейшего удобства изложения будем называть обжитое и необжитое пространство семиосферами, а персонажей, переходящих из одной семиосферы в другую, – лиминальными фигурами. Последний термин, который, на наш взгляд, является очень удачным, мы заимствовали у Т. А. Михайловой [1, с. 10].

Ярким примером лиминальной фигуры в древнегерманской мифологии является верховный бог Один. Как говорится в песнях «Старшей Эдды», Один много путешествовал по всем мирам древнегерманского Космоса. Часто ходил он и к великанам, о которых уже говорилось ранее, для того чтобы поучиться у них мудрости: поскольку великаны по своему происхождению древнее богов, то считалось, что они обладают различными сакральными знаниями. Вот как об этом говорится в эддической песне «Речи Вафтруднира» (дисл. *Vafþrúðnismál*):

Дай, Фригг, мне совет,
в путь я собрался
к Вафтрудниру в гости!
В древних познаниях
помериться силой
хочу я с мудрейшим.

Один вообще много странствовал по всем мирам, в том числе и по миру людей. В эддической песне «Речи Гримнира» (дисл. *Grímnismál*) описывается, как Один приходит к конунгу Гейррёду: «...Но человека, на которого собаки не стали лаять, он всё же велел схватить. Пришелец был в синем плаще и назвался Гримнир. Больше он о себе ничего не сказал, как его ни спрашивали». Под именем колдуна Гримнира скрывался ни кто иной, как Один.

Вообще, фигура Одина во многом стоит на границе между мирами. Это можно узнать даже из начальных песен «Старшей Эдды». Так, в песни «Речи Высокого» (дисл. *Hávamál*) сообщается о том, что Один, пригвоздив сам себя копьём к Мировому Древу, провисел девять дней и девять ночей, чтобы обрести знание священной письменности – рун:

Знаю, висел я
в ветвях на ветру
девять долгих ночей,
пронзённый копьём,
посвящённый Одину,
в жертву себе же,
на дереве том,
чьи корни сокрыты
в недрах неведомых.

Лиминальность фигуры Одина подчёркивается тем, что он находится именно на Мировом Древе. Согласно мифопоэтическим представлениям древних германцев, Мировое Древо служило связью между мирами, своеобразной границей между ними: в его корнях находился мир мёртвых – Хелхейм (дисл. *Helheimr*), а у его верхних ветвей находился мир богов и их жилища. По представлениям древних германцев, по Мировому Древу можно было переместиться в любой из девяти миров древнегерманской мифологической Вселенной.

Именно этим (перемещением между мирами) владеет одна из известнейших фигур древнегерманской мифологии – пророчица-вельва. Находясь физически в мире мёртвых, как об этом говорится в песне «Прорицание вельвы» (дисл. *Völuspá*), она способна перемещаться ментально (духовно) во все остальные миры древнегерманской Вселенной. В тексте песни об этом говорится, что «сквозь все миры взор её (пророчицы) проникал».

Ещё одна лиминальная женская фигура древнегерманской мифологии – это Сигдрива (дисл. *Sigrdrifa*). Сигдрива является валькирией, т. е. полубожеством, фигурой,

наделенной частично божественными функциями и способностями. Сигдрива, до того как её пробудил Сигурд, пребывала во сне, в который её погрузил Один. Сигдрива рассказывает Сигурду о том, что она видела и какой мудрости научилась во время своих странствий по всем девяти мирам древнегерманского Космоса: «Тогда он просит поучить его мудрости, раз она знает, что нового во всех мирах. Она сказала:

Клену тинга кольчуг
даю я напиток,
исполненный силы
и славы великой;
в нем песни волшбы
и руны целящие,
заклятья благие
и радости руны».

В древнеирландской мифологии имеется большое количество лиминальных персонажей. В ирландских сагах есть значительное количество персонажей, называемых *banscál*, что в буквальном переводе значит «женский призрак» [1, с. 11]. Это существо, лишь внешне напоминающее женщину, но по сути не являющееся обычной, земной женщиной. Таковой, например, является Этайн, которая является, как упоминает Т. А. Михайлова, фактически inferнальным образом, поскольку в саге «Разрушение дома Да Дерга» она появляется одна, стоящая у колодца с распущенными волосами [1, с. 21]. С распущенными волосами появляется ещё один известный лиминальный персонаж древнеирландской мифологии – банши, вестница смерти. Банши также переходит границу между миром мёртвым, миром сверхъестественного и миром живых. Ещё одним персонажем-трикстером, тесно связанным со смертью, является Леборхам – «великая заклинательница», как её называет Т. А. Михайлова [1, с. 100]. Леборхам, в конечном итоге, являет собой персонификацию смерти, её воплощение, которая проникает везде, преодолевает всякие границы и которой «действительно ничего нельзя запретить» [1, с. 129]. Если рассуждать в философском смысле, то смерть преодолевает всякие границы, все запреты и все препятствия, поэтому образ Леборхам можно также представить в качестве образа «нарушителя границ».

Следует сказать, что в индоевропейской мифологии лиминальные фигуры не исчерпываются названными ранее. В ней имеется большое количество других лиминальных

фигур, рассмотреть которые планируется в дальнейших исследованиях. По причине объёма в настоящей работе невозможно полностью рассмотреть все лиминальные фигуры индоевропейских мифологий, поэто-

му планируется продолжить серию изучения этих фигур на другом индоевропейском материале, исследуя культуру древних индоевропейцев, а также, соответственно, их язык и их ментальность.

Источники и литература

1. **Михайлова Т. А.** Хозяйка судьбы: Образ женщины в традиционной ирландской культуре (Язык. Семиотика. Культура. Малая сер.). М.: Языки славянской культуры, 2004. 192 с.
2. **Cleasby, R.** Icelandic-English dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.norse.ulver.com/dct/cleasby/index.html> (дата обращения: 12.01.2017).
3. **Pokorny, J.** Indogermanisches etymologisches Wörterbuch [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dnghu.org/indoeuropean.html> (дата обращения: 12.01.2017).
4. **Zoega, G. T.** A concise dictionary of Old Icelandic [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.norse.ulver.com/dct/zoega/index.html> (дата обращения: 12.01.2017).

УДК 81

ББК Ш100.06

Баирма Владимировна Дашидоржиева,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Лакунарность в межкультурной коммуникации

В статье раскрыта диалектическая природа лакуны, проявляющаяся в механизмах культурной диффузии в направлении приобретения когнитивной устойчивости. Установлено, что характер межкультурного взаимодействия в условиях когнитивного диссонанса субъектов трансграничного взаимодействия репрезентирует динамику лакуны.

Ключевые слова: динамика лакуны, культурная диффузия, адаптация культур

Bairma V. Dashidorzhieva,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Lacunarity in Intercultural Communication

The paper discloses the dialectical nature of the lacuna manifested in the mechanisms of cultural diffusion for acquiring cognitive stability. The nature of intercultural communication in case of cognitive dissonance of the subjects of transborder interaction represents the dynamics of the lacuna.

Keywords: dynamics of lacuna, cultural diffusion, adaptation of cultures

При восприятии людей других культур и рас существуют определённые «ключи», посредством которых человек свободно воспринимает представителей своего круга, но «ключи» далеко не всегда срабатывают, когда воспринимаются представители несхожих культур [1, с. 45].

Лакунарность проявляется как отсутствующее обозначение предмета в инокультуре, а также фиксирует неполноту обозначения предмета. По-существу, выступает одновременно и основой, и результатом различных когнитивных диссонансов межкуль-

турного взаимодействия. Вектор эволюции лакуны определяется социокультурными факторами её трансформации от отсутствия обозначения, через неполноту структуры значения к когнитивному консенсусу полноты значения слова. С этой точки зрения конструирование социокультурной динамики лакуны открывает возможности разработки концептуальных основ методологии непонимания, механизмов и последствий взаимной культурной адаптации культур в условиях трансграничья. Теоретической основой исследования динамики лакуны выступают

идеи культурно обусловленной коннотативной трансформации значений объекта обозначения в процессах межкультурной коммуникации. В настоящее время в отечественной науке отсутствуют исследования, посвящённые осмыслению функциональных закономерностей динамики лакуны в процессах межкультурной коммуникации. Исследовательская традиция изучения динамической модели лакуны, представленная трудами А. Эртельт-Фиит, Е. Денисовой-Шмидт, И. Панасюка, имеет определённые результаты в разработке лакунарной модели и её классификационных сеток. Данные научные школы пришли к выводу о том, что лакуны не фиксируют устойчивые значения, а связаны с теми или иными условиями и перспективами культурных контактов конкретных представителей. По их мнению, описание лакуны представляет собой не строгую классификацию, а именно вид динамической модели, которая позволяет разграничить различные уровни и аспекты ситуации (события) [5, с. 41].

Рассмотрим ситуации взаимодействия бурят и русских, подтверждающие предположение о наличии у лакуны функций молчания, лингвокультуры, заимствования. Основой анализа послужил метод установления лакун Ю. А. Сорокина, который заключается в рассмотрении матриц совпадений и различий на уровне языка, культуры и поведения при сопоставлении одной лингвокультурной общности с другой. Предлагаются ситуации из повести Ц.Б. Бадмаева «Серёжа в стране Будамшу»:

Ситуация 1. *В окнах вагона замелькали огни станции. Серёжа выбежал в тамбур и спросил налаживающего фонарь кондуктора:*

– Скажите, пожалуйста, это семьдесят первый разъезд?

– А-га, – протянул усталый кондуктор.

Серёжа побежал в своё купе и тихонько, чтобы не разбудить соседей, схватил чемодан и двинулся к выходу. Вместе с ним, ещё трое мужчин. Они обратили внимание на то, что мальчик одет не по-здешнему: значит, едет издалека, а ноша тяжеловата для него. Один из попутчиков помог Серёже нести чемодан.

Спрыгнув с подножки вагона, Серёжа стал оглядываться по сторонам. Что же случилось? Почему нет Буды? Он ведь должен был встретить Серёжу.

Мимо сновал разный люд. «Здесь, оказывается, и русские живут, – подумал московский мальчик, – так что если придется

туго, обращусь к ним. А я-то думал, здесь одни буряты».

Навстречу шли двое – крепкий коренастый круглолицый бурят и русский, ростом повыше. Серёжа обратился к русскому:

– Скажите, пожалуйста, это семьдесят первый разъезд?

К удивлению Серёжи, бурят заговорил на чистейшем русском языке:

– Нет, паренёк. Это станция Ага, а семьдесят первый разъезд – следующая остановка. А тебе где нужно было выходить?

– На семьдесят первом разъезде.

– Ай, какое недоразумение! Ты чуть раньше вышел. Это станция Ага, – сказал русский. – Ты откуда, мальчик? Вроде, не местный ...

– Из Москвы, – с достоинством ответил Серёжа. ...

– Почему же ты не доехал до семьдесят первого разъезда?

– Почему сошёл тут, а?

– Я спросил у кондуктора: «Это семьдесят первый разъезд?». Он ответил: «Ага». Ну откуда мне было знать, что есть станция с таким названием – Ага. Когда он мне ответил: «Ага», я понял так, что он говорит: «Да». «Ага» ведь означает «да», правда же? А здесь оказалась на мою голову станция Ага. Вот так совпадение! И кондуктор не виноват [4, с. 142].

Герой повести Серёжа при общении с кондуктором испытывает непонимание, обусловленное реалией «Ага». Источником непонимания в данном случае является случайное созвучие слова «ага» в русском и бурятском языках. В данном случае уместно отметить высказывание О. А. Леонтович: «Фонетическая близость слов часто приводит к их смешению в речи» [3, с. 254]. Межязыковые различия, выраженные топонимом «Ага» приводят героя в неловкое положение, что связано с неверным восприятием русским такого слова, как «Ага». Справедливо утверждение о том, что «носитель русской культуры, усвоив лишь «внешнюю» оболочку слов, будет ассоциировать их с теми образами / картинками мира, которые бытуют в его родной, русской культуре [2, с. 37]. Для Серёжи как представителя русской культуры «ага» ассоциируется с «да» как согласие, подтверждение. На этапе «конфликта» культур на когнитивном уровне лакуна (топоним) «Ага» реализует функцию помехи. Можно допустить, что лакуна в функции помехи за-

темнеет, завуалирует значение и становится «разрывом» (М. Фуко) в коммуникации.

Ещё один анализ ситуации позволил нам проследить функционирование лакуны на всех этапах межкультурного взаимодействия.

Ситуация 2. *Из дома вышла женщина в синем платье, похожем на халат, увидела приехавших и что-то вскрикнула по-бурятски. И тут вылетел Буда.*

– Серёжа! – он рванул с места, как на школьной эстафете.

– Буда - а-а!

Подлетев к другу, Буда обнял его, стал трясти, теребить, как будто не верит своим глазам.

– Что с тобой, Буда? – вскрикнул удивлённый гость, а Буда пытался свалить Серёжу на землю хитрым таким приёмом – подножкой правой ноги, – как он делал ещё в Артеке. Не ожидавший этого Серёжа растерялся было, но устоял на ногах и сам перешёл в нападение. Подбежала мать Буды, отругала сына, слегка шлёпнула по щеке и с трудом оттащила от гостя.

– Эх, жаль, – запыхавшийся Буда отпустил Серёжу. – Хотел тебя встретить по-настоящему, по-бурятски – мама помешала. Ну, добро пожаловать, москвич! Где блуждал? А может, на этой таратайке аж от самой Москвы едешь?

– Ну и ну. Как ты, Серёжа? – спросил заботливо Буда.

– Почему ты вдруг напал на меня, а? – толкнув Буду в бок, спросил Серёжа друга.

– Я хотел тебя встретить по-нашему, по-бурятски. Раньше такой обычай был. Друзья, которые давно не виделись, при встрече без слов затевали борьбу: мерялись силами. Буда осуждающе посмотрел на мать: – Помешала встретить друга по-нашему [4, с. 152].

По-разному «прочитываются» в культурах одни и те же позы, а также мимические «знаки» эмоционального состояния. Человек, производящий жест, и человек, воспринимающий жест, могут по-разному его трактовать [3, с. 73]. В представленной ситуации следует говорить о функциях молчания, лингвокультуры и заимствования. Серёжа как носитель русской лингвокультурной общности оказывается не в состоянии понять не только слова, реалии, но и поведение своего друга Буды. Жесты, используемые Будой как представителем бурятского народа при встрече на этапе когнитивного диссонанса

на внутриличностном уровне, *тряска, теребление, подножка правой ноги* казались странными, неожиданными для Серёжи, поскольку в русской культуре «широко распространён ритуал рукопожатия при встрече». Это кинесические лакуны, «субиндивидуальные метки», вызывающие непонимание, выполняющие функции молчания и лингвокультуры. Но уже на этапе культурного самоопределения (аффективный уровень) и интеграции культур (поведенческий уровень) Серёжа предпринимает действие нападать самому. В данном случае лакуна в виде жестокого поведения Серёжи реализует функцию заимствования, поскольку он быстро среагировал на внезапное нападение Буды.

Рассмотренные нами кинесические лакуны сигнализируют о специфике жестового и мимического кодов бурятской культуры. Отсюда можно утверждать, что лакуна выступает знаком в коммуникации, фиксирует наличие отсутствия объекта или явления (Ж. Деррида, Ю. Кристева, М. Фуко и др.). Мы допускаем, что реакции бурят и русских на лакуны заявляют о существовании функций молчания, лингвокультуры, заимствования. Корреляционный анализ позволил обнаружить полиморфные связи между функциями лакуны, установить лингвокультурологическую сущность лакуны, которая обуславливает этнотипические поведенческие проявления.

В контексте обсуждения функций лакуны с точки зрения постмодернизма интересно рассмотреть следующую ситуацию общения:

Ситуация 3. *Подъехали к дому.*

– Он очень чудной человек, этот Мунко-Бадара Аюрзанаевич Цыремпил-Зандариев. Ай, половину выговоришь, надо отдышаться, чтобы вторую половину выговорить.

Цырен, покашливая, весело спрашивает: – Буда, в Улан-Удэ, по-моему, с ним какая-то смешная история приключилась из-за его длинного имени?

– А-а, – напоминает Буда. – Он раньше, в молодости, продавцом в магазине работал. Перед выходом на пенсию пошел за справкой к министру торговли. Сидит и ждет в приемной. Девушка-секретарь спросила, как его зовут.

– Мунко-Бадара Аюрзанаевич Цыремпил-Зандариев.

– Как, как? Дайте-ка запишу на бумажку...

Девушка записала его имя и доложила министру: – К вам на приём просится Мунко-Бадара Аюрзанаевич Цыремпил-Зандариев.

Министр приказывает: – Пусть заходят по одному! [4, с. 198]

Как видно из приведённого примера, лакуна (антропоним) *Мунко-Бадара Аюрзанаевич Цыремпил-Зандариев* может привести не только к непониманию того или иного фрагмента текста, но и к неадекватному поведению в общении бурят и русских. Сложность понимания и употребления данного антропонима со стороны русского коммуниканта, министра обусловлены тем, что в русской культуре почти отсутствуют короткие имена собственные. В сознании большинства носителей русской культуры антропоним воспринимается как обозначение нескольких людей. Лакуна (антропоним) *Мунко-Бадара Аюрзанаевич Цыремпил-Зандариев* выполняет функцию лингвокультуры. Далее герой повести Серёжа узнает, что Мунко-Бадара – это личное имя, Аюрзанаевич – отчество, Цыремпил-Зандариев – фамилия.

Итак, мы пришли к выводу, что лакуны в межкультурном взаимодействии реализуют функции помехи, молчания, лингвокультуре-

мы, заимствования. Та или иная функция лакуны связана со стереотипами национально-го (этнического) поведения.

Анализ межкультурных ситуаций ещё раз подтверждает высказывание О. А. Леонтович о том, что адекватное коммуникативное поведение в контексте чужой культуры требует знания лингвокультурологических реалий [3, с. 297]. Эти взгляды подтверждаются и анализом форм межкультурного взаимодействия. Одновременно осуществляется познание другой культуры: и эмоциональная оценка другого, и попытка понять строй его поступков, и основанная на этом стратегия изменения его поведения, и построение стратегии своего собственного поведения.

Таким образом, синтез лингвистики, философии постмодернизма и теории межкультурной коммуникации в изучении лакуны позволил уточнить трактовку понятия «лакуны» и выявить его лингвокультурологическое содержание. В частности, философия постмодернизма показала социокультурную детерминированность лакуны, выступила интегрирующей основой выявления следующих функций лакуны в межкультурном взаимодействии: пустого (нулевого) знака, молчания, лингвокультуры, заимствования.

Источники и литература

1. Агеев В. С. Психология межгрупповых отношений. М.: МГУ, 1983. 144 с.
2. Дмитриук Н. В., Санбыбаева Н. А., Ахметжанова Г. А. Этнокультурный компонент лексической лакунарности // Лакуны в языке и речи: сб. науч. тр. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2008. Вып. 4. С. 34–42.
3. Леонтович О. А. Русские и американские парадоксы межкультурного общения: монография. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
4. Писатели Аги. XX век. Т. 3. Ц.-Б. Бадмаев. Серёжа в стране Будамшу. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2005. С. 139–224.
5. Эртельт-Фиит А., Денисова-Шмидт Е. Лакуны и их классификационная сетка // Вопросы психолингвистики. 2007. № 3. С. 39–51.

УДК 82

ББК Ш33(2=411.2)6

Игорь Александрович Романов,

*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Транзит в современном художественном сознании

В статье рассматриваются некоторые аспекты, актуальные для развития русской литературы конца XX – начала XXI вв. Кризис коллективистского сознания, отход от литературоцентричной модели культуры, кризис вербальности приводят к появлению особой «транзитной» поэтики, особенности которой и анализируются в данной статье.

Ключевые слова: поэтика транзита, литературоцентричность, кризис вербальности, коллективистское сознание, маргинальный человек

Igor A. Romanov,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Transit to Modern the Artistic Consciousness

The article discusses some aspects relevant to the development of Russian literature of the late XX – early XXI. The crisis of the collectivist consciousness, a departure from literaturotsentrichna culture model, the crisis verbosity lead to the emergence of a special “transit” poetics, peculiarities of which are analyzed in this article.

Keywords: poetics of transit, literaturinstitut, the crisis verbosity, collectivist consciousness of marginalized people

Русская литература не могла не реагировать на изменения в общественной, экономической, политической жизни страны, происходящие на конец 1980-х – 1990-е гг. Крах советской идеологии, крушение соцреализма поставили литературу в положение крайней неопределённости. Собственно, в таком же положении оказывается и российское общество, потерявшее прежнюю систему ценностей, но так и не нашедшее новую: заданное реформами движение в будущее стало движением в неизвестность. Политическому и экономическому транзиту России соответствует особая транзитная поэтика в литературе последних десятилетий.

Отправной точкой движения русского сознания можно считать коллективизм – базовый сущностный элемент менталитета, который в разные эпохи только менял свои поверхностные, идеологические оболочки («мир», соборность, общинность, коммунизм). Русская литература, при всём многообразии созданных ею образов, всегда своим персонажам давала оценку, исходя из их соответствия/несоответствия коллективистским ценностям – будь то христианский канон у Ф. Достоевского или патриархальный деревенский быт у В. Распутина. Принадлежность к коллективу давала человеку чувство стабильности и иллюзию духовной почвы (наверное, всё-таки иллюзию, иначе как объяснить беспрецедентный трагизм русской истории и такой драматический накал отечественной словесности).

Всё изменилось в конце 80-х – начале 90-х XX в., когда на волне реформ новые вожди повели свой народ в светлые дали либерализма и рыночной экономики. Однако то ли конечный пункт этого движения не был точно намечен, то ли реальность требовала всевозможных корректировок, но российское общество с тех пор так и пребывает в движении неизвестно к чему (понятно, почему В.

Пелевин назвал одну из своих книг «Диалектика переходного периода из ниоткуда в никуда»), конца которому не видно. Транзитный характер этого движения с его неопределённостью и даже абсурдностью превосходно передаёт творчество многих современных авторов.

Одной из главных черт, характеризующих ситуацию в литературном пространстве 90-х – 2000-х, стало изменение самой роли изящной словесности в обществе. Литературоцентричная модель, господствующая в России в течение веков, рухнула, а вместе с тем исчезло и представление о Высшей миссии писателя. В новой ситуации сложно себе представить, например, чтобы первое лицо государства пристально следило за судьбой какого-либо автора, то ли чувствуя исходящую от него опасность, то ли надеясь использовать в своих целях. Так (общеизвестные факты), император Николай I был личным цензором А. Пушкина; И. Сталин покровительствовал М. Шолохову и К. Симонову, не дал расстрелять Б. Пастернака и А. Ахматову, зато уничтожил О. Мандельштама, не простив разоблачительных стихов, И. Бабеля, Б. Пильняка, А. Веселого и мн. др.; «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына вряд ли увидел бы свет в своё время, если бы не поддержка Н. Хрущева. Только в литературоцентричной стране мог возникнуть поэтический бум конца 50–60-х гг. XX в., который породил целую плеяду абсолютно непохожих друг на друга авторов – от Е. Евтушенко и А. Вознесенского до Н. Рубцова и Ю. Кузнецова, от И. Бродского и А. Кушнера до Г. Сапгира и Г. Айги. Сама поэзия в это время, как и в период «золотого» пушкинского века, стала символом внутренней свободы, духовного поиска, надежды на обновление жизни.

Последний всплеск литературного центризма приходится на период перестройки,

когда значение книги резко увеличивается, а громкие публикации тех лет широко обсуждаются, причём не только среди гуманитарной интеллигенции. В изданных в то время произведениях читатель искал ответы на злободневные вопросы современности, правды о событиях революции, гражданской войны, коллективизации, сталинского периода, трагедии Великой Отечественной войны. В первую очередь, он ждал нравственных оценок советского периода, надеясь на то, что шокирующие разоблачения позволят обществу преодолеть прошлое и поставить диагноз настоящему, а главное – чего литературе, к сожалению, и не удалось – сформировать приемлемый образ будущего. В этой связи публикации авторов, как прежде запрещённых Русского Зарубежья и андеграунда, так и нравственно ориентированной деревенской прозы, оказали влияние на общественное сознание в не меньшей степени, чем деятельность М. Горбачева и решения Политбюро. Однако подпитываемые литературой надежды в очередной раз не оправдались: вряд ли советский человек и читатель-интеллигент ожидали краха СССР и жестокие реформы 90-х. Вместе с рухнувшим государством в пропасть полетела и литература, но как не могла погибнуть страна, именуемая некогда СССР, а ещё раньше – Российская империя, так не могла исчезнуть и её литература. Правда, метаморфоза, произошедшая с ней, не менее, а скорее даже более радикальна по сравнению с изменениями общественного порядка.

Главными эмоциями в современной литературе становятся чувства зыбкости, безосновности бытия. Прежняя, устоявшаяся аксиология уже не воспринимается как живая и подлинная по причине её несоответствия реалиям современной действительности. Новые же ценности, ориентирующие человека на бездумное потребительство и получение от жизни как можно большего количества чувственных удовольствий, просто не вдохновляют. Подобная коллизия представлена в произведениях В. Пелевина, в романе В. Маканина «Андеграуд, или Герой нашего времени», в книгах молодых авторов – «Мачо не плачут» И. Стогова, «Головоломка» А. Гарроса и А. Евдокимова, «Духless. Повесть о ненастоящем человеке» С. Минаева. Герой современной литературы, потеряв духовную почву, в полной мере познал то, что ещё в начале XX в. знаменитый русский философ Л. Шестов назвал «апофеозом беспоч-

венности». Тема «беспочвенности», неукоренности в мире раскрывается на разных уровнях: от идеологического (предполагающего неприятие навязываемых реальностью ценностей) и экзистенциального (рефлексия по поводу «последних вопросов бытия» так или иначе присутствует у всех «транзитных» авторов) до бытового (бездомность метафизическая у героев новейшей прозы зачастую сочетается с бездомностью буквальной). Жизнь в реальности, представленной у многих современных писателей, кажется невыносимой, но другого места для существования просто нет. Удел героя – героически обжигать то, что имеется.

Доминирующим героем новой прозы становится маргинальный человек, живущий в мире, лишённом чётких и незабываемых духовных ориентиров, существо, которому не во что верить. «Новая русская литература засомневалась во всём без исключения: в любви, детях, вере, церкви, культуре, красоте, благородстве, материнстве, народной мудрости, а позднее и в Западе», – говорит писатель и критик В. Ерофеев [1, с. 13]. В конечном счёте, сомнение и есть отражение нынешней духовной ситуации в стране. Ни одна система ценностей, претендующая на сакральность, не способна сейчас объединить население России. В результате современный человек остаётся на распутье, без твёрдой духовной почвы под ногами. Литература фиксирует это мучительное состояние современного человека в зыбком, бессмысленном мире, при этом не предлагая иллюзорных рецептов спасения. Окраинное положение обрекает его на экзистенциальное перепутье: дорога прежней жизни оставлена, движение же по другим путям затруднено (да и где они и куда приведут?). Остаётся одно – двигаться наугад, по наитию, не разбирая дороги, не зная того, к чему – к гибели или спасению – придёшь. Такое движение чревато как отчаянием и безысходностью, так и озарениями и опьянением свободой. Внимание к маргинальному герою, как представляется, следует искать в той парадоксальной ситуации предельной интеллектуальной эмансипации и предельного же идеологического прессинга (тоталитарно-коммунистического или буржуазно-капиталистического – не важно), которую приходилось переживать человеку в последние десятилетия. Уход на окраину стал в этой ситуации едва ли не единственной возможностью сохранить духовную свободу.

Выражение транзитности потребовало обращения к специфическим художественным средствам, которые в совокупности создают особую поэтику. Во многих произведениях мы встретим образы, прямо передающие семантику транзита. В поэме прямого предтечи новейшей литературы В. Ерофеева «Москва – Петушки» большая часть действия развивается в электричке. Герой повести В. Пелевина «Жёлтая стрела» едет в поезде (образ поезда появляется также и в романе «Чапаев и Пустота»). Самое важное в романе С. Болмата «В воздухе» («транзитный» смысл самого названия очевиден) – встреча главных героев – происходит в зале ожидания аэропорта. С. Минаев своего героя, внешне преуспевающего, но на самом деле не находящего себе места в жизни, оставляет в конце романа «Духless» лежащим на железнодорожном мосту. В повести В. Маканина «Лаз» небольшое отверстие в земле позволяет герою передвигаться между верхним и нижним мирами. Бесконечный коридор общаги в его же романе «Андеграуд, или Герой нашего времени» становится символом транзитности человеческого существования. Есть ещё «Очередь В. Сорокина», «Лифт» Ю. Милославского. Образ метафизической Пустоты, поглощающей человека и всё, что его окружает (поэзия И. Бродского и Ю. Кузнецова), также несёт семантику транзита – только метафизического, выводящего человека из реального мира в пространство неведомого и запредельного. Интертекст в книгах концептуалиста Т. Кибирова и метафориста А. Ерёменко становится выражением бесконечного движения в пространстве единого Текста всей мировой литературы.

Путешествовать можно не только в реальности, но и между реальностями. Мотив сна довольно часто встречается в современных текстах (В. Маканин, В. Пелевин, Ю. Кисина и др.), где иногда вообще ставится знак равенства между объективной действительностью и миром другим.

Для поэтики транзита характерен соответствующий набор эстетических установок. Транзитный текст отмечает как бы «неоформленность», «недоделанность» с точки зрения традиционной поэтики. Иногда исчезает сюжет как таковой, текст превращается либо в подобие черновики, набросков к так и не написанному произведению («Бесконечный тупик» Д. Галковского, «Дневник неудачника» Э. Лимонова), либо в череду рассказов

из жизни самого автора (Евг. Попов), либо в длинный перечень реплик множества людей («Очередь» В. Сорокина, тексты Л. Рубинштейна). Впрочем, он может быть и внешне занимательным, но тогда «неоформленность» будет характеризовать уже персонажей (например, герои «Жизни насекомых» В. Пелевина в разных эпизодах выступают то как люди, то как насекомые).

По определению А. Гениса, современный текст либо вторичен, либо дискретен. Интертекстуальность, стилистическая игра – ещё один признак транзитного текста. Как и фрагментарность, когда текст как бы раскалывается на куски – эпизоды, впечатления, мысли (такой тип письма известен в России с начала XX в.: «Уединённое» и «Опавшие листья» русского философа В. Розанова были написаны в такой манере и имели большой успех).

«Недоделанность» транзитного текста проявляется и на уровне речи писателя. Авторы зачастую сознательно допускают нарочитую небрежность, используют грубую лексику, зачастую не чураясь и мата. Вообще, литература, пожалуй, первой отразила ситуацию, сложившуюся в современном языковом пространстве. Лучше всего её выразил в своей повести «Блуда и МУДО» писатель А. Иванов, использовав аббревиатуру «КВ», переводимую как **«кризис вербальности»**. Речь здесь идёт о том, что привычные всем понятия, выражаемые словами с их лексическим значением, уже не несут современному носителю языка тот смысл, которым они обладали когда-то. Герои романа, в частности, размышляют о том, насколько прежнее значение слова «семья» не соответствует реалиям сегодняшнего дня. Остаётся только слово, в котором есть означающее, но давно утрачено означаемое, привычная этикетка, в которую уже не вложить смысл. Перечень понятий, некогда определявших существование человека, а теперь растерявших своё внутреннее содержание, можно продолжать бесконечно долго: дружба, любовь, патриотизм и т. д.

Кризис вербальности на уровне общества и культуры приводит к кризису коммуникации, т. к. зачастую из процесса общения выпадает такой ключевой компонент, как понимание. В этом смысле бахтинская теория диалога как универсального модуса существования культуры не может не оказаться под сомнением. Об этом говорит, в частности, такой выдающийся филолог, как М. Гас-

паров: «Неоправданно оптимистической кажется мне модная метафора, будто между читателем и произведением (и вообще между всем на свете) происходит диалог. Даже когда разговаривают живые люди, мы сплошь и рядом слышим не диалог, а два нашинкованных монолога. Каждый из собеседников по ходу диалога конструирует удобный ему образ собеседника. С таким же успехом он мог бы разговаривать с камнем и воображать ответы камня на свои вопросы» [2, с. 173–174]. Недаром тема одиночества и разобщения становится одной из центральных в современной литературе.

Девальвация слова, отрефлексированная ещё в конце 70-х гг. XX в. С. Довлатовым в «Заповеднике» и концептуалистами, определяет очень многое в новой литературе. В подобной ситуации писателю, работающему именно со словом, чрезвычайно сложно быть современным и создавать художественные продукты, которые будут обладать безусловной эстетической ценностью. Творчество всё больше становится похожим на «языковую игру», и, как следствие, художественное пространство, которое можно понимать как некую идеальную совокупность всего, что пишется и издаётся сейчас, наполняется необозримым количеством индивидуальных смыслов, при потере Смысла универсального и сверхличностного.

Может быть, именно поэтому «транзитный» писатель **не верит** в воспитательную роль литературы, не хочет быть пророком, да и на себя и собственное творчество смотрит с достаточным смирением. Русский читатель привык, чтобы писатель, ставя в своих книгах нравственные, философские, социальные и иные проблемы, сам же их и решал, давая некие примеры внутреннего преобразования человека, его духовного воскресения или гибели. На самом деле подобные примеры оказывались весьма далеки от жизни, превратившись в художественные абстракции. Новая русская литература, принципиально отказываясь от прямолинейного дидактизма, не даёт никаких односложных ответов и никаких умозрительных «примеров», она заставляет читателя думать и искать ответы самому.

Наверное, с точки зрения русской классики, транзитный писатель – это вообще-то не совсем писатель. Но в таком случае и современная Россия – это уже не совсем Россия. Эстетическая ценность новейшей литературы неочевидна. Её выявление – дело последующих эпох. Современный же читатель получает возможность сопоставить собственный опыт существования в один из интереснейших моментов отечественной истории с тем, что в это время было запечатлено в художественной форме.

Источники и литература

1. Ерофеев В. Русские цветы зла: антология. М.: Подкова, 1998. С. 7–30.
2. Ранчин А. История для бедных // Новый мир. 2011. № 9. С. 156–177.

УДК 811.512.36

ББК Ш1.64

Дэцзидэма,

*Хэйлуцзянский институт иностранных языков,
г. Харбин, КНР*

Функции старомонгольской письменности в коммуникационных процессах Центральной Азии

В статье представлен анализ функций старомонгольской письменности в культурно-коммуникационном пространстве Центральной Азии. Автором определена методология культурологического исследования данной проблематики: использование теорий и методов, связанных с проблемным полем «язык и культура», идей концептосферы, лингво-страноведческой концепции, концепции межкультурной коммуникации С. Г. Тер-Минасовой.

Ключевые слова: старомонгольская письменность, методология культурологического исследования, язык и культура, культурная политика КНР

Dejidema,
Heilongjiang Institute of Foreign Languages,
Harbin, China

Functions of the Old Mongolian Writing in Communication Processes of Central Asia

The analysis of functions of the old Mongolian writing in cultural and communication space of Central Asia is presented in article. The author has defined methodology of a culturological research of this perspective: use of the theories and methods connected with the problem field "language and culture", the ideas of sphere of concepts, the lingvo-regional geographic concept, concept of cross-cultural communication of S. G. Ter-Minasova.

Keywords: old Mongolian writing, methodology of a culturological research, language and culture, cultural polyface of the People's Republic of China

Исследование роли старомонгольской письменности в коммуникационных процессах Центральной Азии требует, прежде всего, определения соответствующей предмету и объекту исследований методологии. На наш взгляд, культурологическая направленность изучения выбранной проблематики позволяет как интегрировать результаты изучения истории, этнографии, литературы, религии данного региона с точки зрения единого социокультурного пространства, так и рассмотреть системные связи между его различными сферами в их отношении к субъекту культуры – человеку.

Использование теорий и методов, связанных с проблемным полем «язык и культура» (концепции Логосферы А. А. Пелипенко [4], логикосмысловой теории А. В. Смирнова [5], идей концептосферы Ю. С. Степанова [7], лингво-страноведческой концепции Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова [2] позволяет выявить культурно-интегрирующую роль старомонгольского письменного языка, уточнить и рассмотреть его функции (кумулятивную, транслирующую, функцию сакрализации и политического управления и т. д.).

Рассмотрение функций старомонгольской письменности в коммуникационном пространстве Центральной Азии способствует определению особенностей этого культурно-коммуникационного пространства, факторов его становления и интеграции. Важной функцией старомонгольской письменности являлось то, что она обеспечивала воспроизводство и трансляцию культурных традиций монгольских народов, способствовала «кристаллизации» культурных универсалий Центральной Азии, создавала возможности для познания действительности и фиксации этих знаний.

Понимание исследовательской задачи выявления функций языка в процессах межкультурной коммуникации как задачи определения языковой специфики информационного взаимодействия культур, которое может быть как прямым, так и опосредованным, позволяет уточнить роль именного письменного языка (в данном случае старомонгольской письменности) в интеграции социокультурного пространства, объединяющего разные народы.

Генезис и становление старомонгольской письменности связаны с развитием монгольской государственности, о чем ещё писал Н. Н. Поппе, поскольку старомонгольский письменный язык возник при образовании нового государства и являлся средством интеграции и политического управления различными монгольскими племенами.

Первые исследования старомонгольского письменного языка появились в начале XX в., особенно активными эти исследования были в 30-х гг. Они связаны не только с собственно лингвистической проблематикой, но и с изучением истории, этнографии, религии монгольских народов. Это работы А. Д. Руднева, Б. Я. Владимирцова, Н. Н. Поппе, В. А. Казакевича. В послевоенное время были написаны и изданы труды Д. Д. Доржиева, Ц. Б. Цыдендамбаева. Изучение старомонгольского языка сопровождается и издание бурятских летописей. Так, в 1993 г. была защищена кандидатская диссертация Л. Б. Бадмаевой «Язык летописи ВанданаЮмсунова (лексико-грамматическое исследование)». В 1995 г. на русском языке было опубликовано 9 летописей в книге «Бурятские летописи» (составители Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова). В 2011 г. эта работа переиздана и в это издание добав-

лены 8 письменных памятников, переведённых Ц. П. Ванчиковой и М. В. Аюшеевой. В 2001 г. в журнале «Моринхуур» Г. Н. Очирова был издан перевод на современный бурятский язык «Ацагатский очерк о хорибурятах» (Хори буряадуудтухай Асагадтабэшэгдэн-тобшотүүхэ). В 2005 г. вышло монографическое исследование Л. Б. Бадмаевой «Язык бурятских летописей». Л. Б. Бадмаевой переизданы летописи Вандана Юмсунова и Цэдэб-Жаб Сахарова с транслитерацией и в сопровождении исследования языковых особенностей памятников [1]. Публикуются и переводы буддийских текстов: издан перевод на бурятский и русский языки Ц.-А. Дугарнимаева сочинения дорамбы Анинского дацана Э.-Х. Галшиева «Зерцало мудрости», в транслитерации знаками бурятского алфавита опубликованы буддийские сочинения «Доржо Жодбо», «Наймангэгээн», на бурятском языке – «Ульгэрэйдалай», «Алтангэрэл», «Субашид» Гунга-Жалцана и др. [1].

В настоящее время в России интерес к старомонгольской письменности связан с поисками исторических культурно-религиозных этномаркеров монголоязычных народов России, вопросами идентичности представителей «монгольского мира», процессами возрождения буддизма, вниманием к страницам исторического прошлого, вопросами развития переводческой и издательской деятельности в отношении произведений, написанных на старомонгольском.

Функционирование и развитие старомонгольского письменного языка в КНР необходимо рассматривать в контексте, прежде всего, китайской национальной политики, отношения к национальным меньшинствам в Китае. Присутствие старомонгольской письменности в социокультурном пространстве Китая обусловлено проживанием в нём этнических групп, которые исторически и культурно связаны с Монголией и монгольским миром.

Национальная политика КНР в настоящее время претерпела ряд значительных изменений, наряду с общей целью единения всего китайского народа, её задачами является сегодня и внимание к этническим сообществам и особенностям их культуры. Эти тенденции находят отражение в правительственных и региональных документах. Ими определяется возможность использования старомонгольского языка в разных социокультурных сферах: делопроизводстве, региональном законодательстве, в образовании, культуре, СМИ [3].

Большой импульс для развития старомонгольского письменного языка даёт сегодня его использование в современных коммуникационных технологиях [6], что связано и с расширением аудитории его использования, и с её качественными изменениями. Безусловно, это может стимулировать интерес молодёжи к изучению и использованию старомонгольской письменности, выход этого языка из сферы сугубо семейно-этнического употребления.

Источники и литература

1. **Бадмаева Л. Б.** Язык бурятских летописей. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. С. 18–19.
2. **Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.** Язык и культура. Три лингво-страноведческих концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005. 1040 с.
3. **На Жису, А Сыгэнь.** Мэнгуцзуюйяньвэньцзыбаохувэньтияньцзю = Сохранение старомонгольского письменного языка // Нэймэнгуминьцзудасюэсюэбао (шэхуйкэсюэ бань). 2013. Вып. 1. С. 43–45.
4. **Пелипенко А. А., Яковенко И. Г.** Культура как система. М.: Языки русской культуры, 1998. 376 с.
5. **Смирнов А. В.** Логика смысла. Теория и её приложение к анализу классической арабской философии и культуры. М.: Языки славянской культуры, 2001. 504 с.
6. **Цин Гэ Эр Тай.** Лунь мэнгуйфачжаньдаолушан дэ цзи гэ вэньти = Ряд вопросов по развитию старомонгольского письменного языка // Нэймэнгудасюэсюэбао (шэхуйкэсюэ бань). 1961. Вып. 00. С. 1–10.
7. **Язык и культура:** Факты и ценности: к 70-летию Ю. С. Степанова / отв. Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. М.: Языки славянской культуры, 2001. 600 с.

УДК 81-22(571.55)

ББК 81.65(2Рос-4Чит)

Базар Догсонович Цыбенков,

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
г. Улан-Удэ, Россия*

Энхбадрах Санждорж,

*Институт языка и литературы Монгольской Академии Наук,
г. Улан-Батор, Монголия*

Тунгусо-маньчжурский пласт в даурском языке¹

В работе рассматриваются тунгусо-маньчжурские заимствования в даурском языке. Авторы выделяют несколько семантических групп заимствований. Первая семантическая группа посвящена флористической лексике; вторая – тунгусо-маньчжурским заимствованиям в даурском языке из области фауны; третья семантическая группа – лексика, относящаяся к человеку. В отдельные семантические группы выделены природные объекты и явления, а также заимствования из сферы шаманизма и в целом духовной культуры.

Ключевые слова: даурский язык, заимствования, тунгусо-маньчжурские языки, взаимодействие

Bazar D. Tsybenov,

*Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS,
Ulan-Ude, Russia*

Enkhbadrakh Sanzhdorz,

*Institute of Language and Literature
of the Mongolian Academy of Sciences,
Ulan Bator, Mongolia*

Tungusic Words in the Daur Language

The paper discusses the Manchu-Tungusic borrowings in the Daur language. The authors identify several semantic groups of loans. The first semantic group dedicated to the floral vocabulary; the second Tungusic borrowings in the Daurian language from the realm of fauna; and the third group of semantic – vocabulary relevant to the person. In a separate semantic groups selected natural objects and phenomena, as well as borrowing from the realms of shamanism, and in General spiritual culture.

Keywords: Daur language, loanwords, Tungusic languages, interaction

В даурском языке имеется множество заимствований из тунгусо-маньчжурских языков. Считается, что он испытал большее маньчжурское влияние, нежели прочие восточномонгольские наречия [9]. До начала XX в. исследователи не могли правильно определить принадлежность языка дауров. В частности, российский исследователь Маак, изучавший Приамурье, писал, что «к несчастью, мы могли объясняться с даурами лишь пантомимой, потому что даурский язык совершенно отличен от маньчжурского и орошонского; некоторые из моих казаков знали эти языки, также как и монгольский, но несколько не понимали дауров...» [2, с. 109]. В настоящей работе мы решили выделить

тунгусо-маньчжурские заимствования, имеющиеся в даурском языке. Нами приведены лишь предварительные данные, в основном касающиеся даурских слов от буквы А до буквы М. Основными источниками послужили собранные нами языковые данные в районах проживания дауров в Хулун-Буирском аймаке Автономного района Внутренняя Монголия КНР и материалы отечественных исследователей-филологов В. И. Цинциус, Г. Н. Чимитдоржиевой и др. Несмотря на малое количество обнаруженных заимствований, мы решили объединить их для удобства в несколько семантических групп. Слова-заимствования, не попавшие в эти группы, приведены нами в конце публикации. Первая

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке проекта РГНФ-МинОКН Монголии № 15-2103004 а/м «Монго-лоязычные этносы северо-востока Китая: история, культура, язык».

семантическая группа посвящена флористической лексике. Начнём с перечисления заимствований из области флоры. Так, к заимствованию из негидальского языка, возможно, относится даурское слово «аабкат», в переводе означающее «молодой дуб, дубок» [6, с. 9], поскольку в языке негидальцев встречается слово «апакта» (дуб, дубовый лес) [3, с. 47]. Хотя вероятен и обратный процесс, т. е. негидальцы могли заимствовать это слово у дауров. Симптоматично, что данное слово отсутствует в других тунгусо-маньчжурских языках. По мнению даурского краеведа Юй Шана, «аабкат» является исконным даурским словом и не встречается в других языках [8, с. 207]. Другим заимствованием является, на наш взгляд, даурское обозначение одного из сортов гороха – бокроо [6, с. 25]. В языке эвенков-солонцов горох называется «бохро», в нанайском и маньчжурском – «бохори» [3, с. 91]. Даурское название сараны (пилия кудреватая) – «гилооч» – сближается с удэгейским «гила» с тем же значением [3, с. 149]. Ввиду отсутствия аналогов к удэгейскому «гила» в других тунгусо-маньчжурских языках, можно предполагать и заимствование данного слова удэгейцами из даурского языка. Табак, известный у дауров как «дангэ», является заимствованием, о чём свидетельствуют следующие обозначения: эвенк. «дамга», сол. «данга», нег. «дамга», ороч. «дамихи», нан. дамахи¹. Как и монгольский «тамхи», все указанные термины восходят к кит. даньбагу 淡巴菰 – табак [3, с. 195]. В свою очередь, кит. даньбагу является заимствованием из английского языка (tobacco). Заимствованием из маньчжурского и китайского языков является даурское слово «дуаангэ» (арбуз). В языке солонцов арбуз – «дона», в маньчж. – дунган, кит. дунгуа (досл. восточный + тыква; общее обозначение тыквенных растений) [3, с. 216]. Кратко перечислим другие вероятные флористические заимствования: даур. «дэуяас» – соевые (бобовые ростки) – уд. «дэусэ» (фасоль), нан. дэу јаса (бобы) [3, с. 239]; даур. «илгаа» (цветок) – эвенк. «ила» (цвети, расцветать), сол. «илга» (цветок), нег. «илауа» (распустившиеся листочки; май, орнамент), уд. «ила» (цветок), ульч. «ирга» (орнамент,

цветок), нан. «илга» (орнамент, цветок) [3, с. 304]; даур. «коллон» (сосна корейская) – эвенк. «колдон» (кедр маньчжурский), ороч. «когдо» (кедр), нан. «колдо» (кедр), маньчж. «холдон» (кедр), чж. huo-to-moh (сосна; ель) [3, с. 407]; даур. «лаваа» (ветка) – эвенк. «лаваа» (ветвь; отросток рогов), як. «лабаа» (ветвь, сук; конечности; исток реки) [3, с. 485]; даур. «чаалбаан» (береза) – эвенк., сол. «чалбан», ороч. «чабба», уд. «чалиги» (береза, березняк) [4, с. 380–381]. Из этого ряда вероятных и очевидных заимствований можно выделить следующие два момента:

1) даурское обозначение сосны корейской «коллон» очевидно восходит к чжурчженскому huo-to-moh (сосна; ель), причем в даурском варианте в отличие от тунгусо-маньчжурских терминов со значением «кедр», сохранилось первоначальное значение «сосна»;

2) в даурском слове «лаваа» (ветка) прослеживается единственная нить к эвенкийскому «лаваа» и якутскому «лабаа» с тем же значением. По нашему предположению, эвенкийская основа «лаваа» в разное время могла быть заимствована предками дауров и якутов.

К выделенной ранее семантической группе можно отнести и некоторые названия зерновых, в частности одно из даурских названий зерна – «ниргэс», обозначение гречихи «хаул», имеющее аналоги в солонском языке [5, с. 158; 4, с. 462]; даурское обозначение пшена – «ниджи», вероятно, восходящее к маньчжурскому «ничжихэ» (мелкая рисовая крупа) [5, с. 158]. Наименование проса – «писгээ» – находит свои аналоги в тунгусо-маньчжурских языках: ср. ороч. «пиксэ», ульч. «пиксэ»), нан. «пиксэ», маньчж. «фисикэ» ~ «фисихэ» (просо мелкое, красноватое, клейкое) [4, с. 38]. Таким образом, даурское «писгээ» восходит к маньчжурскому «фисикэ» ~ «фисихэ». В свою очередь, маньчж. «фисихэ», очевидно, связано с корейским «пхи» (курмак – род проса) [4]. Овёс, называемый даурами как «куалимп» в виде «холимба» ~ «холиμπο», встречается у солонцов. В говоре осолонившихся дауров название звучит как «куалимпо» ~ «кулимба». Термин «холимба» встречается в маньчжурском языке как обозначение невыясненного злака (жито, похожее на кукурузу) [4, с. 469]. Даурское обозначение ячменя «мургил» встречается в солонском языке со значением «яровое поле» [3, с. 558]. Из отмеченных ранее названий зерновых культур интерес привлекает даурское название овса – «куа-

¹ Даур. – даурский язык; кит. – китайский язык; маньчж. – маньчжурский язык; нан. – нанайский язык; нег. – негидальский язык; орок. – орокский язык; ороч. – ороцкий язык; сол. – солонский язык; уд. – удэгейский язык; ульч. – ульчский язык; чж. – чжурчженский язык; эвен. – эвенкийский язык; эвенк. – эвенкийский язык

лимп». Семантические расхождения данного слова у дауров, маньчжуров и солонов объяснимы усилением процесса развития и формирования языковых особенностей в новое время. Цепочка заимствований в данном случае может выглядеть следующим образом:

- 1) маньчжуры – дауры – солонь;
- 2) дауры – маньчжуры и солонь.

Во втором случае, предположение строится на даурском происхождении слова *куалимп* [7].

Вторая семантическая группа посвящена тунгусо-маньчжурским заимствованиям в даурском языке из области фауны. Не вдаваясь в особенности и время их заимствования, кратко перечислим их: даур. «атаакий» (паук), «атиркаан» (медведь), «ачикчаан» (мышь), «ашкий» (крыло), «бээлбэт» (бабочка), «гаагу» (ворон), «гоеон» (раненый зверь), «гускээ» (волк), «дилвээ» (муха), «жаргоол» (волчья стая); «жучбаа» (светляк), «исэл» (ящерица), «кабиль» (черепашка), «кээкээ» (кошка), «монео» (обезьяна), «мудур» (дракон), «мур» (беркут). Ко всем этим словам обнаружены прямые или косвенные соответствия в «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков».

Третья семантическая группа – лексика, относящаяся к человеку. Наряду с общемонгольскими терминами «нид» (глаза), «шид» (зубы), «качир» (щёки), «хамэр» (нос), «хус» (волосы) и другими, в даурском языке встречаются тунгусо-маньчжурские заимствования. Например, спину дауры называют «дарама» – в языке эвенков-солонь и нанайцев слово «дарама» также обозначает спину; в других диалектах эвенкийского языка «дарама» – это:

- 1) поясница;
- 2) филейная часть;
- 3) спина;
- 4) спинной хребет;
- 5) почки;
- 6) почётное блюдо (для гостей у охотников), свадебное угощение.

В негидальском и ульчском языках «дарама» имеет два значения:

- 1) поясница;
- 2) спина.

В языке ороков «дарама» имеет следующие значения:

- 1) поясница;
- 2) поясничные позвонки;
- 3) спина;
- 4) спинной хребет [3, с. 198].

К числу заимствований из тунгусо-маньчжурских языков относится и даурское обозначение пищевода – «билгаар». В эвенкийском языке слово «билга» означает:

- 1) горло, гортань, глотку, пищевод;
- 2) переднюю часть шеи;
- 3) жерло.

С такими же значениями слово «билга» встречается в языках негидальцев, орочей, ороков, нанайцев.

В маньчжурском языке «билха» означает:

- 1) горло, глотку, пищевод;
- 2) узкий проход [3, с. 82].

Другим заимствованием, по всей видимости, из эвенкийского языка, является «басэрт» (почка, почки). У эвенков почка обозначается словом «босокто», негидальцев – «бохокто»; у нанайцев – «босокто», маньчжуров – «босхо» [3, с. 97]. К другим вероятным заимствованиям этой семантической группы можно отнести даур. «бабэг» (кулак), «длэлэб» (подреберная часть живота), «инчээн» (локоть), «болоокый» (коленная чашка).

В отдельную семантическую группу заимствований можно отнести природные объекты и явления. К таковым относятся даур. «антэг» (южный склон горы), «ардий» (гром), «босугу» (северный склон горы), «Жидэн» (Хинганский хребет), «лэбэг» (болотистый берег), «мэрдэн» (излучина реки; название одного из основных даурских родов), «аяан» (речка; приток).

К маньчжурским заимствованиям позднего периода, в основном из области культуры, можно отнести следующие даурские термины: «абк» (страница), «гэмун» (столица), «дорун» (печать), «иргээбуучин» (поэт), «мугдээн» (развитие), «хэргэн» (грамота), «хэс» (приказ), «хэсбун» (судьба), «дэлбур» (веер), «кир» (флаг), «кумун» (музыка), «баниг» (благодарность), «байт» (дело), «вак» (ошибка).

Тунгусо-маньчжурскими заимствованиями в сфере традиционного хозяйства и материальной культуры являются гэшеен (межкомнатная дверь), «дукаа» (ворота), «аржан» (сосуд для молочной водки), «багэс» (котопорный опорный столб крыши), «бирунку» (скалка), «батаачин» (охотник), «галла» (столб), «калтаамии» (одежда для уборки урожая), «жаул» (дуршлаг), «жиггаа» (деньги), «жоринку» (плотницкий карандаш), «ийнгэчэн» (котелок), «лааль» (каша), «бааян» (обшлага рукавов даурского халата). Из земледельческих орудий борона по даурски –

«наргоор», очевидно, относится к числу маньчжурских заимствований, ср.: маньчж. «нарга» (борона с зубцами) [1, с. 212].

В небольшую группу можно выделить заимствования из сферы шаманизма и в целом духовной культуры: даур. «гисоор» (колотушка шаманского бубна), «джахард» (шаманская одежда), «гуаалэрс» (одежда гения-хранителя; курица, приносимая в жертву), «иба-агэн» (чудовище), «Малоо» (даурское божество), «лайчин» (изображение птицы на шапке шамана).

В завершение работы приведём остальные, обнаруженные нами в даурском языке очевидные и вероятные заимствования из тунгусо-маньчжурских языков, не вошедшие в отмеченные семантические группы: «ат-коо» (близнецы), «баатаа» (враг, противник), «бабьрэг» (скорченный), «аушеэ» (зять), «балдбэй» (поскользнуться), «бойко» (игра в мяч), «болоо» (дубина), «бьялдэн» (лысый), «гасхэн» (беда, несчастье), «гидаашеегу»

(унижать), «гинчкеен» (чистый), «гингун» (почтенный), «гиркоо» (быстрый шаг лошади), «гулгун» (целиком), «гяд» (копье), «дуль» (центр), «дэмбэл» (весьма), «дэрбуугу» (сыреть), «жак» (вещь, предмет), «жэчэн» (граница), «илаан» (свет), «калтэг» (половина), «канэгэн» (предлог), «киргу» (терпеть), «кой-мааль» (хитрый), «купээ» (куча), «лаакь» (самый последний), «ламб» (вьюк), «лургеегу» (танцевать), «майгу» (увядать), «мадгу» (повыситься, подняться).

Наше обращение к тунгусо-маньчжурским заимствованиям выявило множество терминов, которые, по всей вероятности, в древности или в новое время органично вошли в даурский язык. Многие вопросы, связанные со временем и обстоятельствами появления этих заимствований, остаются неизученными. Поэтому возникает необходимость в более тщательном продолжении сравнительно-сопоставительного исследования даурского языка.

Источники и литература

1. **Захаров И.** Полный маньчжурско-русский словарь. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1875. 1129 с.
2. **Маак Р.** Путешествие на Амур. СПб.: Типография К. Вульфа, 1859. 570 с.
3. **ССТМЯ** – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / отв. ред. В. И. Цинциус. Ленинград: Наука, 1975. Т. I. 672 с.
4. **ССТМЯ** – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / отв. ред. В. И. Цинциус. Ленинград: Наука, 1977. Т. II. 992 с.
5. **Тодаева Б. Х.** Дагурский язык. М.: Наука, 1986. 190 с.
6. **Тумурдэй Г., Цыбенев Б. Д.** Краткий даурско-русский словарь. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 236 с.
7. **Цыбенев Б. Д.** Земледельческая терминология дауров как источник по изучению этногенеза // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 10. С. 162–168.
8. **Цыбенев Б. Д.** История и культура дауров Китая. Историко-этнографические очерки. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2012. 256 с.
9. **Чимитдоржиева Г. Н.** Взаимодействие монгольских и тунгусо-маньчжурских языков: исторические аспекты // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2015. Т. II. № 3. С. 554–564.

УДК 811
ББК Ш102.2

Елена Александровна Оглезнева,
Национальный исследовательский
Томский политехнический университет,
г. Томск, Россия

Современный русско-китайский пиджин: к вопросу о его территориальном варьировании и эволюции

В статье представлен обобщённый анализ территориально-хронологических вариантов русско-китайского пиджина. Особое внимание уделено современным территориальным вариантам, которые активно функционируют в различных регионах России и приграничного Китая. Методология работы ос-

новывается на данных полевого исследования. Впервые описан факт локального существования русско-китайского пиджина в одном из городов центра России – сибирском городе Томске.

Ключевые слова: социолингвистика, русский язык, китайский язык, контактные языки, русско-китайский пиджин, территориальный вариант

Elena A. Oglezneva,

*National Research Tomsk Polytechnic University,
Tomsk, Russia*

The Contemporary Russian-Chinese Pidgin: Territorial Variation and Evolution

The article represents a generalized analysis of territorial and chronological variants of Russian-Chinese pidgin. The research focuses on contemporary territorial variants functioning in different Russian regions and near-boarder China. The research methodology is based on the data of a fieldwork. For the first time the local existence of Russian-Chinese pidgin in Tomsk, the central Siberian Russian city, is described.

Keywords: sociolinguistics, Russian language, Chinese language, contact languages, Russian-Chinese pidgin, territorial variant

Русско-китайский пиджин, представляющий собой интереснейший языковой факт, на протяжении многих лет находится в поле зрения исследователей, начиная с XIX в. Русско-китайский пиджин имел и имеет разные названия, безусловно имеющие свою мотивацию и представляющие собой своеобразную идентификацию этого контактного языка: кяхтинское китайское наречие русского языка (С. Н. Черепанов, 1853) [8], маймачинское наречие (А. Александров, 1884; Г. Шухарт, 1884) [1; 11], русско-китайский диалект (А. Г. Шпринцын, 1931; 1968) [9; 10], смешанный китайско-русский язык в Маньчжурии (А. Яблонская, 1957) [12], сибирский пиджин (Е. В. Перехвальская, 2008) [6], забайкальско-маньчжурский препиджин (Ян Цзе, 2007) [13], русско-китайский пиджин (В. И. Беликов, Л. П. Крысин, 2001; Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин, 2004; Е. А. Оглезнева, 2007; Н. А. Жданова, 2016) [2; 3; 5; 4].

Мысль о том, что эти разные названия относятся к одному и тому же контактному языку, поддерживается как социолингвистическими факторами, так и собственно лингвистическими. Как и большинство современных исследователей, мы используем термин «русско-китайский пиджин», который наиболее точно отражает существо этого языка. Социолингвистическим обоснованием данного термина является то, что с помощью этого языка контактируют, главным образом, представители китайской этнической группы с представителями русской этнической группы. По этой причине китайский этнолект русско-китайского пиджина выступает как доминирующий этнолект среди других его этно-

лектов. Собственно лингвистическое обоснование термина обусловлено тем, что все зафиксированные контактные языки – и «маймачинское (кахтинское) наречие», и «русско-китайский диалект», и «смешанный русско-китайский язык в Маньчжурии» и др. – это тождественные по своему типу языковые образования, что проявляется на всех уровнях системы этих языков и имеет выраженные черты русского и китайского языков.

Территориальная и хронологическая разьединённость однородных в языковом отношении вариантов позволила определить их как территориально-хронологические и настаивать на их дискретности, нелинейности. Так, нами на основании исторических и лингвистических источников были установлены и описаны следующие территориально-хронологические варианты:

1) маймачинское (кахтинское) наречие, бытовавшее в Кяхте, в российском Забайкалье и пограничном с ним Маймачене в XVIII–XIX вв.;

2) русско-китайский пиджин на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв.;

3) русско-китайский пиджин на Дальнем Востоке в 20–30 гг. XX в.;

4) харбинский вариант русско-китайского пиджина – в Китае, а именно в Харбине и по линии КВЖД в начале и середине XX в.;

5) современный русско-китайский пиджин, активно функционирующий с начала 90-х гг. XX в. на территории Забайкалья и Дальнего Востока [5, с. 17].

В настоящее время, в начале XXI в., русско-китайский пиджин продолжает актив-

но функционировать. Среди регионов России, где этот контактный язык используется, следует отметить следующие: Амурская область, Хабаровский, Приморский и Забайкальский края. На сопредельной с Россией территории Китая русско-китайский пиджин является важным средством коммуникации в городах и уездах провинции Хэйлунцзян – Хэйхэ, Сунькэ, в г. Хуньчунь, Маньчжурия и др. [7, с. 82–85; 4, с. 4].

Русско-китайский пиджин продолжает обслуживать неофициальную коммуникацию в сфере торговли и услуг. На нём говорят в основном китайские торговцы, официанты, водители такси (на китайской территории), иногда сотрудники туристических фирм, таможенных служб и др., не изучавшие русский язык в школе или вузе и не умеющие читать и писать по-русски, но вынужденные в своей профессиональной деятельности тесно общаться с носителями русского языка и осваивать непосредственно в своей речевой практике необходимый для устной неофициальной коммуникации русский лексический минимум, который в их речи функционирует по правилам грамматики родного китайского языка и в соответствии с его фонетическими стандартами.

Русские также используют русско-китайский пиджин. Например, те, кто занимаются торговым бизнесом с китайскими предпринимателями, говорят на пиджине. Однако механизм использования пиджина здесь другой: русские изменяют «подпиджин» родной язык, упрощая и редуцируя его. Однако русский этнолект русско-китайского пиджина имеет гораздо более ограниченное распространение, чем китайский.

Анализ исследований, посвящённых изучению современного русско-китайского пиджина, показывает, что в лексике и грамматике этого контактного языка на разных территориях своего функционирования (Приморье, Приамурье, Забайкалье, приграничный Китай) обнаруживается безусловное сходство. Общий принцип «устройства» русско-китайского пиджина, как и любого другого пиджина, состоит в том, что в нём лексика одного языка – языка-лексификатора (в нашем случае – русского), используется по правилам грамматики и в фонетическом облике другого языка (в нашем случае – китайского). Так, отмечается развитие вокализма, проявляющееся в стремлении к открытости слога в закрытых слогах русского языка по модели родного для носителя пиджина китайского языка, мена Р

на Л (*длуа = друа*), предпочтение одной грамматической форме из парадигмы (*Я тебе хачу пакушать палочки*), предикат в конце синтаксической конструкции (*Я там Москва была*) и др. [5, с. 148; 4, с. 12 и др.]. Однако есть и отличия, проявляющиеся в более активном использовании тех или иных групп лексики. В частности, в исследованиях Ян Цзе и Н. А. Ждановой в качестве примеров слов, используемых в русско-китайском пиджине Забайкалья, приводятся единицы, которые не встречались исследователями русско-китайского пиджина на Дальнем Востоке.

По этой причине целесообразно утверждение о существовании нескольких современных разновидностей русско-китайского пиджина, имеющих собственную территорию распространения: дальневосточный (амурский и приморский), забайкальский. Возможно, на территории границы с Китаем в западных регионах также функционирует этот контактный язык, однако научных работ, посвящённых его описанию, нам не встретилось.

Кроме того, необходимо отметить многочисленные факты локального существования современного русско-китайского пиджина во многих городах России, где в настоящее время – в начале XXI в. – имеются китайские рынки, кафе и рестораны, где работают китайцы и общаются на пиджине со своими русскими покупателями и посетителями. Это обусловлено активно развивающимися политическими, экономическими, культурными отношениями между Россией и Китаем, которые благоприятствуют присутствию представителей КНР на российской территории и их занятости в различных сферах деятельности.

Так, нами был установлен факт функционирования русско-китайского пиджина в г. Томск, находящемся далеко от китайской границы, но в котором так же, как и в приграничных городах и многих других городах центра России, имеется китайское присутствие, в том числе и в качестве рабочей силы. В Томске имеется большой китайский рынок, а также несколько китайских ресторанов, где работают повара из Китая, китайская баня.

Для установления языка, на котором общаются с русскими работающие в г. Томск китайцы, нами было проведено полевое исследование на китайском рынке в г. Томск по адресу: Иркутский тракт, 61/2. Была осуществлена запись речи 5 продавцов, являющихся китайцами по национальности: двух мужчин и трёх женщин. Одновременно происходил

сбор социолингвистической информации, в частности, установление изучения ими русского языка как иностранного (например, в школе) и умения писать на русском языке. Никто из них не изучал русский язык специально и не умеет писать по-русски. Необходимый для торговли русский лексический минимум они усвоили непосредственно в ситуации своей профессиональной деятельности или от своих товарищей по работе. Часто они нанимают русских продавцов своих товаров, потому что плохо говорят по-русски. Анализ языковых особенностей их речи показал, что они совпадают с особенностями речи на русско-китайском пиджине, описанными нами ранее [5, с. 125–143]: *Повара уехала Пекин, Ломан (вместо Роман)* и т. п. Таким образом, по языковым особенностям ломаной русской речи китайцев на китайском рынке в г. Томск, а также по их социолингвистическим характеристикам мы можем утверждать, что в г. Томск локально функционирует такой идиом, как русско-китайский пиджин.

Подводя итоги размышлениям об особенностях бытования современного русско-

китайского пиджина, мы должны отметить следующие его особенности:

1. Русско-китайский пиджин имеет широкое распространение, поскольку поддерживается общественно-политическим контекстом настоящего времени.

2. Русско-китайский пиджин имеет несколько территориальных разновидностей: дальневосточный, забайкальский и, возможно, другие.

3. Русско-китайский пиджин имеет локальное проявление в тех населённых пунктах России, где есть китайские предприятия торговли и услуг, рабочий контингент которых в устной речевой коммуникации с носителями русского языка пользуется пиджином.

4. Все отмеченные нами территориальные варианты русско-китайского пиджина возникли независимо друг от друга и в той специфичной форме, которая является результатом столкновения двух типологически различных языковых систем – русского и китайского языков, всякий раз дающих аналогичное языковое образование.

Источники и литература

1. **Александров А. А.** Маймачинское наречие // Русский филологический вестник / под ред. А. И. Смирнова. Т. XI. Варшава, 1884. С. 160–163.
2. **Беликов В. И., Крысин Л. П.** Социоллингвистика. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. 439 с.
3. **Вахтин Н. Б., Головкин Е. В.** Социоллингвистика и социология языка. СПб.: Гуманитарная академия; Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. 336 с.
4. **Жданова Н. А.** Современный русско-китайский пиджин Забайкалья в структурно-системном и коммуникативном аспектах (на материале китайского этнолекта): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Улан-Удэ, 2016. 18 с.
5. **Оглезнева Е. А.** Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания. Благовещенск: АмГУ, 2007. 264 с.
6. **Перехвальская Е. В.** Русские пиджины. СПб.: Алтай, 2008. 363 с.
7. **Петрова Т. И., Петрова В. И.** Вывески на улицах города Хуньчуня: особенности русско-китайского языкового взаимодействия // Вестник Азиатско-Тихоокеанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы. 2014. № 4. С. 82–85.
8. **Черепанов, С. Н.** Кяхтинское китайское наречие русского языка // Изв. АН. Отд-ние рус. яз. и словесности. 1853. Т. 2.
9. **Шпринцин А. Г.** Проблема китайско-русского диалекта в освещении С. А. Врубеля // Революция и письменность. М.: Власть Советов, 1932. № 1–2. С. 103–113.
10. **Шпринцин А. Г.** О русско-китайском диалекте на Дальнем Востоке // Страны и народы Востока. 1968. Вып. VI. С. 86–100.
11. **Шухарт Г.** Маймачинское наречие // Русский филологический вестник / под ред. А. И. Смирнова. Варшава, 1884. Т. XI. С. 318–320.
12. **Jablonska A.** Jezykmieszanychinsko-rosyjskiwMandzurii // Przegladorientalistyczny. Warszawa, 1957. № 2. С. 157–168.
13. **Ян Цзе.** Забайкальско-маньчжурский препиджин: опыт социолингвистического исследования // Вопросы языкознания. 2007. № 2. С. 67–74.

УДК 81(510)
ББК Ш10(5 Кит)

*Светлана Витальевна Гордеева,
Олег Викторович Пустовалов,
Хэйхэйский университет,
г. Хэйхэ, КНР*

«Русские» деревни Китая: к вопросу о русско-китайском языковом взаимодействии на приграничных территориях

В статье представлены результаты исследования русско-китайского языкового взаимодействия на территории приграничного Китая. В основу исследования положен анализ русской речи представителей второго и третьего поколений потомков переселенцев из России 20–40-х гг. XX в. Территория исследования: приграничные сёла уездов Сюнькэ и Сунью провинции Хэйлунцзян, расположенные на правом берегу реки Амур.

Ключевые слова: межъязыковое взаимодействие, языковая ситуация, речевой портрет, межъязыковая интерференция, русско-китайский пиджин

*Svetlana V. Gordeeva,
Oleg V. Pustovalov,
Heihe University,
Heihe, China*

«Russian» Villages of China: on the Issue of Russian-Chinese Linguistic Interaction in Frontier Areas

The paper presents the results of a study of the Russian-Chinese linguistic interaction in border areas of China. Russian speech of immigrants that represents second and third generation of those who immigrated from Russia in 1920–1940 years is the base of the study. Studied territories are border villages of Xunkeand Sunwu in Heihe city of Heilongjiang province; these territories are located on the right bank of the Amur river.

Keywords: Linguistic interaction, language situation, speech portrait, interlingual interference, Russian-Chinese pidgin

Сближение территорий Российского царства и Цинской империи вследствие расширения границ обеих стран предопределило зарождение российско-китайских контактов: политических, экономических и, безусловно, языковых. Одним из результатов развития российско-китайских отношений стало появление на приграничных территориях Китая поселенцев из России. Сегодня потомки переселенцев являются гражданами многонационального Китая и принадлежат к одному из национальных меньшинств, а именно к русским («эпосыцзу»). Многие из них – потомки от смешанных браков, некоторые до сих пор являются носителями русского языка.

Благодаря материалам, полученным в процессе двух научно-исследовательских экспедиций (2011, 2012 гг.), мы имеем возможность описать характер русско-китайско-

го языкового взаимодействия в так называемых «русских» сёлах приграничного Китая и исследовать русскую речь потомков переселенцев – жителей этих сёл. Экспериментальной базой исследования послужили записи устной речи потомков переселенцев из России 20–40-х гг. XX в., составившие более 15 часов звучания и около 200 страниц расшифрованного текста [5]. И вот к каким результатам мы пришли.

1. В процессе исследования установлены ареалы шести «русских» сёл на территории провинции Хэйлунцзян (правобережье реки Амур) [2, с. 51–60].

Вынужденные переселенцы из России приходили на правый берег Амура с конца 1920-х – начала 1930-х гг. и в 1940-е гг. Причины переселения: тяжёлые условия жизни на родине (коллективизация, голод, потеря

кормильца). Русская диаспора правобережья Амура была не так многочисленна, как в Харбине [1; 3] и других достаточно крупных местах расселения эмигрантов из России: Синьцзяне [1; 4; 6] и Внутренней Монголии [1; 7]. Отличалась она и по социальному составу: была представлена в основном выходцами из крестьянской среды. Также специфической чертой приграничной эмиграции на Амуре стало её женское лицо: подавляющее большинство переселенцев – женщины, нередко уходившие в Китай вместе с мужьями-китайцами.

Переселенцы приходили из Приамурья, в частности из сёл Коршуновка, Поярково, Чесноково, Ключи, Архара, селились на правом берегу Амура в сёлах уезда Сюнькэ, которые в настоящее время носят названия Бяньцзян (边疆村), Чэлу (车陆湾子), Вэйдун (卫东), Хунцзян (宏疆), Шандаогань (上道干), Сядаогань (下道干), а также в селе Хадаянь (哈达彦村) уезда Сунью городского округа Хэйхэ. Наибольшее количество переселенцев из Приамурья сосредоточилось в селе Бяньцзян (Сяодинцзы). Значительное количество русских переселилось также в сёла Хунцзян и Хадаянь. В настоящее время села Бяньцзян, Хунцзян и Хадаянь носят официальный статус русских национальных сел.

Косвенно о числе русских переселенцев на правом берегу Амура в 20–40-х гг. XX в. можно судить по имеющимся современным данным. Так, в Бяньцзян в настоящее время насчитывается 311 семей, в 146 из которых есть потомки русских переселенцев. Численность населения села – 1087 чел., из них 364 чел. (44,1 % от общего числа) имеют русские корни. В селе Чэлу – 456 семей, 1983 чел. Из них в 61 семье проживают 268 чел. русского происхождения (14% от общего числа населения) [9]. В Хадаяне в настоящее время проживают более 300 семей, в 50 из которых есть потомки русских [8, с. 115].

2. Исследована языковая компетенция и степень сохранности русского языка у потомков русских переселенцев разных поколений, определены факторы, влияющие на уровень языковой компетенции в условиях русско-китайского взаимодействия [2, с. 111–122].

Русский язык в сёлах правобережья Амура демонстрирует крайне низкую степень сохранности. Ключевыми факторами, формирующими языковую компетенцию потомков переселенцев, явились: смешанные браки, место проживания семьи (Китай) и

языковая среда, узость сферы употребления и низкая демографическая мощь русского языка, невысокий уровень образования и культуры его носителей, отсутствие атрибутов русской культурной жизни, владение лишь устной формой русской речи, неблагоприятная общественно-политическая обстановка в стране (в частности, культурная революция).

Основным языком для всех жителей исследованных сёл в настоящее время является китайский. Уровень владения русским языком различен и зависит от поколения по отношению к русским переселенцам, возраста, уровня образования, различных субъективных факторов (наличия/отсутствия интереса, склонности к языку, способностей к его изучению, тесной духовной связи с русской матерью, бабушкой и др.). Как правило, русский язык сохранился лишь у немногих представителей второго поколения (отнюдь не у всех) и находится в пассивном употреблении. В третьем и последующих поколениях русский язык почти полностью утрачен.

3. Исследована и описана в динамике, а также с учётом типологических признаков (количественных, качественных, оценочных) языковая ситуация, существовавшая в сёлах правобережья Амура в конце XIX – начале XXI вв. [2, с. 60–86].

Данная языковая ситуация не была статичной и претерпевала изменения, обусловленные факторами социально-политического и собственно лингвистического характера. На территории исследования функционировали языки как родственные и типологически сходные, так и генетически далекие и типологически различные. В числе идиомов был русский язык, не отличающийся однако высоким уровнем демографической и коммуникативной мощи и функционирующий в устной, диалектной форме. Анализ языковой ситуации показал в целом типичный способ межъязыкового взаимодействия, характеризующийся доминированием государственно-государственного титульного китайского языка.

4. Выявлены порождённые данной языковой ситуацией типы языкового существования, демонстрирующие различный уровень языковой компетенции потомков русских эмигрантов приграничного Китая [2, с. 101–111].

Были опрошено 42 информанта, 27 из них – потомки русских переселенцев – представители разных поколений и разных возрастов, как чистые русские (6 из опрошенных), так

и потомки от смешанных браков (таких большинство). На основе анализа речевых материалов нами выделены типы языкового существования, условно обозначенные как А, Б, В и Г, которые демонстрируют различную языковую компетенцию информантов (см. табл. 1).

Типы А и Б характеризуют качество и степень сохранности языка русских переселенцев в Китай 20–40-х гг. XX в. В единичных случаях (Тип А) мы наблюдаем сохранение русского «исконного» языка переселенцев, имеющего диалектные особенности, в пассивном употреблении в большинстве случаев (Тип Б) сохраняются лишь его реликты.

Тип В открывает возможный путь возрождения русского языка у некоторых потомков переселенцев вследствие целенаправленного изучения и использования в профессиональной деятельности. Русский язык здесь представлен литературной формой, но лишён материнской основы и является выученным вне родной языковой среды. Языковое образование в рамках типа Г нельзя квалифицировать как русский язык. Это русско-китайский пиджин – элементарное средство коммуникации в ситуациях неофициального общения китайцев с русскими, имеющее, безусловно, свои яркие черты.

Таблица 1

Типы языкового существования в приграничных сёлах Китая

Тип языкового существования и его характеристика	Представители типа
<i>Тип А. Сохранение русского языка при коммуникативном доминировании китайского. Устная форма русской речи, не имеющая письменного закрепления. Присутствуют разговорные и диалектные черты, наблюдается интерференция под влиянием китайского языка</i>	Мария (Цю Цзиньсю) и Екатерина (Чжан Цзиньлу), с. Бяньцзян; Полина (Чжан Гуйлан), с. Вэйдун – 2-е поколение
<i>Тип Б. Сохранение реликтов русского языка при коммуникативном доминировании китайского языка. Русский язык как средство общения утрачен. Знание отдельных русских слов и фраз, которые произносятся в соответствии с фонетическим стандартом китайского языка и используются как заимствования, утратив как первоначальный звуковой облик, так и грамматические категории</i>	Большинство информантов, в основном представители 2-го и 3-го поколений
<i>Тип В. Знание русского языка, усвоенного в результате специального изучения, при коммуникативном доминировании китайского языка. В русской речи наблюдаются отклонения от норм русского литературного языка: акцент, грамматические и речевые ошибки, обусловленные влиянием китайского языка. Диалектные особенности отсутствуют</i>	Пётр, п. Сюнькэ, ранее – с. Бяньцзян, 2-е поколение, Феня, Люба, Валя, Вера, г. Хэйхэ, ранее – с. Бяньцзян, 3-е поколение
<i>Тип Г. Использование русско-китайского пиджина как контактного языка при коммуникативном доминировании китайского языка</i>	Михаил (Фэн Сочжу), с. Бяньцзян, 3-е поколение

Создание типологии языковых личностей позволило обозначить и исследовать формы русско-китайского языкового взаимодействия на территории приграничных сёл Китая. Это: интерферированная русская диалектная речь, интерферированная русская литературная речь и русско-китайский пиджин.

5. Созданы речевые портреты потомков переселенцев, демонстрирующие чер-

ты языковой личности в условиях межъязыкового взаимодействия [2, с. 122–172].

Речевые портреты созданы с учётом типов языкового существования и включают социолингвистическую характеристику, описание языковой компетенции, а также поуровневый анализ речи информанта. Информация о портретируемых представлена в табл. 2.

Таблица 2

Потомки русских переселенцев в приграничный Китай 20–40-х гг. XX в.

Информант	Полина (Чжан Гуйлан) 1927 г.	Екатерина (Чжан Цзиньлу) 1932–2011 гг.	Мария (Цю Цзиньсю) 1931 г.	Феня (Фэн Лицинь) 1969 г.	Михаил (Фэн Сочжу) 1956 г.
Параметры					
Поколение	второе	второе	второе	третье	третье
Языковой тип	тип А	тип А	тип А	тип В	Тип Г
Вид билингвизма	естественный	естественный	естественный	искусственный	–
Форма языка	диалектная устная форма русского языка			литературная форма русского языка	русско-китайский пиджин
Мать этнич. принадлежность языковая компетенция	русская Р	русская Р	русская Р/К	метиска К/Р	метиска К/Р

Отец этнич. принадлежность языковая компетенция	русский Р	русский Р	китаец К/Р	метис К/Р	метис К/Р
Муж / жена этнич. принадлежность языковая компетенция	русский Р/К	метис К/Р	метис К/Р	китаец К	китайка К
Домашний язык	Р/К, затем К/Р	К/Р	К/Р	К	К
Основной язык в 2011 г.	К	К	К	К	К
<i>Примечание: Р – русский язык; К – китайский язык</i>					

Исследование речи представителей типа А показывает степень сохранности русского языка, динамику изменений в условиях языкового контакта, а также даёт представление о первоначальной форме русского языка переселенцев. Языковая компетенция включает два языка: китайский – основной, русский – второй, в пассивном употреблении. Русский язык усвоен естественно и отличается от современного русского литературного языка: на всех уровнях проявляются диалектные черты, наблюдается интерференция под влиянием китайского языка. Особенность речи – значительная степень вариативности.

Речевой портрет представителя типа В демонстрирует литературную форму русского языка, усвоенную искусственно, хотя в устной русской речи информанта наблюдаются некоторые отклонения от норм русского литературного языка: акцент, грамматические и речевые ошибки. Причинами отклонений являются, на наш взгляд, не достаточно высокий уровень владения русским языком и интерференция под влиянием китайского языка, родного для информанта. Диалектные особенности в речи отсутствуют.

Речевой портрет представителя типа Г описывает языковую компетенцию, включающую китайский язык и русско-китайский пиджин, использующийся в качестве контактного языка для общения с русскими. Черты пиджина отчетливо проявляются в речи информанта на всех языковых уровнях: фонетическом, грамматическом, лексическом.

6. Определены активные зоны интерференции в русской речи потомков русских переселенцев в приграничный Китай [2, с. 172–192].

Анализ речи информантов на предмет интерференции показал её наличие на всех уровнях языковой системы. Набор черт, возникших в результате влияния китайского языка, и интенсивность проявления интерференции в речи информантов несколько различны, что объяснимо разностью лингвисти-

ческих и социальных особенностей. Наиболее ярко интерференция выражена на фонетическом и грамматическом уровнях, в лексике она незначительна. Примеры интерференции в фонетике: субституция звуков, вокализация речи, тональное произношение, наиболее активная зона взаимодействия – звуковой состав, менее подвержены влиянию структура слога и просодика. На грамматическом уровне интерференция проявляется, главным образом, косвенно: в неразличении и неправильном употреблении грамматических форм, использовании одного разряда частей речи вместо другого, неправильном выборе или утрате предлогов. Однако в речи носителей диалектной формы языка частотны примеры прямой интерференции: использование формальных показателей и синтаксических моделей китайского языка. В лексике интерференция представлена незначительной долей вкраплений из китайского языка, проявляющихся фонетически, а также наличием семантических калек. Интерферированная речь информантов демонстрирует уязвимые участки русской языковой системы при русско-китайском двуязычии, а также особенности речевого поведения при постепенном переходе билингва к монолингвальному типу речевого поведения.

Результаты исследования демонстрируют неоднозначность феномена русского восточного зарубежья, открывая новые перспективы научных изысканий в данном направлении. На микроуровне это продолжение исследований на севере и северо-востоке провинции Хэйлунцзян для расширения источниковедческой базы, пополнения речевых и справочных материалов новыми фактами; на макроуровне – исследование русского языка, его особенностей и путей изменения в других районах приграничного Китая, а именно, в приграничных районах Внутренней Монголии и Синьцзян-Уйгурского автономного района, где могут быть свои характерные черты, обусловленные историческими и социальными факторами.

Источники и литература

1. **Аблажей Н. Н.** Эмиграция из России (СССР) в Китай и реэмиграция в первой половине XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Новосибирск, 2008. 47 с.
2. **Гордеева С. В.** Русский язык в приграничном Китае (на материале речи русских переселенцев в Китай 20–40-х гг. XX в. и их потомков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Благовещенск, 2014. 238 с.
3. **Оглезнева Е. А.** Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. 352 с.
4. **Попов А. В.** Русская диаспора в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. [Электронный ресурс]. М.: Институт российской истории РАН, 2001. Режим доступа: http://www.zarubezhje.narod.ru/texts/chss_1102.htm (дата обращения: 06.05.2013).
5. **Русские деревни Китая: записи русской речи.** Материалы научно-исследовательских экспедиций по приграничным сёлам провинции Хэйлуцзян КНР: в 2 ч. / С. В. Гордеева // Фонотека архива лаборатории региональной лингвистики Амурского государственного университета. Благовещенск, 2011–2012. 204 с.
6. **Синьцзян** / под ред. Е. М. Жукова // Советская историческая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1973–1982.
7. **Тарасов А. П.** Русские в приграничном Китае // Восток. 2005. № 4. С. 65–82.
8. 崔英锦, 吴林柏黑龙江俄罗斯族实地调查述略 - 以黑河地区为例 [Цуй Инцзинь, У Линьбо Краткое изложение итогов полевых исследований, посвящённых этническим русским провинции Хэйлуцзян – на материале округа Хэйхэ] // 林区教学. 2010. № 2. С. 115–116.
9. 黑龙江省逊克县扶持人口较少民族发展 «十二五» 专项建设规划 – Программа оказания поддержки развитию малых национальностей уезда Сюнькэ провинции Хэйлуцзян в период двенадцатой пятилетки [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.xunke.gov.cn/show_one.asp?id=21107 (дата обращения: 12.02.2013).

УДК 81'1

ББК Ш100.63

Андрей Владимирович Красовский,

Хэйхэский университет,

г. Хэйхэ, КНР

Культурно-обусловленные лексические средства выражения категории вежливости в русской и китайской лингвокультурах

В данной статье рассматриваются лексические средства русского и китайского языков сквозь призму категории вежливости. В работе акцент сделан на том, как вежливость реализуется в обеих лингвокультурах. Актуальность исследования обусловлена большим интересом современной лингвистики к прагматическим исследованиям языка, т. к. ввиду расширения границ международного сотрудничества появляется необходимость знать и выполнять речевые стратегии, которые ведут к успешному процессу коммуникации.

Ключевые слова: категория вежливости, лингвокультура, приветствие, коммуникативная ситуация, благодарность, формула речевого этикета

Andrey V. Krasovskiy,

Heihe University,

Heihe, China

Culturally Based Lexical Methods of Expressing the Category of Politeness in Chinese and Russian Linguistic Cultures

This paper discusses the lexical funds of Russian and Chinese languages through the prism of the category of politeness. In the work the emphasis is on how politeness is realized in both linguistic cultures. The relevance of the study is due to the great interest of modern linguistics to the pragmatic studies of language,

as well as to the expansion of the boundaries of international cooperation. Therefore, there is a need to know and apply speech strategies that lead to successful communication process.

Keywords: category of politeness, linguistic culture, greeting, communicative situation, the gratitude, the formula of speech etiquette

Для современной лингвистики характерен антропоцентрический подход к исследованию языковых явлений, соединяющих лингвистический анализ и изучение сознания человека, его духовной и практической деятельности. В этой связи возрастает научный интерес к национально-культурному аспекту исследования языка, к исследованию единиц языка и речи, отражающих явления, типичные для лингвокультурной общности носителей языка.

Ввиду роста масштабов межкультурного сотрудничества, проблема вежливого речевого поведения привлекает внимание многих специалистов, предметом изучения которых является коммуникативный процесс как таковой. Однако обращает на себя внимание то, что данная проблематика практически не рассматривалась в сопоставительном аспекте в русском и китайском языках.

Материалом нашего исследования послужили формулы речевого этикета, которые были использованы в русских и китайских диалогах из учебных пособий, а также данные словарей. Мы считаем, что при составлении этих диалогов авторы пособий уделяли большое внимание лингвострановедческому компоненту, поэтому этикетные формулы в них выражены наиболее ярко и дают достаточно полное представление о вербализации категории вежливости в русской и китайской культурах. Анализируя источники, мы пришли к выводу, что и в русском, и в китайском языках есть идентичные лексические средства выражения вежливого приветствия (您好 Nin hao – Здравствуйте, 早上好 Zaoshang hao – Доброе утро 下午好 Xiawu hao – Добрый день, 晚上好 Wanshang hao – Добрый вечер, 认识您我很高兴 Renshi nin wo hen gaoxing – Рад с вами познакомиться и др.). Данные лексические средства в обеих культурах вежливы и актуальны в ситуации приветствия, а при переводе и понимании контекста не нанесут урон коммуникации. Они универсальны и не отражают особенности определённой этнолингвокультуры [5, с. 12].

В то же время в китайском языке встречаются приветственные выражения, аналоги которых отсутствуют в русском языке. Более

того, в контексте русской культуры при буквальном переводе они теряют своё назначение и становятся неуместными, например: 你吃了吗? Ni chile ma? «Ты поел?» или 你去哪儿? Ni qu naer? «Куда ты идёшь?», а в китайском языке эти выражения приветствия подчеркивают заботу и участие собеседника.

Отдельно слова «есть», «идти» не являются лексическими средствами выражения вежливости и в той, и в другой культуре. Но в китайской культуре фразы 你吃了吗? Ni chile ma? «Ты поел?» или 你去哪儿? Ni qu naer? «Куда ты идёшь?» – наиболее вежливые и традиционные обороты, применяемые в качестве приветствия в повседневной жизни и в литературных произведениях. Лексика языка, его устойчивые этикетные выражения репрезентируют национальную культуру, и нас интересует адекватность и эквивалентность перевода этнокультурно-обусловленных выражений с китайского языка на русский, несмотря на глубокие культурные различия. Под этнокультурно-обусловленными лексическими выражениями мы подразумеваем такие, которые в однотипной ситуации в одном языке будут вежливыми, а в другом могут не быть таковыми.

Исходя из вышесказанного, этикетные выражения 你吃了吗? Ni chile ma? «Ты поел?» или 你去哪儿? Ni qu naer? «Куда ты идёшь?» мы классифицируем как этнокультурно-обусловленные. Так, если китаец при встрече вместо обычного приветствия спросит русского «Ты поел?», перенося особенности своей культуры в русскую лингвокультурную среду, – это затруднит процесс коммуникации, русский собеседник не поймёт говорящего китаец. Необходимо учитывать, что мы говорим об определённой коммуникативной ситуации. Выражения 你吃了吗? Ni chile ma? «Ты поел?» или 你去哪儿? Ni qu naer? «Куда ты идёшь?» также употребляются в своём непосредственном значении, в стандартных для данной лексики ситуациях, но в таком случае они непосредственно не несут контекста вежливости. Поэтому студентов-иностранцев, которые только начинают изучать китайский язык в контакте с носителем языка, сразу же предупреждают, что в форме приветствия такие вопросы не тре-

буют подробного ответа. На вопрос 你吃了吗? Ni chile ma? «Ты поел?» можно ответить 啊 А. «Ага» или 吃了 С hile «Поел». Хотя также достаточно лишь просто кивнуть головой. Услышав приветственный вопрос 你去哪儿? Ni qu naer?, можно ответить 外边 Waibi-an, дословно – «Наружу», что будет означать, что «мои дела здесь закончены и мне нужно идти в другое место», а можно простым жестом головы указать на выход из помещения. Эти слова и жесты также являются проявлением ответной вежливости.

Рассмотрим формальные этикетные речевые ситуации. Как известно, они обусловлены соблюдением большого количества этикетных вербальных и невербальных норм [2, с. 86].

Около двадцати лет назад в Китае при формальной встрече и прощании помимо речевого общения кланялись друг другу. Сейчас эта традиция уходит, но до сих пор сохранился лёгкий, еле заметный наклон торса, который сопровождается такими лексическими средствами, как: 您好! Nin hao «Здравствуйте!», 认识您我很高兴! Renshi nin wo hen gaoxing «Рад с Вами познакомиться!». В китайском и русском языках в формальной ситуации в приветствиях будет меняться обращение «ты» (你 Ni) и «Вы» (您 Nin). Последнее в обеих рассматриваемых культурах используется при подчёркнутом уважительном обращении [1, с. 20–21].

Одними из наиболее частотных общепринятых формул при обращении к незнакомому человеку с какой-либо просьбой или вопросом в русском языке, являются фразы «извините, пожалуйста», «простите, пожалуйста». Эти штампы обычно являются началом разговора с незнакомым человеком с целью выяснить, как пройти или проехать куда-либо, получить разъяснения по какому-либо вопросу и т. п.

В китайском языке в вышеописанных условиях нельзя употреблять устойчивое выражение 对不起 Duibuqi «Извините», «Прошу прощения». Оно употребляется, когда говорящий в самом деле виновен, осознал свою вину и действительно пытается извиниться за свой проступок. В случае возникновения ситуации неловкости китайцы используют выражение 不好意思 Bu hao yisi «Извините за неудобство». Таким образом, стандартные извинения, характерные для русского речевого этикета, для привлечения внимания в китайском языке не подходят. В ранее описанной ситуации, когда необходимо при-

влечь внимание незнакомого человека, здесь существуют специальные вежливые выражения 请问 Qingwen «Скажите, пожалуйста», либо 麻烦您 Mafan nin «Простите за беспокойство» (дословно: «беспокою вас»), 打扰您了 Darao nin le «Простите за беспокойство» (дословно: «мешаю вам»), которые сопоставимы с русскими примерами привлечения внимания незнакомых людей [4, с. 35–38].

Если сравнивать лексику, выражающую просьбу или предложение, то в русском языке в основном все вежливые просьбы и предложения оформляются лексической единицей «Пожалуйста». В китайском языке помимо более формального 劳驾 Laojia «Будьте любезны», мы находим эквивалент 请 Qing «Пожалуйста». В русском же языке наравне с ним употребляются и грамматические средства выражения вежливости. При прямом способе просьба выражается эксплицитно: императивными «Помогите мне, пожалуйста» и декларативными «Я прошу вас помочь мне» высказываниями. В русской коммуникации императив закреплён не только за выражением директивных речевых актов (команды, приказа). Его роль также значительна и в выражении просьбы. Важно отметить, что «Пожалуйста» в русском языке является эффективным модификатором императива. Его функция – быть индикатором вежливости.

В китайском языке 请 Qing «Пожалуйста», как лексическая единица, не просто смягчает предложение или служит модификатором, а выводит предложение на более высокий уровень вежливости.

Между тем в китайском языке нет однозначного эквивалента для русского «пожалуйста» в качестве ответа на благодарность. Ответная реплика зависит от содержания высказывания, а лексические средства ответной реакции на благодарность достаточно скудны. Самыми вежливыми из них будут 不用客气 Bu yong keqi «Не стоит благодарности» (дословно «Не применяйте церемоний») и 不用谢 Bu yong xie «Не за что благодарить» (дословно «Не применяйте благодарность»). Часто в неформальной обстановке глагол 用 Yong «применять», «использовать» опускается, в результате чего получаются устойчивые конструкции 不(别)客气 Bu (bie) keqi и 不谢 Buxie, представляющие собой эквивалент русского «Не за что». Переводя эти лексические единицы на русский язык дословно, китайцы могут ответить «Не спасибо». Подобные результаты интерференции наблюдаются и у русских, когда в ответ на благодарность

они переводят на китайский язык слово «Пожалуйста», как 请 Qǐng, что является грубой ошибкой, поскольку эта лексическая единица в китайском языке используется только в ситуации просьбы [5, с. 25].

В силу различия культур в китайском языке благодарность может выражаться несколькими другими лексическими средствами, которые в русском языке могут быть и вовсе невежливыми. Носитель русского языка, услышав такую благодарность, может удивиться, речевая коммуникация может быть затруднена. Особые проблемы при переводе на русский язык часто вызывает выражение 辛苦了 Xǐnkule. Дословно его можно перевести как «Вы устали», что с точки зрения носителя русского языка не является выражением благодарности. Однако эта фраза наиболее частотна в случаях, когда руководитель или коллеги благодарят сослуживцев за проделанную работу [3, с. 96]. К тому же необходимо помнить, что использование этой фразы по отношению к себе нескромно, а потому недопустимо. Поэтому мы относим это выражение в разряд этнокультурно-обусловленной лексики.

Благодарность может сопровождаться жестами. У мужчин западных культур, это, главным образом, рукопожатие. В Китае – это чаще всего неглубокий поклон. Существуют специфические выражения благодарности, словесно описывающие жест и обычно им сопровождаемые. Чаще всего это стилистически более высокое выражение благодарности [2].

Отметим, что китайцы не благодарят за незначительные услуги. Не принято также благодарить родных и близких друзей. Благодарность за незначительную услугу у русских – правило вежливого общения. Угощение, подарок, повышенное внимание в русском общении могут дополнить благодарность, но не могут полностью заменить её словесное выражение, как у китайцев.

Из проведённого нами анализа следует, что проблемы лексической стилистики тесно сопрягаются с проблемами культуры речи. Почти во всех рассмотренных нами речевых ситуациях мы можем выделить этнокультурно-обусловленную и этнокультурно-необусловленную лексику.

Этнокультурно-обусловленная лексика, используемая в речевом этикете, может находить эквиваленты в другом языке, но не нести ту же коннотацию и семантику, либо вообще не употребляться в идентичной ситуации в сопоставляемом языке. Также довольно часто такая лексика несёт несколько значений, будучи зависимой от контекста.

Выделяя этнокультурно-обусловленную лексику, мы выяснили, что категория вежливости зависит от структуры и культуры языка. Нарушая постулаты категории вежливости, принятой в определённой национальной лингвокультуре, и неверно используя средства её выражения, представители разных культур могут быть неправильно поняты друг другом, а процесс коммуникации между ними может стать невозможным.

Источники и литература

1. **Корнилов О. А.** Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: Наука, 2003. С. 15–27.
2. **Ларина Т. В.** Категория вежливости в русской и английской коммуникативных культурах. М.: Академия, 2003. С. 23–29.
3. **Тань Аошуан.** Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004. 314 с.
4. **刘圆媛, Красовский А. В.** 实用商务俄语口语王: 想说就说. 北京: 中国宇航出版社, 2012. 376 页.
5. **刘玉英,** 大学俄语听说教程(第2版), 下册 /刘玉英, 白振海 –北京: 高等教育出版社. 2006. 223 页.

УДК 82

ББК Ш33(2=411)

Сергей Владимирович Петухов,

*Ленинградский областной институт развития образования,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Русская литература в Китае: границы влияния, восприятия, интерпретации

В статье рассматриваются границы влияния, восприятия и интерпретации русской литературы в Китае. Новые литературоведческие наблюдения подтверждаются данными социологического опроса, который был проведён среди китайских магистрантов и аспирантов, изучающих русскую словесность. В работе представлены основные положения авторского исследования, в ходе которого обозначился созданный в китайском сознании литературный образ современной России.

Ключевые слова: русская литература, российские писатели, рейтинг читаемости, национальные смыслы, другая культура

Sergey V. Petukhov,

*Leningrad Regional Institute of Education Development,
Saint-Petersburg, Russia*

Russian Literature in China: Borders of Influence, Perception, Interpretation

The article examines the limits of influence, perception and interpretation of Russian literature in China. New literary observations are confirmed by data from a sociological survey conducted among Chinese undergraduates and post-graduate students studying Russian literature. The paper presents the main provisions of the author's research, during which the literary image of modern Russia, created in the Chinese consciousness, was identified.

Keywords: Russian literature, Russian writers, readership rating, national meanings, other culture

Китай и Россия, как две крупные и дружественные страны, связаны не только серьёзными дипломатическими и экономическими отношениями, но и тесно пересекаются в области культуры и литературы. Социокультурное пространство Поднебесной не раз меняло амплитуду своего существования. Освоение и интерпретация Китаем русской литературы в XX в. были неравными, что можно объяснить периодическими имманентными изменениями в культуре. Отношения европейского сознания с Востоком всегда оставались нелинейными. За столетнюю историю освоения Китаем русской литературы наблюдались этапы взлётов (период 50-х гг. XX в.) и катастроф (период «культурной революции»). Эти перепады можно объяснить излишней политизацией и идеологизацией. Сегодня, когда идеология отходит на второй план, освоение литературного наследия представляется в совершенно ином ключе. Приоритетное значение приобретают эстетические, этические и духовные ценности.

Развитие национальной и восприятие русской литературы в Китае обуславливается сменой культурно-исторических парадигм (становление государственности, период «русский с китайцем – братья навек», культурная революция, политика Дэн Сяо Пина, новейшее время – существование в едином информационном пространстве).

Фактической точкой отсчёта в освоении переводчиками, исследователями и читателями Поднебесной русской литературы можно считать 1903 г., когда на китайский язык была переведена первая русская книга – повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Наследие гения открывалось Китаем на протяжении всего XX в. Память о русском творце увековечена китайцами двумя пьедесталами: в Шанхае – на улице Юэлянлу (что в переводе означает «Улица луны») и в городе Нинбо. Памятники Пушкину – не только символ любви к великому русскому поэту, но и свидетельство глубокого влияния русской культуры на общественную и интеллектуальную жизнь Китая.

Интерес к русской классической литературе в Китае выразился и в обращении китайских переводчиков и литературоведов к творчеству Н. В. Гоголя. Бюст русского писателя и улица его имени в Харбине – свидетельство живого освоения наследия классика на Востоке.

Одним из самых любимых китайцами авторов стал А. П. Чехов. Его пьесы – «Вишнёвый сад», «Три сестры», «Дядя Ваня» – не сходят с театральных подмостков Поднебесной. Ежегодно в разных городах Китая проводятся чеховские фестивали.

Русская классическая литература, по мнению целого ряда исследователей, оказала сильное влияние на жизнь китайцев. Однако и современная литература находится в сфере интересов китайских филологов. Такие масштабные мероприятия, как Год России в Китае и Год русского языка в Китае, значительно способствовали распространению современной русской литературы. Вместе с тем китайские издательства инициируют специальные проекты по переводу, внедрению, вхождению, аккумуляции и интеграции российского литературного «продукта». «Благодаря разнообразию тематики, творческих методов и художественных стилей русская литература вновь завоевала сердце китайцев», – утверждает профессор Нанкинского университета Чжан Цзюньсян [2, с. 68]. Контаминация тематика – метод – стиль, обозначенная китайским учёным, требует тщательного анализа и небольших национальных обобщений.

Русская классика и современная литература продолжают своё «триумфальное» шествие по континентальному и островному Китаю. Их популяризации во многом способствуют как российские писатели, принимающие участие в ежегодной Пекинской книжной ярмарке и амбициозных проектах китайских издательств, так и сами китайские переводчики и филологи, активно участвующие в поддержке социокультурного диалога двух великих держав. Однако до сих пор в Китае классика «золотого века» русской литературы и художественные достижения советской эпохи «перекрывают» тиражи и влияние современной российской книги, о чём свидетельствуют проведённые нами социологические исследования, на основе диагностики и мониторинга которых выявлен рейтинг читаемости русской литературы в Китае.

Всего было опрошено 80 респондентов – китайских аспирантов и магистрантов,

возраст которых составляет 24–26 лет. На вопрос «Какого русского писателя-классика Вы считаете самым популярным в Китае?» 65 чел. указали А. С. Пушкина. Второе место по популярности занял Л. Н. Толстой, третье – Н. В. Гоголь. На вопрос «Какие произведения русских классиков наиболее известны в Китае?» 60 чел. ответили «Война и мир», 20 чел. – «Мёртвые души». Произведения Пушкина и Чехова не назвал никто. Это свидетельствует о том, что восприятие китайскими читателями творчества художника слова расходится со знанием его биографии. Пушкина знают все, а его «Капитанскую дочку» и, тем более, «Маленькие трагедии», знают немногие, с другой стороны, роман «Война и мир» является доминантным по отношению к биографии Л. Н. Толстого. В восприятии современной русской литературы (точнее, в знании имён современных русских писателей) уверенное первое место с большим трёхкратным отрывом занял А. И. Солженицын, набрав 50 голосов. При этом его повесть «Один день Ивана Денисовича» в рейтинге читаемости также заняла лидирующую позицию – 50 голосов. Творчество В. П. Астафьева знают лучше, чем его биографию. «Царь-рыба» знакома 40 респондентам, а биография автора известна лишь одному из опрошенных. По вопросу «Каких русских писателей Вы изучали (читали) в Китае?» места распределились следующим образом: А. С. Пушкин с небольшим отрывом на первом месте, далее – Л. Н. Толстой и А. П. Чехов. Третья позиция – Н. В. Гоголь, а дальше – И. С. Тургенев и В. В. Маяковский. Интересны результаты ответов на вопросы, связанные с эмоциональным восприятием русской литературы. На вопрос «Почему Вы изучаете (читаете) русскую литературу?» 45 респондентов ответили, что «интересно», «пригодится в будущей профессии», «хочу узнать новое о России». 30 чел. в качестве мотиватора назвали «красивый русский язык». На вопрос «Что такое духовность русской литературы?» 55 чел. ответили «величие», 45 чел. – «открытость», 35 чел. – «чистота», 1 чел. – «радость». Отрадно, что многие китайские студенты всё чаще обращаются к специализированным русскоязычным сайтам. Так, из 80 опрошенных 40 регулярно посещают «Википедию», 25 чел. – библиотеку М. Мошкова, 15 чел. – «Журнальный зал». Проведённое социологическое исследование свидетельствует о положительной динамике в распространении и восприя-

тии русской литературы в Китае: от классики до современного текста.

Самими китайцами было сделано немало в деле распространения и популяризации русской культуры. Первый журнал по русской литературе в Китае появился в 1942 г. – ежемесячник «Сулянь Вэнь» («Литература и искусство СССР»), главным редактором которого был русский китаист В. Рогов – руководитель шанхайского филиала Агентства ТАСС. Этот журнал знакомил китайских читателей с русской и советской литературой. Профессор Чжэн Тиу, декан факультета русского языка Шанхайского университета иностранных языков считает: «Нет ни одной страны, чья культура оказала бы такое глубокое влияние на Китай, как Россия; нет ни одной страны, чья судьба так сильно волновала бы китайский народ, как судьба России. Уверен, в новом, XXI в. перед вызовом глобализации русская культура с её высокими духовными стремлениями и её носитель – русский язык, как и китайская культура, предполагающая гармонию и согласие, и её носитель – китайский язык, должны и могут внести свой незаменимый вклад во взаимопонимание и дружбу народов, защищая разнообразие и многополярность культур мира» [1, с. 23].

Русская литература в современном Китае является генератором и проводником национальных идей и смыслов. Через букву, слово, текст китайский народ открывает для себя ценности русского мира во всём его многообразии, экстраполируя доминирующие модели на собственную историю. Вхождение и восприятие русской литературы в Поднебесной было неоднозначным на протяжении всего XX в. Сложно выстроить единый вектор репрезентации социокультурных смыслов. Однако центростремительной оказывается духовно-нравственная доминанта русского текста, который в китайском восприятии осознаётся целостно: автор – герой, историческое событие – его художественное воплощение, факт – образ, география – пейзаж, реальность – вымысел. Всё это русско-советское («элосы – сулени»), при этом братское, соседское, готовое прийти на помощь и противостоять злу и насилию.

В последнее десятилетие переводы русских произведений выходят в Китае уже через несколько месяцев после их издания в России. Есть вещи, которые почти одновременно появляются на страницах журналов в России и Китае. Например, так было с «Док-

тором Живаго», «Архипелагом ГУЛАГ», «Раковым корпусом».

Русская классическая, в том числе советская литература, по мнению целого ряда исследователей, оказала сильное влияние на жизнь нескольких поколений китайцев. Такие известные авторы, как Пушкин, Чехов и Горький и другие, пользовались широкой популярностью в Поднебесной и до сих пор открываются новым читателям, изучающим русскую литературу. Интересно, что Николай Островский в Китае воспринимается как народный герой Павка Корчагин. Не только героизм, но и бесконечная китайская любовь к безнадёжно больным в силу несправедливости жизни, каким был Островский, и забота о нуждающихся сделали писателя и главного персонажа его творчества культовым непреходящим. При этом необходимо отметить, что в создании этого культа личности активное участие принимала и принимает коммунистическая партия Китая. Павел Корчагин стал идеей, объединившей многочисленный китайский народ и, возможно, этим объясняются его большие экономические достижения. За последнее десятилетие XXI в. Николай Островский издавался в Поднебесной 32 раза полуторамиллионным тиражом.

Постсоветская литература России интересна Поднебесной с точки зрения нового вектора развития. Его задавала эпоха 90-х гг. XX в., допустившая не только свободу слова, но и откровенный разгул, «лихое десятилетие», когда для художника не осталось запретных тем. Новая российская действительность нашла отражение в литературе, как качественной, высокохудожественной, так и «заказной», массовой. Современная русская литература, часто играющая в постмодернизм, получила выход в мир как показатель некоторого разрушения культурного кода классики и соцреализма. Китай к восприятию литературного образа постперестроечной России оказался внимателен и чуток.

В 2002 г. издательство «Жэньминь вэньсюе чубаньшэ» (крупнейшее китайское издательство «Народная литература») и Китайское общество изучения иностранной литературы учредили премию «Лучший зарубежный роман года». В общей сложности десять авторов из России были награждены этой премией, в том числе Юрий Поляков (за роман «Замыслил я побег»), Александр Проханов (за роман «Господин Гексоген»), Валентин Распутин (за роман «Дочь Ивана, мать Ивана»), Захар Прилепин (за роман «Санькя»).

По произведениям наших современных авторов можно определить, какие темы привлекают внимание китайских переводчиков: терроризм, заговор против власти, современная русская революция, радикальная молодёжь, беженцы из России, судьба интеллигенции и постсоветской культуры, царящие в обществе насилие и жестокость, разрушение семьи, деградация русского духа, перипетии российского бизнеса 90-х гг. XX в. и др. Таким выглядит в литературном варианте образ современной России для китайского издателя и немногочисленного читателя.

Русская литература, русский живой текст воспринимаются китайцами как некий идеал, образец, который ничего не навязывает, но и ни к чему не обязывает, при этом обладает важными для жителей Поднебесной целевыми, очищающими, влекущими и, главное, жизнестроительными свойствами.

В XXI в. о стабильности чтения русской литературы в Поднебесной не перестают говорить китайские переводчики и исследователи, а также электронные и печатные СМИ. Но это касается, в основном, классической и советской литературы, которая не теряет своей первоначальной значимости. Так, для Си Цзиньпина и китайских читателей его эпохи русская «золотая» и советская классика являлись «самыми важными книгами молодости», благодаря чему они познакомились с произведениями и героями писателей XIX в. и советских революционных авторов: «Война и мир», «Первая любовь», «Железный поток», «Анна Каренина» и «Как закалялась сталь».

В недавнем интервью «Литературной газете» президент Ассоциации китайских исследователей русской литературы, профессор Лю Вэньфэй заявил: «Русская литература играла очень большую роль не только в области культуры, но даже в области политики и идеологии Китая. Если не считать СССР, по объёму издания русской художественной

литературы и по степени влияния русской литературы на общество Китая занимал первое место во всём мире. В течение столетия мы почти уже перевели всю русскую литературу, в Китае было издано более пяти тысяч наименований произведений русских писателей, общий тираж их составляет миллиард – это одна третья часть всей нашей переводной литературы» [3, с. 11].

Китайский «фильтр» воспринимал и принимал русскую культуру сквозь призму двухтысячелетнего конфуцианства. Уникальность и закрытость Великой Стены Китая, тем не менее, не помешали жителям Поднебесной встретить русскую литературу как родное и близкое, тайное, но очень влекущее. Загадочная русская душа во всём проявлении, воплощённом в текстах классиков, формировала тактические и стратегические цели государства и, прежде всего, порядка и организованности. Идея становится материальной силой, когда она овладевает массами. Никогда в Китае не было проблем с массами, а вот идея, которая не только осмыслена, но и оформлена в русской литературе, – продукт готовый и практически бесплатный.

Народ Поднебесной как бы объединился под знаком «другой», «чужой» культуры. Главными литературными фигурами для Китая стали в начале А. Чехов, Л. Толстой, И. Тургенев, а из времён соцреализма – Н. Островский, М. Горький, Б. Васильев и многие другие авторы, кто идеологически подходил под китайскую конъюнктуру.

Русская литература – неиссякаемый источник смыслов разных уровней: идеациональных, чувственных, идеалистических, эклектических (согласно концепции социокультурной динамики Питирима Сорокина). Китай с его неповторимым своеобразием, уникальностью, даже «ограждённостью» Великой Стеной сегодня трепетно, скрупулезно и чувствительно вчитывается в русский текст, постигая и обретая новые смыслы.

Источники и литература

1. **Русский язык в Китае** // Русский мир. 2009. № 10. С. 22–28.
2. **Чжан Ц.** К вопросу о распространении современной русской литературы в Китае: взгляд переводчика // Сб. материалов междунар. науч.-практич. конф. «XVII Иннокентиевские чтения». Чита: ЗабГУ, 2014. С. 60–70.
3. **Шабеева Т.** Лю Вэньфэй: «Я немного скучаю по глубоким смыслам» // Литературная газета. 2013. № 46. С. 11.

УДК 81'28(571.55)

ББК Ш102.57

Ирина Станиславовна Мерзлякова,

*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Специфика языковой ситуации Забайкалья и языковые заимствования

Языковая природа языка отличается его «открытостью миру», гибкостью и способностью принимать, отражать, транслировать. Благодаря этим свойствам язык может выступать своеобразным повествователем истории своих носителей, свидетелем ярких и судьбоносных событий, фиксирующим в себе важное и необходимое, раскрашивая в соответствующие эмоциональные цвета. Фокусируя внимание на языковых явлениях отдельного региона, можно глубже изучить и понять его историю.

Ключевые слова: язык, диалект, говор, поселенцы, старообрядцы, лексика, культурный диалог, Харбинский русско-китайский пиджин

Irina S. Merzlyakova,

*Transbaikal State University,
Chita, Russia*

The Specific Features of the Linguistic Situation of the Transbaikal Region and Loanwords

The linguistic nature of the language is its «openness to the world», flexibility and ability to adopt, reflect, transmit. Thanks to these properties of language, it can act as a kind of narrator of the history, of the dramatic and momentous events, retaining an important, and necessary. Focusing on the linguistic phenomena of a particular region, we can better study and understand its history.

Keywords: language, dialect, the settlers, the old believers, vocabulary, cultural dialogue, the Harbin Russian-Chinese pidgin

Язык представляет собой уникальную знаковую систему, которая с точки зрения наук об обществе не имеет аналогов. Язык, сознание и социальный характер трудовой деятельности изначально взаимосвязаны и составляют фундамент человеческого своеобразия. Язык есть необходимое условие существования общества на всём протяжении истории человечества, условие общения, условие сохранения и передачи опыта поколений. Язык есть необходимое условие материального и духовного бытия во всех сферах социального пространства. Будучи важнейшим и основным средством общения, язык неотделим от всех любых проявлений социального бытия человека, выступает как важнейший интегратор общества.

Язык, наряду с психофизиологической способностью отражать мир, является предпосылкой общественного сознания; он представляет собой семантический фундамент и универсальную оболочку разных форм общественного сознания.

Развитие языка в большей мере, чем развитие права, идеологии или искусства,

независимо от социальной истории общества, хотя, в конечном счёте, оно обусловлено и направлено именно социальной историей. Связь истории языка и истории общества очевидна: существуют особенности языка и языковых ситуаций, соответствующие определённым ступеням этнической и социальной истории. Вполне очевидны также языковые последствия социальных потрясений (революции, гражданские войны), в результате которых смещаются границы диалектных явлений, нарушается прежний нормативно-стилистический уклад языка, обновляется политическая лексика и фразеология. Социальная структура общества и социолингвистическая дифференциация речевой практики говорящих находят своё отражение в языке.

Однако в своей основе язык остаётся прежним, единым, что обеспечивает этническую и культурную непрерывность общества на всём протяжении его истории. Он сохраняет единство народа в исторической смене поколений и общественных формаций, во-

преки социальным барьерам, тем самым объединяя народ во времени, в географическом и социальном пространстве [6].

Языковая ситуация Забайкальского региона характеризуется многообразием говоров, диалектов, языковым взаимовлиянием, что является следствием истории освоения и заселения региона, взаимодействия культур, а также приграничного расположения. На территории региона проживают представители различных народностей и культур: русские, буряты, украинцы, татары, тунгусы, армяне, азербайджанцы, киргизы, калмыки, белорусы, узбеки, молдаване, китайцы, эвенки, ингуши и др.

Начиная с периода освоения Забайкалья казаками во второй половине XVII века, на основе длительных контактов первых поселенцев с коренными народами, шёл интенсивный процесс взаимодействия русского, бурятского и эвенкийского языков.

Примером такого процесса может служить сложная топонимия, наслоение географических названий различного языкового происхождения: эвенкийского, тюркского, бурятского, русского и др. Топонимы эвенкийского происхождения и в настоящее время широко распространены в названиях географических объектов таёжной зоны. Отличительными признаками, позволяющими распознать эвенкийские названия, являются различные суффиксы и частицы:

1) -кан, -кэн – суффиксы уменьшительной формы: Витим – Витимкан, Чита – Читкан;

2) -нга, -ндя – суффиксы почтительного отношения, увеличительной формы: Биранга, Бирандя, Киренга, Катанга, Орлингга, Карета, Хапчеранга, Акшанга;

3) -чан, -чон, -чэн – суффиксы пренебрежительности: дэткэн – «болото», Дэткэчен – «болотишко», буга – «местность», а Бугачан – «плохая местность»;

4) -ма – суффикс имени прилагательно: мо – «дерево», Мома (Мама) – «деревянный» (лесистый).

Большое распространение на территории Забайкалья имеют также бурятские географические названия. Они территориально в основном совпадают с местами современного расселения бурят. Бурятские топонимы прослеживаются до Читинского, Карымского, Шилкинского, Нерчинского и Сретенского районов. Характерными признаками бурятских географических названий является присутствие в них:

– бурятских нарицательных терминов: гол – «река», «долина», усун (угун) – «вода», нур (нор) – «озеро», булаг – «родник», дабан – «перевал», жалга – «овраг» (например, Дарасун означает «вода, делающая человека здоровым»);

– прилагательных: цаган – «белый», хара – «черный», шара – «желтый»;

– суффиксов и окончаний: -та, -то, -тэ, -тай, -той; -хан, -хэн, -хон; -гар, -гэр, -гор (например: Хара-Шибирь – «чёрный лес», Цаган-Ола – «белое облако», Хада-Булак – «гора, где рождается родник») [7].

В свою очередь, первые поселенцы не только распространили влияние русского языка и культуры, но также оказали влияние на формирование будущего своеобразного диалектного говора жителей Забайкалья.

Территории раннего заселения (Нерчинский, Шилкинский, Балейский, Ононский районы) до недавнего времени активно сохраняли старожильческие говоры, в которых присутствовали черты севернорусского, реже среднерусского происхождения, привнесённые поселенцами [1].

На юго-западе региона в Красночикойском районе есть ареал функционирования говоров южнорусской основы («семейские говоры»), предки носителей которых – старообрядцы – осваивали эту территорию с середины XVIII в., здесь же встречается русская народная речь, проявляющая диалектные черты «говора сибиряков» [8].

Сохранение диалектных особенностей и использование родного языка сегодня наблюдается в сельских поселениях (преимущественно, представителями старшего поколения), что обусловлено рядом социальных факторов: удалённость от районных центров; малочисленность жителей; «непополняемость» данных поселений новыми жителями из других регионов; «невозвращение» молодых людей, получивших профессиональное образование; отсутствие укомплектованной кадрами средней школы и др.

Но, несмотря на это, следует отметить процесс утрачивания чистоты «материнских» говоров, «забывания» родных языков коренных народностей. Тому же есть объяснения, коренящиеся в естественном процессе языковой и культурной коммуникации в широком смысле: воздействие литературного языка, урбанизация, распространение грамотности, радио, телевидения, печатных изданий, кинематографа, междиалектное влияние, воздействие просторечий, развитие

практики путешествий и т. д. Современные диалектологи отмечают наличие не столько диалектной речи сельских жителей, сколько просторечной, имеющей региональные особенности.

В краснотуркменских же «семейских» говорах, сформировавшихся на южнорусской основе, изменения протекают значительно медленнее, опять же в силу адекватных экстралингвистических причин: удалённость от краевого, районного центров; стремление сохранить «семейские» культурные традиции, порождающее определённую социокультурную замкнутость [3].

Тем не менее, несмотря на сказанное, следует отметить, что ряд диалектных образований продолжают присутствовать в речи современных жителей, в том числе молодых людей. Некоторые (из приводимых далее в качестве примера) присутствуют только в забайкальском говоре: скока (сколько), простокиша (закисшее молоко), обутки (обувь), де (где), тада (тогда), када (когда), прашай (прощай), ишо (ещё), вешы (вещи), дас (даст), евонные (его), у ей (у неё), ихний (их), бечь (бежать), курята (цыплята), вариги (варежки), всю дорогу (всё время, всегда), ладысь, надысь (давно), литовка (коса), лопать, исть (кушать), нако (однако), острец (травя), остыть (простудиться), паря (парень), пельменёв (пельменей), пошто, почё (почему, зачем), пить чай дудком (пить просто чай, без всякой прикуски), сперва (сначала), турусить (бредить), уросить (плакать), ургуй, ургуйки (подснежник), ушкан (заяц), ярник (кустарник) [2].

Что касается сохранения практики говорения на родном языке, то дома на родном языке говорят, преимущественно, кабардинцы, узбеки, таджики, абхазы и буряты.

Рассматривая вопрос специфики языковой ситуации на межкультурном пространстве, справедливо обратить внимание на следующие страницы истории языковых процессов, которые получили своё повторение и в нашем регионе.

Как отмечалось ранее, культурный диалог неизбежно влечёт за собой обмен и заимствования. В конце XIX – начале XX вв. вследствие культурных и торговых обменов сформировался русско-китайский пиджин, получивший у исследователей название «Харбинский русско-китайский пиджин».

Под пиджином понимают упрощённый язык, который, как правило, возникает в экстремальных ситуациях и развивается как

средство общения между группами, не имеющими общего языка, но имеющими необходимость договориться о чём-либо [5].

В таком случае говорящие на разных языках люди прибегают к внеязыковым формам общения (жесты, мимика), а также используют ряд слов из родных языков. Если же подобные ситуации общения имеют повторение, то со временем вырабатывается звуковой язык, понятный данным участникам коммуникации. Типичные ситуации возникновения пиджина – торговля, обмен товарами, подневольный труд. Безусловно, такой язык имеет очень ограниченный словарь и простую грамматику, его цель – не изучение языка друг друга, а установление взаимопонимания.

Широкое распространение пиджина имели в период колониальной политики и формировались как средство общения между европейскими колонистами и разными племенами, народами (преимущественно, африканскими). Харбинский пиджин является следствием исключительно торговых и культурных обменов между китайским и русским народами. Его возникновение тесно связано с волнами русской эмиграции в Харбин: в связи со строительством Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД); в период русско-японской войны, когда Харбин стал базой для снабжения русской армии боеприпасами; после Октябрьской революции, когда в Харбин вместе с семьями приехали дворяне, промышленники, помещики, гражданские и военные чины.

Лексика Харбинского пиджина была, преимущественно, русской, а грамматический строй – китайским, имел он лишь устную форму (письменная форма использовалась только в рекламе и вывесках магазинов). Пиджин удовлетворял потребности в коммуникации между русскими эмигрантами и китайцами в Харбине определённое время. В конце 50-х гг. XX в. вследствие ухудшения отношений между Китаем и СССР, в связи с изменением международной обстановки, эвакуацией русских эмигрантов, уходом харбинцев старого поколения, русско-китайский пиджин потерял свою коммуникативную среду и постепенно исчез. Несмотря на своё исчезновение Харбинский пиджин оказал неизгладимое и глубокое влияние на языки и культуры двух стран.

Согласно китайскому исследователю Ма На, китайский язык обогатился более чем на 400 слов, заимствованных из русского языка,

часть из которых вошли из русско-китайского пиджина. В свою очередь, лексический состав русского языка пополнился следующими словами из Харбинского пиджина: шан (литр), пинго (мороженое на палочке), фанза (дом), фуза (лавка), гаолян (сorghoвое вино, ликёр), шанго (очень), чифанить (кушать), цинкэ (угощаться), поузы (пирожок), тянбин (сладкий блин), чумиза (засахаренные ягоды на палочке) и др. [4].

Возобновившиеся торговые отношения между Россией и Китаем в конце XX в. вновь поставили участников экономического диалога перед задачей быстрого обмена информацией. Активные торговые отношения жителей Забайкалья и Маньчжурии заложили основу своеобразного продолжения или возрождения русско-китайского пиджина, но теперь уже на приграничной территории. За последние десятилетия маньчжурцы с лёгко-

стью освоили ходовой набор русских лексических единиц, необходимых для успешного диалога, а русские «туристы» обогатили свой лексический запас китайскими «реалиями». Подобные заимствования пока не нашли своё закрепление в академических словарях русского языка, но вполне могут рассматриваться как единицы просторечных забайкальский выразений, как «живые» доказательства всегда развивающегося, везде пребывающего и неизменно «любопытного» языка.

Специфика языковой ситуации прошлого и современности определённого региона, практика языкового поведения, лексический состав, фонетические и грамматические особенности диалектов и говоров могут представлять собой важный инструментарий как познания, так и доказательств в изучении исторических, культурных и социальных процессов.

Источники и литература

1. **Абросимова О. Л.** Фонетическая система русских говоров Читинской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М.: МГПУ, 1996. 24 с.
2. **Горлова Л. П., Паздникова О. П.** Забайкальские диалектизмы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.tvorcheskiedei.ucoz.ru/load/referaty/zabajkalskie_dialektizmy/4-1-0-23 (дата обращения: 08.05.2017).
3. **Игнатович Т. Ю.** Забайкальские диалекты в условиях современных интеграционных процессов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dereksiz.org/zabajkaleskie-dialekti-v-usloviyah-sovremennih-integracionnih.html> (дата обращения: 07.05.2017).
4. **Ма На.** Харбинский русско-китайский пиджин первой половины XX в. и его влияние на русский и китайский языки и культуры // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 3 ч. Тамбов: Грамота, 2015. № 8. Ч. III. 2015. С. 122–127.
5. **Пиджин** [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академикe. Режим доступа: <http://www.dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/23528> (дата обращения: 08.05.2017).
6. **Своеобразие языка как общественного явления** [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.medznate.ru> (дата обращения: 07.05.2017).
7. **Черепанова А., Леонтьева О.** Диалекты и топонимы Забайкальского края [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pandia.ru/text/77/445/5866.php> (дата обращения: 07.05.2017).
8. **Юмсунова Т. Б.** Русские старообрядческие говоры Забайкалья: особенности формирования и современного состояния: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. М., 2005. 375 с.

УДК 81'1

ББК Ш10

Ирина Константиновна Косицына,
Амурский государственный университет,
г. Благовещенск, Россия

Журнал «Рубеж» как лингвистический источник

Статья посвящена анализу журнала «Рубеж» (Харбин) как лингвистического источника, позволяющего на основе представленного в нём языкового материала реконструировать картину жизни, быта, духовных исканий русской восточной эмиграции, центром которой был город Харбин в Китае. В статье осуществлено исследование лексики русского языка, возникшей непосредственно в русском языке восточного зарубежья, её семантики и формы. Основным методом в работе был метод лингвистического описания и контекстуальный анализ.

Ключевые слова: русский язык восточного зарубежья, журнал «Рубеж», лингвистический источник, новые слова, заимствованные слова

*Irina K. Kositsyna,
Amur State University,
Blagoveshchensk, Russia*

The Journal “Rubezh” as a Linguistic Source

The article deals with a lexicological nature of the identification of specific features of the journal «Rubezh» (Harbin) as a linguistic source, which allows analyzing linguistic units of different levels on the basis of the linguistic material presented in it and drawing conclusions about the state of the Russian language of the eastern abroad of the XX century. The analysis of linguistic material is based on the disclosure of the semantics of linguistic units.

Keywords: Russian language of the eastern abroad, a journal «Rubezh», a linguistic source, new words, borrowed words

Харбин – город в Северо-Восточном Китае – был основан русскими в 1898 г. Он стал центром русской колонии, основу которой составляли служащие Китайско-Восточной железной дороги, принимавшие участие в её строительстве и оставшиеся в Китае для её дальнейшей эксплуатации. После Октябрьской революции 1917 г. население этого города и прилегающих к нему территорий фактически оказалось в вынужденной эмиграции. Гражданская война пополнила Маньчжурию новыми беженцами.

Прошло почти сто лет с момента основания Харбина до момента, когда изучение его удивительной судьбы стало возможным: десятки диссертаций, статей и монографий, освещающих историю, культуру, систему образования, церковную жизнь, повседневный быт русского восточного зарубежья, поведали миру об этом уникальном городе и людях, его населявших. Отдельная глава этой летописи посвящена русскому языку, который тоже оказался в уникальных условиях, разделив судьбу говоривших на нём людей. Ряд научных статей, касающихся данной темы, опубликован в альманахе «Слово» и других научных изданиях Амурского государственного университета [58]. Русскому языку в восточном зарубежье на материале русской речи в Харбине посвящена монография Е. А. Оглезневой [6].

Ценными источниками для исследования русского языка восточного зарубежья I пол. XX в. являются периодические массовые издания, в частности журнал «Рубеж», издаваемый в Харбине как еженедельное литературно-художественное издание с августа 1926 г. [59, с. 72]. Последний номер журнала «Рубеж» вышел 22 августа 1945 г. Журнал издавался в дореволюционной орфографии. «Основатели преследовали цель создать на Дальнем Востоке журнал, подобный «Иллюстрированной России», которая

выходила в Париже» [59, с. 72]. Об этом можно прочесть в воспоминаниях Ю. В. Крузенштерн-Петерца [57, с. 94], в которых она упоминает о рассеянных по разным частям света корреспондентах и подписчиках, а также указывает на то, что «большинство номеров расходилось в Харбине и по всей линии КВЖД», а «главный контингент сотрудников «Рубежа» составляли харбинцы-беллетристы и целая армия поэтов и поэтесс» [57, с. 96]. О содержании журнала читаем у неё следующее: «В каждом номере печатались “не меньше одного-двух оригинальных рассказов русских авторов, один или два переводных, семь-восемь очерков на местные или заграничные темы, страничка талантливой карикатуристки Виты и две странички серьёзных переводных романов”» [57, с. 96]. Далее бывшая сотрудница журнала отмечает: «“Рубеж” всегда был интересен, а теперь даже более ценен и с другой стороны: на его страницах запечатлена для потомства и истории картина нашей жизни в Маньчжурии. Это подлинное зеркало нашей спокойной русской жизни в Китае» [57, с. 97]. Тепло отзывается о «Рубеже» исследовательница русского восточного зарубежья Е. П. Таскина: «Большой отрадой для широкого читателя русского Харбина были литературно-художественные журналы в т. ч. и “Рубеж”, самый долговечный и популярный еженедельный журнал. Фактически он не был литературным журналом в полном смысле этого слова – на его страницах печатались не только стихи и рассказы, но и популярные очерки, местная хроника, библиография, полезные советы, кроссворды (тогда они назывались по-русски «крестословицами»)» [57, с. 49]. В воспоминаниях Е. Ширинской можно прочесть о том, что «Рубеж» «был интересным всесторонним журналом, который отражал жизнь не только Харбина, но и всего Русского Зарубежья». «Вообще журнал “Рубеж”, – пишет

она, – показывает, что небольшой город Харбин был культурно богат, имея в своей среде прекрасных писателей и поэтов» [60, с. 44].

Целью данной статьи является рассмотреть журнал «Рубеж» как лингвистический источник. «Лингвистическим источником является любой материальный носитель языковой информации» – писал Г. А. Николаев в своей статье «Лингвистический источник. К постановке проблемы» [4, с. 37]. В этом смысле журнал «Рубеж» представляет целый пласт информации, связанный с историей русского восточного зарубежья, с жизнью и бытом русских людей, волей судеб оказавшихся на чужбине в статусе эмигрантов. Объектом анализа в работе является специфичная лексика, которую условно можно определить как собственно харбинскую [5, с. 81]. Эта лексика возникла в русском восточном зарубежье, функционировала в Харбине и по линии Китайско-Восточной железной дороги на протяжении XX в. «Рубеж» – одно из изданий русской восточной эмиграции, которое зафиксировало бытование этой лексики в своё время и сделало доступным её анализ в настоящий момент. Укажем на группы собственно харбинской лексики, которые, с одной стороны, свидетельствуют об изменении и обновлении лексической системы русского языка в восточном зарубежье, а с другой – информирует о русской жизни за рубежом – в Китае на протяжении целого столетия.

Во-первых, в журнале «Рубеж» можно встретить *новые слова*, созданные в русском языке восточной эмиграции по словообразовательным моделям русского языка, например: а) существительные, например, **бонодержатель** – «владелец/держатель бонов». Харбин, по количеству **бонодержателей**, стоит на втором месте [22, с. 19]; **Желсоб** – «железнодорожное собрание». Я внимательнейшим взором оглядел кругом **Желсоб** [8, с. 12]; **заамурец** – «человек, состоящий на военной службе в Заамурском Округе Пограничной стражи». Красивая часовня... воздвигнута на старом кладбище в память воинов **заамурцев**, погибших при защите Харбина от боксёров [10, с. 11]; **кавежедек** – «служащий Китайско-Восточной железной дороги». Сытно и привольно жили **«кавежедеки»**, получавшие до последнего дня жалование в русском золотом рубле [38]; **КВжд** – «Китайско-Восточная железная дорога». В час дня особенно людно в главной кассе **КВжд** [9, с. 9]; **Комсоб** – «Коммерческое собрание». Выпускные экзамены

прошли в **Комсобе**, в присутствии экзаменационной комиссии [25, с. 16]. Конькобежные состязания на катке **Комсоба** [39]; **линеец** – «человек, проживающий вдоль линии КВжд». Так, начиная от внешнего вида посёлков, станций и всех **«линейцев»**, до множества красочных деталей делового рабочего и житейского обихода, на всём лежал яркий отпечаток старого русского быта [38]; **ниппонец** – «японец, верноподданный Ниппон». В шестом часу утра отправились вглубь концессии её заведующий, **ниппонец**, г. Накамура, начальник охраны, состоящей из русских эмигрантов [31, с. 19]; **однопартник** – «сосед по парте». «Пиши, Сергей, и обязательно присылай фотографии», – басил **однопартник** Коля Самгин [42, с. 2]; **сунгариец** – «поклонник отдыха на реке Сунгари». Но всё же, воздух не тот, что за рекой, и заядлые **«сунгарийцы»** ни на что не променяют своей реки, хотя она и «грязная», и «коварная» и сугубо опасная для купальщиков [46, с. 19]; **харбинец/харбинка** – «житель Харбина» и «жен. кхарбинец». **Пляж**, где летом загорали жирные **харбинцы** и стройные **харбинки**, приняли аристократический вид [7, с. 7]; б) прилагательные, например, **баскет-болльный**. Участники **баскетбольного** чемпионата, команда **ХСМЛ** [51]; **засунгарийский**. **Засунгарийская** кельнерша [11, с. 19]; **ниппоно-русский**. **Ниппоно-русская** выставка картин в Харбинском Железнодорожном Собрании [56, с. 15]; **ниппонский**. Жизнь показала, что для наилучшего использования приобретённых на Факультете знаний необходимо знание государственного и **ниппонского** языков [30, с. 19]. Две юных **ниппонских** лётчицы, Кикучи Матсумото и Чоко Мабучи, совершили смелые перелеты из Токио в Синьцзын [34, с. 3]. Мануфактура английская, французская и **ниппонская** [30]; **сунгарийский**. Вдали виднеются ажурные пролёты **сунгарийского** моста [27, с. 16]; **тяньцзинский**. Остаётся только пожелать, чтобы и **тяньцзинское** общество по заслугам оценило музыкальные способности и педагогический талант И. Н. Сажина [31, с. 18]; **чуринский**. Ещё год-два, и не останется, верно, следа от **«Чуринской»** биржи извозчиков, и только в воспоминаниях старожилов будут потом фигурировать русские извозчики, когда-то царившие на улицах Харбина [35, с. 19].

Во-вторых, в журнале «Рубеж» можно встретить *новые значения*, возникшие в рус-

ском языке восточной эмиграции в результате семантической деривации, например, **дорога** – «Китайско-Восточная железная дорога, а также все обслуживающие её подразделения и населённые пункты, расположенные вдоль КВЖД». *Построили **дорогу**, – на пустынных равнинах и голых сопках Маньчжурии началось насаждение «российского» быта, который пустил здесь глубокие корни* [38]; **линия** – «Китайско-Восточная железная дорога, а также все обслуживающие её подразделения и населённые пункты, расположенные вдоль КВЖД». *Во время одного из осмотров **линии**, едва Д. Л. Хорват вступил в один из больших посёлков, как ему сообщили, что его ждёт в церкви священник* [50, с. 6]; **оморочка** – «особый тип лодки, каноз». *Последней модой минувшего лета в Европе было поло на «кану» или как у нас называют эти утлые, вёрткие, лёгкие лодочки, – на **оморочках*** [37, с. 13]. Слово зафиксировано в толковом словаре В. Даля со значением «сибирская берестовая лодочка» [1, с. 673]. Вероятно, заимствованное название не прижилось, т. к. в языке нашлось диалектное слово, которое уже обозначало лодку похожего типа; **пампушка** – «мучное изделие с начинкой, приготовленное на пару». *Как очистить белую панаму. Лучше всего взять горячую китайскую **пампушку**, разломить её пополам и ею тереть* [30, с. 22]. В языке метрополии это слово служило для обозначения мучных изделий, жареных в масле, жире, но тоже пышных; особо следует отметить «семантически развившуюся субстантивированную императивную глагольную форму» [6, с. 150] **толкай-толкай** – «пассажирские сани, управляемые китайцем, толкающим их сзади», а также «китаец-возница саней «толкай-толкай»». *У городского берега дугой развернулись сунгарийские «лихачи», очаровательные «**толкай-толкай**», и наперебой зазывают подходящих к речному спуску харбинцев* [7, с. 7].

В-третьих, в журнале «Рубеж» можно встретить заимствования из восточных и западноевропейских языков (как активизированные, так и непосредственные): а) активизация заимствований из восточных языков, например, **хунхуз** кит. *Причиной была боязнь **хунхузов**, от которых бумажки (банкноты – прим. наше) прятать было легче* [50, с. 1]; **гейша** – яп. *Девушки-**гейши**, являющиеся законченным образцом ниппонской моды, никогда не придерживаются новых фасонов* [47, с. 5]; **кимоно** – яп. *Очарование **кимоно** –*

олицетворение души ниппонской женщины, известно всем, особенно нам, живущим на Дальнем Востоке [47, с. 5]; **рикша** – англ. с яп. *Оборванный **рикша**, бледный, с худыми руками и ногами, жалко и понимающе улыбнулся белому* [47, с. 1]; б) активизация заимствований из западноевропейских языков, например, **бой** – англ. *А как же! – с гордостью ответил **бой**. – О нём все газеты писали. Его контрами себя! Убила* [15, с. 2]; в) активизировались и некоторые исконно русские слова или образованные от заимствованных корней при помощи русских аффиксов, но служащие для обозначения экзотических реалий, например, **кумирня**. *Пурпурная **кумирня** смиренными буддистами // Когда-то для моления воздвигнута была* [13]. В словаре Д. Н. Ушакова (далее – в сл. Уш.) слово зафиксировано с пометой этногр.; или **кельнерша**. *Серьгу каждую пронзило // Злой амурною стрелой, // Чтоб за **кельнершою** милой кавалеров вился рой* [11, с. 19]. В сл. Уш. слово зафиксировано с пометой *загран.*; г) непосредственные заимствования из восточных языков, например, **гоби** – кит. «маньчжурский юань». *Предоставляется возможность подписаться на полное собрание сочинений И. А. Бунина за 150 франков, что составляет, по курсу сегодняшнего дня, тридцать **гоби*** [28]. *На постройку больницы памяти доктора Казем-Бека собрано свыше 2000 **гоби*** [41, с. 19]. *Электрическая завивка от 4 **гоби*** [45]; **фен** – кит. «денежная единица, равная одной сотой юаня». *Около 7 **гоби** 50 **фен** каждый взнос* [29]; **гохан** – яп. «еда». *Очаровательная служанка, склоняясь до полу, с самым почтительным видом примет от вас распоряжения и принесёт вам ниппонский «**гохан**», – самый разнообразный и вкусный обед и горячий, зелёный чай* [46, с. 9]; д) непосредственные заимствования из западноевропейских языков, например, **баскетбол** – англ. *Летом же были разыграны чемпионаты города по **баскетболу*** [53]. Параллельное заимствование, в ином графическом облике отражено в сл. Уш.; **бейзбол** – англ. «спортивная игра с мячом и битой». *Харбинцы встречались с приезжими командами по **бейзболу*** [53]; **блэк-ботгом** – англ. «разновидность танца, популярного в 20–30-х гг. XX в.». *Не достаточно уметь танцевать чарлстон и блэк-ботгом, чтобы быть настоящей «girls»* [10]; **бубикопф** – нем. «женская стрижка под мальчику». *Бубикопф причёсан гладко... Гляньте,*

ребень-то какой! Словом, женщина-загадка пред загадкою-рекой [11, с. 19]; **воллей-болл** – англ. Чемпионы Ниппона по **воллей-боллу**, исключительно сильная и прекрасно сыгранная команда университета [53]. Параллельное заимствование в ином графическом облике отражено в сл. Уш.; **гёрл** – с англ. «девушка». В Холливуде тысячи «**гёрлс**», лишь недавно нашедших применение в ревью [36, с. 12]; **джампер** – англ. Этой осенью и зимой, как и в прошлом году, будут много носить вязаные вещи, – особенно, **джамперы** [32]. Параллельное заимствование в ином графическом облике отражено в сл. Уш.; **джасс/джесс** англ. Приятно отметить, что лучшим **джассом** на Дальнем Востоке считается **джасс** русского лидера Сержа Ермолла [48]. И в Харбине под вой гудков и **джесса** // На крыльях сна мы пролетаем ширь [14]. Параллельное заимствование, в ином графическом облике отражено в сл. Уш.; **лямэ** – фр. «парчовая ткань для вечерних туалетов». Наиболее подходящим костюмом для **файф-о-клока** является «вечерний **тайер**», который состоит из юбки, доходящей до щиколотки, жакета и светлой блузы из **лямэ** или яркого шёлка [42]; **овер-олл** – англ. «комбинезон». По команде офицера, они соскочили с грузовиков, выстроились в три линии и устремились на «толпу», которую изображали те же волонтеры, одетые в **овер-оллы** или **робы** [43]; **пиджама** – англ. с индийского. **Пиджама** возвращается к нам и опять становится модной [41]. Параллельное заимствование в ином графическом облике отражено в сл. Уш.; **свип-стэк** – с англ. «лотерея». Перед кассами **свип-стэкса** с 2 часов дня началась неизобразимая толчея [21, с. 15]; **тайер** – англ. «женский костюм конца XIX – начала XX вв., состоящий из юбки и жакета, напоминающего мужской сюртук». Наиболее подходящим костюмом для **файф-о-клока** является «вечерний **тайер**» [42]; **хаузбот** – англ. «дом на воде». Артистки драмы на **хаузботе** издателя «Рубежа» Е. С. Кауфмана [52, с. 15]; е) любопытно происхождение слова **крестословица**. Это авторский неологизм, придуманный В. Набоковым для названия новинки-шарады (опубл. в газете «Руль» (Берлин) [2], но широко употреблявшийся в периодике восточной эмиграции. Можно предположить, что произошло заимствование из русского языка западной эмигрантской прессы в русский язык восточной эмигрантской прессы. **Крестословица** –

«крессворд». Редакция «Рубежа» предлагает своим читателям принять участие в Пасхальном конкурсе **крестословиц** [20, с. 22]. Первый конкурс **крестословиц** с премией победителю [7].

В-четвёртых, в журнале «Рубеж» отражены *новые идиоматические выражения*, например, **чашка чая** – «неофициальная часть официальной церемонии, чаепитие». Кружок «Молодой Чураевки» существует в Харбине уже несколько лет, устраивает еженедельные встречи членов кружка и его друзей, т. н. «вторники», и, иногда, – литературные «**чашки чая**» [19, с. 21].

На страницах журнала «Рубеж» можно встретить неологизмы, которые являлись таковыми и в митрополии. Среди них **лимитроф**. Харбин имеет прекрасную оперу, которая сделает честь любому западноевропейскому городу. И даже столице какого-нибудь **лимитрофа** [7, с. 15]. Зафиксировано в сл. Уш. с пометами *полит. нов.* У С. И. Карцевского читаем следующее: «Лимитрофы более в ходу в среде русской эмиграции, в России же чаще говорят Рандштаты» [3, с. 243]; **боевик**. Скоро харбинцы увидят новый **боевик** Ал. Грановского «Тарас Бульба» [40]. В сл. Уш. с пометой *нов.*; **советизация**. И рядом с этим «**советизация**» – монгольский совнарком, монгольская компартия и монгольский комсомол [8, с. 8]. Зафиксировано в сл. Уш. с пометами *полит. нов.*; **чернорубашечник**. Но у дверей в это время стоят чернорубашечники с револьверами в карманах [51, с. 3]. Зафиксировано в сл. Уш. с пометами *полит. нов.*

Наряду с новыми лексемами в журнале «Рубеж» можно найти и свидетельства архаизации лексики, т. е. слова, устаревшие в митрополии, имеющие в сл. Уш. пометы *устар.*, *доревол.*, *истор.*, но продолжавшие функционировать как слова активного словарного запаса в русском языке восточной эмиграции, например, **бон**. Эти сотни тысяч – держатели выигрышных **бонов** Международного Сберегательного общества [22, с. 19]; **ванька**. **Ванька** и в изгнании сохранил чисто русский вид [49, с. 19]. «**Ванек**» сменяют равнодушные, молчаливые **шофферы** [35, с. 19]; **вершок**. Тогда класть пирожное ложкой на бумагу или наполнить этой массой маленькие бумажные коробочки в 2 **вершка** длины и немного больше полу-**вершка** ширины и высоты [33, с. 23]; **лихач**. Приказал я **лихачу** ехать в Петровский парк [7, с. 5]; **офеня**. За последнее время, –

жалуются эти японские «офени», – торговля пошла хуже, но это – явление временное [17, с. 20]; **сажень**. Она была протаскана несколько сажень по каменной мостовой [18, с. 17]. Первый вокзал Харбина – саманная будка площадью полторы квадратных **сажени** [50, с. 3]; **фунт**. Вымыть четверть **фунта** хорошего чернослива и обварить кипятком [31, с. 22]; **человек**. И вдруг два «человека» внесли на огромных серебряных подносах аккуратно завернутые в салфетки стопочки смертельно вкусно пахнущих блинов [42, с. 3]; **чемодан**. Разрывы германских «**чемоданов**» между нашими окопами и проволочными заграждениями [55, с. 13]; **шантан/кафешантан**. Затем довольно скоро появился **шантан**, летний сад Палермо, рядом с Коммерческим Собранием [50, с. 4].

Если говорить о других аспектах архаизации языка, можно отметить и некоторые грамматические формы, зафиксированные в сл. Уш. как устаревшие, например, средний род вместо мужского (**зало**. *Фанерное зало*, *абсолютная чистота*, уютно [7, с. 2]), женский род вместо мужского (**магазея**. *Жили хорошо: магазея своя была* [26]). В области орфографии преобладание тех графических вариантов, которые вытеснялись в митрополии, например, **шоффер** [38, с. 2], **суффражистка** [8, с. 4], **плэд** [38, с. 6], **лэди** [24, с. 16].

Опираясь на материалы журнала «Рубеж», лексику русского языка восточного зарубежья можно рассмотреть не только с точки зрения происхождения слов или активного и пассивного запаса, но и с точки зрения сферы употребления, а также со стилистической точки зрения, т. к. на страницах журнала встречаются диалектизмы (напр., **засельник** [52], **килевка** [44, с. 19], **кондовый** [52]), просторечная и разговорная лексика (например,

докторша [22, с. 16], **премьерша** [21, с. 5], **заваль** [14, с. 15], **пыльник** [10]), имеющая соответствующие пометы в словаре Д. Н. Ушакова, но порой совершенно нейтральная и общеупотребительная, лишённая какой-либо окраски на страницах журнала. Интерес также представляет собой архаичная синтагматика. Серьёзного внимания заслуживает орфография.

Журнал «Рубеж» также представляет собой богатый источник для изучения русских **топонимов** и в частности **урбонимов** Северо-Восточного Китая I пол. XX в., т. к. названия многих станций не просто писались по-русски, но были исконно русскими по происхождению. Например, **Пограничная** – «последняя станция КВЖД на Востоке». **Пограничная** – это официальное название станции. Было у неё и китайское название – «Суй-фен-хо», но этого названия почти никто из русского населения Маньчжурии не знал и не слышал [36]. Русскими были названия многих посёлков вдоль линии КВЖД. Например, **Драгоценка** – «посёлок в Трёхречье». Такие посёлки, как, например, **Драгоценка**, возникли на наших глазах, – это будущие трёхреченские города. Названия улиц в Харбине тоже были русскими, а писались они по-русски и по-китайски. По-русски назывались части города, например, **Затон**. *Жители Затона сообщаются с городом по льду* [46, с. 8]. **Пристань**. *На Пристанях дела шли бойко, город строился лихорадочно быстро* [48, с. 3].

В заключение отметим, что журнал «Рубеж» отражает особенности русского языка восточной эмиграции, актуальные для своего места и времени. Он свидетельствует о полноценном функционировании русского языка в восточном зарубежье и демонстрирует развитие его лексической системы.

Источники и литература

1. **Даль В.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1981. Т. 2: И-О. 779 с.
2. **Жирков Г.** Журналистика русского зарубежья XIX–XX вв. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 318 с.
3. **Карцевский С. И.** Из лингвистического наследия / сост., вступ. ст. и коммент. И. И. Фужерон. М.: Языки русской культуры, 2000. 344 с.
4. **Николаев Г. А.** Лингвистическое источниковедение. К постановке проблемы // Ученые записки Казанского университета. Т. 52. Кн. 6. Гуманитарные науки. 2010. С. 37–44.
5. **Оглезнева Е. А.** Язык русского восточного зарубежья в зеркале лексикографии // Вопросы лексикографии. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2013. Вып. 1. С. 81–92.
6. **Оглезнева Е. А.** Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: Амурск. гос. ун-т, 2009. 352 с.
7. **Рубеж**. Харбин. 1928. № 6.
8. **Рубеж**. Харбин. 1928. № 8.

9. **Рубеж.** Харбин. 1928. № 11.
10. **Рубеж.** Харбин. 1928. № 18.
11. **Рубеж.** Харбин. 1928. № 19.
12. **Рубеж.** Харбин. 1928. № 25.
13. **Рубеж.** Харбин. 1928. № 27.
14. **Рубеж.** Харбин. 1928. № 29.
15. **Рубеж.** Харбин. 1928. № 46.
16. **Рубеж.** Харбин. 1930. № 5.
17. **Рубеж.** Харбин. 1930. № 7.
18. **Рубеж.** Харбин. 1930. № 9.
19. **Рубеж.** Харбин. 1930. № 10.
20. **Рубеж.** Харбин. 1930. № 11.
21. **Рубеж.** Харбин. 1930. № 23.
22. **Рубеж.** Харбин. 1930. № 31.
23. **Рубеж.** Харбин. 1930. № 33.
24. **Рубеж.** Харбин. 1933. № 28.
25. **Рубеж.** Харбин. 1933. № 29.
26. **Рубеж.** Харбин. 1933. № 45.
27. **Рубеж.** Харбин. 1934. № 29.
28. **Рубеж.** Харбин. 1934. № 32.
29. **Рубеж.** Харбин. 1934. № 33.
30. **Рубеж.** Харбин. 1934. № 34.
31. **Рубеж.** Харбин. 1934. № 35.
32. **Рубеж.** Харбин. 1934. № 37.
33. **Рубеж.** Харбин. 1934. № 48.
34. **Рубеж.** Харбин. 1934. № 50.
35. **Рубеж.** Харбин. 1934. № 51.
36. **Рубеж.** Харбин. 1935. № 4.
37. **Рубеж.** Харбин. 1935. № 25.
38. **Рубеж.** Харбин. 1935. № 31.
39. **Рубеж.** Харбин. 1936. № 5.
40. **Рубеж.** Харбин. 1936. № 6.
41. **Рубеж.** Харбин. 1936. № 7.
42. **Рубеж.** Харбин. 1936. № 9.
43. **Рубеж.** Харбин. 1936. № 20.
44. **Рубеж.** Харбин. 1936. № 22.
45. **Рубеж.** Харбин. 1936. № 32.
46. **Рубеж.** Харбин. 1937. № 25.
47. **Рубеж.** Харбин. 1937. № 29.
48. **Рубеж.** Харбин. 1937. № 48.
49. **Рубеж.** Харбин. 1938. № 1.
50. **Рубеж.** Харбин. 1938. № 24.
51. **Рубеж.** Харбин. 1938. № 27.
52. **Рубеж.** Харбин. 1938. № 30.
53. **Рубеж.** Харбин. 1938. № 38.
54. **Рубеж.** Харбин. 1938. № 47.
55. **Рубеж.** Харбин. 1939. № 32.
56. **Рубеж.** Харбин. 1941. № 16.
57. **Русский Харбин** / сост., предисл. и коммент. Е. П. Таскиной. М.: Изд-во МГУ; Наука, 2005. 352 с.
58. **Слово: фольклорно-диалектологический альманах.** Материалы научных экспедиций. Вып. 6, специальный. Рус. Слово в восточн. Зарубежье / сост. и ред. Е. А. Оглезнева. Благовещенск: Амурск. гос. ун-т, 2008. 200 с.
59. **Хисамутдинов А. А.** Русское слово в стране иероглифов: К истории эмигрантской печати, журналистики, библиотековедения и архивов. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2006. 304 с.
60. **Ширинская Е.** Харбин. Маньчжурия. Сидней, 1998. 50 с.

УДК 81'42
ББК Ш105.51

Валерия Андреевна Сергеева,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Изучение организации живого текста в исследованиях Г. Д. Ахметовой

В статье изучается своеобразие научных исследований доктора филологических наук, профессора Г. Д. Ахметовой, посвящённых анализу языковых традиций и новых тенденций в пространстве художественного текста.

Ключевые слова: наследие и преемственность, традиции и новаторство, композиционная организация, система, языковая композиция, эволюция языковой композиции, «живой текст»

Valeria A. Sergeeva,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Study of the Organization of Living Text in the Studies G. D. Ahmetovoy

In the article the originality of scientific researches of the doctor of philological sciences, professor G. D. Akhmetova, devoted to the analysis of language traditions and new tendencies in the space of the literary text is studied.

Keywords: heritage and continuity, traditions and innovation, compositional organization, system, language composition, evolution of language composition, "living text"

«Живой художественный текст» – так называла литературные произведения доктор филологических наук, профессор Галия Дуфаровна Ахметова. Живые художественные тексты, стихи и рассказы создавала она под литературным псевдонимом Нина Ганьшина. Живой жизни произведений современной художественной литературы, в том числе и литературы Забайкалья, посвящены филологические исследования учёного Г. Д. Ахметовой. Основное внимание она уделяла анализу языковых традиций и новых тенденций в пространстве текста: «Традиции рождаются из единого языкового пространства. Можно отметить новизну в решении поставленных задач. Новаторство – это предвидение тех изменений в языке, которые ещё не появились, но настоящий художник уже сумел “поймать” их. Творчество заключается в том, чтобы из традиций сделать новое» [2, с. 13].

Труды Г. Д. Ахметовой посвящены интереснейшей проблеме – языковой композиции художественного текста. Исследователь пытается раскрыть тайны создания и существования текста, решить вечную для интерпретатора загадку: каким образом художник даёт возможность читателю пережить особую радость, называемую эстетическим на-

слаждением? Задача эта столько же интересна, сколько и чрезвычайно сложна.

Стержневой в работах Г. Д. Ахметовой является проблема соотношения автора и художественного образа. Исследователь размышляет: «Писатель, как реальная личность, находится в сложных взаимоотношениях с реальным миром и одновременно с «образом автора» и «миром текста» [2, с. 13]. Автор не только композиционно организует текст, но и проявляет мастерство: создаёт (порождает) повествователя (рассказчика), всю иерархию художественных образов, взаимосвязь точек видения. В конечном итоге он создаёт образ автора, который в новом художественном мире (тексте) и становится тем организующим началом, каким является автор (писатель) в реальной действительности. Труды Г. Д. Ахметовой и посвящены изучению авторского мастерства. Ею рассматривается явление языковой композиции (с опорой на работы М. М. Бахтина, В. В. Виноградова, Л. С. Выготского, И. Р. Гальперина, А. И. Горшкова, Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского и других учёных); материал композиции; компоненты языковой композиции – словесные ряды, композиционные отрезки, точки видения; типы языковой композиции и их разновидности.

Г. Д. Ахметова разворачивает свои исследования на материале русской прозы конца XX – начала XXI вв.; ею тщательнейшим образом анализируются многочисленные современные произведения. При этом в работах нет разделения на именитых и молодых авторов. Важно другое: Г. Д. Ахметова с достаточной убедительностью говорит о том, что, несмотря на многообразие современной литературы, традиции реализма приобретают новое направление, реализуясь в своеобразии языковой композиции художественных текстов. Сопоставляя основные положения, свойственные реализму как художественному методу, с положениями, касающимися сложных проблем постмодернизма и постреализма, учёный строит исследование на одном из кардинальных принципов – соотношении наследия и преемственности, традиции и новаторства в литературе: традиции реализма реализуются в современной прозе наряду с постмодернистскими тенденциями в построении художественного текста. Тот же принцип является одним из организующих при изучении научных материалов.

Исследования основываются на исторической ретроспективе и перспективе: Г. Д. Ахметова анализирует работы русских и зарубежных учёных, прежде всего лингвистов, литературоведов, философов, психологов. Это говорит не только о широте научных взглядов филолога, глубоком знании им предмета исследования, умении интегрировать сложнейший материал – например, и по содержанию, и по форме исследование «Языковая композиция художественного текста» является адекватным анализируемому материалу. Следует особо подчеркнуть, что Г. Д. Ахметова основывается на новейших научных подходах в изучении текста.

Прежде всего, это системный подход, который положен в основу изучения материалов исследований. Во-первых, представление о тексте как о системе, имеющей свои подсистемы, входящей, в свою очередь, в ещё более сложную систему вечно изменчивого внешнего мира. Отдельные элементы языковой композиции изучаются не только с точки зрения зависимости каждого элемента, его места и функции внутри системы – художественного текста; каждый компонент системы, в свою очередь, сам рассматривается как система, а весь художественный текст – как один из компонентов более широкой системы (об этом, например, размышляет автор, рассматривая такой приём, как «игра в текст»).

Каждая система, как известно, должна быть описана через установление её структуры: это не только одно из главных положений исследований Г. Д. Ахметовой, когда анализируется сеть связей и отношений структуры изучаемого явления и возможность множественности описаний (в силу сложности языка художественных произведений адекватное описание потребовало необходимости построения различных моделей, как традиционных, так и современных. Каждая из них выявляет определённый аспект исследуемой системы). В работах учёного изучаются различные взаимодействия системы со средой.

Работы самой Г. Д. Ахметовой также могут быть рассмотрены как система. Они построены на основе феноменологического подхода к изучаемому, что уже предполагает иерархичность расположения материала и множественность описаний, а это, как известно, является одним из основных признаков системы. Работы чётко структурированы. Они представляют своеобразное нанизывание эпизодов-ассоциаций (литературных, научных и других фактов), расположение материала проводится по принципу градации, взаимосвязи отдельных глав, параграфов и фрагментов анализируемых текстов; постепенного расширения границ исследования до изучения взаимовлияний научных фактов с явлениями культуры, жизни социума. Следует заметить, что автор рассматривает каждый отдельный текст, приём языковой композиции в пределах интертекста. Это даёт возможность Г. Д. Ахметовой не замыкаться только на решении лингвистических или литературоведческих проблем, их взаимодействии (например, с большим интересом прочитываются страницы о соотношении понятий «точка зрения» (Б. А. Успенский, С. Антонов) и «точка видения» (А. И. Горшков); фрагменты текста, посвящённые анализу композиционных изменений в современной прозе (композиционный обрыв; композиционные вставки; композиционные связки между отрезками, не выраженные материально; повторы-рефрены; текст, состоящий из монологов; «игра в текст»). В трудах филолога поднимаются важные вопросы, связанные, в частности, с психологией восприятия художественных произведений; Г. Д. Ахметова размышляет о характере обратных связей (в историческом, личностном, социокультурном и других аспектах), «эволюции языковой композиции», содержащей факты

предсказуемости и неожиданности, которые обнаруживаются при анализе языковой композиции художественного текста как системы. Отсюда – «вероятностность описаний», множественность подходов даже в пределах одного метода. Отсюда – учёт и феноменологического, и культурно-исторического, и интуитивистского, структурологического и даже деконструктивистского подходов к анализу типов языковой композиции в работах Г. Д. Ахметовой. Отсюда – возможность перспективы, заявленной автором: обращение к её трудам позволит ответить на многие нерешённые вопросы, уточнить виды композиции, выделить новые составные части и проанализировать дальнейшие композиционные поиски современных писателей.

Можно утверждать, что глубина изучения исследуемых проблем, панорамность ви-

дения современной литературы, включение интернет-материалов, обширность библиографии, продуманность структуры, интегрированный характер, своеобразие приёмов композиционной организации исследований Г. Д. Ахметовой являются свидетельствами того, что они, несомненно, будут востребованы. В частности, они просто необходимы при изучении проблем теории, истории литературы, истории литературоведения. Сегодня, когда особенности анализируемых литературных произведений выходят за пределы возможностей традиционных подходов к их изучению, подобные работы просто необходимы. Они позволяют неформально изучать новинки художественной литературы, поскольку содержат «ключи» для декодировки современного текста.

Источники и литература

1. **Ахметова, Г. Д.** «А у нас в Забайкалье...»: заметки о современной литературе Забайкальского края. Чита: Читинская типография, 2008. 128 с.
2. **Ахметова Г. Д.** Живая поэзия: традиции и новаторство Николая Савостина // Учёные записки ЗабГГПУ. 2013. № 2. С. 13.
3. **Ахметова Г. Д.** Живой литературный текст. М.: Ваш полиграфический партнёр, 2012. 232 с.
4. **Ахметова Г. Д.** Тайны художественного текста: каким может быть лингвистический анализ. М.: Магистр, 1997. 216 с.
5. **Ахметова Г. Д.** Языковая композиция художественного текста (на материале русской прозы 80–90-х гг. XX в.): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. М., 2002. 264 с.
6. **Ахметова Г. Д.** Языковые процессы в современной русской прозе (на рубеже XX–XXI вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 168 с.

УДК 81'25=030(571.55)

ББК Ш118(2Рос-4Чит)

Юлия Викторовна Биктимирова,

*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Лингвистическая содержательность переводных документов (по памятникам письменности Восточного Забайкалья XVII–XVIII веков)

В настоящем исследовании впервые привлекаются в научный оборот переводные документы подобного характера – оригинальные скорописные тексты делопроизводства Нерчинского воеводства, несколько переводных с латинского языка писем, обрамлённых речью воеводы с комментариями и описанием листов «китайского письма» из фонда Сибирского приказа Российского государственного архива Древних актов. Целью исследования является определение лингвистической содержательности переводных писем XVII в., записанных кириллической скорописью, с китайского языка на латинский, а с латинского на русский язык.

Ключевые слова: памятники письменности, язык переводной литературы, скоропись, варианты грамматических форм, жанры приказного делопроизводства

Yulia V. Biktimirova,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

The Linguistic Pithiness of the Translated Documents (on the Monuments to Writing of the East Transbaikalia – the XVII–XVIII Centuries)

In the real research a scientific turn translated documents of similar character – original skoropisny texts of office-work of the Nerchinsk voivodeship – a little translated from letter Latin, the voivodes framed with the speech with comments and the description of sheets of “the Chinese letter” from fund the Siberian order of the Russian state archive of Ancient acts for the first time are attracted. A research objective is determination of linguistic pithiness of the translated letters of the XVII century which are written down by a Cyrillic cursive writing from Chinese on Latin, and with Latin into Russian.

Keywords: monuments to writing, language of translated literature, cursive writing, options of grammatical forms, genres of man dative office-work

Памятники Восточного Забайкалья XVII–XVIII вв. являются важным источником для изучения культуры, истории, этнографии, географии Забайкалья. Основная часть документов делопроизводства Нерчинского воеводства и острогов Восточного Забайкалья представляет собой комплекс скорописных памятников финансового, хозяйственного, административного характера, содержащих справочные материалы, различные списки людей и товаров. В привлечённый корпус рукописных памятников Восточного Забайкалья конца XVII – первой половины XVIII вв. вошли тексты разных жанров, разнообразного тематического содержания, отражающие различные стороны жизни первопроходцев и первооселенцев Восточного Забайкалья. Рукописные памятники деловой письменности Восточного Забайкалья включают в себя деловую переписку Московского и Сибирского приказов с Нерчинской воеводской канцелярией, а также переписку последней с подчиняющимися острогами.

В последние десятилетия рукописные документы Нерчинского воеводства активно исследуются с точки зрения лингвистической содержательности. Хронологические рамки создания памятников Восточного Забайкалья – конец XVII–XVIII вв. – являются важным аргументом в пользу их тщательного и всестороннего изучения, т. к. в этот период происходят становление и развитие русской нации и, как следствие, формирование и развитие русского литературного языка на национальной основе. Особняком в ряду исследуемых многочисленных памятников стоят документы, свидетельствующие о первых русско-китайских, монгольских, маньчжурских контактах.

По мнению историков, вопрос о том, когда началась официальная переписка между русским и китайским правительствами и какому из них принадлежит начало этой переписки, – остаётся пока не выясненным. В источниковедении упоминается несколько грамот XVII в. китайских богдыханов к московским царям. Эти грамоты, или так называемые «листы», за исключением двух маньчжурских подлинников от 1686 г., сохранились только в русских переводах. Имеются некоторые грамоты XVII в. на латинском языке в переводах католических миссионеров с китайского и маньчжурского языков. Известный всем Нерчинский договор имел значительно различающиеся по содержанию копии-варианты на трёх языках – маньчжурском, русском, латинском, последний выступал в качестве языка-посредника. В настоящем исследовании впервые привлекаются научный оборот переводные документы подобного характера – оригинальные скорописные тексты делопроизводства Нерчинского воеводства – несколько переводных с латинского языка писем, обрамлённых речью воеводы с комментариями и описанием листов «китайского письма» из фонда Сибирский приказ Российского государственного архива Древних актов [5].

Цель исследования – определение лингвистической содержательности переводных писем.

В лингвистическом источниковедении учёными выделяются три стороны изучения памятников письменности: изучение *лингвистической содержательности, информационности источника, определение степени достоверности* в нём фактов языка.

Степень достоверности источников подтверждается пространственно-временными характеристиками: нахождением в склейке столпов, отправленных в Сибирский приказ Нерчинским воеводой, и наименованием столпа с датировкой 7194 (1686) г., указанием царствующих особ – Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича.

Графика рукописных переводных документов соответствует палеографическому описанию, произведённому исследователем памятников Нерчинского воеводства – Г. А. Христосенко [6]. Тексты изначально представляли «столп», разделённый при архивной обработке. Листы документов в основном содержат текст с одной стороны. Документы написаны скорописью, прописные буквы в документах представлены бессистемно (в качестве прописных выступают буквы Г, П, Т, ⚭). Имена собственные в основном начинаются со строчных букв. Знаки препинания расположены бессистемно, предлоги и зависимые слова пишутся слитно. В текстах употребляются отмененные в дальнейшем реформой Петра I буквы Ѡ, Ѣ, Ѥ, Ѧ. Встречаются дублиеты Ѣ и Ѥ, Ѧ и ⚭, Ѡ и ѡ, Ѣ и ѣ, Ѥ и ѥ, Ѧ и ѧ, Ѡ и ѡ. В скорописи исследуемых памятников используются как строчные, так и надстрочные буквы, вынесенные под титла сакральные слова и традиционные часто употребляемые в документах слова (ѡвѣѣ ѡбо Гдѣрь) Принцип сакральности не соблюдается (кнзь (русский) кѡшемѣ црѣскому величеству – ꙗподанныѣ нѣциѣ неразоряли), используется буквенная цифирь – (на ѡлдѣ строкахъ).

Информативность источников. В нескольких «листах», проходящих под одним названием – «Список с переводу латинского письма», содержится пересказ писцами четырех писем императора Кан-си «Белому царю». В документах говорится о немирном соседстве «русов», «которые в рубежи нѣи вступили обиды ꙗѡбытки чиня жены идѣти иѡвмѣѣ», Похищахѣ всеконецно, смѡщения ꙗкрамолу воѡбуждати неприѣтали»; бесплодных посылках своих грамот в Москву через русских пленников, которые письма уносили, а вести не приносили; возвращении «народовъ которые нарѣс бежахѣ живѣть нехчешь ихѣ впелен воѡвратити»; пограничных делах на Амуре и относительно своих желаний по этому предмету – «имѣсто ꙗччя имянованное рѡбежѣ положа меѡ тѣѣ рѡбѣжеѣ». Своё название этот городок, основанный даурами в 1645 г., получил по имени князя Албазы – зятя

даурского князя Илгина. Албазин располагался на левом берегу Амура напротив места впадения в него реки Албазиха. Китайцы именовали этот пункт Якса [4].

В основу документов положены исторические события, связанные с освоением Забайкалья и Амура. Усиление позиций России на приграничных территориях вызывало всё большую обеспокоенность у Китая. С 1669 г. император Канси начал постепенное усиление крепостями северной границы Маньчжурии. Россия, понимая слабость форпостов на Дальнем Востоке, старалась разрешать проблемы взаимоотношений с Китаем посредством налаживания торговых и дипломатических связей, которые в целом были безуспешны. Маньчжурская империя ориентировалась на «выдавливание» русских из Приамурья, активные захваты территорий в бассейне Амура и приведение в своё подданство местных народов. «Незаконные» остроги, такие как Нерчинск и Албазин, были постоянной угрозой для Китая. Написание «листов» Белому царю и воеводам Селенгинска, Нерчинска, Якутска, Албазина, по мнению историков, являлось отвлекающим от готовящегося нападения на русские остроги маневром.

Лингвистическая содержательность. Исследователи региональных памятников делопроизводства рассматривают деловой язык XVII–XVIII вв. как определённый тип речи, для которого характерна кодификация на разных уровнях языка [1]. Известный лингвист Л. М. Городилова называет жанр документа «высшей формой организации этого типа речи», т. к. именно он «демонстрирует процесс закрепления в деловой письменности специфических языковых средств» [1, с. 66]. Жанр перевода «листов» обозначен как «список с переводу латинского письма». Приблизительный перевод-пересказ писем китайского императора и его подчиненных с китайского на латинский, с латинского на русский имеет ряд жанровых особенностей, характерных для посольских документов.

Жанром во многом определяется лексика документа. Лексика характеризуется несколькими лексическими пластами, которые присущи переводным памятникам дипломатического характера: общественная, политическая, юридическая, дипломатическая, военная.

Для деловых документов посольского приказа характерно обилие церковнославян-

ских и архаических элементов, типичных для канцелярского стиля: «...ото^м обо все^м свое^{му} Гд^{рю} По^{линно} нароч^{но} о^{пиши} ... j всяк^ю см^ѣт^ѣ чинять...».

Широко представлены имена собственные. В исследуемых памятниках обширен материал ономастического характера: указываются имена власть имущих, географические названия. Значительное количество собственных имён (Га^нтим^ѣр^{ка}), географических названий (которые были во хе^нгб^ѣ jтаких jны^х м^ѣсте^х), предметов обихода в различных графических и фонетических вариантах даёт представление об адаптации иноязычных слов как из европейских языков (императ^р), так и из китайского (нача^нник к^ѣн п^ѣн^г хень, Императора ка^мхи) в русском языке и нормах произношения на русском языке и языке переводимого текста. Например, «м^ѣсто оно^е имянованное ягучя» представлено в вариантах ячч^а, яччя, ячи-чя.

Памятники отражают, с одной стороны, звуковой облик речи XVII в. (сабак, чуюю, сылы, жалая, естли), с другой – гиперкоррекцию звуков, отражающихся в написании слов, возможно, для создания архаичного текста высокого стиля (хоц^ѣ, плен).

Грамматические особенности изучаемых памятников характеризуются конкуренцией церковнославянских форм и новых форм живого народно-разговорного языка.

Для существительных характерна нестабильность категории одушевлённости / неодушевлённости – колебания испытывают названия животных и некоторые существительные в единственном и множественном числе, обозначающие одушевлённые и неодушевлённые предметы (jчто найше величество напромы^{ла} в леса^х соболи бо^{ры} выдры лоси олени рыб^ѣ ииные всякие зв^ѣри По^данные мои ловят). Нестабильность этой категории подтверждают столкновения вариантов форм в пределах одного документа (saГраниц^ѣ для промы^{ла} соболи <...> и всяки^х звере^х ловит). Исследуемые памятники фиксируют две формы числа – единственное и множественное. Вариативность флексий в падежных формах является следствием перестройки древней многотипной системы склонения, при этом писцом намеренно сохраняются архаичные формы (из приказы, своим людем, в города, в городехъ, впеча-техъ, водою, в прошлых годехъ, В^др^ѣтомъ ли^чт^ѣ, и ясак^ѣ нео^нимать). Многочисленные примеры из исследуемых документов свидетельствуют о процессе образования формы

множественного числа на **-ья**, появившейся на базе собирательных существительных (братье).

Анализ словоизменения прилагательных и местоимений разных разрядов в памятниках так же, как и существительных, выявляет процесс намеренной архаизации, особенно в этикетных формулах, где преобладают архаичные полные формы прилагательных с церковнославянскими флексиями: формы именительного и винительного падежей единственного числа мужского рода с флексией **-ьѣ**, родительного падежа единственного числа мужского рода с флексией **-аго (-яго)** (кра^няго сов^ѣт^никъ, для сего самаго д^ѣла), именительного и винительного падежей множественного числа с флексией **-ья** (оныя которые кр^ѣтъ рубежа живяху). В основных частях документов бытового содержания, особенно при перечислении товара, наблюдается употребление падежных форм прилагательных с исконно русскими флексиями, ср. с ранее названными формами: **-оу** (деревянной дом), **-ого (-его)** (в благополучном пребывании м^ѣца до^брого). В памятниках встречаются краткие формы качественных прилагательных (исемлю вн^ѣрен^ѣ разоряюще), которые выполняют предикативную функцию.

Используются архаичные формы церковнославянских числительных (шти).

Глагольные формы представлены в архаичных и новых формах.

Полная форма инфинитива на **-ти**, встречается в деловых текстах до XVIII в., но как маркер произведений «высоких» жанров либо как диалектное явление, свойственное северным говорам. В. М. Живов считает формы на **-ти** как диалектные черты, отличные от московского образцового языка документов [2, с. 132]. В исследуемых текстах встречаются следующие примеры: «... см^ѣщения jкрамолу во^буждати непри^чтали а^т великую силу вои^нск^ю воеже Покори^ти jуби-ва^т ихъ хотя посылати ... И бл^гпол^ѣчно житии...». Новые формы также частотны: «...люде^х Послатъ и такихъ вше^х р^ѣски^х люде^х своево^нико^в исамочино^в и разсорителе^х смиритъ ... небратъ инеграбитъ и ясак^ѣ нео^нимать...».

Практически все формы прошедшего времени используются переводчиками «листов» китайского императора. Как полагают исследователи языка, имперфект в разговорной речи перестаёт употребляться раньше других форм и к XII–XIII вв. эти формы

перестают быть живыми. Однако по традиции в книжном типе литературного языка формы имперфекта можно найти и в памятниках старорусского периода, т. е. XIV–XV вв. [7, с. 257]. В документах посольского приказа формы имперфекта встречаются до XVII в. Имперфект по своему значению являлся простым прошедшим временем, обозначавшим повторяющееся или мыслимое как неограниченное во времени глагольное действие, полностью отнесённое к прошлому. Переводится имперфект формой прошедшего времени глагола несовершенного вида. Приведём пример подобного употребления: «... рѣси вѣи ме^ж короле^вства свое^го рубежи сде^ржахуся ни^ж рубежи нѣи бе^расу^дно смѣло вступали ј некотор^г ѣбы^гка причиняху народя, оныя которые крѣгъ рубежа живяху в тихо^м миру Пребываху Пото^му бо Когда в рубежи нѣи вступили обиды јѣбытки чиня жены идѣти и^вмѣ^н, Похищах^у...».

Аорист употреблялся в славянских языках для обозначения мгновенного действия в прошлом. В исследуемых документах встречаются формы: форма 1-го и 2 лица ед. ч. «...Когда убо видѣхъ что вѣи рѣски о^т перестаня во^буждения крало^н некоторо^у о^бра^з всебѣ Показѣють ...»; «...не чю...».

Перфект употреблялся не просто для констатации факта, а для обозначения такого прошедшего действия, результат которого продолжается в момент речи. Например, в тексте встретилась форма 3-го лица мн. ч.: «...посланы сѣть...».

Фиксируется и новая форма прошедшего времени из причастия на «л» бывшего перфекта: «дѣша моя неповолила во^нскую силу воеже Покорити јубива^ти и^х по^слатъ Токмо нача^нико^в воино^в нѣско^лко Посла^н которые вѣи^м рѣсо^м пѣть заде^ржали ј вхождение возбранили атѣхъ рѣсо^в которые были во хе^нгбѣ јв^таких јны^х мѣсте^х которые уже ипокорит^н бы^л неубивал нако^мить Пове^нл^н». В этом отрывке интересен пример – бы^л неубивал – форма плюсквамперфекта является ярким примером живой разговорной речи и в современных говорах Забайкалья [3].

Новые формы повелительного наклонения: «...тѣмъ народомъ ясакъ вся^т Повели ирѣбѣжи наши ѣстѣпаши невели...».

В исследуемых документах в функции сказуемых выступают причастия и деепричастия. Встречаются только церковнославянские полные и краткие формы на *ущ(-ющ)*: «...ибо^н о^ставити желаещ^у... ...»; «...послать итѣ два члѣка которые Пошли нео^пѣ-

щены наса^н иониде ли^чты со^тпове^ню посла^н...»; «... Повели ирѣбѣжи наши ѣстѣпаши невели...»; «... что вѣи рѣси бо^лши^м число^м вез^млю мою вну^реннюю вступающе силою все Похищающе крамолы великие во^буждающе беглецо^в нѣих часто ксебѣ Принимающе...»; «...Проти^вля^вшиися стоять сие саме дѣло хочѣ тебѣ такѣже яви^ти сего ради рѣсо^м тѣмъ которы^х покорил...». В предложении краткие причастия выступают в качестве именной части сказуемого (при этом глагол мог присутствовать или без сопровождения связки *есмь*), что является чертой синтаксиса древнерусского языка [7, с. 304].

Фиксируется свободное употребление новых форм деепричастий: «...ихъ хотя посылати...», «...листы По^длинныя врѣча^н наро^чно Посла^н...», «Госѣдарь нѣшъ император^в начлникъ јвоино^в опѣста^н и пѣть вамъ саде^рживая итога ради рѣсовъ имы нетерп^ла таки^х великихъ оби^д анологъ иразорени^а воински^х свои^м люде^м...».

В синтаксисе исследуемых памятников фиксируется система подчинительных связей в сложных предложениях (абзацах) без устранения элементов сочинения: «...В^дрѣгомъ ли^чтѣ в^нер^чинско^у остро^у написано Естли квамъ о^т вѣшего бѣлого Цря Ука^з что^б вы пика^зные люди своевольны^х рѣски^х люде^в вѣши землю са^границѣ для промы^слѣ соболи <...> и всяки^х звере^в ловить о^т себя несылали и нѣи^х по^дданны^х яшашны^х люде^в неграбили и нерасоряли и то все дѣлаешъ собою ли или по велѣнию Гд^ря своего иметь бы о^нне впре^д вѣшѣ землю воду ивлеса для промыслѣ и для расорения не^ѣдили инши^х по^дданныхъ за^границею нѣшею нерасоряли и не Грабили и лесовъ нѣи^х непѣстошили но промышляли бы звере^в всвое^у земле и Границе а которые нѣи и^менники Га^нтимѣрка стоварыщи и^з меня о^нна^с ѣшли и увасѣ в городѣ живѣть ј всякѣю смѣтѣ чинять на обе стороны И такимъ бы воромъ невѣрить и жить бы снами всовѣте и таки^х беглецо^в воровъ дрѣ^т дрѣгѣ о^ддавать • что^б о^ссами^х смѣтчиковъ снами уѣшого Гд^ря скоро не было а которые ѣна^с завоевали вѣи рѣские люди всять и которые такие^х беглецы • И тѣ вѣше^м цр^встве нека^нены и голо^дною смертию несаморены, что^б таки^х любовью ро^знять свои^х всять • анши^х о^т да^т а пососѣдствѣ и поблизо^сти дрѣ^т к дрѣгѣ вѣше цр^вство совсякими своими товары^в ѣ^здидитъ и то^рговать пово^нно ј вы отако^м дѣле ниво^что полагаете толко расор <...> нашу землю желаете имы токо^у досады многие нетерпя по^спали о^себя воински^х свои^х люде^н и

приказалъ свое' земли и³границы в³ших р³ских люде' сослать...» [5]. Этот приём нанизывания одного предложения на другое встречается и в «Житии протопопы Аввакума» [7, с. 336].

Как видим, исследуемые переводные «листы» китайского императора являются интересным лингвистическим источником с точки зрения отражённых в них языковых явлений – словарного состава, фонетической и грамматической систем забайкальского делового узуса периода формирования языка русской нации. Анализ языка памятников показал последовательность в намеренной архаи-

зации путём употребления церковнославянских слов и форм писцами, что, вероятно, являлось маркером дипломатических документов Посольского приказа. Между тем живые формы и произносительные варианты, отражённые в языке памятников, могут свидетельствовать о том, что переводчик-толмач диктовал текст писцу, переводя устно с латинского языка. Тексты «листов» отразили эти две, казалось бы, взаимоисключающие тенденции – намеренную архаизацию и тонкую передачу живой звучащей речи, что, конечно, оправдывается как жанром документов, так и отнесённостью к языку переводной литературы.

Источники и литература

1. **Городилова Л. М.** Деловая письменность Приенисейской Сибири в XVII в. и региональная историческая лексикография: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Хабаровск, 2004. 503 с.
2. **Живов В. М.** Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков // РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М.: Яз. слав. культуры: А. Кошелёв, 2004. 655 с.
3. **Игнатович Т. Ю.** Современное состояние русских говоров севернорусского происхождения на территории Восточного Забайкалья: фонетические особенности. Чита: Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т, 2011. 230 с.
4. **Попов И. М.** Россия и Китай: 300 лет на грани войны [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.litresp.ru/chitat/ru/%D0%9F/popov-igorj-mihajlovich/rossiya-i-kitaj-300-let-na-grani-vojni/4> (дата обращения: 20.04.2017).
5. **РГАДА – Российский государственный архив древних актов**. Ф. 214. Стб. 973. Л. 93–96. 193–194. 1685–1686 гг.
6. **Христосенко Г. А.** Палеографический альбом (учеб. сб. снимков с рукописей нерчинских документов делового письма конца XVII – перв. пол. XVIII вв.) / под ред. Н. А. Цомакион. Чита, 1973. 112 с.
7. **Черных П. Я.** Историческая грамматика русского языка: краткий очерк. М.: Просвещение, 1962. 376 с.

УДК 81–25(571.55)

ББК Ш105.551(2Рос-4Чит)

Татьяна Юрьевна Игнатович,

*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Мировосприятие забайкальцев в образах русской народно-разговорной речи

В исследовании рассматривается проблема отражения мировосприятия забайкальцев в образах русской народно-разговорной речи. Народная речь жителей Забайкалья является самобытной, яркой и меткой, однако в ракурсе образности и преломления в ней особенностей мировидения забайкальцев она ещё не исследовалась. В своей повседневной речи забайкальцы используют самые разнообразные «цветы красноречия»: наиболее частотны метафоры и сравнения, олицетворение, встречается синекдоха, противопоставление, эвфемистические выражения. «Игры» народного разума реализуются в выразительных забайкальских фраземах и паремиях со сложной смысловой структурой, в которой прямой смысл, связанный с номинацией объекта сравнения, накладывается на переносный смысл, характеризующий субъекта сравнения.

Ключевые слова: Забайкалье, мировосприятие, образы, народно-разговорная речь, фраземы, паремии

Tatyana Yu. Ignatovich,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

Attitude of Residents of Transbaikal in Images of the Russian National Informal Conversation

In a research the problem of reflection of attitude of residents of Transbaikal in images of the Russian national informal conversation is considered. Folk speech of residents of Transbaikalia is original, bright and a tag, however in a foreshortening of figurativeness and refraction of features of a mirovideniye of residents of Transbaikal in her she wasn't investigated yet. In the daily speech residents of Transbaikal use the most various "flowers of eloquence": metaphors and comparisons, an embodiment are most frequency, the synecdoche, opposition, euphemistic expressions meets. "Plays" of the national mind are implemented in expressive Transbaikal frazema and paremias with complex semantic structure in which the literal sense connected from the nominations of a subject to comparison is imposed on the figurative sense characterizing the subject of comparison.

Keywords: Transbaikalia, attitude, images, national informal conversation, frazema, paremias

Проблема взаимосвязи языка и мышления является ключевой, основополагающей в языкознании. Философские идеи конца XVIII – начала XIX вв. немецких лингвистов Иоганна Готфрида Гердера и Вильгельма Фридриха фон Гумбольдта относительно отражения в языке мировидения и духа народа весьма востребованы современными лингвистами и активно развиваются в лингвокультурологии, этнолингвистике, когнитивной лингвистике. Эта идея является концептуальной и для нашего исследования.

В нашем исследовании рассматривается проблема отражения мировосприятия забайкальцев в образах русской народно-разговорной речи. Народная речь жителей Забайкалья является самобытной, яркой и меткой, однако в ракурсе образности и преломления в ней особенностей мировидения забайкальцев она ещё не исследовалась.

В речи деревенские жители выражают своё восприятие мира, отношение к окружающей среде, природе, людям, к условиям бытования и жизненным испытаниям, высказывания часто носят явно выраженный оценочный характер.

Анализируя специфику представления диалектоносителями событий в речи, Т. А. Демешкина справедливо отмечает, что «в диалекте преобладают модели, отражающие получение информации путём непосредственного восприятия» [2, с. 46]. На наш взгляд, наиболее интересны языковые средства, создающие не просто наглядную передачу диалектоносителями описываемых событий, а характерное для диалектных текстов наглядно-образное описание событий.

Известный исследователь диалектной речи В. Е. Гольдин полагает, что если свойство изобразительности распространяется в традиционном сельском общении и на невербальные компоненты коммуникации, понижая общение в целом, то его можно считать не столько собственно речевым, сколько семиотическим по своей природе принципом, присущим диалекту, – принципом изобразительности [1, с. 66]. Под изобразительностью понимается свойство создания в речи образов, которые отображают действительность через обобщение свойств явления и через единичное передают сущностное, типичное. Образное представление о предмете формируется на основе таких свойственных человеческому сознанию логических операций, как сравнение, ассоциация, обобщение. В образе наблюдается единство двух сопоставляемых явлений. Яркими являются образы вторичной номинации – наименования через наименования. Вторичная образная номинация в народном сознании осуществляется через призму наименований привычных вещей, окружающих деревенского человека.

Следует также отметить, что в образах, которые репрезентируются в народной речи, может и не быть прямого сходства с конкретным номинируемым объектом (предметом, человеком, явлением). Следует вспомнить интересную функцию языка, которую когда-то выделил Р. О. Якобсон. Он её определил как поэтическую, которая ярко проявляется в художественной литературе, в языке поэзии, – функцию преобразования, в какой-то степени даже приукрашивания дейст-

вительности [4]. И в народной разговорной речи мы тоже видим проявление этой функции, вследствие чего в ней возникают живые словесные образы или образные устойчивые сочетания.

Неоспоримо, что в центре картины мира находится человек. Антропоцентризм присутств и языковой картине мира. И даже образ Бога, вера в которого глубоко укоренилась в народном мировосприятии, несмотря на понимание его божественной природы и божественных поступков, в народном сознании является очеловеченным, наделяется человеческими качествами и поведением, о чём свидетельствуют забайкальские паремии и фраземы [3]: **С Богом блины есть** – быть благополучным, зажиточным человеком, следовательно, создаётся наглядный народный образ «Бог ест блины»; **<Жить, быть> как под Божьим одеялом** – о благоприятной погоде, возникает образ «Бог накрывает землю одеялом»; Бог вездесущ и народ понимает и сочувствует тому, что ему труднее, чем людям, поскольку они заботятся **Друг о дружке, а Бог обо всех**. Он всеведущ и справедливо наказывает: **Бог не Ермошка – видит в окошко; Бог весть, кому за решётку сесть** – о справедливости наказания; **Бог видит, когó обидеть, Бог не Яшка – видит кому тяжко; Бог – не Микишка, зря не поставит куклишку; Бог не Микишка, как даст в лоб, так шишка**; терпелив: **Бог долго ждёт, да больно бьёт**. При этом в народном представлении Бог может вести себя как человек: **видит в окошко, может ударить по лбу**. Но человек ему не ровня, поэтому и называется бытующими народными вариантами имён *Яшка, Микишка, Ермошка*.

Не всё, что Бог совершает, доступно пониманию человека: **Бог лёс не уравнил, а людéй тем боле**. И встречается весьма абсурдное **Бог не Тимошка – видит немножко**. В этой народной сентенции утверждается обратное: Бог не может за всем усмотреть, а вот некий *Тимошка*, вероятно, видит больше.

В народе бытует здоровый прагматизм, и русский человек считает, что полагаться полностью на Бога нельзя: **Колí сам плóх, не подáст и Бóг** – поговорка о необходимости работать, **На Бóжьём благословéнии** <жить, сидеть и под.> – в опасном, ненадёжном положении; **Нéбом крýто, Бóгом горóжено у кого-либо** – ни кола, ни двора.

Однако новорождённый ребёнок – **Бóжья картинка**, т. е. чистый и безгрешный,

как Бог создал. **Бóжьей дугой** называют радугу, **Божьей водой** – росу.

Образы на основе олицетворения употребляются в забайкальской речи в характеристике явлений природы: **Заря́ утром выгонит, а вéчером загóнит** – эта поговорка о тяжёлой работе с утра до позднего вечера; **Сóлнце играёт** на Пасху – играет, будто переливается; **Нóчь-мáтка** – так говорят о тёмной ночи; **Облаки заходíли** – к ненастью; **Нéбо зазираётся** или **небо молодит /затянуло тучами/** – так говорят о портящейся погоде, о наступающем ненастье; **Нéбо закондубáсилось /накондубáсилось/** – о надвигающейся грозе, буре. Примечательна философская поговорка: **Грозá своё дéрево найдёт**, т. е. чему быть, того не миновать. Фразеологизм **мóрок придавил кого-либо** передаёт физическое состояние человека в пасмурную погоду, когда его клонит ко сну. **Горóх – хозяин огорóда. Сейчас вспахали под пары. Будто в проране, а земля отдыхат, потом лучше родить будет**. Созвездие Ориона деревенские жители называют *Кичигами*: **Кичигизá угол поверну́ли /завернули/** – поздно, наступила глубокая ночь, **Кичиги на подъёмку** – очень рано, перед рассветом. Об этих звёздах, когда они закатились, говорят: **с коромы́слом ушлú**.

Качества, особенности поведения человека переносятся и на качества, поведение животных, что придаёт речи свежесть и выразительность: **Щука – рыба ехидная: она же жрёт всё; У птицы же, как и людей: крылышком обнимет, клювиком погладит, чё-то пропоёт; Слышу, что идёт медвежиха, слышно, что не одна, а со своими детя́ми, медвежатами**.

Олицетворение наблюдается и в забайкальских фраземах, в которых содержится характеристика окружающих человека предметов: **Своя избушка – потайна́ подружка; Дóм от дóма караул кричит**, т. е. наблюдается редкая застройка, с большими промежутками между домами. В народном сознании *печь* – центр дома, от неё зависит жизнь семьи, она очеловечивается, наделяется человеческими качествами: **Русска печка – мать всему дому**; когда нужно усилить огонь в печи, побросить дровишек, говорят: **надо подвеселить печку; печка ушлá** – если в ней недостаточно жара для выпечки хлеба. **Хлéb, соль, не слúшай!** – так говорят, если невзначай вырвется грубое, неприличное слово во время приёма пищи. **Хлéb отдыхáет** сразу после выпечки; о жидкой, не-

калорийной пище говорят: *капуста за капусткой бегаёт. Осудил овин баню* – о ситуации, когда один человек критикует другого, будучи нисколько не лучше его; *Одна одёжка скачет, а много плачет* – о неразумности иметь множество нарядов.

Олицетворение оживляет вещный мир, свидетельствует о смекалке забайкальцев и их стремлении сделать речь интереснее, выразительнее.

Сам человек в забайкальской фраземике может характеризоваться в самых различных образах.

Привычным для забайкальского деревенского жителя является сравнение человека с животными. Забайкальцы подмечают в животных черты поведения, свойства, а потом переносят их на человека, появляются яркие метафорические образы.

В народном сознании *корова* – удобный объект для сравнения, характеристики человека. В забайкальской народной речи много фразеологизмов, в которых *корова* типизирует определённые свойства человека: *глаза как у дойной коровы у кого-либо* – о добродушном, спокойном человеке; *корова шатуюша /шатуча/, шлющая корова* – о беспутном, неспособном иметь свой угол, нехозяйственном; *приблудная корова* – о беспутном, бродяге; *шляться как колобка /Манькина/ корова* – бродить без цели, без смысла, о беспутных людях; *глядеть, как будунья корова* – о злом, неприветливом человеке.

В забайкальских фраземах и паремиях *лошадь, конь* тоже типизируют определённые свойства человека: *зубоскала кобыла* – несерьёзный человек; *Параскеева кобыла* – дряхлый, болезненный человек; *родиться от дикой кобылы* – быть беспокойным, буйным, неуравновешенным человеком; *боковой конь* – нахлебник, ленивый, дармоед (боковой конь – пристяжной конь в упряжке тройкой); *конь баргойский* – несамостоятельный, неумелый человек; *свадебный конь* – разнаряженный, с претензией на щегольство человек; *лончак второго года* – разбитной парень; *ляжки как у дяди вениной коняжки у кого-либо* – о толстом человеке; *чалый и драный* – никчёмный, не стоящий внимания.

В народной речи бытует поговорка о неверном муже, которого обидно сравнивают с бараном: *Чужого барана не удержишь*. И почему-то *надеть баранью рожу /маску/* – быть бессовестным. В личных хозяйствах держат

и коз. На основе подмеченной особенности их поведения возник фразеологизм: *козловска родня* – об упрямом человеке.

В народном сознании *свинья* предстаёт нечистоплотным, прожорливым, суевливым животным, не заслуживающим уважения. Эти неприглядные качества свиньи в забайкальских фразеологизмах, поговорках переносятся на человека: *Со свиным рылом в базарный городок <лезть>* – несообразно с положением. Положение этого животного, обращение человека со свиньёй становится образным мерилем положения человека, отношения к человеку: *Как чушке неба не видеть* – работать не разгибаясь; *Как свинью с лопаты спихнуть /спихать/ кого-либо* – похоронить недолжным образом, не по обряду; *Бываёт и свинье раз в году праздник* – ср. *будет и на нашей улице праздник*.

И конечно, народное сознание не обошло вниманием *курицу* и *петуха*, они стали персонажами забайкальских фразеологизмов, паремий: *из-под одной курицы* – одинаковые, равные по положению; *квочку, когда вздумается, на яйца не посадишь* – пословица, ср.: *всякому овощу своё время*; *и куры не кудахчут о ком-либо* – о человеке, не представляющем никакого интереса; *курочка не споёт о ком-либо* – о положительном человеке; *память куричья у кого-либо* – о человеке с короткой памятью; *с цыплячьей памятью* – о неблагодарном, не помнящем добро человеке; *воровать курей с кем-либо* – быть на короткой ноге; *посадить петуха на яйца* – не добиться толку, сделать бесполезную работу; *как петух на заре <кричать и подобн.>* – громко кричать.

Подмеченное обращение человека с собакой, её качества обыгрываются и переносятся на человека в народных устойчивых выражениях: *вить, дрожать > как собака на муе* – быть в тревоге, ощущая близкую опасность; *как собака на упадь <бросаться и подобн.>* – с жадностью, без разбора; *старую собаку новым штучкам не выучить; с собакой ляжешь, с блохами станешь*, ср. *с кем поведёшься, от того и набурёшься*; *наульна собака* – о равнодушном человеке; *надворнишна собака* – беспутный; *бешеной собаке семь вёрст не круг* – поговорка о том, что озлобленный человек может многое совершить. В ряде поговорок называемые действия, применяемые или не применяемые к собакам, используют

ся для характеристики человека и его действий: *<смотреть, глядеть и подобн.> как кобель из-под телёги* – угрюмо, недоброжелательно; *привык как кобель к ошейнику*, т. е. очень сильно.

В народном сознании медведь ассоциируется не только с силой, но и с ленью, о чём свидетельствуют забайкальские фразеологизмы: *медведь на плечах сидит у кого-либо* – о ленивом человеке; *медвёжья хвёрость* – сонливость, лень.

Качества дикого зверя – волка – тоже обыгрываются в народном сознании и переносятся на поведение человека: *С волками жить – по-волчьи выть; Сколько волка не корми – всё равно в лес смотрит; Волка ноги кормят; Съел волк, не съел волк – всё равно виноват; Как у волка жеребят*, т. е. у человека ничего нет, мало.

Образ зайца (*ушкана, куцего*) с подмеченными, переосмысленными и отнесёнными к человеку особенностями поведения присутствует в местной фразе: *петлять как ушкан* – хитрить, изворачиваться. И маленькая мышь не осталась без внимания: *Последняя мышка полёзла на вёшку!* – поговорка употребляется в значении «и этот туда же».

Забайкальский птичий мир тоже представлен в местных фразеологизмах. Так, в народной речи нашли отражение особенности поведения кукушки – *какушки*, она олицетворяет плохую мать: *какушка беспрòкляя* – о женщине, не выполняющей материнские обязанности; *татарский / тутарский / пòп* – самец кукушки, при олицетворении – бессовестный мужчина, дармоед. Сорочье поведение с переносом на поведение человека зафиксировалось в таких забайкальских поговорках и фраземах, как: *по чужим словам как сорòка по колàм* – о человеке, не имеющем своего мнения; *сорòкин хвòст* – сплетник. Бытует суеверие: если есть *сорочьи / вороньи / яйца*, будет хорошая память, будешь предвидеть события. Поэтому о проницательном, дальновидном человеке говорят, что он *ест сорòчьи / ворòньи / яйца*. Кедровка, или ореховка, встречается в хвойной тайге, в том числе и там, где растут кедры, которые она распространяет, закапывая кедровые орешки в почву. Человека, не способного жить на одном месте, называют *залётная кедрòвка*. Сыч семейства совиных тоже вошёл в забайкальскую фраземику: *Ни сыч ни сова* – ни то ни сё; *как сыч на колú* <вертеться> – беспокойно, в хлопотах.

Муха попала в целый ряд фразеологизмов: *как муха проголòсная* – навязчивая собеседница, излишне общительная; *как муха в тóесе* <сидеть> – в вынужденном бездельи. Людей, когда их много, могут сравнить: *как мòшки на болòте*.

Ещё один персонаж из мира насекомых, вошедший в забайкальскую фразеологию, – *вошь*. Удивительно, но в народном сознании она не всегда вызывает неприятные ассоциации: *бýстрая вòшка* – энергичный, подвижный человек; *и вòшь тепло любит* – о благотворности, пользе тепла; *как вшà на гребешкè* – о состоянии волнения, беспокойства, раздражения; *не вèдь какà вшà!* – осуждающе в адрес никчёмного, но чванливого человека; *потеряли вшú мàтку* – поговорка о тех, кто не справляется без помощи старших, о состоянии беспомощности; *как вшèй на гáшнике /в загашнике/* – очень много. Не осталась без внимания в народной речи и *блоха*: *скакàть как блохà по шèрсти* – менять мнение; *как блохà без шèрсти* – в состоянии волнения, беспокойства, в заботах.

Через мир животных, насекомых в различной речевой форме забайкальцы выражают народное восприятие и оценку качеств человека.

Привычный забайкальцам мир природы тоже используется в народной речи для характеристики человека.

Образ *ветра* встречается в забайкальских устойчивых выражениях: *вèтер в тыл кому-либо* /имеется в виду попутный ветер/ – об удачливом, благополучном человеке; *вèтер с погòдой* – ветреный человек; *куда ветерòк, тудà и умòк у кого-либо* – о легкомысленном человеке; *хилòтский вèтер* – странноватый человек.

Елань – широкая равнина между гор, поляна в лесу, *тòром* – ложбинка с накопившейся на дне водой. В переносном значении *еланькой* называют лысину, о лысом мужчине говорят: *селàнькой (на голòвè)*. И есть забавный фразеологизм *проèхать по вòнькому распàдку* – побить, всыпать с воспитательной целью.

В забайкальской народной речи *берèза* встречается в интересной поговорке: *Коль однà, будь тòполем, вóшла зàмуж – берèзонькой*, здесь говорится о необходимости менять нрав в браке, и образ берèзоньки ассоциируется со скромной, покладистой, послушной молодой женой, невесткой. *Как бèлый гриб* – о крепком, плотном человеке.

Вещный мир тоже обыгрывается при характеристике человека: *Трухлявый пенёк / кому-либо годок* – о молодящемся человеке; *моздрястый как блин* – о человеке с нечистой кожей; *Из одной квашни, да разные шанежки* – о разных по характеру детях одной семьи; *сидеть как шаньга* – лениться, бездельничать; *шаньги подгорели (пригорели)* у кого-либо – об испугавшемся человеке; *Молчать как турсук* – быть неразговорчивым, туповатым человеком, *Турсук турсуком* – угрюмый, сердитый, где *турсук* – большой берестяной короб; *Подворотня подворотней* называют нелепо, небрежно одетого человека; *как разбитая телёга* – об уставшем или больном человеке. *Как загнета к утру* – о равнодушном человеке, где *загнета* – углубление в печи, куда сгребали угли, на углях в чугунах пища долго была горячей; *за обе заслонки заталкивать* – быть жадным, жадно есть. *В пустой казёнке мýши не вóдятся* – так говорят о бездельниках, у которых в закромах пусто. *Казёнка мяса, амбар сала* – толстый человек. О глуповатом, слабоумном человеке могут сказать, что у него *чердак без верху* или *вышка пустенька, пусто гумёшко* у кого-либо. *Варега большеботая* – болтливый человек, *варега вारेгой* – простак, излишне добродушный, бесхитростный. В поговорке: *Рукавица с варегой породнилась* (о неравном в социальном отношении браке) – связанная из шерсти *варега* олицетворяет уже человека с достатком, но в самой поговорке содержится осуждение неравному браку. *Лагушка без дна* – о пьющем человеке; *пить как лагушок* – непомерно употреблять спиртное. *Лагушка (лагушок)* – деревянный бочонок с наглухо заделанной крышкой, в которой есть отверстие, затыкаемое пробкой. Судя по фраземам, в *лагушке* держали спиртные напитки, отсюда и такая у неё «подмоченная» репутация. Кухонная тряпка для грязной работы – *отымалка (атымалка, атымалка)*. В забайкальских фразеологизмах есть обидное сравнение: *отымалка отымалкой* – о неряшливом, грязном человеке; *отымалка с ремушками* – о неряшливом, грязном, оборванном человеке.

В народе не любят напрямую говорить о смерти, поскольку она вызывает сильные отрицательные эмоции, поэтому используют эвфемистические выражения: *Гобчик опростать, ичиги отбросить, боты подвязать, забежать за бугорок* – умереть. *Снести за ручеёк кого-либо; снести на засобочную* – похоронить; *пора шипышку /багульник/ караулить /охранять/* – время умирать, дело к смерти. Примечательно, что смягчает трагическую жизненную ситуацию описание фрагмента природы, который встречается на месте упокоения. Так проявляется народный такт и мудрость.

В своей повседневной речи забайкальцы используют самые разнообразные «цветы красноречия»: наиболее частотны метафоры и сравнения (типа *грудь сундуком* – о здоровом, сильном человеке), олицетворение, встречается синекдоха: *онучки за чирками тянутся* – о неряшливо одетом, противопоставление: *Кому в поле бечь, кому на лавку лечь; Размахай не лопотина, золотарь не человек!* – данная пословица употребляется в адрес легкомысленного человека, проматывающего заработанное; гиперболы: *Лбом матню бить* – быть заносчивым, нелюбезным с хозяином дома, где *матня* – несущая балка в доме; *только спать, жрать да лопоть драть* – о бездельнике в семье и др.

В наглядно-образной речи «картина» создаётся рядом «ярких крупных мазков» – типичная ситуация описывается несколькими яркими деталями: *С лавки падаёт* – толстый человек; *Лежать поперёк лавки* – мешать, препятствовать; *Из куты по лавке вдоль да по скамейке* – беспорядок в избе. На базе номинации конкретных предметов, действий характеризуются абстрактные понятия, например понятие «бедности»: *Ни дба ни лба; ни копоты, ни лопоты*, любовь к малой Родине: *«Здесь, паря, у меня пупок резан, здесь и помирать буду»*.

«Игры» забайкальского русского народного разума реализуются в выразительных языковых формах со сложной смысловой структурой, в которой прямой смысл, связанный с номинацией объекта сравнения, накладывается на переносный смысл, характеризующий субъекта сравнения.

Источники и литература

1. Гольдин В. Е. Развитие русской диалектной речи как особого типа речевой культуры // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка. Москва, 13–14 марта 2001 г.: Труды и материалы / под ред. М. Л. Ремневой и А. А. Поликарпова. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 65–66.

2. Демешкина Т. А. Диалектное высказывание и его миромоделирующие возможности // Проблемы современной русской диалектологии: Тезисы докладов междунар. конф., 23–24 марта 2004 г. / отв. ред. Л. Л. Касаткин. М.: Март-Медиа, 2004. С. 45–47.

3. Пащенко В. А. Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края / под науч. ред. Т. Ю. Игнатович; Забайкал. гос. ун-т. 2-е изд., испр. и доп. Чита: ЗабГУ, 2015. 484 с.

4. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика / сокр. пер. И. А. Мельчука // Структурализм: «за» и «против»: сб. ст. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

УДК 82'282(571.55)

ББКШ300.1(2Рос-4Чит)

Олеся Юрьевна Баранова,

Забайкальский государственный университет,

г. Чита, Россия

Русско-бурятская литература Забайкалья как явление пограничья

В статье даётся обзор становления русско-бурятской забайкальской литературы в условиях географической, культурной, лингвистической границы, обращается внимание на её специфику с точки зрения языка, образов, местного колорита, неоднородность её культурных составляющих, необычайно яркий инокультурный компонент. В статье намечаются и перспективные направления исследования забайкальской литературы.

Ключевые слова: пограничная литература, региональная литература, культурное взаимодействие, поликультура, многонациональность

Olesja Yu. Baranova,

Transbaikal State University,

Chita, Russia

Russian-Buryat Literatura of Transbaikalia as Border Zone Phenomenon

In article the review of formation of the Transbaikal literature in the conditions of geographical, cultural, linguistic boundary is given, the attention to its specifics from the point of view of language, images, local color, heterogeneity of her cultural components, extraordinary bright foreign culture component is paid. The perspective directions of a research of the Transbaikal literature also are outlined in article.

Keywords: boundary literature, regional literature, cultural interaction, polyculture, multinationality

Региональность на самом деле представляет собой феномен, внутренне весьма родственный мультикультурному дискурсу. В контексте нашей российской культуры она может послужить примером культурной пластичности и уникальности, нерастворимости свойств определённой культурной субтрадиции внутри внешне единой культуры. И хотя и по сегодняшний день региональные литературы чаще всего рассматриваются с точки зрения их вклада в традиционную общенациональную литературу, уникальность общей культуры во многом определяется многообразием, оригинальностью входящих в

неё региональных литературных традиций. Поэтому неслучайно сегодня во всём мире отмечается повышенное внимание к региональным, локальным культурным особенностям, которые становятся богатейшей питательной средой для общей национальной традиции. Россия – яркое тому подтверждение.

Российская культура всегда была многообразна, полифонична, многонациональна. Это её уникальная особенность, хотя вопрос о взаимодействии и взаимовлиянии культур внутри одной, русской, отечественными литературоведами долгое время рассматри-

вался либо в узколитературном смысле, «как проникновение одной литературы в мир другой литературы» [4, с. 307], либо в рамках общей тенденции к интернационализму как со стороны русских, так и со стороны национальных (региональных) писателей. В этой связи неоднозначно определялся статус «литературы-через-дефис». Одни исследователи творчество русскоязычных национальных авторов относили к русской (главный критерий – язык), другие – к национальной (главный критерий – национальная принадлежность автора) литературе. В лучшем случае говорили об особой группе авторов, не вписывающихся ни в рамки доминирующей (титульной), ни в рамки национальной литературной традиции.

Процессы функционирования культуропоражающих механизмов могут быть прослежены в историческом развитии любой цивилизации. Особенно интересны те случаи, когда качественно новый феномен – новый тип культуры – рождается как результат взаимодействия и синтеза двух или нескольких генетически не связанных между собой культур. Ярким примером такого рода процессов может служить история формирования русско-бурятской литературы Байкальского региона, территория которого издавна была контактной зоной различных народов, где в сложном взаимодействии переплетались культурные судьбы различных племён. Это было место огромного переселения народов, здесь пролегали пути исторических миграций, смешения культур.

Есть мнение, что к моменту «встречи» русской и бурятской культур на территории Сибири они не были принципиально разноразнокачественными. Россия «исторически заселена «туранскими племенами»: алтайцами, нанайцами, нивхами, эвенками... и русскими, в жилах которых так или иначе ...текла... и туранская кровь (от древних степных кочевников)» [8, с. 137]. По мысли Н. Трубецкого, синтез разнородных человеческих реалий становится возможным в случае, если удаётся найти знаковые структуры, приемлемые для обоих участников взаимодействия, способные стать символами их единства. Подобную роль могли сыграть только символические системы, которые были в той или иной степени близки как русским, так и бурятам. Лишь такие способы организации духовного опыта иной цивилизации, в которых легче всего было найти параллели с собственным духовным миром. Действительно, в ду-

ховной жизни как русских, так и бурят есть ряд мифологических образов, символов, культов, имеющих много общего (образ Мирового Древа, Матери-Земли, Матери-Лебедицы, культы предков, домашних животных, поклонение царям птиц – орлам и т. д.)

Литература как одна из форм духовной жизнедеятельности человека с самого начала своего пути развивалась в Забайкалье в двух направлениях. Так, с одной стороны, развивалась русская литература, с другой – появились поэтические и прозаические произведения, написанные авторами-бурятами на родном языке. Сама же русская литература Сибири обладала определёнными качествами, которые отличали её от русской литературы центральной России. К специфическим её чертам относили «до чрезвычайности ярко выраженное внимание писателей к изображению коренных народов <...> Именно с разработкой инациональной темы связаны высшие идейно-эстетические завоевания русской литературы Сибири» [2, с. 135]. Действительно, сибирская тема начинает привлекать к себе пристальное внимание с 20-х гг. XIX в. и входит в русскую литературу благодаря поэтическому творчеству Ф. Бальдауфа, Д. Давыдова, В. Паршина и др.

Зачинателем забайкальской литературы справедливо считается Ф. И. Бальдауф (1800–1839), член Вольного общества любителей российской словесности, основанного в Петербурге в 1816 г. Уже первым произведением – «Кавиту и Тунгильби» – он обратил на себя внимание критиков «глубиной раскрытия сибирской темы» [3, с. 60], которой хоть и касались поэты романтики, но весьма условно и поверхностно. Его стихотворение «Вечер на берегу Байкала», по мнению М. Азадовского, – «одно из самых ранних отражений в русской лирике сибирской природы... и первое упоминание Байкала в поэзии» [1, с. 130]. Кроме того, Ф. Бальдауфом были созданы стихотворения «К бурятке» и «Самуйе», воспевающие красоту бурятской девушки. Эти стихотворения содержали не только интересные для того времени и ценные для сегодняшней науки сведения, касающиеся быта, костюма, поведения бурятской женщины, но и включали бурятские слова и выражения, что придавало особый, незнакомый русскому читателю, колорит. Наибольшую же популярность принесла Ф. И. Бальдауфу поэма «Аван и Гайро», в которой раскрывается новый, необычный для русской литературы того времени романтический конфликт.

При поддержке и участии Ф. Бальдауфа молодыми литераторами Сибири стал издаваться альманах «Кяхтинский литературный цветник» и газета «Кяхтинская стрекоза», постоянными членами которых были Н. Крюков, Д. Давыдов, В. Паршин, Н. Бадмаев. Самым молодым и самым талантливым поэтом кяхтинской группы был Д. П. Давыдов, автор всемирно известной песни «Славное море – священный Байкал». Поэтическое произведение А. Таскина «Бурятская песня» представляет собой классический образец мистической баллады со всеми обязательными атрибутами: ночным туманом, одинокой могилой шамана, навевающей мистический ужас и страх, необычной, загадочной обстановкой. Так же, как и Бальдауф, автор вводит в поэму и ряд бурятских слов и понятий, «настраивая» её на восточный лад. Особенно популярны в Сибири были песни В. Паршина (преподавателя словесности в Нерчинске, хорошо знавшего бурятский язык), представляющие собой переводы бурятских улигеров. Знание местного языка открывало поэту широкий доступ к чистым истокам богатейших родников народной поэзии. Из поэтических переводов и оригинальных произведений В. Паршина хорошо известна одна его песня – «Цветок». О ней писали в своё время как о классическом образце восточной лирики. По свидетельству фольклористов, что-либо подобное не было зафиксировано в устном песенном творчестве, исключая предание о ядовитом растении, бытующее и поныне в среде хоринских бурят. По мнению В. Белоусова, песня «Цветок» не является переводом с бурятского, а написана Паршиным по мотивам широко распространённого предания, искусно подстроенного под пушкинский «Анчар» [1, с. 137].

Подчеркнём, что все эти произведения, созданные в Сибири и о Сибири, написаны русскими литераторами на русском языке, лишь изредка включающими иноязычные слова и выражения. Хотя в списках членов кяхтинского литературного кружка и встречаются бурятские фамилии (Н. Бадмаев), об их литературной деятельности ничего неизвестно. О том, что буряты блестяще владели русским языком, говорит тот факт, что уже в первой половине XIX в. ими создавались научные труды на русском языке. Так, известны были работы Доржи Банзарова, среди учителей которого был и Н. Бадмаев. Однако лиц, в достаточной мере овладевших русским языком, чтобы создавать на нём поэзию, среди бурят не было.

Ситуация стала меняться после 1917 г. Начало бурятской художественной литературы на русском языке, ставшей «одним из течений в бурятской литературе» [5, с. 13], положил Солбонэ Туя (Петр Никифорович Дамбинов (1892–1938)). Его поэзия – не просто бурятская тема в русских стихах. Его стихи, особенно сборник «Цветостепь», родились как органический синтез бурятской и русской художественной литературы. Он первым среди бурятских поэтов средствами «чужого» языка попытался передать родной образ степи, её краски, значимость для представителей кочевого народа. «Цветостепь – первый мой сборник, в который вошли стихи упоения степью, юртой, ненавистью к городу», – пишет поэт, и далее отмечает: «Сборник реакционный, от него я давно отказался» [7, с. 82]. Причину столь отрицательной оценки своих стихов поэт называет сам: «Я писал стихи на русском языке под влиянием товарищей из “Кузницы”. Под их влиянием у меня были написаны стихи на русском языке». Такое «двойное» объяснение как бы подчеркивает несвободу поэта в выборе языка.

С 1927 г. поэт начинает писать на бурятском языке, причём это было не менее, а, может, и более сложное решение, поскольку, как пишет поэт, он «абсолютно не знал письменности, не знал ни одной буквы, не умел по-бурятски писать, не умел читать» [Там же]. Причиной стали упрёки со стороны критиков к его «русским» текстам, брошенные в него во время первого культурно-национального совещания. Тексты же на бурятском языке (рассказ «Цэцэк») получили лестную оценку, что и убедило Солбонэ в правильности выбора языка.

О сложном отношении бурятского поэта к своим ранним произведениям говорит тот факт, что со второй половины 20-х гг. в своих критических статьях он разрушает мир патриархальной «цветостепи», под влиянием критики переделывает и редактирует многие прежние стихи. Но и совсем отказаться от творчества на русском языке поэт не может. С 30-х гг. XX в. Солбонэ Туя выступает переводчиком как с русского на бурятский, так и с бурятского на русский.

Возможно, такая же судьба ждала бы и другого бурятского поэта, начинающего писать на русском языке – Мунко Саридак (Будажапа Найдакова (1909–1929)), трагически погибшего в двадцатилетнем возрасте и не успевшего реализовать свой творческий потенциал. И его стихи, и стихи Г. Дагурова, А. Уланова, Д. Хилтухина, И. Кима, вошед-

ших в литературу в 30-е гг. XX в. и наиболее активно проявивших себя в военные и послевоенные годы, критиковались, с одной стороны, за приверженность «узким», национальным темам, с другой – за недостаточность и поверхностность раскрытия национальных тем средствами русского языка.

Язык всегда рассматривается в качестве важнейшего этнодифференцирующего признака. В условиях культурного пограничья язык приобретает особый смысл, который проявляется, с одной стороны, в причислении себя к определённому этносу, с другой – вызывает чувство отчуждения, побуждает к отказу от своей этнической группы. В условиях пограничья человек, оказываясь одновременно членом и «своей», и «чужой» общностей, попадает в особый топос, в котором «язык оказывается порождающей структурой социального пространства-времени и тем самым служит целям куда более серьёзным, чем простая передача бытовых и производственных сообщений» [6, с. 51]. И если первые национальные писатели Забайкалья оказались в ситуации сложного выбора между «своим» и «не своим» языком, то те, кто приходят в литературу в 60–70-е гг. XX в. («писатели третьей волны»), в своём выборе однозначны: чтобы национальный текст вошёл в русскую литературную традицию, он должен быть написан на нормативном языке общенациональной культуры.

Писатели-буряты, пишущие на русском языке, творят в иной, непривычной для писателя «чистого» сознания транскультурной зоне. Эту зону можно назвать «пограничной эстетикой в сфере двуязычья». Это не совсем комфортная территория, поскольку

связана с риском быть непонятым на языке неродной культуры (русском), и с чувством вины за отказ от культуры материнской. Положение пограничного писателя основано на «мимикрии» и на том специфическом психологическом феномене, который нередко называют «негоциацией» («посредничеством»), постоянным культурным мерцанием, жонглированием. К русско-бурятскому художественному тексту применима модель «пограничного письма», которая характеризуется сочетанием множественности языков внутри одного – художественного.

Проблема смены языка, а также культурного и языкового перевода и непереводаемости актуальна и неразрешима. Её неразрешимость, некое сопротивление в процессе культурно-языковой трансформации создают определённый остаток, который не поддаётся переводу. Именно это пространство непереводаемости и привлекает внимание к творчеству писателей, живущих и творящих в условиях культурных, географических, лингвистических границ. Это то, что делает пограничный текст уникальным художественным явлением.

Язык забайкальского художественного текста – только одна из составляющих его специфики. Он пропитан местным ландшафтом, запахами и звуками степи, тайги, отражает региональные мифологические представления, исторические взаимоотношения на этой пограничной территории, он создаёт уникальный тип героя-сибиряка, исследование которого ещё предстоит отечественному литературоведению. Всё это делает забайкальскую литературу заметным и оригинальным явлением культуры общероссийской.

Источники и литература

1. **Белоусов А. А.** Бурятия в русской романтической лирике 20–30-х гг. XIX в. // Байкал. 1964. № 1.
2. **Взаимодействие литератур Сибири и Дальнего Востока.** Новосибирск: Наука, 1983. 270 с.
3. **Мальцева М. П.** Влияние поэтов-декабристов на формирование творчества Ф. И. Бальдауфа // Литературное наследие декабристов: сб. материалов науч.-практ. конф. Чита: Поиск, 2003. С. 60.
4. **Конрад Н. И.** Запад и Восток. М.: Наука, 1966. 520 с.
5. **Найдаков В. Ц.** Солбоне Туя. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1992. 45 с.
6. **Пигалев А.** Культурология. Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2006. 420 с.
7. **Солбоне Туя.** Моя совесть чиста: Избранные стихи и статьи. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1992. 47 с.
8. **Трубецкой Н.** Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999. 554 с.

УДК 81'373.612.2

ББК 81.053.2

Елена Ивановна Пляскина,

*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Метафорическая лексика со значением лица в романе К. Ф. Седых «Даурия»

В статье описаны диалектные слова с метафорическим значением, употреблявшиеся в процессе общения забайкальских казаков в начале XX в. и зафиксированные в романе К. Ф. Седых «Даурия». Из десяти рассмотренных метафор-зоонимов со значением лица не являются оценочными четыре, остальные характеризуют человека отрицательно, что говорит о возможности свободного проявления негативных чувств в казачьей среде.

Ключевые слова: метафорическая лексика, оценочная лексика, общеупотребительная и диалектная лексика, диалектизмы, лексические и семантические диалектизмы

Elena I. Pljaskina,

*Transbaikal State University,
Chita, Russia*

Metaphorical Vocabulary-Meaning Person in the Novel K. F. Sedykh "Dauria"

The article describes the dialectal word with the metaphorical value, used in the process of communication TRANS-Baikal Cossacks in the early 20th century and fixed in the novel K. F. Grizzly "Dauria". Of the ten considered metaphors-zoonyms with value-eating persons are not estimated four rest characterize a person negatively, suggesting the possibility of free expression of negative feelings in ka-Saclay environment.

Keywords: metaphorical vocabulary, evaluative vocabulary, vernacular, and dialect vocabulary, dialect, lexical and semantic dialect

Роман известного забайкальского писателя К. Ф. Седых, полностью опубликованный в 1948 г. и отмеченный Государственной премией в 1950 г., «даёт широкое полотно жизни всего забайкальского казачества в предреволюционные годы и в первые годы после революции»; его обаяние заключается «в необычайной правдивости, простоте и горячей взволнованности» [3, с. 431]. В центре повествования – казачий посёлок Мунгаловский, входящий в Орловскую станицу, расположенную на юго-востоке Забайкалья (в XVII–XVIII вв. эта земля называлась Даурией), и несколько семей, жизнь которых, с одной стороны, является отражением жизни России того времени в целом, а с другой – отличается своеобразием и самобытностью, что и обусловило активное использование автором диалектной лексики. Интерес исследователя лексики романа вызывает довольно большое количество языковых единиц, номинирующих человека в процессе общения казаков в начале XX в., встречающихся в нём.

Это и различные формы личных имён (*Северьян, Федотка, Кеха, Ромаха*), сочетаний их полной формы с отчеством (*Андрей Григорьевич*), термины родства (*тятя, дед, братка*), слова, отражающие пол (*девка, баба, парень*), возраст (*старик, ребятишки*), отношение персонажей друг к другу: равенство (*казаки, посёльщики*), главенство / подчинение (*станичный атаман поселковый атаман – казак*), а также слова, имеющие переносное значение и передающие эмоции, испытываемые в различных ситуациях общения.

Среди них выделяется достаточно многочисленное семантическое поле названий животных, в том числе птиц и рыб, употреблённых в переносном метафорическом значении. Эти лексические единицы (ЛЕ) объединяются в 2 тематические группы: «Названия животных», которая включает 18 ЛЕ, в том числе 3 атрибутивных сочетания, общерусского и диалектного характера (*жеребец, боров, тарбаган, гуран, волк, крыса, гад*,

гадина, собака, цепная собака, кобель, побитый кобель, цепной кобель, цепник, псюга, сука, пустолайка, брехун) и «Названия птиц», включающая 9 ЛЕ общерусского и диалектного характера: родовое наименование *птица* и видовые *соловей-разбойник, фазан, петух, шилохвостка, тетеря, сорока, гусь, курица*, (из названий рыб встретилось только одно: *щука*). Критериями объединения слов в тематические группы являются:

1) сходство их семантической структуры, т. е. наличие прямого значения – наименования животного, птицы или рыбы – и переносного метафорического – наименования человека, через которое и проявляется семантическая специфика этих слов в говоре;

2) функция оценки или образной характеристики; сфера использования этих слов во втором значении – неофициальная.

В рамках данной статьи рассмотрены только диалектные ЛЕ, представляющие собой как лексические диалектизмы, т. е. слова, бытующие на ограниченных территориях и неизвестные литературному языку (*гуран, тарбаган, цепник, псюга*), так и семантические диалектизмы, т. е. литературные слова, имеющие диалектные значения (*брехун, пустолайка, волк, фазан, петух, щука*). Её цель – выявление семантической специфики этих слов в говоре путём компонентного анализа значения слова и семантического анализа контекстов.

Далее даны значения ЛЕ (общеупотребительных по Словарю русского языка в 4-х томах и Толковому словарю русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой), диалектных – по тексту и картотеке автора), приведены контексты их (по возможности и с прямым значением) употребления из романа с указанием страницы (в некоторых из них в скобках автором статьи даны поясняющие слова и скобками же обозначен пропуск текста) и результаты компонентного анализа значения слова и семантического анализа контекстов употребления слова (там, где это необходимо).

Гуран – это:

1) дикий козёл, самец косули;

2) коренной забайкалец (преимущественно казак, а в наше время и его потомки).

«– И смотреть нечего, – загорячился Никула, солонцов тут вон сколько. А на солонцах косуля испокон веков водится. Да ежели ты хочешь знать, так я тут в прошлом году **гурана** подшиб. Здоровенный козёл был, чистоганом три пуда вытянул» [5, с. 75].

«– Встаю я тут и кричу, что желаю, мол, на силача выступить, а у самого дух перехватило, глаза дымом застлало. Одни тут мне шлёпать начали, а другие разные обидные словечки пушают. Дескать, куда, мол, тебе, **гурану**, он, мол, тебя пополам переломит. Рассердили меня не на шутку. А меня только рассерди... Дурацкий мой характер... – весело осклабился Платон (Волокитин)...» [5, с. 241].

Лексико-семантические варианты (ЛСВ) этого диалектного слова, заимствованного из бурятского языка (*гура/н/* – «самец косули» [1, с. 160]) в наше время довольно далеки друг от друга, и понять, почему казака назвали гураном, невозможно, если не знать, что когда-то забайкальские казаки, собираясь на охоту, надевали одежду, изготовленную из козлиных шкур: короткую шубу (до колен) мехом наружу с небольшим воротником – *козляк*, унты и шапку, сшитую из шкуры, целиком снятой с головы косули (оставляли уши животного и прорези на месте глаз) – *орогду* или *гуранку*. Память об этом сохранилась в языковом сознании носителей приамурских говоров – потомков тех забайкальских казаков, которые отправились в середине XIX в. осваивать Приамурье: – *А казаков так звали – гуранами, потому что они, когда на охоту соберутся, одеваются, как козёл, чтобы дичь не спугнуть. Одевают козляк, унты и орогду. – За чё казаков звали гураны: оне ведь орогды носили гураны. Прозвишше и сделали «гураны»* [6, с. 108].

Ассоциативная связь между ЛСВ разрушается, т. к. внутренняя форма слова отсутствует; смысловая обособленность возрастает. Второй ЛСВ употреблён в романе и в качестве обращения, что отличает эту ЛЕ от других, причём значение его понятно из контекста. В эпизоде разбивки сенокосных угодий мунгаловцев на паи поселковый атаман Елисей Каргин с писарем и двумя казаками наткнулись на жителя деревни Мостовки, который «косил мунгаловский острец». Не успев ускакать, мужик, защищаясь, схватил косу.

– Брось литовку, брось, тебе говорю! – надсаживался Платон, не зная, на что решиться, и всё ещё надеясь взять мужика испугом. Но тот понял, что казак стрелять трусит, и пошёл прямо на него. В одной руке у него была литовка, другой он грозил Платону и кричал: – На, гад, убивай! Убивай, *гуран* проклятый! [5, с. 134].

Тарбаган – это:

1) сурок (небольшое животное семейства беличьих, зимой впадающее в спячку);

2) спрятавшийся в яме, расщелине человек.

«А верхняя группа тем временем, прочёсывая кусты, подошла к расщелине, где, согнувшись в три погибели, задыхался от сердцебиения кривой.

– Ну-ка, ткни сюда шашкой, – показал Платону на расщелину Каргин. Платон ткнул так удачно, что, вытаскивая шашку, увидел на конце её кровь.

– Нашли **тарбагана**. Не уйдёт, – оскандился Платон и скомандовал: – А ну, вылежай!...» [5, с. 53].

Переносное метафорическое значение с живой образностью появилось у этого слова, заимствованного из бурятского языка (*тарбага/н/* – степной сурок [1, с. 415]) на основе семы «имеющий нору, прячущийся в норе», не включённой в словарное толкование, но важной для понимания созданного образа.

Цепник – это:

- 1) пёс, сидящий на цепи;
- 2) злой прислужник кого-либо.

«В козулинской ограде бесновался на привязи **цепник**. Он вставал на дыбы, захлёбывался хриплым, гневным лаем, рычал и скрёб лапами ступеньки крыльца» [5, с. 81].

«И нашему Елисею Петровичу от него попало. Ведь он атамана, стервец, вроде как бы **цепником** обозвал.

– Про **цепных кобелей** ничего не говорили, Это ты, паря, должно быть во сне видел, – возразил Никуле Иннокентий Кустов.

– Мало ли что не говорили. А по смыслу из Елисея самый настоящий **цепник** получается» [5, с. 311–312].

Метафорический вариант представляет собой яркий образ и передаёт презрительную оценку, как и словосочетание *цепной кобель (собака)*, на основе которого образовано слово *цепник*.

Псюга – это:

- 1) пёс, собака;
- 2) злой и грубый человек.

«Неожиданно рванувшись вперёд, залепил он (беглый каторжник) в усталое лицо Никифора обильным вязким плевком.

– Брось баловать, сволочь... Давай, Никифор ремень...Его, **псюгу** бешеного, скрутить надо... [5, с. 53].

Негативная характеристика человека, названного *псюгой*, дополняется определением *бешеный* в переносном значении «иступлённый, необузданный, неистовый» [7, Т. 1, с. 89]; эти качества беглого каторжника очень мешали казакам поймать его, тем не менее, отнеслись они к нему с презрением.

Пустолайка – это:

1) разг. собака, лающая попусту, без нужды [7, т. 3, с. 561];

2) человек, говорящий пустое, болтун.

Брехун – это:

1) собака, пёс, лающий попусту (см. *брехать* – это: 1) лаять; 2) врать, говорить вздор [4, с. 59];

2) *прост., пренебр.* врун, пустомеля [7, Т. 1, с. 115].

«Лучше **цепником** быть, чем **пустолайкой**, вроде тебя, – рассердился Иннокентий.

– **Пустолайка**, она ничего, а вот беззубые **брехуны** – это уж настоящее дерьмо, – вступился за Накулу Семён Забережный, намекая Иннокентию на недавно выбитые у него в драке во время гулянки зубы» [5, с. 312].

Эти ЛЕ передают пренебрежительное отношение к человеку, которого так называют.

Волк – это:

1) хищное животное семейства псовых, обычно серой окраски, родственное собаке [7, т. 1, с. 204];

2) жестокий человек.

– Изверг!.. Аспид!..Креста у тебя на ворота нет... Да бог с ним с богатством, ежели ей жених не по душе. Не дам я тебе родного детища губить, не дам. Не человек ты, а **волк!** – Она (Аграфена) подбежала к Дашутке, прижала её к себе [5, с. 173].

– Я за папашу ещё расплачусь. < > Первому Тишке Косых красные сопли пуцу.

– Это не он ли нынче помогал комиссарам казаков вязать?

– Он самый. Да не один он, у него и друзья-приятели есть. Такие же **волки** [5, с. 413].

Негативная оценка презрения явно ощущается у метафорического варианта слова *волк* в представленном контексте.

Фазан – это:

1) крупная птица отряда куриных с ярким опереньем [7, Т. 4, с. 548];

2) китаец (приискатель или таможенник).

«И, обращаясь к артельщикам, Сахалинец говорил спокойно: – Полюбуйтесь на него, ему, дураку, китайцев жалко. А мне только бы попался **фазан** в глухом месте, я сразу кишки из него выпущу» [5, с. 116].

«Я, паря, на карауле... Там у нас **фазанов** поймали. Жирные, кажись, попались. Сахалинец с Томским теребят их. Так что разживёмся золотишком» [5, с. 117].

«Сахалинец, скаля зубы и подмигивая кривым глазом, спросил Семёна:

– А пёрышки с **фазанов** тоже сыпать на весы?» [5, с. 119].

Современному читателю и исследователю лексики романа трудно понять, почему в конце XIX – начале XX вв. китайцев в Забайкалье называли *фазанами*, на основе какой семы появилось это переносное метафорическое значение с живой образностью. Возможна ассоциация по цвету: есть такой вид фазанов, как синие ушастые, а китайцы носили курмы (стёганные на вате куртки, сшитые из синей далембы (китайской хлопчатобумажной ткани)). Определение *жирный* тоже употреблено в переносном значении: с золотом (намытым незаконным путём; вот как об этом говорит один из персонажей романа: «На каждом прииске развелось их видимо-невидимо. Плюнь – попадёшь в китайца. Из-под носу у нас золотишко рвут и ни копейки за это никому не платят. < > Приходят в тайгу тайком и таким же манером обратно уходят. Сотни пудов золотишка каждое лето за Аргунь сплавляют» [5, с. 116]). Использована и другая лексика, относящаяся к теме «Птица»: *пёрышки*, *ощипывать*, *теребить*, тоже, разумеется, в переносном значении.

Петух – это:

- 1) самец курицы [7, т. 3, с. 116];
- 2) русский таможенник.

«Две громадные толпы, китайцев и казаков, каждая ближе к своему берегу (реки Аргуни), стояли, не сходясь. Обе толпы шумно переговаривались. Между ними важно прохаживались по льду русские и китайские таможенники. На вопрос Романа, что это за люди, Лука ответил:

– *Петухи и фазаны*, – а когда увидел недоумевающий взгляд своего гостя, снисходительно пояснил: – прижимальщики нашего брата. Не приведи бог к ним в лапы попасть» [5, с. 195].

Переносное метафорическое значение с живой образностью появилось у слова *петух*, возможно, на основе семы «важный», не входящей в словарное толкование, но всегда характеризующей это животное, что подкрепляется и словосочетанием *важно прохаживались*; возможны ассоциации и со взглядом птицы: внимательный, долгий (таможенники, чтобы пресекать контрабанду, должны быть очень внимательны ко всему, даже к мелочам). Эмоциональная окраска, как и у ЛЕ *фазан*, отсутствует.

Щука – это:

- 1) хищная пресноводная рыба с вытянутой, сплюсненной головой и удлинённым телом [7, Т. 4, с. 744];

2) *бран.* о женщине.

«Увидев осколки стакана, она (Милодора) набросилась на Дашутку с руганью. Испуганная Дашутка долго отмалчивалась, но потом не удержалась и обозвала Милодору в запальчивости *дохлой щукой*» [5, с. 211].

Уничижительное отношение к собеседнику, передаваемое лексемой *щука*, усиливается просторечным определением *дохлый* со значением «хилый, тщедушный, слабосильный» (метафорическим), которое передаёт пренебрежительное отношение к названному признаку [7, Т. 1, с. 441].

Из всех метафор-зоонимов со значением лица не являются оценочными ЛЕ *гуран*, *тарбаган*, *фазан* и *петух*, остальные характеризуют человека негативно, хотя степень эмоциональной оценки разная. Пренебрежение выражают ЛЕ *пустолайка*, *брехун*; презрение – *цепник*, *псюга*, *волк*, уничтожение – *щука*. Причины, вызвавшие использование этих слов в качестве номинаций человека, – образное мышление и возможность свободно проявлять недоброжелательные эмоции, что, очевидно, позволялось речевым этикетом казаков – характерны для русской народной среды. Эти метафоры придают общению казаков такие черты, как прямота, безапелляционность и грубость.

Лексическая единица *гуран* использована в романе и в качестве обращения (обращения-индекса, по классификации В. Е. Гольдина [2, с. 80]) в словосочетании *гуран проклятый*, которое выражает презрение, т. к. в нём актуализирована сема «ненавистный», выражаемая бранным словом *проклятый* [4, с. 613], что подтверждает мнение о грубости общения и в семье, и между односельчанами.

Общеупотребительные в прямом значении ЛЕ *фазан*, *петух*, *пустолайка*, *волк*, *щука* имеют диалектные переносные метафорические значения, в литературном языке на их месте лакуны – так проявляется семантическая специфика этих слов в говоре. Слово *брехун* тоже имеет семантическую специфику, которая заключается в том, что в говоре у него есть прямое значение – название животного (попусту лающей собаки), которого нет в литературном языке и просторечии, хотя все нормативные словари фиксируют значение «лаять» у родственного слова *бредить* как 1-е, прямое.

Источники и литература

1. Бурятско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов. М.: Сов. энциклопедия, 1973. 816 с.
2. Гольдин В. Е. Этикет и речь. М.: Просвещение, 2009. 116 с.
3. Макарова Е. Константин Седых. Иркутск, 1975. С. 429–431.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: А ТЕМП, 2010. 942 с.
5. Седых К. Ф. Даурия. Иркутск: Вост.-Сиб. изд-во, 1975. 431 с.
6. Словарь русских говоров Приамурья. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. 542 с.
7. Словарь русского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1981. Т. 1–4. 696 с.

УДК 82(571.55)

ББК ШЗ(2Рос-4Чит)

Людмила Васильевна Камедина,

*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

**Русский исход в творчестве забайкальских писателей
(Ю. Курц, М. Вишняков, О. Димов)**

В статье актуализируется тема Русского Исхода в творчестве забайкальских писателей. Целью работы становится выявление авторских позиций писателей на события Исхода, его сущность и последствия. Семиотический подход позволяет увидеть в Русском Исходе знаки библейского Исхода. Материалом к исследованию послужили очерки Ю. Ф. Курца «На арчаке казачьего седла», поэма М. Е. Вишнякова «Золото короны», роман-жизнеописание О. А. Димова «Из жизни в жизнь». Каждый по-своему раскрыл тему Исхода: в очерковой, художественно-романтической, поэтической формах. Своеобразие жанровой специфики помогает читателю актуализировать и понять Русский Исход как событие историческое, знаковое, жертвенное.

Ключевые слова: забайкальские писатели, Русский Исход, знаковость, жертвенность

Lyudmila V. Kamedina,

*Transbaikal State University,
Chita, Russia*

**Russian Exodus in the Works of Transbaikal Writers
(Yu. Kurts, M. Vishnyakov, O. Dimov)**

The theme of the Russian Exodus in the works of Transbaikal writers actualizes in this article. The aim of the work is to reveal author's positions of writers on the events of the Exodus, its essence and consequences. The semiotic approach allows you to see the signs of the biblical Exodus in the Russian Exodus. The material for the study was the essays by Yu. Kurtz "On the Archaque of the Cossack Saddle," the poem of M. Vishnyakov "The Gold of the Crown", novel-biography of O. Dimov "From life to life." Each in his own way revealed the theme of the Exodus: in an essay, artistic-novel, poetic forms. The peculiarity of genre specificity helps to the reader to actualize and understand the Russian Exodus as an historical, symbolic, sacrificial event.

Keywords: Transbaikal writers, Russian Exodus, sign, sacrifice

Слово «Исход» взято из названия Ветхого Завета – второй книги Пятикнижия Моисея. «Исход» повествует об «исшествии», или исходе, евреев из египетского плена в поисках земли обетованной. Сорок лет Моисей водил народ по пустыне, затем привёл в Палестину, где на реке Иордан с неба упала манна и евреи обрели счастье – национальную жизнь,

сосредоточенную вокруг скинии. И было евреев «до шестисот тысяч пеших мужчин»; женщины и дети в Исходе не считались, но экзегеты называют цифру 1 400 000 жён и детей [Исход: 1, 7; толкования, с. 276], т. е. всего «исшедших» было 2 млн чел.

После революции 1917 г. Исход повторился в России. Цифры Исхода называются

разные, но большинство придерживается 2 млн чел. Русские люди покидали Россию двумя потоками: одни шли, как древние евреи, через Чермное (Красное), а в русском случае, через Чёрное море, другие – через манчжурскую пустыню. Для одних землёй обетованной стала древняя земля Византии, называемая ныне Турцией, из которой «русь» расселялась по западному миру; для других – Китай и позднее рассеяние по восточному миру до Австралии. Казни египетские жабами, мухами, саранчой, язвами древнего библейского Исхода претворились в казни смерти железом, водой, землёй Русского Исхода.

Оба Исхода были вынужденными, незапланированными, скоротечными, ибо «не могли медлить и даже пищи не приготовили себе на дорогу» [Исход: 12, 39]. Скинией Исхода, которая объединила евреев, стала для русских Православная церковь. Как Скиния устраивалась на пожертвования, так и русская эмиграция стала жертвовать на строительство православных храмов в Америке, Западной Европе, Китае, Австралии. До второго Исхода из Китая в так называемую «культурную революцию» русскими было построено 106 храмов на китайской земле.

Существенная разница двух Исходов заключается в их результате. Древние евреи обрели в Палестине землю обетованную, а для русских Исход стал трагедией всей жизни. Русский Исход обернулся потерей любимой отеческой земли, гибелью родных, близких, страшной депрессией, которую называют ностальгией по Русской земле. Ни у одного народа в мире нет такого понятия – «ностальгия», а для русского человека за рубежом она стала постоянной болезнью.

Историю Русского Исхода, его трагические страницы, проблемы, психологию и надежды не могли не заметить забайкальские писатели. Обращение к Русскому Исходу стало возможным и актуальным после освобождения русского слова от оков революционной, советской идеологии. Целью работы становится выявление авторских позиций забайкальских писателей, таких как Ю. Ф. Курца, М. Е. Вишнякова и О. А. Димова, на Русский Исход, описательно-сопоставительная характеристика событий Исхода в их книгах. Для достижения поставленной цели выбран сравнительно-типологический и семиотический методы, которые позволяют сравнить описанные события Русского Исхода в книгах забайкальских писателей, выя-

вить их общие черты и составить представление о семиосфере текстов. Материалом к исследованию послужили очерки Юрия Францевича Курца «На арчаке казачьего седла», поэма Михаила Евсеевича Вишнякова «Золото короны», роман-жизнеописание Олега Афанасьевича Димова «Из жизни в жизнь».

Ю. Курц своим очеркам даёт дополнительное название – «очерки истории казачества Забайкальского края». Книга охватывает события XVII–XXI вв. Глава, посвящённая Исходу, названа «Забайкальский Исход», в котором автор просматривает три исторических потока: первый – в 1920 г.; второй – в 1930 г., третий – в первой половине 1950-х гг. Первый поток связывается с Исходом забайкальских казаков в Манчжурию, Харбин и Хайлар с войсками Г. Семёнова, А. Колчака, Р. Унгерна, В. Каппеля; второй поток приходится на коллективизацию казачьих хозяйств в Советском Союзе и побег казачьих семей в китайское Трёхречье; третий поток произошёл из Китая в Советскую Россию после окончания войны с Германией и Японией, в связи с обещанием «хорошей жизни» в Союзе.

Ю. Курц ссылается на историка забайкальского казачества В. В. Перминова, который сам оказался за рубежом и изнутри исследовал процесс Исхода, заселение Китая, Австралии забайкальскими казаками. Главными причинами выживания и благоустройства русских казаков за границей В. В. Перминов называет сохранение языка, православной веры и привычки к труду: «Попав на незнакомую землю, исконные землепашцы и скотоводы и здесь проявили свои природные способности и навыки, приспособились к новым природным условиям. Начали сеять пшеницу и хлопок, разводить лошадей, овец и кур. Со временем многие стали городскими жителями, освоив строительные и другие специальности» [4, с. 222]. Ю. Курц вписывает забайкальских казаков в Трёхречье – местность с плодородными землями между тремя китайскими реками за Аргунью – Ганом, Дербулом, Хаулом. Ещё в 1870 г. появились там первые русские заимки, которые постепенно вырастали в хутора и деревни. Так, пишет Ю. Курц, появляются Ершиная, основанная Парамоновым, Черноусиха, основанная Лопатиным, Манерка, принадлежащая Шестопалову [4, с. 225].

В Трёхречье образуются богатые русские деревни с тысячными стадами, запашанными полями, таёжным промыслом. В

этих землях шла бойкая торговля. Географически Трёхречье напоминало казакам Забайкалье с сочными травами, цветами, тетеревами, косулями, тайменями, щуками, грибами, брусникой, голубикой, черёмухой. Жизнь созидалась вокруг православных храмов. Появлялись кладбища, «на которых нашли покой сотни казаков, георгиевских кавалеров – героев Русско-японской и Первой мировой войн» [4, с. 226].

«Моисеем» Забайкальского Исхода стал атаман Г. Семёнов. Ю. Курц подчёркивает выдающуюся роль Семёнова в организации управления русскими поселениями. Ему удалось сформировать 18 казачьих станиц, объединить 65 посёлков, основать и обустроить столицу Трёхречья – село Драгоценку (ныне – Саньхэ) [4, с. 226]. В Трёхреченской станице были построены православная церковь и собор святых Петра и Павла на 16 тыс. чел. жителей.

Трагедией Трёхречья Ю. Курц называет выселение казаков в Советский Союз в 1950-е гг., где большинство из них попало под репрессии. В 1960-х гг. в период «культурной революции» в Китае Трёхречье было занято китайцами. Русские повсеместно вытеснялись из обжитых и обустроенных ими районов. Ещё большей трагедией стала судьба казачества в Советской России. По директиве 1919 г. председателя Центрального комитета Российской коммунистической партии большевиков Я. М. Свердлова, проводится «беспощадный массовый террор по отношению ко всем казакам», казачье сословие за поддержку Царя и Православия было ликвидировано.

Страшным страницам ликвидации казаков и их семей посвящает главы своего романа «Из жизни в жизнь» О. А. Димов. Часть первую он называет «Предтеча». Предтечей образов главных героев романа становится у О. Димова забайкальский казак Пантелей Батурина со своими сыновьями Петром и Павлом.

Сотни лет казаки обустроивали таёжную землю, занимались охотничьим промыслом, ловлей рыбы, обрабатывали землю и засеивали поля. Ничто не сулило трагедии, никто не верил в обрушение жизни. В один день пьяные революционеры уничтожают семью казака Батурина, сжигают его большой дом. О. Димов на художественном материале обрисовывает уничтожение казачьих семей. Писатель продолжает линию повествования, сохранив жизнь одному из сыновей Батури-

на – Павлу, который называется Петром и уходит далеко на север в тайгу, чтобы затеряться от глаз ненавистной революционной власти. Павел меняет привычный уклад жизни, предаёт забвению казачьи традиции и старается похоронить в глубинах памяти когда-то предложенный атаманом Г. Семёновым его отцу альтернативный путь ухода вместе с ним в Манчжурию, чтобы «устроить хозяйство, зажечь... домовито, спокойно» [2, с. 38]. На художественном материале О. Димов соединяет судьбы атамана Г. Семёнова и казака П. Батурина. Семёнов становится не только историческим персонажем романа, но и командиром забайкальских казаков в Первую мировую войну. «Прибывшие на фронт забайкальские казаки сразу стали участниками жестоких боёв, развернувшихся в Польше, – пишет Димов. – После войны... хорунжий Забайкальского казачьего войска, Герой войны, Георгиевский кавалер Григорий Михайлович Семёнов не признал советской власти» [2, с. 34]. Он возглавил белое движение и, как напишет Димов, «до конца своих дней оставался верен своим убеждениям, что новая власть – величайшее зло для России» [2, с. 34].

О. Димов, так же как и Ю. Курц, подчёркивает в Г. Семёнове роль лидера, который вывел русских казаков за р. Аргунь на правую сторону в Китай. Аргунь для предводителя «Моисея»-Семёнова стала «Черным морем», которое расступилось и скрыло казаков в нивах Трёхречья – земле обетованной Русского Исхода.

Поэма М. Е. Вишнякова «Золото короны» целиком посвящена событиям Исхода. Если Ю. Курц называет трагедию забайкальского казачества 1920-х гг. Забайкальским Исходом, то М. Вишняков даёт более широкое определение русской эмиграции, называя её «Белым Исходом». М. Вишняков приравнивает Белый Исход к событиям Библии: «Библейского масштаба / события в стране» [1, с. 111].

Белый цвет становится преобладающим, знаковым, идейным в поэме М. Вишнякова. Он символизирует чистоту, праведность и Правду. Идейный комплекс белого цвета подчёркивается в «Белой России», «Белом народе», «белом ядре», «Белой гвардии», «Белом герое», «белом ряде», «белой кости», «белой отваге». Белый цвет через зимний лейтмотив указывает и на зимнее Забайкалье: «Забайкалье – белый край», «белый домик» и «белый снег» в значении

саваны. Белый цвет – это цвет Бога, отражение на земле отсвета Небесного. «Небесная символика» М. Вишнякова связывает через веру воедино пространство Руси и Забайкалья. Мысль поэта подчёркнута цветописью: «белая стая ангелов», «белый пророк», «белый свет», «белый конь». Архетип Белого коня восходит к «Откровению Иоанна Богослова», к житию святого Георгия Победоносца и надежде поэта на возрождение Белой России.

Русский Исход у М. Вишнякова – это Крестный путь: «И в Манчжурию унесли / горстки мёрзлой русской земли» [1, с. 106]. Казаки не искали чужой земли, они хотели вернуть свою. Русские сыновья покинули Землю-мать. Оставшись без защитников, она страдает, плачет, погибает. М. Вишняков использует топический сюжет, мотив и символику, известные из русского фольклора и древней литературы. На Руси исчезает мир и покой, начинаются раздоры, вражда. Земля ждёт своих сыновей-защитников. Автор возлагает надежды на внуков, на «лампадку памяти», зажжённую в Русской православной церкви: «Божью Матерь русских сынов / внёс в Хайлар казак Иванов» [1, с. 91].

В Трёхречье у М. Вишнякова решается судьба Белых людей: «Ушли за Онон, / за жёлтый кордон, / где путь обрывается» [1, с. 92]. Вместо знакомых русскому читателю из сказок трёх дорог перед путником, разгадывающим свою судьбу, поэт выводит забайкальских казаков на три реки. Левый путь, по мнению Вишнякова, – это путь чужебесия. Вместо библейского огненного столпа метель «ведёт», ослепляет глаза и замечает путь русским казакам. Поэт называет причину чужебесия в идеях «кащеевых внуков»: Стеньки Разина, Пугачёва, вольтерьянцев, масон, декабристов, «красных волчат». Одной строчкой поэт заключает результат чужебесия: «В осатаневшей от смуты стране» [1, с. 94]. Правый путь привёл казаков в «жёлтый Харбин». Русское время было остановлено. Вишняков вплетает в поэму мотив

потерянного Рая, который русские ищут в чужой земле. Вместо Рая – «эмигрантская свалка», опий, горечь, гниль, ночные кабаки. «Русский ищет Россию», а Русская земля ждёт своего Спасителя, – пишет Вишняков. – Правый путь – это путь ожидания. Прямая дорога на Трёхречье – это путь смерти: «эти бурты среди мёрзлых делян – / прах казаков, офицеров, крестьян» [1, с. 107]. Русская душа погибла от «чёрного угара» и «горького дыма» в плену золотом: «Время отголосило, / откричало навзрыд. / Воин белой России, / ты убит и забыт. / Пётр Сергеевич Думнов, / офицер и поэт: / И никто не бедует, / что в Чите тебя нет... / Воин белой России, / ты скончался от ран» [1, с. 94]. Поэт играет словами, определяя третий путь русского казака: «тлен золотой или плен золотой» [1, с. 102]. В поэме «Золото короны» М. Вишняков создаёт образы противопоставления: чужебесию противопоставлен Русский Царь, «жёлтому Харбину» – штабс-капитан и его Мария, которая ждёт ребёнка-Спасителя, смерти – надежда на будущее возрождение России / Забайкалья внуком Белого казака, который поднимет «золото короны» и водрузит его над Святой Русью. С подробным анализом поэмы «Золото короны» можно ознакомиться в статье Л. В. Камединой [3].

Таким образом, у забайкальских писателей Ю. Курца, О. Димова, М. Вишнякова совпадают взгляды на Русский Исход, в частности, на его причины, его трагическую сущность, результат. Каждый из них по-своему раскрыл тему Исхода: Курц – в очерковой, Димов – в художественно-романической, Вишняков – в поэтической формах. Своеобразие жанровой специфики помогает читателю понять Русский Исход как событие историческое, знаковое, жертвенное. У всех проглядывает перспектива движения Белого Исхода – это возрождение казачества, возвращение потомков забайкальских казаков на Русскую землю, рождение новой государственности: «За чёрным поколением / приходит белый ряд» [1, с. 111].

Источники и литература

1. Вишняков М. Е. Стихи и поэмы: в 2 т. М.: Русь, 2005. Т. 2. 350 с.
2. Димов О. А. Из жизни в жизнь. Чита: Поиск, 2013. 536 с.
3. Камедина Л. В. Русский путь ещё не пройден. Семиосфера поэмы М. Вишнякова «Золото короны» // Вишняков Михаил Евсеевич: методико-библиографическое пособие. Чита: ЦГБ им. А. П. Чехова, 2012. С. 41–57.
4. Курц Ю. Ф. На арчаке казачьего седла: очерки истории казачества Забайкальского края. Чита: Поиск, 2011. 528 с.
5. Толковая Библия: в 3 кн. Петербург: Изд. А. П. Лопухина, 1904–1913. Репринтное издание 1987 г.

УДК 81'37
ББК Ш105.31

Александр Викторович Логинов,
Мичуринский государственный аграрный университет,
г. Мичуринск, Россия

Инвариантное и вариативное в семантике интеррогативного высказывания

В статье рассматривается организация семантической структуры интеррогативного высказывания, проявление инвариантного и вариативных значений в различных коммуникативных условиях. Семантика интеррогативного высказывания представлена в виде полевой организации, где ядерным компонентом выступает собственно вопросительное значение, а периферийными – невопросительные интенции: приказ, просьба, предложение, удивление и т. д.

Ключевые слова: семантика интеррогативности, интеррогативное высказывание, лексико-семантическое поле, ядерные и периферийные средства выражения интеррогативной семантики, инвариант, риторический вопрос, побудительное высказывание

Alexander V. Loginov,
Michurinsk state agrarian university,
Michurinsk, Russia

Invariant and Variant in Semantics Interrogative Statement

In article is considered organization of the semantic structure interrogative statement, manifestation invariant and variant importances in different communication condition. Semantics interrogative statement is presented in the manner of field organization, where nucleus component emerges strictly interrogative importance, but peripheral – a non-interrogative intentions: order, request, offer, surprise and t. d.

Keywords: semantics interrogativity, interrogative statement, lexical-semantic field, nucleus and peripheral facilities of the expression interrogative semantics, invariant, rhetorical question, imperative statement

В современном мире, с его высокотехнологичными средствами передачи и обработки информации непосредственное живое (языковое) общение остаётся тем средством, которое позволяет коммуникантам с минимальными потерями смысла передать и получить необходимые знания.

Контекст, прагматическая установка, правильный выбор языковых и неязыковых средства – условия успешной реализации коммуникативной ситуации. Особое место в этом перечне занимает семантическая составляющая. Этим и определяется интерес исследователей к изучению семантики языковых единиц.

Любое высказывание, с одной стороны, представляет собой единый знак ситуации, а с другой – характеризуется семантической делимитацией и интегрированностью сторон действительности, отражением которой является. Иначе говоря, в семантике высказы-

вания представлены как объективные свойства реального положения дел, так и его субъективное восприятие говорящим, что объясняется способностью человека актуализировать ситуацию, выбирать из нее соответствующие его состоянию и конкретным условиям коммуникации компоненты.

Коммуникативная ситуация на семантическом уровне предлагает говорящему довольно большой набор тех элементов, которые могут привести к реализации его коммуникативной цели, что обусловлено сочетанием инвариантности (регламентированности) и вариативности, связанной, прежде всего, с тем, что в каждом высказывании присутствует элемент субъективности, затрудняющий чисто семантическое описание языковых форм.

Применим этот постулат и к интеррогативной (вопросительной) ситуации, структурирующим элементом которой выступает ин-

террогативное высказывание, в семантическом отношении представляющее собой чрезвычайно сложное явление.

Одной из особенностей семантики интеррогативного высказывания является то, что содержащаяся информация о положении дел составляет лишь отправную точку, исходное начало мысли, второй конец которой находится в руках у адресата. Не случайно Н. И. Жинкин называет вопрос двусторонней передачей мысли [3, с. 26]. Это ещё раз свидетельствует о том, что вопрос как коммуникативный тип предложения существует только в плане непосредственного общения.

Другой особенностью интеррогативного высказывания, отражающейся на его семантике, является соотнесенность только с говорящим лицом. Как пишет П. В. Чесноков, «вопросы и побуждения могут выявлять лишь собственные стремления автора мысли, в то время как с помощью суждений могут отражаться вопросительные и побудительные стремления другого лица: «Он велел встать. Он спросил...» [8, с. 23].

Так как истинный вопрос изначально предполагает, что слушатель обладает большими знаниями, чем говорящий, относительно того, о чем идет речь, то уже это обстоятельство значительно сужает круг тех денотатов, о которых может идти речь в вопросительном высказывании.

Интеррогативная семантика представляет собой сложную комплексную организацию, формируемую семантическими категориями адресанта, адресата, характером запроса, основанием запроса и т. п., а её семантические компоненты объединяются единой смысловой доминантой «известное – неизвестное».

Семантический компонент понимается как «имплицитный или эксплицитный элемент смысловой структуры предложения, возникающий в результате взаимодействия лексической и синтаксической семантики и отражающий определённое явление внеязыковой действительности, представленное как обобщённый тип множества аналогичных явлений» [1, с. 22].

Основным семантическим компонентом (инвариантом, собственно категориальной семой), обязательно эксплицитированным в интеррогативное высказывание, является запрос адресанта о существующем положении дел. Его языковое содержание зависит от степени соотношения известной и неизвестной информации, от того, насколько

адресанту действительно необходимо более глубоко узнать о каком-либо факте. Такую сему можно обозначить как сему интеррогативности, которая в соотношении с семами бытийности и императивности формирует оппозицию коммуникативных типов высказываний.

Оппозиция – это не только противопоставление какого-либо признака, в нашем случае – оппозиция указанных ранее сем, но и общие семантические компоненты, позволяющие составить эту оппозицию. Н. С. Трубецкой писал: «Противоположение (оппозиция) предполагает не только признаки, которыми отличаются друг от друга члены оппозиции, но и признаки, которые являются общими для обоих членов оппозиции. Такие признаки можно считать «основанием для сравнения». Две вещи, не имеющие основания для сравнения или, иными словами, не обладающие ни одним общим признаком, ... никак не могут быть противопоставлены друг другу» [7, с. 75].

Применительно к интеррогативному высказыванию можно говорить о присутствии в его семантике сем бытийности и императивности. Такие семы являются несобственно категориальными, т. е. не определяющими его функционально-семантическую направленность. По отношению к ним сема интеррогативности будет выступать как архисема. О том, что данные семы присутствуют в семантике интеррогативного высказывания свидетельствует факт перехода в определённых коммуникативных условиях в другой тип высказывания: повествовательный (риторический вопрос) (1) или побудительный (2):

(1) – *Как вы смеете говорить, смеяться над нами? – заговорил я вдруг, подходя к нему очень близко и махая руками, – как вы смеете смеяться над чувствами, которых не понимаете? Я вам этого не позволю. Молчать! – закричал я (Л. Н. Толстой. Юность. XVI).*

(2) *Сережа рассердился на меня: сжал кулаки, топнул ногой и голосом, который ясно доказывал, что он очень больно ушибся, закричал мне:*

– *Ну, что это? После этого игры никакой нет! Ну, что же ты меня не ловишь? Что же ты меня не ловишь? – повторял он несколько раз (Л. Н. Толстой. Детство. XIX).*

В (1) вопросительное по форме предложение в семантико-коммуникативном плане соответствует повествовательному высказыванию «Вы не смеете смеяться над чув-

ствами, которых не понимаете», а во (2) – побудительному «Лови меня».

Помимо названных сем компонентами организации значения интеррогативного высказывания выступают частные семы, выражающие запрос по определённому положению дел. В каждом конкретном интеррогативном акте они строго индивидуальны и входят в семантическое «объединение» только данного высказывания. Реализация таких сем будет определяться уже не лингвистическими факторами, а прагматическими. Поэтому применительно к данному типу мы считаем возможным употребить термин прагмасема интеррогативности (вопросительности).

Семантическая структура вопросительного высказывания представляет собой полевую организацию с чётко выраженным ядром и периферией. Ядерным элементом (инвариантом) будет собственно интеррогативное (вопросительное) значение, реализованное в общевопросительных предложениях. Периферию же (ближнюю и дальнюю) будут представлять значения, выраженные интеррогативными высказываниями с нестандартной семантикой (варианты). К таким относятся:

1) риторические вопросы: *Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней?* (Л. Н. Толстой. *Детство*, XV);

2) вопросы-приказы: *Ведь вы не одни; извольте отвечать или нет?* – сказал молодой профессор (Л. Н. Толстой. *Юность*, X);

3) вопросы-просьбы: *Тогда Стёпа отколол такую штуку: встал на колени перед неизвестным курильщиком и произнёс:*

– *Умоляю, скажите, какой это город?*

– *Однако!* – сказал бездушный курильщик (М. М. Булгаков. *Мастер и Маргарита*, 1, 7);

4) вопросы-предложения: *Погода к вечеру стала получше, – сказал он. – Не поехать ли нам куда-нибудь?* (А. П. Чехов. *Дама с собачкой*);

5) вопросы-осуждения: *Маргарита молчала, потом ответила:*

– *Понятно. Эта вещь из чистого золота, видно по тяжести. Ну что же, я прекрасно понимаю, что меня подкупают и тянут в какую-то тёмную историю, за которую я очень поплачусь.*

– *Это что же такое, – почти зашипел Азazelло, – вы опять?* (М. М. Булгаков. *Мастер и Маргарита*, 2, 19);

6) вопросы-удивления: *Не моё, – шепнул буфетчик, отпихивая шапку и быстро надевая шляпу.*

– *Разве вы без шапки пришли? – удивилась Гелла (М. М. Булгаков. *Мастер и Маргарита*, 1, 18);*

6) переспросы: *Чудак ты этакой! – воротясь, сказал Тарантьев. – Что тебе здесь сладко кажется?*

– *Как что? От всего близко, – говорил Обломов, – тут и магазины, и театр, и знакомые... центр города, все... (И. А. Гончаров. *Обломов*, 1, IV);*

7) рефлексивные вопросы, т. е. «вопросы говорящего к самому себе, либо такие, на которые он сам собирается тут же ответить, либо такие, на которые он не знает ответа», а также тогда, когда «вопрос по форме общий, фактически нацелен на ответ, требующий частного вопроса» [5, с. 233]:

– *«Кто из нас обоих сумасшедший?» – думал он (Андрей Ефимыч – А. П.) с досадой. – Я ли, который стараюсь ничем не обеспокоить пассажиров, или этот эгоист, который думает, что он здесь умнее и интереснее всех, и оттого никому не даёт покоя?» (А. П. Чехов. *Палата № 6*).*

О том, что семантика вопросительного высказывания организована по принципу поля, свидетельствует и факт пересечения её с семантиками других высказываний, организованными по тому же принципу. Вопросительное высказывание выходит далеко за пределы функции запроса, вопрошания, т. к. охватывает не только интеррогативные интерпретации адресанта в коммуникативном акте, но и опосредованные реляционные его представления через различные исходящие от него дополнительные ориентации (побуждение, выражение реакции и т. д.). Такие употребления вопросительных предложений рассматривают как переносные, метафорические, поскольку они опираются на категориальную семантику вопроса, «более того, эксплуатируют её» [6, с. 65].

Для вопросительных конструкций эти отношения существенны, т. к. представляют определённую незамкнутость, открытость, возможность перетекания одного типа высказывания в другой, что свидетельствует о взаимосвязи и взаимовлиянии различных функциональных типов русского предложения. Такую возможность отмечают многие исследователи.

Так, например, Е. Н. Линдстрем пишет: «Употребляя вопросительные по форме вы-

сказывания для выражения неинтеррогативных значений, говорящий имеет возможность эффективно воздействовать на своего собеседника и быстрее достигать желаемого результата. Вопросительная конструкция в этом случае, теряя свою интеррогативно-коммуникативную функцию и сохраняя интеррогативно-эмоциональную функцию, стимулирует повышенную умственную активность адресата и призывает его к диалогу с самим собой и внутреннему ответу или действию» [4, с. 17].

Тем не менее, вопросительное предложение характеризуется своей собственной вопросительной (интеррогативной) семантикой, которая стоит в оппозиции семантике побуждения, просьбы, волеизъявления, бытийности и т. д. Это то, что отличает один тип языковой конструкции от другой на семантическом уровне, который реализует своё грамматическое оформление с помощью конкретных лексико-грамматических и интонационных средств. Права в этом отношении А. Вежбицка, отмечавшая, что «главный компонент вопроса выражает «желание» знать, а не «желание» повлиять на кого-либо таким образом, чтобы заставить его сделать так, чтобы мы знали. Это то, что связывает настоящие вопросы с вопросами, обращенными к самому себе, или так называемым медитативным вопросам» [2, с. 261].

Таким образом, в качестве основных признаков вопросительной семантики назовём следующие:

1. Явно выраженный субъективный интерпретационный характер, обусловленный тесной связью с представлением позиций коммуникантов на коммуникативной оси в пределах интеррогативного акта.

2. Для интеррогативной ситуации важной является оппозиция «незнание» – «знание», проявляющаяся в градации «вопрос» – «ответ».

3. Семантическая организация вопросительного высказывания характеризуется как уровневая, проявляющаяся в иерархичности отношений между компонентами.

4. Ядерный компонент вопросительной семантики реализуется в общевопросительных конструкциях, тогда как периферию организуют интеррогативные высказывания с нестандартной функциональной направленностью.

5. Вопросительные по форме предложения в качестве периферийных средств реализуются в других функционально-семантических полях, приобретая дополнительные семантические оттенки или коренным образом меняя свою семантику, что свидетельствует о взаимопроникновении различных коммуникативных типов высказываний.

Источники и литература

1. **Арват Н. И.** Семантическая структура простого предложения в современном русском языке. Киев: Вища шк., 1984. 160 с.
2. **Вежбицка А.** Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV1. 1985. С. 251–275.
3. **Жинкин Н. И.** Грамматика и смысл // Язык и человек. 1970. Вып. 4.
4. **Линдстрем Е. Н.** Классификация русских вопросительных по форме высказываний на базе прагматически обоснованной универсальной модели: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Петрозаводск, 2003. 189 с.
5. **Падучева Е. В.** Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Едиториал УРСС, 2002. 288 с.
6. **Сычева И. Б.** Встречный вопрос и его функционирование в динамике диалога: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19. Орел, 2008. 161 с.
7. **Трубецкой Н. С.** Основы фонологии. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. 372 с.
8. **Чесноков П. В.** Семантические формы мышления и грамматика // Значение и смысл речевых образований. Калинин, 1979.

УДК 378

ББК Ч480.46(2Рос.Баш)

Алина Ирнисовна Тимиргазиева,

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа, Россия

Организация исследовательской работы в области иностранного языка в вузах технического профиля (на материалах Башкирской АССР)

В статье анализируется развитие организации исследовательской работы в области иностранных языков в системе технического высшего образования 50–60-х гг. XX в. Рассматриваются основные организационно-методические факторы, способствующие совершенствованию изучения иностранных языков в технических высших учебных заведениях Башкирской АССР – Уфимских Авиационного и Нефтяного институтов. Раскрываются процессы последовательного формирования технических средств в обучении и планомерного повышения уровня научно-исследовательской деятельности.

Ключевые слова: иностранные языки, высшие учебные заведения, методика преподавания иностранных языков, технический профиль, средства обучения, научно-исследовательская работа

Alina I. Timirgazieva,

Bashkir state pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia

Organization of Research Work in The Field Of Foreign Language in the Higher Schools of Technical Profile (on the Materials of the Bashkir Assr)

The article analyzes the development of the organization of research work in the field of foreign languages in the system of technical higher education of the 1950–1960s. The main organizational and methodological factors that contribute to the improvement of the study of foreign languages in the technical higher educational institutions of the Bashkir ASSR - Ufa Aviation and Petroleum Institutes are considered. The processes of sequential formation of technical means in training and systematic increase in the level of scientific research are disclosed.

Keywords: *Foreign* languages, higher education institutions, methods of teaching foreign languages, technical profile, teaching aids, research work

После Великой Отечественной войны расширились международные связи Советского Союза. Если до войны СССР имел дипломатические отношения с 26 государствами, то в 1945 г. такие отношения были установлены с 52 странами. В тот период особый смысл придавался словам М. И. Калинина о значении изучения иностранных языков: «Недалеко то время, когда признание человека культурным будет связано со знанием хотя бы одного иностранного языка». В партийных постановлениях послевоенного времени изучение языков обосновывалось необходимостью исследования научных и культурных достижений противника, под которым подразумевались страны

капиталистического мира. Таким образом, «холодная война», конфронтация СССР с так называемой «западной системой» оказали воздействие не только на международные отношения, но и на внутреннюю жизнь государства, в частности, на организацию исследовательской работы в вузах и ссузах, уделение внимания изучению иностранных языков. При этом задача глубокого их усвоения определялась для студентов всех специальностей.

Проблема организации исследовательской работы в области иностранных языков в непрофилирующих, т. е. в неязыковых вузах советского периода, является одной из наиболее неисследованных в отечествен-

ной историографии. Будущим техническим кадрам, от деятельности которых во многом зависела обороноспособность страны, иностранный язык предписывалось изучать на достаточно высоком уровне. В условиях расширения международных связей СССР, усиления обмена делегациями и информацией по всем отраслям науки и техники знание иностранного языка инженерами приобретало важную роль. Однако практика обучения показывала, что выпускники могли лишь переводить статьи на иностранном языке со словарём, не обладая даже элементарными навыками устной речи. Система обучения иностранному языку была разработана по особой методике, рассчитанной, чтобы человек был способен *прочитать специальную литературу (со словарным запасом в тысячи слов)*. Господствовавшая методика приводила к пассивному знанию языка, что нарушало важный принцип обучения – интерес к предмету, ощущение радости от умения что-то спросить на иностранном языке и получить ответ.

1950-е годы – это начало поисков оптимальных форм, методов организации учебного процесса и работы преподавателей иностранных языков. Обучение студентов должно было увязываться с техническим профилем, т.е. предполагалась работа с иностранными текстами по своей специальности. Это предопределило характер исследовательской работы преподавателей технических учебных заведений.

Бюро обкома КПСС в феврале 1953 г. обсудило вопрос о состоянии исследовательской работы. Заседание Бюро пришло к общему выводу о том, что «научно-исследовательская работа не стала ещё неотъемлемой частью учебного процесса и ведётся крайне неудовлетворительно». Например, кафедра иностранных языков Авиационного института совершенно не вела научной работы [2, л. 28]. Единственное сколько-нибудь заметное событие в данном направлении за последние годы – это статья заведующего кафедрой Дж. К. Киекбаева «Вопросы исторической грамматики башкирского языка в свете учения И. В. Сталина», опубликованная в 1950 г. в журнале «Литературная Башкирия» [7, л. 10].

В вузах значительная роль отводилась кабинетам иностранных языков как учебно-вспомогательным учреждениям. Кабинет работал под непосредственным руководством заведующего кафедрой иностранных

языков. В задачи кабинета входили: организация систематической помощи студентам в их самостоятельной работе по изучению иностранного языка; содействие преподавательскому составу в учебной деятельности; учёт, систематизация и хранение документов. При кабинете организовывались групповые консультации для студентов, выставки лучших работ, наглядных пособий, статей и т. д. [7, л. 1].

Значимой вехой в организации учебного процесса стало Постановление Совета Министров СССР № 468 от 27 мая 1961 г. «Об улучшении изучения иностранных языков». В указанном документе отмечалось, что преподаватели стали больше уделять внимание развитию у студентов навыков устной речи [3, л. 29] и ставилась задача продолжить совершенствование работы. Постановление дало импульс к непосредственному внедрению в учебный процесс ряда прогрессивных нововведений, которые характеризуют деятельность кафедр иностранных языков в 60-е гг. XX в. Этот период был отмечен интенсивным развитием исследовательской работы преподавателей.

В начале 60-х гг. XX в. оформились два основных научных направления работы кафедры иностранных языков Уфимского Авиационного института (УАИ) – это исследования в области современных романо-германских языков и методики преподавания иностранных языков в высших технических учебных заведениях [9, л. 98]. Фактически в реализации научно-исследовательской деятельности наблюдался крен в сторону последнего направления. Это объяснялось острой необходимостью усовершенствования преподавания иностранных языков в техническом вузе. Такая ниша, как разработка технических тем на иностранных языках, абсолютно не была заполнена. Поэтому членам кафедр пришлось проделать большую практическую работу по составлению различных пособий и словарей по профильной тематике для будущих инженерных кадров.

В 1963 г. в УАИ была утверждена новая форма организации работы кафедры по секциям английского и немецкого языков [8, л. 3]. Ежегодно проводилось в среднем 20 заседаний секций [9, л. 35], на каждом из которых заслушивалось около 5–6 докладов преподавателей. Тематика выступлений была самая разнообразная: она касалась и непосредственно вопросов иностранного языка («Синонимические средства выраже-

ния цели в современном английском языке по сравнению с русским», «Синонимические соответствия в английской технической литературе в области выражения сказуемых», «Некоторые особенности стиля современного немецкого разговорного языка», «Новое в немецкой грамматике» и так далее), и методических проблем («Организация самостоятельной работы студентов», «Применение наглядных пособий в процессе обучения» и пр.). На заседаниях совместно обсуждались особенности методики преподавания иностранного языка в технических вузах, материалы из журнала «Иностранные языки в школе», открытые уроки членов кафедры [10, л. 3]. Так, руководителями секций в 1963–1964 уч. г. было посещено 15 занятий молодых преподавателей с последующим их обсуждением [9, л. 37].

На кафедре иностранных языков Уфимского Нефтяного института (УНИ) регулярно проводились научно-методические семинары с докладами преподавателей на методические темы: «Фиксация лексики в сочетаниях при работе над техническими и политическими текстами», «О некоторых приёмах развития устной речи» и т. д. [4, л. 3]. Научно-исследовательская работа на кафедре иностранных языков УНИ была так же направлена на создание методических разработок для развития устной речи студентов.

В 1960-е гг. в технических учебных заведениях были изданы: словари-минимумы по насосам и компрессорам, разработке и добыче нефти, авиаприборостроению, станкам и инструментам; пособия по авиационным двигателям, технологии машиностроения и мн. др. В строгом смысле слова, данная работа не являлась научно-исследовательской. Она диктовалась конкретной необходимостью повышения качества учебного процесса и имела большое практическое значение. Преподаватели, уделяя основное внимание составлению пособий, словарей для студентов, не располагали достаточным временем на написание диссертационных работ и повышение своей научной квалификации. Из-за учебно-методической нагрузки исследовательская деятельность оставалась слабым звеном в их работе. Ещё хуже обстояло дело с организацией научно-исследовательской работы студентов. Они не принимали в ней участия, занимаясь только переводом статей по специальным дисциплинам.

В 1966 г. кафедра иностранных языков УАИ, одна из первых в вузе, приступила к

внедрению программированного обучения. Была создана группа преподавателей-программистов в количестве 11 чел., которая приступила к исследованию основ программированного обучения. Два преподавателя с этой целью были командированы в Москву, где ознакомились с опытом работы кафедр иностранных языков ряда вузов. Также активно перенимался опыт передовых в этом отношении вузов Воронежа, Волгограда, Куйбышева, Пензы и других городов [1, с. 114]. В марте кафедра иностранных языков УАИ провела семинар по программированному обучению, где присутствовали преподаватели неязыковых вузов Уфы [12, л. 5].

Все эти мероприятия привели к составлению программ для первых машин «Ласточка» (К-53). Занятия на данных машинах проводились при контроле знаний грамматики иностранного языка. При эксплуатации аппарата обнаружилось его существенные недостатки. Студенты при работе с ним должны были проставлять в готовые фразы одно из четырёх подготовленных слов, что не являлось эффективным способом контроля знаний. Использование данного метода программированного обучения снижало активность проработки материала студентами, не предоставляло преподавателю возможности дать индивидуальную оценку работы каждого студента [13, л. 2].

Начался трудоёмкий процесс по подготовке программ к машине «Экзаменатор» (К-54), более совершенной, чем «Ласточка». Было проведено 17 экспериментальных уроков с применением новой машины, которые способствовали развёртыванию дальнейших изысканий в области программированного обучения [11, л. 148]. Программированное обучение иностранному языку стало неотъемлемой частью учебного процесса в вузах.

Важным элементом учебного процесса явилось также функционирование (в УНИ с 1963 г. [4, л. 2], в УАИ с 1966 г.) лаборатории устной речи, созданной для самостоятельной работы студентов. На ферромагнитную ленту были записаны упражнения на иностранном языке и все прорабатываемые в аудитории тексты, составлено специальное расписание пользования ими в лаборатории [9, л. 97]. В УАИ она была рассчитана на одновременную работу 26 студентов [13, л. 36], в УНИ 56-ти [6, л. 1]. Большую помощь в создании лаборатории в УНИ оказала кафедра автоматизации производственных процессов [4, л. 2]. За год каждая лаборатория устной

речи обслуживала около 10 тыс. студентов. К концу 60-х гг. в фонотеках лабораторий насчитывалось более 100 записей, регулярная работа с которыми способствовала более глубокому усвоению учебной дисциплины [13, л. 36]. Студенты получили возможность на индивидуальных рабочих местах прослушивать тексты, записывать свою речь, отрабатывать правильное произношение.

Опыт УАИ в декабре 1967 г. был одобрен Бюро Уфимского горкома КПСС: «...Вести настойчивую и систематическую работу по внедрению современных наиболее эффективных методов и средств обучения. В этих целях рекомендовать изучить и внедрять передовой опыт коллектива Авиационного института по программированному обучению и использованию технических средств», – было записано в Постановлении [1, с. 114].

Все перечисленные меры по улучшению организации учебного процесса привели к постепенному росту успеваемости студентов. Если в начале 1960-х гг. в УАИ недопущенных к экзаменам ввиду «незачёта» по иностранному языку было 155 чел., то в конце 1960-х гг. их количество уменьшилось до 103 чел. [8, л. 4]. УНИ в начале 1960-х гг. подвергался критике со стороны городского комитета партии за значительное количество «незачётов». В конце 1960-х гг. по итогам государственных экзаменов на трёх факультетах было уже всего 7 неудовлетворительных оценок [4, л. 3]. Несмотря на очевидный прогресс, достигнутые успехи были недостаточны. Во-первых, срок действия новых форм работы был еще слишком мал. Во-вторых, за рассматриваемый 20-летний период развития учебного процесса научно-исследовательская работа студентов на кафедрах иностранных языков так и не была организована [12, л. 8], т. к. она являлась слабым звеном в деятельности самих преподавателей. Единственное, что было образовано в обоих вузах – это студенческие бюро переводов, где

студенты занимались переводом статей из иностранных журналов для специальных кафедр [5, л. 37]. В-третьих, даже самые современные приёмы и методы обучения не могли избавить от систематического, упорного, самостоятельного труда. Самостоятельная работа по изучению иностранного языка оказалась делом трудным, прежде всего потому, что студент сам должен был стать её инициатором, что в условиях технических вузов было довольно проблематично. Поэтому по вузам ставилась задача широкой работы по организации пропаганды изучения иностранного языка в печати, по психологической установке на необходимость приобретения знаний. Каждый студент должен был чётко усвоить, что иностранный язык для технических кадров – это новый источник получения информации. Имелись в виду литература по специальности, публикации о технических новинках и т. д. Изучить иностранный язык значило приобрести средство коммуникации.

По мере развития учебного процесса в вузах наблюдалось улучшение методического уровня лекционных и семинарских занятий, усиление индивидуальной работы со студентами, расширение деловых контактов кафедр общественно-гуманитарных наук со специальными кафедрами, совершенствование организации самостоятельной и кружковой работы.

Для успешного овладения иностранным языком, как показал опыт 50–60-х гг. XX в., необходимы четыре основных условия: рациональная организация учебного процесса, применение технических средств, способствующих развитию устной речи, высокая мотивация обучения и, конечно же, участие в исследовательской работе. В рассматриваемый период было положено начало обеспечению первых двух условий и стояла задача дальнейшего совершенствования изучения иностранных языков в вузах.

Источники и литература

1. Уфимскому ордена Ленина Авиационному институту им. С. Орджоникидзе – 50 лет. Очерк истории / под ред. М. Я. Гельштейна, Н. Р. Короткова, Р. М. Сориной. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1982. 255 с.
2. ЦГАОО РБ (Центральный Государственный архив Общественный объединений Республики Башкортостан). Ф. 122. Оп. 32. Д. 985.
3. ЦГИА РБ (Центральный Государственный исторический архив Республики Башкортостан). Ф. Р-2372. Оп. 1. Д. 246.
4. ЦГИА РБ. Д. 325.
5. ЦГИА РБ. Д. 531.
6. ЦГИА РБ. Д. 533.
7. ЦГИА РБ. Ф. Р-4398. Оп. 1. Д. 121.

8. ЦГИА РБ. Д. 342.
9. ЦГИА РБ. Д. 382.
10. ЦГИА РБ. Д. 515.
11. ЦГИА РБ. Д. 551.
12. ЦГИА РБ. Д. 588.
13. ЦГИА РБ. Д. 603.

УДК 81'42
ББК Ш105.5

Алёна Юрьевна Новикова,
*Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Ценностные доминанты в восприятии художественного текста иностранными студентами на интегрированных занятиях

В статье рассматриваются ценностные доминанты в восприятии художественного текста в иностранной студенческой аудитории. Изучена возможность возникновения диалога произведений литературы и киноискусства, показано, как языком различных искусств выражается очень важная, сущностная идея художественных текстов, как выявляются общность и различие в трактовке евангельского сюжета писателем и режиссёром.

Ключевые слова: ценностные доминанты, диалог искусств, студенческая аудитория, визуальный образ, интерпретация текста

Alyona Yu. Novikova,
*Transbaikal State University,
Chita, Russia*

Valuable Dominants in the Perception of Artistic Text by Foreign Students on Integrated Sessions

The article considers the value dominants in the perception of an artistic text in a foreign student audience. The possibility of the dialogue between works of literature and cinema has been explored. It is shown how the very important, essential idea of artistic texts expresses how to find the commonality and difference in the treatment of the evangelical plot by a writer and director.

Keywords: value dominants, dialogue of arts, student audience, visual image, text interpretation

Основополагающее значение реализации современной модели литературного образования придаётся обращению к проблемам использования содружества искусств на занятиях по литературе, что помогает обучающимся ярче представить художественный образ, понять специфику литературы, развить чувство прекрасного, усилить нравственное, эстетическое и эмоциональное воздействие литературного произведения на обучающихся.

Художественная модель, образ-символ, воздействуя на эмоции и чувства, рождая ассоциации, вызывая читателя на сотворчество и рефлексии, требуют разнообразной и

сложной методики работы, опирающейся на разные подходы и научные знания.

Интерпретация литературного произведения через распознавание образов-символов в живописи, музыке, кино, театре способствует пониманию художественного текста через культурную призму эпохи, обогащается новыми оттенками восприятия, дополняется рядом интересных ассоциаций.

Интерес к массовым видам искусства проявляется не случайно, т. к. художественная коммуникация осуществляет интеллектуально-творческую взаимосвязь автора и реципиента, передачу реципиенту художественной информации, содержащей опреде-

лётное отношение к миру, художественную концепцию, устойчивые ценностные ориентации.

Происходит включение восприятия не только смысла художественного произведения, но и его ценности. Каждый вид искусства порождает свой тип художественной рецепции, по каналу которой протекает специфическое воздействие на личность, не заменимое никакими другими типами художественного восприятия.

Кино и телевидение учат молодых людей искать в образах, представленных фильмами и телепередачами, воплощение идей и мыслей, разносторонне оценивать и осмысливать характеры героев экрана, находить в них черты образца для своего поведения и своих действий. В этом смысле киноискусству, в силу его массовости и широкой доступности, принадлежит, несомненно, ведущая роль.

Что даёт контакт литературы и кино? Какое значение имеет обращение кинематографа к классической литературе?

Во-первых, экран делает литературное произведение достоянием широких зрительских кругов. Экранизируя произведения писателей, художники-постановщики не только популяризируют этих авторов, но и создают оригинальные произведения другого вида искусства – кино. Во-вторых, сопоставление литературного произведения и его экранизации поможет воспитать активного читателя и зрителя.

Хорошая экранизация невольно ориентирует на зрительные образы, которые запечатлелись в нашем сознании, помогает восстанавливать при чтении эпизоды, отдельные кадры, целые сюжетные куски из просмотренного фильма; мы вспоминаем внешний облик героев, то, каким он воссоздан актёрами. В этом случае встаёт важная задача: добиться взаимодействия художественного материала книги и фильма.

Для того чтобы состоялся диалог искусств, необходимо найти такие художественные акценты в произведениях разных искусств, которые бы помогли в реализации целей подобных занятий. Мы остановили свой выбор на фильме итальянского режиссёра Джулио Базе «Империя Святого Петра» [5] не только потому, что рассказ А. П. Чехова «Студент» и фильм объединяет общая тема отречения апостола Петра, но и потому что в фильме представлены визуальные картины, которых нет в книге, благодаря чему в восприятии воссоздаётся цельный образ. Та-

кое сопоставление позволяет более эффективно проводить работу по формированию понятий, входящих в читательскую компетенцию.

Рассмотрим процесс реализации диалога искусств на занятии по литературе в группе иностранных студентов на примере анализа рассказа А. П. Чехова «Студент» [4] (при сопоставлении его с фильмом «Империя Святого Петра») [5]. Приведём фрагмент занятия.

Цель занятия: познакомить студентов с поздним творчеством А. П. Чехова на примере рассказа «Студент», попытаться раскрыть тему взаимоотношений человека с окружающим миром, обратить внимание обучающихся на поиск гармонии как понимания высшего смысла жизни, как основного пути обретения веры.

Обратимся к содержанию урока, рассмотрим фрагмент рассказа А. П. Чехова «Студент» (история отречения Петра) [4].

Фрагмент рассказа А. П. Чехова «Студент» (история отречения Петра):

...– Точно так же в холодную ночь грелся у костра апостол Пётр... [4, с. 300].

У: Каким вы себе представляете Петра?

С: «Пётр – любимый ученик Христа, который тоже попадает в беду; «Слепая, великая любовь втягивает Петра в беду»; «Он ищет настоящий смысл жизни, но как простой человек сначала ошибается».

У: Каждый человек стремится найти своё место в этом мире. Чтобы понять это, у человека уходят долгие годы, а может уйти и вся жизнь.

Человек может отступить от близких, от веры, как Иван Великопольский, как Пётр, усомнившись в справедливости мироустройства. Важно понять свои заблуждения и вновь ступить на правильный путь, сделать приоритетными в своей жизни общечеловеческие ценности: любовь к ближнему, духовное самосовершенствование, красоту и правду.

У: А теперь обратимся к фильму «Империя Святого Петра» [5] и посмотрим, каким изменениям подвергся образ при претворении на экран.

С: «В рассказе о Петре мало информации, видна только его душа, переживания, а не портрет. В фильме у Петра большие глаза, белые волосы, и он постоянно чего-то боится, как простой человек».

У: Какие символы сопутствуют образу Петра в фильме?

С: «Образ петуха в фильме встречается несколько раз, он пробуждает внимание, обращает внимание на ошибки Петра, на предательство».

У: Действительно, образ петуха встречается не только в этом фильме, но также и в рассказе А. П. Чехова, где писатель употребляет старославянское слово «петел». А как в китайской культуре рассматривается образ петуха?

С: «Петух – символическое животное, составляющее китайский зодиак. Гребень на его голове означает литературный дар, а красный цвет соотносится с закатом и осенью. Петух (по-китайски «куньчи») кукарекает (по-китайски «минь»), а «кунь-минь» значит «почёт и уважение».

У: А теперь обратимся к ключевому образу истории отречения Петра – к образу огня.

Огонь – это связь с Богом, разрушительная и очистительная сила; воплощение бессмертной жизни. Огонь тут предстаёт в нескольких значениях [2, с. 7]:

1) огонь, который светится у реки на вдовьих огородах;

2) огонь костра, у которого Иван греет руки (этот костёр живо напоминает о вечности).

Евангельский костёр и огонь на вдовьих огородах показали герою двумя концами единой цепи, связывающей людей во все времена. В фильме образу огня также уделяется внимание, камера как бы скользит, перемещает ракурс от апостола к Иисусу, а огонь становится связующим звеном между ними.

Какое священное значение приобретает образ огня в китайской культуре?

С: *Огонь – это опасность, раздражение, скорость, но в качестве духовной силы он солярен, ян. Соединённый с принципом воды инь, огонь символизируется триграммой «- -», в которой снаружи имеются линии ян, а внутри пустота инь.*

В современном Китае считается, что предок огня – фейерверк – отпугивает демонов.

У: В конце рассказа мы видим, что ничего за этот вечер не изменилось ни в природе, ни тем более в истории, но свершилось великое событие в душе человека: «И радость вдруг заволновалась в его душе...» [4, с. 302].

Студенты отмечают: *Студент сначала верит, что в жизни нет надежд. Нет света, нет здоровья. А потом со вдовами обсуждают прошлые дела о Христе. Он плачет для Христа. В конце он верит: жизнь счастливая.*

«В сердце Иван создавал христианство, поэтому, когда он слушал, что вдова рассказывала о Христе, о Петре, он знал смысл жизни. Он хотел стремиться к свету, добру, свободе. На мой взгляд, рассказ о Боге играл огромную и важную роль в его сердце. Самое главное – это вера. Значит, у него будут свои цели в жизни. Может быть, когда он встретит трудности, вера поможет и подержит его, чтобы жить лучше».

«Все знают, что вера играет огромную роль в нашей жизни. Христианин верит в бога. Бедуин тоже верит в бога. Это значит, у каждого человека в сердце есть свой бог. Это бестелесно, но тоже сила».

«В нашем мире надо помогать друг другу. Человеку нужно искать настоящий смысл жизни. Любовь, добро, искусство, селье и т. д.».

Важно отметить, что автор рассказа и режиссёр ставят приблизительно одинаковые цели, пытаются показать жизненный путь простого человека в поисках смысла жизни, пытаются разгадать вопрос, который мучает людей на протяжении всего их существования. Примечательно, что сейчас выпускается большое количество фильмов на религиозную тему, предпринимаются попытки переложения евангельских историй. Чем вызван такой интерес? Наш урок служит таким примером, показывая, почему библейская история Петра актуальна для нашего времени; как писатель, режиссёры, актёры могут её донести до зрителя.

Источники и литература

1. Библия. М.: Российское Библейское Общество, 1995. 304 с.
2. Духовные уроки Чехова // Иннокентьевские чтения. 2011. № 7. С. 60.
3. Искусство анализа художественного произведения: пособие для учителей / сост. Т. Г. Браже. М.: Просвещение, 1971. 240 с.
4. Чехов А. П. Повести и рассказы. М.: Русский язык, 1981. 589 с.
5. Фильм: Империя Святого Петра [Электронный ресурс]. США: Rai Radio Televisione Italiana, Страна, 2005. 197 мин. Режим доступа: <http://www.tvcok.ru/film/imperiya-svyatogo-petra.html> (дата обращения: 23.03.2017).

УДК 81'271
ББК Ш105.55

*Елена Ивановна Пляскина,
Надежда Михайловна Шмелёва,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия*

Этикетный жанр извинения в речи преподавателей и студентов

В статье рассматривается извинение как важный этикетный жанр, способствующий эффективности коммуникации. Умение использовать его в процессе общения и таким образом признавать ошибку или промах – одно из умений, характеризующих воспитанного человека, настроенного на диалог. Именно к таким людям, настроенным на сотрудничество, относятся как педагоги высшей школы, так и студенты. К сожалению, их диалог не всегда получается эффективным, т. к. извинение в их общении является проблемной зоной, что показал анализ письменного опроса (анкет).

Ключевые слова: общение (коммуникация), коммуникативные умения, речевая культура, этикетные нормы, речевой этикет, жанры речевого этикета, извинение

*Elena I. Plyaskina,
Nadezhda M. Shmeleva,
Transbaikal State University,
Chita, Russia*

Etiquette Genre of Apology in the Speech of Teachers and Students

The article discusses the apology as an important etiquette of the genre, contributing to the efficiency of communication. The ability to use it in the process of communication and thus admit a mistake or miss – one of the skills that characterize the educated person who is inclined towards dialogue. It is to such people that are configured for cooperation, as are the teachers of the higher school and students. Unfortunately, their dialogue is not always effective as an apology in their communication is a problematic area that showed the analysis of the written survey (questionnaires).

Keywords: communication (communication), communication skills, speech culture, etiquette norms of speech etiquette, genres of speech etiquette, an apology

Извинение как этикетный жанр обязательно присутствует в речи культурных людей. Но как часто прибегают к нему участники общения (коммуниканты)? Каковы причины этого этикетного действия? Кому и когда, перед кем можно и нужно извиняться, а когда это необязательно? На все эти вопросы даёт ответ речевой этикет, выработанные обществом правила поведения [6]. А что можно наблюдать в речевой практике? Например, в повседневном общении преподавателей и студентов?

Мы заинтересовались этими вопросами и решили выяснить, является ли извинение проблемной зоной общения. Для решения поставленной задачи нами был проведён опрос (анкетирование) преподавателей и

студентов факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета.

Но прежде чем обратиться к анализу анкет, следует кратко охарактеризовать жанр извинения по основным жанрообразующим признакам [4; 5]. По коммуникативной цели извинение относится к этикетным (ритуальным) жанрам, т. к. предполагает осуществление поступка, предусмотренного этикетом данного социума: выражения сожаления о чём-либо (произошедшем / не произошедшем, сказанном / не сказанном и т. д.). Образ автора связан с осознанием вины (промаха), пониманием неправомерности или ошибочности своего действия или высказыва-

ния, а также того, как в таких случаях необходимо поступать в данном обществе, т. е. со знанием этикета. *Образ адресата* тоже предполагает знакомство с ритуалом и часто ожидание извинения за какие-либо действия или высказывания, особенно, если они нанесли обиду. Отсутствие извинения может расцениваться им как невоспитанность и хамство и привести к ухудшению или даже к прекращению отношений. Важной характеристикой речевого жанра являются *факторы прошлого и будущего*: извинение, с одной стороны, – это жанр инициальный (без прошлого), т. е. начинающий общение (хотя этикетная реплика может быть использована в процессе общения), с другой – он отнесён в будущее, т. е. предполагает ответную реакцию (прощение / непростение) в виде реплики или жеста, которая и показывает его результативность. К **диктумному** (событийному) содержанию извинения относится поступок (факт извинения), включённый в личную сферу и автора, и адресата, отношения между ними (для автора очень важны отношения с адресатом, поэтому он старается предупредить негативные последствия своего проступка) и временная перспектива (дальнейшее развитие отношений). Так как поступок единичный, то извинение – это монособытийный речевой жанр.

Формальная организация (языковое воплощение) извинения может быть как краткой, так и развёрнутой. Краткое извинение выражается этикетными словами (формулами), принятыми в нашем обществе: *прости(те) или прости(те) за ..., извини(те) или извини(те) за ..., прошу прощения или прошу прощения за ..., прошу извинения за ..., сожалею о ...*. Некоторые исследователи называют его этикетной репликой. Развёрнутое извинение представляет собой высказывание, состоящее из одной или нескольких фраз, включающих не только формулы извинения, но и объяснение причины действий, за которые просят прощения, а также описание чувств говорящего, называние побудивших факторов, т. е. смягчающих обстоятельств. Развёрнутое извинение можно назвать извинительной речью.

Безусловно, извинение – это важный этикетный жанр, способствующий эффективности коммуникации и характеризующий человека, умеющего им пользоваться, как воспитанного, вежливого, культурного.

В нашем обществе считается, что речь педагога, тем более преподавателя высшей

школы – это речь культурная, т. е. относящаяся к высокому уровню речевой культуры, для которого характерно не только соблюдение норм литературного языка, но и этикетных норм. Под ними понимают «совокупность правил поведения, касающихся отношения к людям (обхождение с окружающими, формы обращения и приветствий, поведение в общественных местах, манеры, одежда» [2, с. 427]. По мнению учёных, «человек высокой культуры заботится о том, чтобы никому не доставить неудобств» [1, с. 133], всегда вежлив, доброжелателен, открыт для общения, внимателен к собеседнику, настроен на диалог. Эта настроенность на диалог предполагает применение различных коммуникативных умений в процессе общения (коммуникации), в том числе и умения извиниться за что-либо, умения использовать этикетный жанр извинения.

Но наши наблюдения, а также некоторые исследования [3, с. 88] показывают, что не все преподаватели и не всегда извиняются перед студентами, тем самым признавая свою ошибку, нечаянный промах (например, неправильно произнесённое слово) или доставленное неудобство (например, не вовремя выполненным обещанием). Хотя, надо заметить, что и студенты (адресат) не всегда ждут извинения от преподавателя, порой даже не замечают нарушения этикета.

Теперь обратимся к анализу анкет. В опросе приняли участие 15 преподавателей, ответивших на 9 вопросов. Обобщив ответы, мы получили следующие результаты. На вопрос «*Легко ли Вам признавать допущенные на занятиях ошибки и промахи?*» отрицательно (*нелегко*) ответили больше половины педагогов (60 %) и, следовательно, на вопрос «*Часто ли Вам приходится извиняться перед студентами?*» ответ «*Нечасто (редко, иногда)*» составил 73 %. Хотя все преподаватели, кроме одного, не согласны с утверждением, что «*Учителю по статусу не положено извиняться: учитель не Бог, а живой человек*». Поэтому, отвечая на вопрос «*Возникали ли в Вашей педагогической практике ситуации, когда Вам было необходимо извиниться?*» чуть больше половины респондентов (53 %) ответили «*Да*». Среди причин, которые побуждают преподавателей приносить извинения студентам, названы следующие: необходимо признавать свои ошибки (*ради истины*) (20 %); не допустить, чтобы студент запомнил ошибку (14 %); извинение – это показатель воспи-

танности и взаимного уважения (33 %); по-давать пример студентам, воспитывать культуру поведения (26 %). Мнения по вопросу «Считаете ли Вы, что извинение перед студентами (студентом) способствует установлению более тёплых отношений и, как следствие, лучшей успеваемости студентов?» разделились таким образом: 80 % опрошенных согласны с тем, что извинение способствует установлению более тёплых отношений (снимает напряжённость, нейтрализует конфликт), хотя 13 % не относят это к улучшению успеваемости, 20 % категорически не согласны, считая, что «Студенты ценят и уважают силу, а извинение воспринимается как проявление слабости». С вопросом анкеты «Считаете ли Вы, что и студент должен извиняться за какие-либо проступки: несоответствующее поведение на занятии (разговор по телефону, отправление sms, беседу и т. д.), не подготовку к занятию, грубую лексику, опоздание?» согласны 93 % респондентов, один считает необязательными извинения за неподготовку к занятию и опоздание. Отвечая на вопрос «Извиняются ли студенты за подобные проступки?», все преподаватели написали «Редко (даже и за опоздание)». С точки зрения преподавателей, многие из них не знают о том, что нужно не молчать, а извиниться за несоответствующее поведение на занятии, когда преподаватель делает замечание, а также за неподготовку к нему.

Таким образом, анкетирование преподавателей показало, что они допускают возможность каких-либо промахов, ошибок в своём поведении и речи (преподаватель не Бог), считают, что в таких случаях необходимо извиниться и называют причины, свидетельствующие об их высокой сознательности и ответственности за свои поступки, признают, что извинение способствует эффективности коммуникации и характеризует человека, умеющего им пользоваться, как воспитанного, вежливого, культурного, но стараются не допускать таких ситуаций, потому и прибегают к этому этикетному жанру редко (нечасто, иногда). В целом можно сказать, что педагоги высшей школы не считают извинение проблемной зоной общения со своей стороны, но не со стороны студентов.

Письменный опрос 60 студентов 1–4-х курсов, обучающихся по профилю «Русский язык и литература», показал, что половине из них тоже нелегко признавать допущенные ошибки и промахи, но просить прощения у

преподавателя и однокурсников легко могут 78 % студентов; большинство считают, что извинение перед преподавателем не может унизить их авторитет (93 %), что использование этого этикетного жанра с обеих сторон может положительно (68 %) повлиять на образовательный процесс (извинение делает преподавателя демократичным), хотя, по мнению двух студентов (3 %), извинения понижают авторитет, как преподавателей, так и студентов (некоторые преподаватели часто извиняются, стараясь угодить, что понижает их авторитет; преподаватель может почувствовать слабость). К ситуациям, в которых педагог должен извиниться перед студентом (студентами), они отнесли опоздания (56 %), резкие и обидные высказывания в отношении студента (75 %), вербальную агрессию (76 %), случайные речевые промахи (43 %), разговор по телефону во время занятия (2 %), неоправданное снижение оценки (2 %); лишь один студент ответил «Не мне судить». На вопрос «Всегда ли преподаватели в этих случаях извиняются перед студентами?» большинство ответили нет (62 %), не всегда (21 %).

И преподаватели, по их ответам, тоже извиняются иногда, редко, но считают, как мы видели, что делают это всегда, когда нужно, и стараются не допустить подобных ситуаций. Судя же по ответам студентов, картина другая: преподаватели допускают подобные ситуации и не извиняются, а студенты этого ждут (хотя и не все, а 38 %), зная правила речевого этикета (часто они этого просто не делают, хотя должны. Для меня, если бы они извинились, они не стали бы хуже, а наоборот, я стала бы их больше уважать). Тем не менее на вопрос «Хотите ли Вы, чтобы преподаватели извинялись чаще?» большинство ответили отрицательно (45 %), а 16 % – «Всё равно». Отвечая на вопрос «Когда студент должен извиняться перед преподавателем?», респонденты назвали опоздание на занятие (93 %), разговор с соседом (33 %) или по телефону (65 %), неподготовленность (60 %), употребление сниженной и жаргонной лексики (20 %), перебивание преподавателя (38 %), проявление неуважения к нему (16 %) и другое (завонивший телефон, пропуск занятий по неуважительным причинам, если преподаватель требует – единичные случаи). Делают это всегда 39 %, часто – 18 % опрошенных. Налицо несоответствие ответов студенческих и преподавательских анкет.

На вопрос «Согласны ли Вы, что преподавателю по статусу не положено извиняться?» почти все студенты (96 %) ответили отрицательно (такая же картина и у преподавателей), причём 41 % респондентов предполагают, что педагогам делать это *нелегко*.

Извинения в студенческой среде, например, если они перебивают говорящего, звучат, по мнению 43 % опрошенных, *очень редко* или вообще *не звучат* – 33 %. Кто-то этого не замечает (1 чел.), кто-то не обижается (1 чел.).

Не все студенты хорошо знают, в каких случаях необходимо извиняться и, следова-

тельно, не делают этого и не ждут этого от других.

Таким образом, анкетирование показало, что и студенты допускают возможность каких-либо промахов, ошибок как в своём поведении и речи, так и в поведении и речи преподавателей (*преподаватель не Бог*), и считают, что в таких случаях необходимо извиняться. Но с обеих сторон представления о том, как надо, не совпадают с реальной ситуацией, т. е. извинение в общении преподавателей и студентов – проблемная зона.

Источники и литература

1. Ипполитова Н. А., Князева О. Ю., Саввова М. Р. Русский язык и культура речи. М.: Проспект, 2005. 440 с.
2. **Словарь по этике** / под ред. А. А. Гусейнова и И. С. Кона. М., 1989. 447 с.
3. **Шестакова А., Хлебникова М. С.** Извинения в речи педагога: результаты опроса преподавателей и студентов // Современная коммуникативная практика: проблемы и перспективы исследования. 2009. С. 88–90.
4. **Шмелёва Т. В.** Модель речевого жанра // Жанры речи. 1997. С. 212.
5. **Шмелёва Т. В.** Речевой жанр. Возможности описания и исследования в преподавании языка // Культура речи: сборник статей и материалов. 1998. С. 80.
6. **Формановская Н. И.** Речевой этикет и культура общения. М.: Высш. шк., 1989. 160 с.

УДК 81

ББК Ш1(2Рос-4Чит)

Юлия Викторовна Биктимирова,
Марина Александровна Антонова,
Забайкальский государственный университет,
г. Чита, Россия

Кириллические надписи на камнях: проблемы расшифровки и изучения

Надписи на могильных камнях являются ценным материалом для историко-лингвистического исследования. Расшифровка и транслитерация надписей часто вызывают трудности как у историков, так и у лингвистов. Надписи, оставленные на материальных предметах казаками-первопроходцами и первопоселенцами, помогают понять многие факты истории заселения Забайкалья, а также являются источником знаний о языке XVII–XVIII вв.

Ключевые слова: эпитафии, надписи на материальных объектах, Восточное Забайкалье, кириллические надписи, старорусский язык

Yulia V. Biktimirova,
Marina A. Antonova,
Transbaikal State University,
Chita, Russia

The Cyrillic Inscriptions on the Stones: the Problems of Interpretation and Studying

Inscriptions on gravestones are valuable material for historical and linguistic research. Interpretation and a transliteration of inscriptions often causes difficulties both in historians, and in linguists. The inscriptions left on material subjects by Cossack pioneers and pervoposelenets help to understand many facts of history of settling of Transbaikalia, and also are a source of knowledge of the XVII – XVIII vv language.

Keywords: epitaphs, inscriptions on material objects, the East Transbaikalia, Cyrillic inscriptions, Old Russian language

Желание дать имя всему, что известно, запечатлеть своё слово было присуще человеку с незапамятных времён. Именно поэтому человечество получило в наследство от своих предков большое количество различных пиктограмм на шкурах, множество каменных, глиняных и деревянных табличек со знаками. Всё это хранит большие и малые истории, отражает жизнь, быт и нравы людей прошлого. С появлением письменности тексты, которые оставляли после себя люди, становилась всё подробнее и информативнее. По таким письменным памятникам можно не только узнать историю человечества, но и проследить развитие языка, его графики и орфографии.

Известно, что любой мировой язык формируется под влиянием различных факторов, таких как политическая обстановка, технический прогресс, религия, катаклизмы и мн. др. Письменные памятники XVII–XIX вв.



В сѣимѣ агѣѣангѣлъ
здѣсь покоятса отъ трудовъ
кости смиреннаго старца іеромонаха
ѢеоѢана отшедшаго отъ міра сего
17 января 1855 г.

Рис. 1

отражают важные процессы становления и развития русского литературного языка. Исследования региональных письменных памятников расширяют представление об этих процессах, т. к. язык носителей русского языка периферии подвергался изменениям медленнее, чем носителей русского языка центральной части России. Первопроходцы и первопоселенцы Забайкалья, удалённого на сотни вёрст от столицы, диктовавшей определённую «моду» на те или иные языковые новации, могли использовать архаичные и уже утраченные в европейской части страны языковые явления. Отдалённость Забайкалья и отсутствие постоянных контактов пришлого населения с центральными районами российского государства привели к столетней искусственной консервации приказного воеводства и приказного языка, что даёт теперь больше возможностей проследить изменение и формирование языка и его говоров в формате «замедленной съёмки».

Найти надписи можно на различных объектах целенаправленной человеческой деятельности: бытовых, архитектурных, графических и мн. др. В источниковедении принято с начала XX в. различать палеографию, которая занимается изучением древнего письма, сделанного, преимущественно, чернилами, а также эпиграфику, которая изучает надписи на твёрдых материалах (камне, металле, глине, кости, стекле). Если рукописные памятники Восточного Забайкалья как лингвистический источник вошли в научный оборот, а их палеографические особенности описаны учёными, то надписи на твёрдых материалах не изучались лингвистами. В этом плане ценным для историко-лингвистического исследования источником являются эпиграфии, транслитерация которых вызывает трудности. В Забайкалье один из таких источников можно обнаружить среди руин Иоанно-Предтеченского монастыря в Красном Чикое (см. рис. 1). Серое заросшее мхом надгробие датируется XIX в.

Буквы на камне выгравированы отдельно друг от друга и хорошо сохранились, что существенно упрощает чтение текста. На камне можно прочитать: «В сѣимѣ Агафангел. Здѣсь покоятса от трудов кости смиреннаго старца иеромонаха Феодана, отшедшего от мира сего 17 января 1855 г.».

Текст написан полууставом, имеется надстрочный знак – титло – над именем Агафангел. Титло историки языка образно называют «буквенным нимбом» и в исследуемой

надписи оно встречается только над именем монаха-праведника. В надписи отражается архаичная графика: используется титло, буквы, которые в графике этого периода не использовали или выходили из употребления – юс малый, и-десятиричное, ук. Содержится лексика церковнославянского языка, что объясняется, конечно же, характером захоронения – монастырский некрополь (*смиренаго, покоятся от трудов, иеромонах* и др.). Архаичные книжные формы прилагательных на –аго.

В начале XXI в. надпись на этом могильном камне была «поновлена» краеведами-любителями, что, возможно, искажает графический облик букв в левом нижнем углу.

Но если надпись на этом надгробии прочитать не слишком сложно, то текст на другом памятнике вызывает затруднение (см. рис. 2). Данное надгробие – с погоста старейшего за Байкалом Успенского мужского монастыря, расположенного в селении Монастырском (ныне село Калинино) Нерчинского района. Сегодня этот камень находится на территории Свято-Воскресенского кафедрального собора г. Нерчинск. Краеведами и археологами предпринимались неоднократные попытки расшифровать надписи на надгробии, но эти попытки так и не увенчались успехом.

Мы осуществили попытку расшифровки и транслитерации эпитафии.

Сложность для расшифровки и транслитерации представляет то, что текст написан с элементами вязи. То есть некоторые буквы объединены и меняют своё положение в зависимости от соседних. При этом использовано необычное начертание букв, напоминающее гражданицу, что для вязи не характерно, т. к. обычно использовали полуустав. Ориентация на гражданицу проявляется в отсутствии юсов, букв-дублетов и надстрочных знаков. Эти особенности позволяют сделать предположение, что автор надписей мог ориентироваться на норму деловых документов и в то же время это усложняет транслитерацию текста. Передать в электронном виде вязь практически невозможно. Для этого используются фотографии или оцифрованные слепки с камня. К сожалению, надпись на этом могильном камне была также «поновлена», что значительно искажает графический облик букв.

Как видно на примерах, могильные каменные плиты с выбитыми надписями, соз-

данные в разных районах Забайкальского края с разницей в столетие, значительно отличаются друг от друга. Наиболее интересным эпиграфическими и лингвистическим источником в данном случае является надгробие из Нерчинска, т. к. зафиксированный



Начертание – крест Голгофа в орнаменте

**В лето 1762 году
мца октября 3 числа
3 часѣ ноши преставис
равѣ Божен городу нерчинску
сприпись [ю] левеѣрѣ даниловѣ
сынѣ Оровцовѣ ўрождения
города еленского жизни
его 29 летѣ**

Рис. 2

на нём текст несёт более широкую информацию. Начертания букв при этом выполнены нетипично и переплетены в вязь. Возможно, это связано с тем, что на территории Нерчинска было развито делопроизводство, были широко распространены письменные документы не церковных жанров, в то время как памятник в Красном Чикое находится на территории исторически заселенного семейски-

ми старообрядцами, да и надпись, вероятнее всего, выполнена насельником монастыря, знакомого с книжной церковной традицией.

Таким образом, представленные источники могут служить материалом для историко-лингвистических исследований, они обладают лингвистической и историко-культурологической ценностью.

Источники и литература

1. **Биктимирова Ю. В.** Титло в региональных памятниках XVII–XVIII вв. // Вестник Новгородского государственного университета. Сер. Филология. 2007. № 43. С. 57–59.
2. **Биктимирова Ю. В.** Особенности палеографии и графики памятников делового письма Восточного Забайкалья XVII–XVIII вв. // Учёные записки Забайкальского государственного университета. Сер. Филология, история, востоковедение. 2015. № 2. С. 12–18.
3. **Городилова Л. М.** Деловая письменность Приенисейской Сибири в XVII в. и региональная историческая лексикография: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Хабаровск, 2004. 503 с.
4. **Игнатович Т. Ю., Биктимирова Ю. В.** Забайкалье устами первопроходцев и старожилов: науч.-попул. изд. Чита: ЗабГУ, 2016. 245 с.
5. **Котков С. И.** Источниковедческие исследования и научное издание памятников в области русского языка // Источники по истории русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1991. 200 с.
6. **Христосенко Г. А.** Палеографический альбом (учеб. сб. снимков с рукописей нерчинских документов делового письма конца XVII – перв. пол. XVIII вв.) / под ред. Н. А. Цомакион. Чита, 1973. 112 с.
7. **Христосенко Г. А.** Нерчинская деловая письменность XVII–XVIII вв.: учеб. пособие. Чита: ЧГПИ, 1994. 86 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Авдеев П. Б. – д-р техн. наук, профессор кафедры открытых горных пород, декан горного факультета ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

P. Avdeev – Doctor of Technical Sciences, Professor Chair of Open mining rocks, Dean of the Mining Faculty of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Антонова М. А. – студентка 3-го курса факультета филологии и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

M. Antonova – The third course student of the Faculty of Philology and mass communications of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Баранова О. Ю. – канд. филол. наук, доцент кафедры литературы, заместитель декана по учебной работе факультета филологии и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

O. Baranova – Candidate of Philology Sciences, Associate Professor Chair of literature, Deputy Dean of the Faculty of Philology and mass communication for Academic Affairs of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Баринов А. О. – канд. ист. наук, заместитель генерального директора по связям с общественностью АО «Региональное управление строительства», г. Чита, Россия.

A. Barinov – Candidate of Historical Sciences, Deputy General Director for public relations of “Regional construction management”, Chita, Russia.

Биктимирова Ю. В. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания факультета филологии и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

Yu. Biktimirova – Candidate of Philology Sciences, Associate Professor Chair of the Russian language and its teaching methods of the Faculty of Philology and mass communications of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Боронова М. М. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории Бурятии исторического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет», г. Улан-Удэ, Россия.

M. Boronova – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Professor Chair of History of Buryatia, Faculty of History, Buryat State University, Ulan-Ude, Russia.

Гордеев Н.В. – д-р ист. наук, профессор, заместитель главного редактора журнала «Российско-китайские исследования» ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», г. Иркутск, Россия.

N. Gordeev – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Deputy chief editor of “Russian-Chinese research” of the Baikal State University, Irkutsk, Russia.

Гордеева С. В. – канд. филол. наук, доцент Хэйхэйского университета, г. Хэйхэ, КНР.

S. Gordeeva – Candidate of Philology Sciences, Associate Professor at Heihe University, Heihe, China.

Головин Ю. А. – д-р полит. наук, профессор, заведующий кафедрой социально-политических теорий факультета социально-политических наук ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова», г. Ярославль, Россия.

Yu. Golovin – Doctor of Political Sciences, Full Professor, Head of the Chair of Social and Political Theories, P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia.

Григорьева Е. С. – магистрант 1-го года обучения исторического факультета ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

E. Grigorieva – Undergraduate 1 year students of the Faculty of History of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Григорьева Т. С. – магистрант 1-го года обучения исторического факультета ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

T. Grigorieva – Undergraduate 1 year students of the Faculty of History of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Дамдинболотов Ц. С. – магистрант 2-го года обучения исторического факультета ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

Ts. Dandinbolotov – Undergraduate 2 year students of the Faculty of History of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Дацышен В. Г. – д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», г. Красноярск, Россия.

V. Datsyshen – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Head of the Chair of General History of the Institute for the Humanities of Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.

Дашидоржиева Б. В. – канд. культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры, искусств и дизайна факультета культуры и искусств ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

B. Dashidorzhieva – Candidate of Culturology, Associate Professor of the Chair of theory and history of culture, arts and design of the Faculty of culture and arts of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Дроботушенко Е. В. – канд. ист. наук, доцент, декан исторического факультета ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

E. Drobotushenko – Candidate of Historical Sciences, Docent, Dean of the Faculty of History of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Дэцзидэма – Хэйлунцзянский институт иностранных языков, г. Харбин, КНР.

Dejidema – Heilongjiang Institute of Foreign Languages, Harbin, China.

Евтехов Р. А. – аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории исторического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет», г. Улан-Удэ, Россия.

R. Evtehov – Postgraduate student of the Chair of world and Russian history of historical faculty of Buryat state University, Ulan-Ude, Russia.

Жукова Н. Е. – канд. ист. наук, ведущий специалист Научной Библиотеки ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет», г. Улан-Удэ, Россия.

N. Zhukova – Candidate of Historical Sciences, Leading specialist of the Scientific Library of Buryat state University, Ulan-Ude, Russia.

Игнатович Т. Ю. – д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания факультета филологии и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

T. Ignatovich – Doctor of Philological Sciences, Docent, Professor Chair of Russian language and teaching methodology of the faculty of Philology and mass communications of the Transbaikal state University, Chita, Russia.

Калинин С. С. – аспирант ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», г. Кемерово, Россия.

S. Kalinin – Postgraduate of Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Кальмина Л. В. – д-р ист. наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия.

L. Kalmina – Doctor of Historical Sciences, Docent, Leading Researcher of Chair of History, Ethnology and Sociology of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia.

Камедина Л. В. – д-р культурологии, доцент, профессор кафедры литературы факультета филологии и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

L. Camelina – Doctor of Culturology, Associate Professor of the Chair of literature, faculty of Philology and mass communications of the Transbaikal State University, Chita, Russia.

Карчанова Л. М. – начальник отдела научно-исследовательской работы и использования документов ГКУ «Государственный архив Забайкальского края», г. Чита, Россия.

L. Karchanova – Head of the Department of Research Work and Use of Documents of the State Archive of Zabaykalsky Krai, Chita, Russia.

Ковычев Е. В. – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории исторического факультета ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

E. Kovychev – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor Chair of History, of the Faculty of History of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Константинов А. В. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории исторического факультета ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

A. Konstantinov – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Professor of Chair of History, of the Faculty of History of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Константинова Н. Н. – канд. ист. наук, заведующая отделом истории, учёный секретарь ГУК «Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова», г. Чита, Россия.

N. Konstantinova – Candidate of Historical Sciences, head of the Department of history, Scientific Secretary of the Transbaikal Regional Museum named after A. K. Kuznetsov, Chita, Russia.

Косицына И. К. – аспирант ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет», г. Благовещенск, Россия.

I. Kositsyna – Postgraduate of Amur State University, Blagoveshchensk, Russia.

Крадин Н. Н. – д-р ист. наук, чл.-корр. РАН, главный научный сотрудник, научный руководитель лаборатории Археологии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

N. Kradin – Doctor of Historical Sciences, corresponding member Russian Academic Society, principal scientist, scientific supervisor of the laboratory of Archaeology, Ethnology and anthropology Institute of history, archaeology and Ethnography of peoples of Far East, Far Eastern Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia.

Красовский А. В. – магистр филологии, старший преподаватель Хэйхэйского университета, г. Хэйхэ, КНР.

A. Krasovsky – Master of Philology, senior lecturer at Heihe University, Heihe, China.

Кузнецов В. В. – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории, проректор по воспитательной и социальной работе ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

V. Kuznetsov – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor Chair of History, Vice-Recto for Social and Educational Work of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Ланцова Ю. Н. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории, ведущий специалист по воспитательной работе исторического факультета ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

Yu. Lantsova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Chair of History, Leading Expert on Educational Work of the Faculty of History of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Ледкова Л. П. – главный архивист ГУК «Государственный архив Забайкальского края», г. Чита, Россия.

L. Ledkova – The chief archivist of State archive of the State Archive of Zabaykalsky Krai, Chita, Russia.

Логинов А. В. – д-р филол. наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы социально-педагогического института ФГБОУ ВО «Мичуринский государственный аграрный университет», г. Мичуринск, Россия.

A. Loginov – Doctor of Philology Sciences, Associate Professor, Associate Professor Chair of Russian language and literature social-pedagogical Institute of Michurinsk State agrarian University, Michurinsk, Russia.

Медведев В. В. – канд. техн. наук, доцент, заведующий кафедрой подземной разработки месторождений полезных ископаемых горного факультета ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

V. Medvedev – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Head of Chair of underground mining of mineral deposits Mining Faculty of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Мерзлякова И. С. – канд. культурологии, доцент, доцент кафедры социально-правовых дисциплин и кафедры теории государства и права юридического факультета ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

I. Merzlyakova – Candidate of Culturology, Docent, Associate Professor Chair of socio-legal Sciences and of the Chair of theory of state and law, Faculty of law of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Мясников А. В. – архивист первой категории ГУК «Государственный архив Забайкальского края», г. Чита, Россия.

A. Myasnikov – archivist of the first category of the State Archive of Zabaykalsky Krai, Chita, Russia.

Мясникова Г. В. – старший преподаватель кафедры истории, заместитель декана исторического факультета по научной работе ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

G. Myasnikova – Senior Lecturer, Chair of History, Deputy Dean of the Faculty of History for Scientific Work of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Никитина Л. Г. – канд. техн. наук, доцент, доцент кафедры обогащения полезных ископаемых и вторичного сырья, заместитель декана горного факультета по учебной работе ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

L. Nikitina – Candidate of Technical Sciences, Docent, Associate Professor of Chair of mineral processing and secondary raw materials, Deputy Dean of the Mining Faculty for Academic Affairs of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Новикова А. Ю. – ассистент кафедры литературы факультета филологии и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

A. Novikova – Assistant of the Chair of literature, Faculty of Philology and mass communications of the Transbaikal State University, Chita, Russia.

Оглезнева Е. А. – д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры русского языка как иностранного института социально-гуманитарных технологий ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», г. Томск, Россия.

E. Oglezneva – Doctor of Philology Sciences, Docent, Professor Chair of Russian as a foreign language, Institute of socio-humanitarian technologies of the National research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia.

Оленченко В. В. – канд. геол.-минерал. наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории геоэлектрики ФГБУН «Институт нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН», г. Новосибирск, Россия.

V. Olenchenko – Candidate of geological-mineralogical Sciences, Associate Professor, Senior researcher of laboratory for geoelectrics at Institute of petroleum Geology and Geophysics, Russian Academic Society, Novosibirsk, Russia.

Палхаева Е. Н. – д-р ист. наук, доцент, заведующая кафедрой всеобщей и отечественной истории исторического факультета ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет», г. Улан-Удэ, Россия.

E. Palshaeva – Doctor of Historical Sciences, Docent, Head of the Chair of world and Russian history of historical faculty of Buryat State University, Ulan-Ude, Russia.

Паршуков В. А. – главный инженер МБУ «Управление инженерной защиты», г. Ульяновск, Россия.

V. Parshukov – Chief engineer MBU “Management of engineering protection”, Ulyanovsk, Russia.

Петухов С. В. – канд. филол. наук, доцент, старший преподаватель кафедры филологического образования, методист Центра научно-методического сопровождения инновационной деятельности ГАОУ ДПО «Ленинградский областной институт развития образования», г. Санкт-Петербург, Россия.

S. Petukhov – Candidate of Philology Sciences, Docent, Senior lecturer of the Chair of philological education, Methodist of the Center of scientific and methodological support of innovation activities of the Leningrad regional Institute of education development, St. Petersburg, Russia.

Плеханова А. М. – д-р ист. наук, доцент, заместитель директора по научной работе отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия.

A. Plekhanova – Doctor of Historical Sciences, Docent, Deputy Director for Scientific Work of the Department of History, Ethnology and Sociology of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia.

Пляскина Е. И. – канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания факультета филологии и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

E. Plyaskina – Candidate of Philological Sciences, Docent, Associate Professor Chair of Russian language and teaching methodology of the Faculty of Philology and mass communications of the Transbaikalsk State University, Chita, Russia.

Пряженникова М. В. – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры истории, заместитель декана исторического факультета по учебной работе ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

M. Pryanennikova – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor Chair of History, Deputy Dean of the Faculty of History for Academic Affairs of Transbaikalsk State University, Chita, Russia.

Пузанов В. Д. – д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры истории и права гуманитарного факультета ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет», г. Шадринск, Россия.

V. Puzanov – Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor Chair of history and law faculty of Humanities, Shadrinsk State pedagogical University, Shadrinsk, Russia.

Пустовалов О. В. – магистр, старший преподаватель Хэйхэйского университета, г. Хэйхэ, КНР.

O. Pustovalov – Master, Senior lecturer at Heihe University, Heihe, China.

Романов И. А. – канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры литературы, декан факультета филологии и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

I. Romanov – Candidate of Philology Sciences, Docent, Associate Professor Chair of literature, Dean of the Faculty of Philology and mass communications of Transbaikalsk State University, Chita, Russia.

Сергеева В. А. – канд. пед. наук, доцент, заведующая кафедрой литературы факультета филологии и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

V. Sergeeva – Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Head of the Chair of literature of faculty of Philology and mass communications of Transbaikalsk State University, Chita, Russia.

Соловьев А. В. – Байкальское региональное отделение Академии военных наук, краевед, историк органов госбезопасности, полковник в отставке, г. Чита, Россия.

A. Soloviev – The Baikal regional office of Academy of military Sciences, a local historian, the historian of the state security, retired Colonel, Chita, Russia.

Тимиргазиева А. И. – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории Института исторического и правового образования ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», г. Уфа, Россия.

A. Timirgazieva – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor Chair of Domestic History of the Institute of Historical and Law Education of M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia.

Тимофеев А. Н. – помощник Генерального директора ООО «Новые продукты высоких технологий», г. Ульяновск, Россия.

A. Timofeev – Assistant to the General Director of New products of high technologies, Ulyanovsk, Russia.

Ушницкий В. В. – канд. ист. наук, научный сотрудник сектора этнографии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов севера СО РАН, г. Якутск, Россия.

V. Ushnitsky – Candidate of Historical Sciences, Research Fellow of the Ethnography of the North-Eastern Russia's Peoples Department of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia.

Филонич А. И. – депутат Законодательного Собрания Забайкальского края, г. Чита, Россия.

A. Filonich – Deputy of Legislative Assembly of Zabaykalsky Krai, Chita, Russia.

Филимонов А. В. – старший преподаватель кафедры менеджмента факультета экономики и управления ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

A. Filimonov – Senior Lecturer, Chair of management, Finance and Credit of the Faculty of Economics and Management of Transbaikalsk State University, Chita, Russia.

Харинский А. В. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории и философии Иркутского национального исследовательского технического университета, г. Иркутск, Россия.

A. Kharinskii – Doctor of Historical Sciences, Full Professor, Professor of Chair of History and philosophy, National research Irkutsk State technical University, Irkutsk, Russia.

Цыбенков Б. Д. – канд. ист. наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия.

B. Tsybenov – Candidate of Historical Sciences, Docent, Senior Researcher, Chair of History and Culture of Central Asia of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia.

Чапыгин И. В. – канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры мировой истории и международных отношений исторического факультета ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», г. Иркутск, Россия.

I. Chapygin – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor Chair of World History and International Relations of the Faculty of History of Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.

Шейн А. Н. – канд. физ.-мат. наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории геоэлектрики ФГБОУН «Институт нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН», г. Новосибирск, Россия.

A. Shein – Candidate of physico-mathematical Sciences, Docent, Senior researcher of laboratory for geoelectrics Institute of petroleum Geology and Geophysics, Russian Academic Society, Novosibirsk, Russia.

Шемелин А. В. – канд. юрид. наук, д-р полит. наук, профессор, заведующий кафедрой социально-правовых дисциплин юридического факультета ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

A. Shemelin – Candidate of Juridical Sciences, Doctor of Political Sciences, Full Professor, Head of the Chair of Social and Legal Disciplines of the Faculty of Law of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Шмелёва Н. М. – студентка 4-го курса факультета филологии и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

N. Shmeleva – The fourth course student of the Faculty of Philology and mass communications of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Шульга А. А. – старший преподаватель Сибирского института управления РАНХиГС, г. Новосибирск, Россия.

Шульга А. А. – Senior Lecturer at Siberian Institute of management RANEPa, Novosibirsk, Russia

Шульга Д. П. – старший преподаватель кафедры мировой экономики, международных отношений и права факультета государственного сектора ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления», г. Новосибирск, Россия.

D. Shulga – Senior Lecturer of Chair of world economy, international relations and law faculty of the state sector of the Novosibirsk State University of Economics and management, Novosibirsk, Russia.

Шульженко В. И. – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры языкознания, русской филологии, литературного и журналистского мастерства ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», г. Пятигорск, Россия.

V. Shulzhenko – Doctor of Philology Sciences, Full Professor, Professor of Chair of linguistics, Russian Philology, literary and journalistic skill of the Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Энхбадрах Санждорж – научный сотрудник Института языка и литературы Монгольской Академии Наук (ИЯЛ МАН), г. Улан-Батор, Монголия.

Enkhbadrakh Sanzhdorz – Researcher, Institute of Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences, Ulan Bator, Mongolia.

Яремчук О. А. – канд. ист. наук, доцент, заведующая кафедрой истории исторического факультета ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», г. Чита, Россия.

O. Yaremchuk – Candidate of Historical Sciences, Docent, Head of the Chair of History of the Faculty of History of Transbaikal State University, Chita, Russia.

Научное издание

**ПРИГРАНИЧНЫЙ РЕГИОН В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ:
ПАРТНЁРСТВО И СОТРУДНИЧЕСТВО**

Часть 2

**HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE BORDER REGION:
PARTNERSHIP AND COOPERATION**

Part 2

Редактор Е. В. Голованова
Вёрстка М. Р. Коптеловой

Подписано в печать 14.08.2017.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Способ печати цифровой.
Усл. печ. л. 28. Уч.-изд. л. 23,3. Заказ № 17165.
Тираж 300 экз.

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30